Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 1(58)
Январь – март
2021

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Татьяна Алексеевна

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (заместитель главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Епифанов С. С., доктор юридических наук, доцент (г. Рязань)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Дубин О.Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2021

Адрес редакции и издателя:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 90961 в объединенном каталоге «Пресса России»

Электронная версия номера журнала размещена на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-25060, выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 9.
Дата выхода в свет 29.03.2021.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 1(58)
January – March
2021

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk Tat'yana A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogatyrev V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Epifanov S. S., Doctor of Law, Associate Professor (Ryazan)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavtsev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhailova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharsky D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Dubin O.B. (Executive Secretary)

Editorial office and publisher address:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed
by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies
and Communications
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 9. Free price.
Date of publication
29.03.2021.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

© VLI of the FPS of Russia, 2021

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Назаров С. В. 8
Тюремная реформа: основные направления

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Апкаев Д. М., Алейникова А. В. 14
Понятие аффекта в уголовном праве России

Головкин Р. Б., Голубева К. С. 19
Пандемия как криминологический фактор преступности несовершеннолетних

Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А. 24
Уголовная ответственность за незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым: проблемы и перспективы

Еськова Л. К. 28
Согласие потерпевшего на причинение вреда в уголовном праве: теоретико-правовое исследование

Иванов П. И. 33
Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, сущность и содержание)

Карабанов Р. М. 41
Правовое регулирование и особенности применения электрошоковых специальных средств в уголовно-исполнительной системе

Касьянова Е. В. 48
Проблемы привлечения понятых при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей)

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В. 52
Сущность и особенности оперативно-розыскного сопровождения выявления и предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях должностных лиц органов местного самоуправления

Курысев К. Н., Гофман А. А. 56
Противодействие беспилотным летательным аппаратам в условиях уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути их решения

Кивленок Т. В., Лазарева К. А. 62
Смарт-контракт – новый институт обязательственного права

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Nazarov S. V.
Prison reform: the main directions

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Apkaev D. M., Aleinikova A. V.
The concept of affect in the criminal law of Russia

Golovkin R. B., Golubeva K. S.
Pandemic us criminological factor of juvenile delinquency

Gorshkova N. A., Zezyulina T. A.
Criminal liability for illegal transfer of communication means to convicted, suspected and accused: problems and prospects

E'skova L. K.
Victim's consent to causing harm in criminal law: theoretical and legal research

Ivanov P. I.
Organization of Prosecutor's supervision of police intelligence (concept, essence and content)

Karabanov R. M.
The legal regulation and features of the use of special electroshock means in the penal system

Kas'yanova E. V.
Problems of attracting attesting witnesses when conducting identification with the participation of minor victims (witnesses)

Kudryavtsev A. V., Zuikova N. V.
The essence and features of the operational-search support for the identification and preliminary investigation of cases of corruption crimes of officials of local self-government bodies

Kury'sev K. N., Gofman A. A.
Countering unmanned aerial vehicles in the conditions of the penal system: problems and ways to solve them

Kivlenok T. V., Lazareva K. A.
Smart contract – the new institute of local law

Климова Ю. Н., Лазарева К. А. 66 **Klimova Yu. N., Lazareva K. A.**
Криптовалюта как предмет преступного посягательства в преступлениях против собственности / *Crypto-currency as a subject of criminal protection in crimes against property*
Михайлов А. Е., Ашин А. А. 74 **Mikhailov A. E., Ashin A. A.**
Криминологическая характеристика личности насильственного преступника: современные показатели / *Criminological characteristics of the personality of a violent criminal: current indicators*
Наумов А. М. 80 **Naumov A. M.**
Согласие государственного обвинителя на рассмотрение уголовных дел в суде в особом порядке: изменения в подходе / *Changes in the approach of the public Prosecutor to the issue of giving consent to the consideration of criminal cases in court in a special order*
Нуждин А. А. 87 **Nuzhdin A. A.**
Деятельность дознавателя, следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов из исправительных учреждений / *Activities of an inquiry officer, investigator to eliminate the circumstances that contributed to the escape from correctional institutions*
Полуянова Е. В., Ковалёв С. Д. 92 **Poluyanova E. V., Kovalev S. D.**
Предоставление государственных услуг в Российской Федерации в электронной форме: нормативное регулирование и основные принципы функционирования государственных информационных систем / *Provision of public services in the Russian Federation in electronic form: regulatory regulation and basic principles of functioning of state information systems*
Семенова О. Н., Ушаков С. Н. 98 **Semenova O. N., Ushakov S. N.**
Проблемы реализации конституционного права на медицинскую помощь в условиях пандемии коронавируса (правозащитный аспект) / *International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system*
Тараканов И. А., Сигачева А. К. 104 **Tarakanov I. A., Sigacheva A. K.**
Необходимая оборона: особенности оценки правомерности оборонительных действий от посягательства, сопряженного с нанесением побоев / *Self-defense: features of the evaluation of the appropriateness of defensive actions from the attacks, coupled with the beating*
Ткачук Т. А., Стариков А. П., Михайлов А. Е. 109 **Tkachuk T. A., Starikov A. P., Mikhailov A. E.**
Профилактика противоправного посткриминального поведения с негативными изменениями психической деятельности: оценка российского и германского опыта / *Prevention of illegal post-criminal behavior with negative changes in mental activity: assessment of the Russian and German experience*
Шаховкин А. В. 114 **Shakhovkin A. V.**
Вопрос преференций в контрактной системе / *The issue of preferences in the contract system*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / *THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW*

Беляев В. П., Беляева Г. С. 120 **Belyaev V. P., Belyaeva G. S.**
Процессуально-правовой режим: к вопросу о понятии и признаках / *Procedural legal regime: to the question of the concept and features*
Бидова Б. Б. 125 **Bidova B. B.**
Функции правового обеспечения национальных интересов / *The functions of the legal protection of national interests*
Головкин Р. Б. 129 **Golovkin R. B.**
Цифровая форма правоотношений / *Digital form of legal relations*
Епифанов А. Е. 135 **Epifanov A. E.**
Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в 1880–1905 гг. / *The organization and activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire from 1880 to 1905*

Ерин Д. А., Безносов И. А.
Войска ОГПУ–НКВД СССР на территории ряда районов Ивановской промышленной, Горьковской и Московской областей в период с 1929 по 1941 г.: организация и правовое регулирование деятельности 142

Карцевская О. А.
Соотношение единоличного и коллегиального принципов при осуществлении правосудия в истории России 150

Косых А. А.
Право искусственного интеллекта в системе права: отрасль права или правовой институт? 159

Мамчун В. В.
Некоторые аспекты содержания понятия технико-юридического средства 165

Петрова И. Л., Кулакова О. С.
Трансформация юридического языка в свете цифровизации права 175

Петров А. В.
Правовые основы становления института судебных приставов по реформе 1864 г. 180

Симонова М. А., Турко Т. Н.
Проблема правового регулирования однополых отношений и легализации однополых браков в России и мире 187

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Новиков С. С., Новиков Д. С.
Сетевые и сетецентрические войны: понятие и перспективы (политико-правовой аспект) 194

Erin D. A., Beznosov I. A.
The troops of the OGPU–NKVD of the USSR on the territory of some districts of the Ivanovo industrial, Gorky and Moscow regions in the period 1929–1941: organization and legal regulation of activities 142

Kartsevskaya O. A.
Correlation of individual and collective principles in the administration of justice in the history of Russia 150

Kosy'kh A. A.
The artificial intelligence law in law system: branch of law or law institution? 159

Mamchun V. V.
Some aspects of the content of the concept of technical and legal means 165

Petrova I. L., Kulakova O. S.
Legal language transformation in the light of digitalization of law 175

Petrov A. V.
Legal basis for the formation of the institution of bailiffs on judicial reform of 1864 180

Simonova M. A., Turko T. A.
The problem of legal regulation of same-sex relationships and the legalization of gay marriage in Russia and the world 187

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

Novikov S. S., Novikov D. S.
Network and network-centric wars: concept and prospects (political and legal aspect) 194

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.81

С. В. Назаров[1]
[1]*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

S. V. Nazarov[1]
[1]*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation*

Тюремная реформа: основные направления

Prison reform: the main directions

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; тюрьма; исправительное учреждение; политика.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы. Автор анализирует основные направления реформирования, необходимые преобразования, основанные на соблюдении прав, свобод и законных интересов осужденных; исследует комплекс проблем по разработке и осуществлению единой линии мероприятий, направленных на позитивное изменение уголовно-исполнительной системы. Основным подходом к концептуальному развитию уголовно-исполнительной системы России должно стать определение наиболее приемлемой модели пенитенциарной системы государства.

Key words: penal system; prison; correctional institution; politics.

Abstract. The article deals with the issues of penal enforcement policy. The author analyzes the main directions in the execution of criminal penalties, approaches based on the observance of the rights, freedoms and legitimate interests of convicts. The complex of problems on the development and implementation of a single line of reform of the penal system is investigated. The main approach to the conceptual development of the Russian penal system should be, first of all, to determine the most acceptable model of the state's penitentiary system and, second, to gradually implement international standards for the treatment of convicts.

В последние годы в России не прекращаются попытки реформирования уголовно-исполнительной системы: меры карательно-исправительного характера пытаются заменить на социально-педагогические и воспитательные, помещения, которые несли в себе карательный потенциал, пытаются перепланировать в сооружения с социально-адаптационным наполнением. К организации исполнения уголовных наказаний формируются новые подходы, основанные на соблюдении прав, свобод и законных интересов осужденных, которые должны отвечать требованиям и стандартам международных норм и правил обращения с ними. В конечном счете все усилия должны привести к послаблениям в режиме отбывания наказаний, к гуманному отношению администрации исправительных учреждений к осужденным. Внутри исправительных учреждений (насколько это возможно) проектируются варианты организационных структур и материально-технического оснащения, ориентированные на поддержание общественных отношений, учитывающие естественные права и свободы осужденных.

Однако уголовно-исполнительная система, являясь наиболее консервативной правоохранительной сферой государственной деятельности, с трудом поддается изменениям в условиях нестабильной социально-экономической ситуации в государстве, в связи с чем далеко не все осуществляемые преобразования приводят к качественным изменениям и позитивным результатам в сфере исполнения наказаний.

Из всего многообразия предлагаемых определений «реформирование пенитенциарной системы», «развитие уголовно-исполнительной системы», «реформирование исправительных учреждений» в контексте настоящего исследования, с учетом рассматриваемых направлений и выводов, обозначенных в тексте, предлагается к рассмотрению словосочетание «тюремная реформа». Данный выбор обусловлен следующим обстоятельством. Согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, следственные изоляторы, выполняющие функции исправительных учреждений в отношении различных категорий осужденных. Несмотря на такое количество видов исправительных учреждений, на наш взгляд, лишь тюрьмы способны взять на себя исторически обусловленную роль «лидера», заняв место в центре системы исполнения наказаний, являясь наиболее приспособленными к изоляции лица, совершившего преступление, от общества и к проведению с ним профилактической работы. Наша точка зрения не основывается на идеологии, заложенной в первоначальной редакции Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в связи с тем,

© Назаров С. В., 2021

что в ней отсутствует четкая структура пенитенциарных учреждений с выделением центрального места, занимаемого тюрьмой как видом учреждения, исполняющего уголовные наказания.

За долгие годы существования тюрьмы человечество так и не смогло заменить ее другим видом учреждения, способным создать максимально строгие условия для содержания лица, посвятившего себя профессиональной деятельности, направленной на добывание средств к существованию исключительно за счет преступлений. Именно поэтому тюрьма и сегодня остается одним из самых эффективных средств защиты общества от лиц, не желающих подчиняться его законам.

Нам представляется, что существование тюрем обусловлено тремя основными составляющими: во-первых, изоляцией представляющих опасность преступников от общества; во-вторых, исполнением уголовных наказаний, назначенных по приговору суда; в-третьих, исправлением осужденного, в том числе изменением образа жизни и подготовкой к возвращению в общество (ресоциализация).

Тюрьма как аппарат государственного принуждения сформировался достаточно давно, задолго до формального закрепления в законодательных актах в качестве одного из институтов исполнения наказаний. Все ранее выработанные обществом виды и формы наказания появлялись, видоизменялись и исчезали под действием различных процессов, в нем происходящих, но заключение в тюрьму оставалось неизменным.

Свобода в обществе является достоянием всех и каждого индивида в отдельности. Люди рождаются разными по общественному положению, уровню жизни, но их объединяет и уравнивает лишь возможность свободного выбора между правопослушным и противоправным поведением. Основываясь на этом, очевидность тюрьмы проявляется в форме простого лишения свободы, которое является преимущественным средством наказания лица, преступившего предписанные для обязательного выполнения требования.

Сегодня целесообразность существования тюрем остается весьма дискуссионной темой, по которой высказываются диаметрально противоположные мнения. Так, одни авторы считают, что система тюрем необходима, необходимо и ее расширение. Например, В. А. Фефелов предлагает свести количество исправительных колоний к минимуму, а вместо них создавать систему новых тюрем, поскольку тюрьма, по его мнению, должна стать главным видом исправительных учреждений. Этот переход от исправительных колоний к тюрьмам должен быть поэтапным [Фефелов 1991]. Другие исследователи, например М. С. Рыбак, делают вывод о том, что в тюрьмах и иных исправительных учреждениях влияние неформальной субкультуры и так называемых лидеров отрицательной направленности распространено в неменьшей степени, чем в исправительных колониях, поскольку их продуцирует среда правонарушителей, изолированных от позитивных социальных связей. Именно поэтому предложение о «переоборудовании колоний в тюрьмы» данный автор считает несвоевременным [Рыбак 2004]. По мнению В. М. Анисимкова, для определенной части осужденных тюрьма не страшна, а значительная часть даже предпочитает этот вид режима, так как в тюрьме она свободна от некоторых режимных требований, как то обязательное ежедневное построение [Анисимков 2008].

Можно согласиться с теми авторами, которые считают, что тюрьма бесполезна по отношению к закоренелым преступникам, не оказывает на них должного воздействия. Сегодня в нашей среде существует организованное общество преступников, живущих по своим законам и выработанным антисоциальными нормам поведения. Именно в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, происходит их сплочение, выработка совместных действий, дезорганизирующих всю пенитенциарную систему. Однако до сих пор тюрьма продолжает оставаться тем средством, с помощью которого общество пытается сдерживать преступность и без которого, видимо, невозможно обойтись.

Это объясняется тем, что при наличии определенных недостатков тюрьма обладает рядом достоинств, способных уравновесить негативные черты, присущие лишению свободы, среди которых можно выделить:

– значительную гибкость и вариативность не только по срокам отбывания наказания, но и по объему разнообразных лишений и мер, которые могут быть с ним связаны;

– концентрированное воздействие на осужденных различных мер исправительного и воспитательного характера;

– высокий уровень восстановимости социальной справедливости, качество, которым лишение свободы обладает более всех иных видов наказания, и т. д.

В свою очередь, осуществление уголовного наказания в исправительных учреждениях не выгодно и государству, так как материальные затраты и людские ресурсы, затраченные в ходе его применения, существенно ухудшают экономическое благополучие страны. Поиск баланса между экономической целесообразностью исполнения наказаний и внутренней безопасностью государства на протяжении всей истории тюрьмы не прекращается.

Политика в сфере исполнения наказаний во многом зависит от нравственного состояния об-

щества, от уровня его правового сознания. Государство может провозглашать, законодательно закреплять высокие моральные и правовые принципы, но они не всегда адекватно воспринимаются и усваиваются всеми слоями общества.

В юридической литературе отмечается, что как бы не именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, – уголовной политикой или политикой борьбы с преступностью, – речь идет о важнейшей части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики [Миньковский 1982, с. 66], что, на наш взгляд, представляется справедливым.

В свое время принятию Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предшествовало упрощенное и идеализированное представление о европейских традициях и опыте исполнения уголовных наказаний. Однако после пяти лет существования Концепции происходит отказ от стремления повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и осуществляется переход к весьма абстрактному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. Однако в любом случае международное и европейское право в своем единстве отражают ценность естественно-правового содержания права [Тепляшин 2020, с. 131].

Уголовно-исполнительная система под воздействием правовых реформ, происходящих в обществе, неуклонно должна прийти к ограничению в применении наказания, связанного с лишением свободы. В учреждениях тюремного типа, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, должны отбывать наказание лишь: во-первых, преступники с явной общественной опасностью личности, выраженной в факте антиобщественного поведения, для защиты от которого общество вынуждено подвергнуть виновного наказанию в виде лишения свободы; во-вторых, при совершении лицом тяжкого преступления, в результате чего был причинен невосстановимый вред основным охраняемым законом ценностям; в-третьих, в случае замены более легкого наказания тюремным заключением в связи с невыполнением или нарушением правил и требований отбывания первого.

Наряду с ограничением в применении наказания, связанного с лишением свободы, для более эффективного его исполнения необходимо проводить работу по следующим направлениям.

Ведущим направлением развития уголовно-исполнительной системы является приведение ее в соответствие с международно-правовыми стандартами и правилами обращения с заключенными. Однако слепое копирование зарубежного опыта, стандартов, присущих государствам с высокоразвитой экономикой, политической и правовой культурой, чревато многими ошибками.

Экономическое состояние общества оказывает непосредственное влияние на уголовно-исполнительную политику и, в частности, на финансирование проектов, связанных с внедрением международных стандартов обращения с осужденными. Например, благополучное в экономическом отношении западное государство, стабильное в плане законодательства и его соблюдения, естественно, может ставить перед собой более высокие цели, делать стратегию фундаментальной, а основные формы и методы ее реализации – не зависящими от политических факторов и конъюнктуры. В условиях же экономического кризиса и сокращения налогооблагаемых доходов, обнищания населения стратегия уголовно-исполнительной политики находится в большей зависимости от экономического состояния общества, нежели от ее целей и принципов. Из чего можно сделать неутешительный вывод: без учета реального состояния экономики, в условиях дефицита бюджетных источников финансирования, включение Российской Федерации в международное правовое поле и приведение уголовно-исполнительных норм в соответствие с международными стандартами обращения с заключенными представляются либо не выполнимыми, либо простой декларацией намерений. В связи с этим перед внедрением новых проектов необходимо просчитать их целесообразность, создать ресурсные предпосылки и организационно-кадровые условия для их осуществления.

Другим направлением следует признать полный отказ от преобладания в деятельности исправительных учреждений хозяйственно-производственных задач над усилиями по достижению целей наказания. Неясность и противоречивость мер достижения этих целей оказывают деструктивное влияние на формирование и реализацию политики в сфере исполнения наказаний.

Согласно нормативным правовым актам[1] «обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства».

[1] Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2016 г. № 2808-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 апр. 2018 г. № 420. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Подобные заявления противоречат естественным правам, свободам и законным интересам осужденного. В свою очередь, отсутствует как таковая производственная деятельность в исправительных учреждениях в России, что не способствует разрешению важнейших концептуальных вопросов трудовой занятости осужденных и индивидуализации труда как средства исправления. Труд в исправительных учреждениях должен, на наш взгляд, представлять собой возможность и условие, в частности, досрочного освобождения конкретного осужденного либо сокращение срока отбывания наказания.

Следующим направлением является замена части действующих исправительных колоний либо полностью устаревших пенитенциарных органов и учреждений новыми тюремными зданиями и сооружениями, отвечающими требованиям международных стандартов и правил, с учетом национальных традиций и специфики. Прежде всего тюрьмы, их устройство и условия отбывания наказания должны ликвидировать пагубные последствия от совместного заключения и нахождения сотен осужденных. Они должны пресекать заговоры и бунты, препятствовать сближению возможных будущих соисполнителей и сообщников, предупреждать аморальные поступки, другими словами, в тюрьме не должно быть сплоченной многочисленной массы преступников, построенной по принципу исправительных колоний.

Раздельное тюремное заключение осужденных, содержание их в камерах по 2–4 чел. гарантируют возможность максимально эффективного воздействия на них всех средств исправления. Обеспечение безопасности как осужденных, так и представителей администрации, лиц, находящихся на территории тюрьмы, должно контролироваться и поддерживаться всем институтом лишения свободы в условиях тюремного содержания.

Согласно правилу 3 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными пенитенциарный режим не должен «усугублять страдания» лиц, изолированных от окружающего мира[1].

В уголовно-исполнительном законодательстве существует ряд норм, регламентирующих раздельное содержание осужденных в зависимости от тяжести совершенного ими преступления. В частности, в п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ закреплено, что в колониях-поселениях отбывают наказание в виде лишения свободы лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести. Однако сложно говорить об учете тяжести совершенного преступления уже в процессе отбывания наказания при решении вопросов раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях, кроме тюрем. Именно в тюрьме благодаря распределению осужденных по отдельным помещениям возможно создать условия с учетом такого средства исправления, как режим, что и закреплено в правовой конструкции ст. 82 УИК РФ.

Одним из самых сложных направлений тюремной реформы является ресоциализация осужденных, которая осуществляется с целью восстановления у лиц, отбывающих уголовные наказания, нормальных социальных, семейных и иных отношений и возвращения индивида в общество полноценным членом.

Основным фактором, оказывающим негативное влияние на процесс ресоциализации осужденных и снижающим его эффективность, является устройство тюремного пространства. Как правило, в тюрьмах камеры, в которых находятся осужденные, располагаются в других корпусах либо на других этажах, нежели те помещения, где с ними проводятся мероприятия по ресоциализации, т. е. учебные классы, помещения психологической разгрузки, комнаты, предназначенные для культурно-массовой работы. В жилых камерах и корпусах из тюремных служащих присутствуют, как правило, только аттестованные сотрудники, выполняющие функции безопасности, надзора, оперативного сопровождения, а управленческий, социальный персонал работает в отдельных специально отведенных местах. В качестве альтернативы существующему устройству тюремного пространства предлагается создание условий с таким расчетом, чтобы жилые, учебные, культурные, спортивные и т. п. зоны были объединены общим корпусом, блоком или этажом. В том числе в качестве иного обустройства необходимого пространства с целью подготовки к жизни после отбытия уголовного наказания следует назвать создание реабилитационных центров за пределами охраняемой территории исправительного учреждения под надзором администрации. Более тесное взаимодействие сотрудников безопасности с сотрудниками других подразделений будет являться также положительным фактором. Существующие в настоящее время условия затрудняют эффективную организацию процесса ресоциализации в соответствии с международными стандартами.

Еще одним важным направлением поступательного развития тюремной системы является способность персонала исправительных учреждений профессионально и качественно выполнять работу, возложенную на них государством. Важно не только подготовить грамотных сотрудников для работы в уголовно-исполнительной системе, обучив их спе-

[1] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : [приняты Резолюцией Генер. Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г.]. URL: https://base.garant.ru/1305346/ (дата обращения: 09.02.2021).

циальным дисциплинам, но и обеспечить им государственную гарантию высокой заработной платы, защиту их семей от противоправных посягательств, создать условия, при которых плохое исполнение служебных инструкций будет экономически невыгодно. Следует всесторонне поощрять заинтересованность тюремного персонала повышать свою профессиональную квалификацию [Назаров 2018, с. 7].

Основным подходом к концептуальному развитию уголовно-исполнительной системы России должно являться, во-первых, определение наиболее приемлемой модели пенитенциарной системы государства, во главе которой будут находиться тюрьмы (различных видов) и исправительные учреждения полуоткрытого типа, во-вторых, с учетом социально-экономического состояния, культурно-ментального характера населения постепенное (поэтапное), с предварительной научной проработкой, внедрение и реализация международных стандартов обращения с осужденными.

Список цитируемых источников

Анисимков, Селиверстов 2008 – Уголовно-исполнительное право / под ред. В. М. Анисимкова, В. И. Селиверстова. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 413 с.

Миньковский 1982 – *Миньковский Г. М.* О понятии уголовной политики и некоторых проблемах ее информационного обеспечения // Проблемы социологии уголовного права. М. : Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1982. С. 66–83.

Назаров 2018 – *Назаров С. В.* К вопросу о проблемах ведомственного образования // Профессиональное образование и наука. 2018. № 1(2). С. 3–9.

Рыбак 2004 – *Рыбак М. С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов : СГАП, 2004. 478 с.

Тепляшин 2020 – *Тепляшин П. В.* Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 1. С. 129–139.

Фефелов 1991 – *Фефелов В. А.* Исправительно-трудовая колония или тюрьма? // Проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань : РВШ МВД России, 1991. С. 61–72.

References

Anisimkov, V. M. and Seliverstov, V. I. (ed.) (2008), *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal enforcement law], Feniks, Rostov-on-Don, Russia.

Fefelov, V. A. (1991), "Correctional labor colony or prison?", *Problemy' ispolneniya ugolovny'kh nakazanii* [Problems of execution of criminal penalties], RVSh MVD Rossii, Ryazan, Russia, pp. 61–72.

Min'kovsky, G. M. (1982), "On the concept of criminal policy and some problems of its information support", *Problemy' sotsiologii ugolovnogo prava* [Problems of the sociology of criminal law], Vsesoyuzny'i institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, Moscow, Russia, pp. 66–83.

Nazarov, S. V. (2018), "On the problems of departmental education", *Professional'noe obrazovanie i nauka,* no. 1(2), pp. 3–9.

Ry'bak, M. S. (2004), *Resotsializatsiya osuzhdenny'kh k lisheniyu svobody': problemy' teorii i praktiki* [Resocialization of persons sentenced to imprisonment: problems of theory and practice], SGAP, Saratov, Russia.

Teplyashin, P. V. (2020), "The Concept of the development of the Russian penal system in the light of the interpreted principles of European penitentiary practice", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo,* vol. 11, no. 1, pp. 129–139.

Информация об авторе

Назаров Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nazarov.033@mail.ru

Information about the author

Nazarov Sergei V.,
PhD (law), associate professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation; nazarov.033@mail.ru

Для цитирования

Назаров С. В. Тюремная реформа: основные направления // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 8–12.

For citation

Nazarov, S. V. (2021), "Prison reform: the main directions", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 8–12.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.225.5

Д. М. Апкаев[1]
А. В. Алейникова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
D. M. Apkaev[1]
A. V. Aleinikova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Понятие аффекта в уголовном праве России

The concept of affect in the criminal law of Russia

Ключевые слова: аффект; душевное волнение; эмоциональное состояние; уголовная ответственность.

Key words: affect; emotional excitement; emotional state; criminal liability.

Аннотация. Статья посвящена вопросам правовой природы аффекта. Авторы характеризуют аффект как психологическую и уголовно-правовую категорию; выявляют различия между состоянием аффекта и другими состояниями эмоциональной напряженности.

Abstract. The article is devoted to the questions of the legal nature of affect. The authors characterize affect as a psychological and criminal-legal category; reveal the differences between the state of passion and other states of emotional tension.

Одной из отличительных черт современного отечественного уголовного закона является дифференциация уголовной ответственности по различным основаниям. В число таких оснований входит совершение преступления в особом психическом состоянии – в состоянии аффекта.

Указанное состояние субъекта преступления лежит в основе выделения в качестве привилегированных составов таких преступлений, как убийство и умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Несмотря на то, что отечественное законодательство на протяжении долгого времени признает составы указанных преступлений привилегированными, правовое регулирование уголовной ответственности за совершение преступлений в состоянии аффекта остается несовершенным. В связи с этим особую важность приобретает изучение понятия аффекта.

Слово «аффект» происходит от латинского *affectus* «душевное волнение», «страсть». Однако такое толкование аффекта не только приводит к смешению двух форм проявления эмоций – аффектов и страстей, но и не отражает специфики данного психологического явления. Не отражают всех особенностей и признаков аффекта и разрозненные определения отдельных ученых, в которых, как правило, идет указание либо на один, либо на несколько наиболее существенных признаков этого явления. Так, одни ученые считают, что аффект представляет собой кратковременную, бурно протекающую, чрезвычайно интенсивную эмоциональную реакцию (под эмоциональной реакцией следует понимать переживания человека, вызванные внезапными раздражителями) [Мухачева 2017, с. 120]. Другие указывают, что это особо выраженное эмоциональное состояние (эмоциональным состоянием называют переживание тех или иных чувств человеком, окрашивающее на определенное время психологические процессы и поведение человека), сопровождаемое видимыми изменениями в поведении человека, который его испытывает [Власов 2020, с. 24]. Третьи определяют аффект как наивысшую степень проявления эмоции, спровоцированной дерзким негативным проявлением обстоятельств, которые крайне важны для индивидуума [Казакова 2018, с. 142]. Принимая во внимание вышеприведенные определения понятия аффекта, можно сформулировать специфические признаки, характеризующие это явление. К их числу, на наш взгляд, можно отнести следующие:

– связь с реальной, т. е. имеющейся в действительности, ситуацией (отдаленные, вероятные обстоятельства, не имеющие отражения в объективной действительности, не способны вызвать состояние аффекта);

– эмоция должна обладать наивысшей степенью напряженности, имеющей физиологические корни (резкое сужение сосудов и т. п.);

– временное изменение состояния сознания, не позволяющее лицу объективно мыслить и анализировать свои действия.

Сложность психологического явления, именуемого аффектом, заставляет задуматься о необходимости классификации различных видов его проявления. Первоначально в основу деления был положен признак эмоционального состояния, что привело к простейшему подразделению видов аффекта на положительный и отрицательный. К большому сожалению, разработка данной классификации в отечественной и зарубежной научной литературе страдает, на наш взгляд, исследовательской однобокостью, так как психоло-

© Апкаев Д. М., Алейникова А. В., 2021

ги чаще всего рассматриваются аффект положительного характера.

Помимо этого, в психологической литературе выделяют такие виды аффекта, как:

а) кумулятивный, «возникающий при условии пребывания личности в субъективно тяжелой ситуации достаточно долго. В итоге накопленное напряжение выражается в виде аффективного всплеска»;

б) аномальный, когда взрывные аффективные реакции характеризуются патологическими измененными закономерностями развития и течения;

в) аффект на почве алкогольного опьянения;

г) патологический – «психическое расстройство, обладающее кратковременным характером, которому свойственны полное помрачение сознания и полная либо частичная амнезия»;

д) физиологический, его появление не зависит от психических заболеваний, а протекание определяется психологическими законами развития нормальных психических процессов [Кейдунова, Мавренкова, Напханенко, Попандопло 2017, с. 38–39].

Законодательство Российской Федерации упоминает о физиологическом аффекте и не содержит никаких сведений о патологическом, хотя в психологии, как мы видим, физиологический и патологический аффекты – структурные элементы одной классификации, которой, ввиду ее важности для уголовного права, следует уделить особое внимание.

Психологи и психиатры относят патологический аффект к временному расстройству душевной деятельности и определяют его как кратковременное или само по себе проходящее заболевание. Впервые патологический аффект привлек внимание немецких ученых в 1868 г., которые по окончании медицинских исследований указали, что он представляет собой кратковременное проявление эмоции, достигшей своего апогея (ярости негодования) [Авдеева 2017, с. 40]. Патологический аффект, как и любой другой, блокирует широту сознания и концентрирует его на каком-то определенном негативном факте, направляет действия лица на блокировку или уничтожение источника раздражения, для него характерна также последующая полная амнезия. Патологическому аффекту сопутствуют резкие вегетативные сдвиги, провоцирующие психические расстройства или рецидивы, а также ухудшение здоровья (возникновение заболеваний сердца, нервной системы).

Таким образом, патологический аффект заключает в себе эмоциональный заряд такой силы, взрыв которого порождает неуправляемое импульсивное действие, лишая больного возможности отдавать себе отчет в своих действиях, что в совокупности с полным помрачением сознания исключает вменяемость лица. Невменяемость же служит в уголовном праве основанием неприменения лица к уголовной ответственности [Сидоров 1978, с. 57].

Особую роль в уголовном праве играет физиологический аффект, который, в отличие от патологического аффекта, не исключает вменяемости и, следовательно, приобретает важное значение при решении вопроса об уголовной ответственности.

Физиологический аффект – это не просто сильное, а исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, существенно ограничивающее течение интеллектуальных и волевых процессов, нарушающее целостное восприятие окружающего и правильное понимание субъектом объективного значения вещей. Существенное отличие физиологического аффекта от других состояний эмоциональной напряженности определяется его динамикой.

В типичных ситуациях аффект в своем развитии проходит три этапа: подготовительный, этап аффективных действий (взрыва), заключительный.

Аффект возникает в ответ на уже происшедшее событие, следуя непосредственно за действиями (или словами) оскорбляющего или иного противоправного характера, и поэтому, в отличие от эмоциональных состояний, как бы сдвинут к концу событий. Данное эмоциональное состояние возникает в непривычных для лица ситуациях. В психологическом плане оно выражается в слабости нервной системы, эмоциональной возбудимости, повышенной раздражительности лица, переживающего аффект.

В состоянии аффекта эмоциональное напряжение достигает столь высокой степени, что наступают качественные изменения в психике и организме человека.

Таким образом, от обычных действий аффективные отличают:

– отсутствие ясного сознания цели действия: осознается только цель, находящаяся в причинной связи с побуждением;

– неадекватность целям характера действий, затруднение сознательного контроля над ними;

– отсутствие продуманности осуществляемых действий.

При аффекте наступают следующие типичные проявления:

– заметное побледнение или, наоборот, эффект «красного помидора», нервная дрожь;

– видимое изменение зрачка;

– изменение тембра голоса.

Указанные изменения всегда проявляются в момент аффективного переживания. И это обстоятельство приобретает важное значение в тех случаях, когда встает вопрос о наличии состояния аффекта у лица, совершившего преступление.

Интересно в этом смысле предложение В. И. Ткаченко: «Если виновный в момент совершения преступления получил ранение или как-то иначе потерял кровь, она должна быть передана на биологический анализ. Обнаружение в ней большого количества адреналина – верный показатель переживания сильной эмоции» [Ткаченко 1971, с. 9].

Аффект как временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе выражается в аффективном взрыве, слабо управляемом поведении, ведущем, в частности, к убийству человека. Убийство в состоянии психофизиологического аффекта есть ответная реакция на какое-либо из перечисленных в ст. 107 УК РФ поступков потерпевшего. Таковыми являются:

– насилие;

– издевательство;

– тяжкое оскорбление;

– иное противоправное или аморальное поведение потерпевшего;

– длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Наглядным примером тому может служить уголовное дело гр-на Бадлуева. Он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял автомобилем. В автотранспортном средстве были и его знакомые, которые также находились в состоянии алкогольного опьянения. ФИО 2 спровоцировал конфликт, подвергая в период движения Бадлуева глумлению и унижению, нецензурно выражаясь в адрес последнего, нанес один удар рукой Бадлуеву по затылку. После этого Бадлуев остановил автомобиль на обочине дороги и, открыв заднюю пассажирскую дверь, на почве личных неприязненных отношений, потребовал от ФИО 2 покинуть автомобиль. Далее ФИО 2, выйдя из автомобиля, повалил Бадлуева на землю и нанес ему множественные удары по голове, причинив средней тяжести вред здоровью последнего. Бадлуев пришел в состояние сильного душевного волнения, вызванного действиями ФИО 2 (вербальной и физической агрессией в адрес Бадлуева), при наличии острой психотравмирующей ситуации, вооружился в салоне автомобиля ножом и, используя его в качестве орудия преступления, умышленно нанес им два удара в область расположения жизненно важных органов ФИО 2, что привело к смерти последнего. Бадлуев был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Адвокат поставил вопрос о переквалификации действий Бадлуева на ст. 107 УК РФ. Соглашаясь с доводами адвоката о том, что Бадлуев в момент совершения этого преступления находился в состоянии аффекта, вызванного противоправными действиями ФИО 2, суд действия Бадлуева квалифицировал по ч. 1 ст. 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством со стороны потерпевшего[1].

Аффект захватывает всю психику человека и все его жизненно важные проявления целиком (диффузный характер аффекта). В этом состоянии происходит так называемое сужение сознания, т. е. концентрация внимания субъекта на небольшом количестве объектов, связанных с переживаемой эмоцией. По словам С. Л. Рубинштейна, аффективные действия «как бы вырываются у человека, а не вполне регулируются им» [Рубинштейн 2000, с. 217]. Лицо осознает лишь те цели, которые находятся в непосредственной связи с сиюминутными побуждениями.

Однако аффект сопровождается не только заметными изменениями в поведении человека, но и изменяет вегетативные реакции.

Как правило, аффект длится непродолжительное время (1–2 мин), после чего наступает третий этап – избавление от аффекта, выраженное в состоянии безразличия до полной отрешенности. Так, П. П. Распопов отмечает, что «во время взрыва возбуждения происходит крайне неэкономное расходование нервной энергии, поэтому нередко после аффекта наблюдается своеобразное состояние вялости, оглушенности, упадка сил» [Распопов 1958, с. 27].

Послеаффективное состояние характеризуется субъективным переживанием облегчения, усталостью, расслабленностью, сожалением о случившемся.

Например, свидетели по делу № 1-186/2016 об убийстве в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения гр-кой Балакиревой своего сына отмечают, что после случившегося Балакирева находилась в истерике, почти не отвечала на вопросы, плакала[2]. В большинстве случаев возникает аффективное сужение сознания, влияющее на продуктивность памяти, а при исключительно сильных аффективных реакциях – потеря сознания и полная амнезия.

Изложенная схема динамики аффекта охватывает лишь наиболее типичные его варианты, когда развитие аффекта подчиняется следующему закону: чем более сильным является исходный мотивирующий стимул поведения и чем больше усилий пришлось затратить на то, чтобы его реализовать, чем меньше итог, полученный в результате всего этого, тем сильнее возникающий аффект. Однако по мере

[1] Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия № 1-469/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-469/2020. URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 09.03.2021).

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Иваново № 1-186/2016 от 13 сентября 2016 г. по делу № 1-186/2016. URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 09.03.2021).

расширения опыта изучения аффекта выявляются и описываются некоторые достаточно существенные отклонения от данной схемы. В некоторых случаях при наивысшей степени возбуждения эмоции переходят в более или менее стойкое, стабильное состояние. Это может относиться к соотношению воздействия раздражителя и начала аффекта. Подчеркиваемая некоторыми авторами обязательность отсутствия существенного промежутка времени между раздражителем и развитием аффекта в ряде случаев, очевидно, может нарушаться.

В последние годы в России широко стал обсуждаться вопрос о смягчении ответственности и за действия, совершенные в состоянии уменьшенной (ограниченной) вменяемости. Ю. И. Антонян и С. В. Бородин считают, что уменьшенная вменяемость как часть вменяемости, являющейся обязательным признаком состава преступления, признаваемого в соответствии с действующим уголовным законодательством основанием уголовной ответственности, не исключает уголовной ответственности [Антонян, Бородин 1998, с. 158].

Итак, и физиологический аффект, и уменьшенную вменяемость характеризуют:

– пограничность этих состояний, их промежуточное место между нормой и патологией. Так, физиологический аффект граничит, с одной стороны, с нормой поведения, а с другой – с патологическим аффективным состоянием; в свою очередь, «соседями» уменьшенной вменяемости являются такие психические состояния, как вменяемость и невменяемость;

– сужение сознания, влияние, во-первых, на процесс волеобразования, влекущее ограничение свободы выбора поведения, во-вторых, на интеллектуальные возможности субъекта, следствием чего является ограничение сознания им значимости своих поступков;

– сходство типов нервной системы, обусловливающих предрасположенность к данному психическому состоянию. Психологи, основываясь на достижениях психофизики, считают, что уменьшенная вменяемость, как и аффект, присуща холерикам и меланхоликам;

– относительно однородная роль в уголовном праве.

Однако вышеизложенные черты сходства не свидетельствуют о тождественности понятий «уменьшенная вменяемость» и «физиологический аффект», так как каждому из них присуща своя специфика. Например, отличительной чертой уменьшенной вменяемости является то, что основанием ее возникновения служат расстройства психической деятельности (психические аномалии – относительно неглубокие психические расстройства, которыми страдает субъект). Это сближает состояние уменьшенной вменяемости с патологическим аффектом, в основе возникновения которого также лежат расстройства психики, но они носят иной качественный характер, отличаясь от психических аномалий, характеризующих уменьшенную вменяемость, большей глубиной, обостренностью, трудной излечимостью. В связи с этим патологический аффект и служит основанием, исключающим уголовную ответственность лица, признаваемого невменяемым, тогда как уменьшенная вменяемость не тождественна невменяемости, а следовательно, признается основанием уголовной ответственности наряду с аффектом, отличительной чертой которого, как не раз уже отмечалось, является сужение сознания.

Исходя из вышесказанного, важно отметить, что преступления, характеризующиеся аффективным состоянием виновного, имеют определенные сложности при их квалификации и принятии конкретных решений. Мы считаем, что при рассмотрении преступления, совершенного в состоянии аффекта, необходимо учитывать совокупность всех обстоятельств, имеющих отношение к делу. По нашему мнению, для установления такой психологически сложной категории, как аффект, нужны специальные познания. В связи с этим при рассмотрении таких дел целесообразно назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, что позволит отличить физиологический аффект от патологического и правильно оценить состояние, в котором находился виновный в момент совершения преступления.

Список цитируемых источников

Авдеева 2017 – *Авдеева Е. В.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты аффектированного убийства // Российский судья. 2017. № 5. С. 38–42.

Антонян, Бородин 1998 – *Антонян Ю. М., Бородин С. В.* Преступное поведение и психические аномалии. М. : Спарк, 1998. 215 с.

Власов 2020 – *Власов Ю. А.* Понятие физиологического аффекта в уголовном праве // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 23–26.

Казакова 2018 – *Казакова В. А.* Проблемы квалификации преступлений против здоровья. М. : РУСАЙНС, 2018. 436 с.

Кейдунова, Мавренкова, Напханенко, Попандопло 2017 – Понятие и виды аффектов / Е. Р. Кейдунова [и др.] // Философия права. 2017. № 4(83). С. 35–42.

Мухачева 2016 – *Мухачева И. М.* Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 118–126.

Распопов 1958 – *Распопов П. П.* О фазовых состояниях возбудимости мозговой коры // Вопросы психологии. 1958. № 2. С. 23–37.

Рубинштейн 2000 – *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 712 с.

Сидоров 1978 – *Сидоров Б. В.* Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. 160 с.

Ткаченко 1971 – *Ткаченко В. И.* Виды сильного душевного волнения // Советская юстиция. 1971. № 16. С. 8–10.

References

Antonyan, Yu. M. and Borodin, S. V. (1998), *Prestupnoe povedenie i psikhicheskie anomalii* [Criminal behavior and mental abnormalities], Spark, Moscow, Russia.

Avdeeva, E. V. (2017)? "Criminal-legal and criminological aspects of affected murder", *Rossiiskii sud'ya,* no. 5, p. 38–42.

Kazakova, V. A. (2018), *Problemy` kvalifikatsii prestuplenii protiv zdorov`ya* [Problems of qualification of crimes against health], RUSAINS, Moscow, Russia.

Mukhacheva, I. M. (2016), "Criminal-legal and psychological characteristics of affect", *Aktual'ny'e problemy' rossiiskogo prava,* no. 7, pp. 118–126.

Raspopov, P. P. (1958), "On the phase states of excitability of the cerebral cortex", *Voprosy' psikhologii,* no. 2, pp. 23–37.

Rubinshtein, S. L. (2000), *Osnovy` obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology], Piter, St. Petersburg, Russia.

Sidorov, B. V. (1978), *Affekt. Ego ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie* [Affect. Its criminal law and criminological significance], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, USSR.

Tkachenko, V. I. (1971), "Types of intense emotional excitement", *Sovetskaya yustitsiya,* no. 16, pp. 8–10.

Vlasov, Yu. A. (2020), The concept of physiological affect in criminal law, *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 3, p. 23–26.

Информация об авторах

Апкаев Дамир Маратович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, damirrrhan@mail.ru

Алейникова Анастасия Вадимовна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, annetka3375@gmail.com

Information about the authors

Apkaev Damir M.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, damirrrhan@mail.ru

Aleinikova Anastasiya V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, annetka3375@gmail.com

Для цитирования

Апкаев Д. М., Алейникова А. В. Понятие аффекта в уголовном праве России // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 14–18.

For citation

Apkaev, D. M. and Aleinikova, A. V. (2021), "The concept of affect in the criminal law of Russia", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 14–18.

УДК 343.23-053.6

Р. Б. Головкин[1]
К. С. Голубева[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
K. S. Golubeva[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Пандемия как криминологический фактор преступности несовершеннолетних

Pandemic us criminological factor of juvenile delinquency

Ключевые слова: несовершеннолетние; пандемия COVID-19; криминогенные факторы; преступность; Интернет; домашнее насилие.

Аннотация. Статья посвящена вопросам влияния пандемии COVID-19 на личность несовершеннолетнего, легко подвергаемого воздействию «криминального вируса» в силу возрастных и психофизических особенностей. На основе анализа криминогенных факторов, порождающих преступность лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также результатов проведенного криминологического исследования, данных Европола в области преступности периода COVID-19, обобщений сотрудников правоохранительных органов составлен современный криминологический портрет личности несовершеннолетнего преступника. Сделан вывод о важности координированной работы всех правоохранительных и иных государственных органов в целях дальнейшего предотвращения развития рецидивной и организованной преступности несовершеннолетних.

Key words: minors; COVID-19 pandemic; criminogenic factors; crime; Internet; domestic violence.

Abstract. The article is devoted to the impact of the COVID-19 pandemic on the personality of a minor who is easily exposed to the "criminal virus" due to age and psychophysical characteristics. Based on analysis of criminogenic factors leading to delinquency of persons under the age of criminal responsibility, but under the time of the crime, the age of eighteen (adulthood), as well as of the outcomes of criminological research (conducted using the method of interviewing and questioning of experts), the data submitted to Europol in crime period COVID - 19, articles, of law enforcement officers formed a modern criminological portrait of the personality of juvenile offenders. It is concluded that it is important to coordinate the work of all law enforcement and other state bodies in order to further prevent the development of recidivism and organized crime.

Пандемия коронавируса (COVID-19) затронула практически все стороны жизнедеятельности планеты Земля, обусловила многие отношения в обществе, повлияла на все слои населения, стала медицинским, общественно-политическим, экономическим, следовательно, и юридическим фактором бытия нашей цивилизации.

Существенные изменения в общественной жизни в связи с пандемией оказали влияние на преступность. Данная ситуация обусловлена не «столько агрессивностью вируса, сколько неизвестностью, помноженной на панику и страх, которые она порождает среди населения...»[1]. Это логично и в той части, что смута, возникшая в связи с эпидемией коронавируса (COVID-19), в современных реалиях также сыграла решающую роль в активизации различных деструктивных явлений в общественных отношениях, а именно, криминальных, обострившихся еще сильнее с введением карантина.

Изоляция как новая поворотная веха распространения «криминального вируса» обнажила все существующие криминогенные факторы (правовой нигилизм; неверие в эффективность правоохранительных органов; раскоординация действий правовоспитательной системы; снижение престижа честного заработка; усиление социально-психологической напряженности и неудовлетворенности условиями жизни; негодование населения по поводу безнаказанности преступников и преступных групп; низкий уровень психолого-педагогической подготовки сотрудников правоохранительных органов; снижение ценности человеческой жизни), способствующие сохранению и росту преступности в целом.

Поскольку криминальная среда живо реагирует на чрезвычайные ситуации в обществе, то, несмотря на некоторое снижение уровня преступности и уменьшение преступной активности на первом этапе пандемии, далее возникло множество

[1] *Тилье Ф.* Пандемия. URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BA_%D0%A2%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5_%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F/9 (дата обращения: 28.09.2020).

© Головкин Р. Б., Голубева К. С., 2021

проблем, среди которых наиболее злободневными представляются следующие:

1) рост краж (например, 24 марта с московского склада было украдено 120 тыс. медицинских масок)[1], мелких хищений (преимущественно из супермаркетов), грабежей (например, Европу захлестнула волна грабежей в условиях массового психоза с закупкой продуктов про запас[2]), разбойных нападений в связи с потерей источника заработка и сокращением штата работников;

2) нарушение сроков выплаты зарплат и расторжение трудовых договоров без имеющихся на то оснований с работниками недобросовестными работодателями, использовавшими ситуацию с пандемией в своих интересах;

3) значительный рост количества правонарушений, возникающих на бытовой почве (например, домашнее насилие в отношении детей и жен[3]), сопряженный с лишением источника дохода, ненахождением отвлеченности в иных делах и проблемах;

4) злоупотребление спиртными напитками, детерминирующее дальнейший рост агрессии, раздражительности, бытового насилия;

5) резкое увеличение спроса на оружие (например, в США заявили об увеличении продажи оружия на 222 %[4]);

6) рост числа мошеннических схем, быстро адаптировавшихся к новым преступным условиям (например, мошеннические трюки с поставками и дезактивацией, махинации с продажей пропусков для свободного выхода из дома в период самоизоляции, аферы с социальными выплатами и материальной помощью; телефонные махинации посредством сообщения гражданам о заражении их SARS-CoV-2 и обещания направить им специалистов для сдачи «теста на коронавирус» за 5 тыс. руб.)[5];

7) активные продажи фальсификата и контрафакта (например, незаконный оборот медицинской, санитарно-гигиенической, фармацевтической продукции, а также средств индивидуальной защиты);

8) резкий рост организованной преступности (ряд государств – членов Евросоюза заявили о схожем образе осуществления краж путем получения доступа и проникновения злоумышленников в частные дома под видом медицинского персонала, проводившего «тест на коронавирус», предоставляющего средства гигиены или информационные ресурсы[6]);

9) активное развитие киберпреступности (например, университетская больница Брно, Чешская Республика, подверглась кибератаке, повлекшей последствия в виде закрытия всей IT-сети в больнице, отложения срочных хирургических вмешательств и перераспределения вновь прибывших пациентов с острыми заболеваниями в ближайшие медицинские организации; на Facebook был открыт профиль группы «Ной», побуждающей к мятежам под лозунгом «заберем все, что взято у нас»; быстро увеличивается количество поддельных сайтов, замаскированных под надежные источники, включая Всемирную Организацию Здравоохранения, всевозможные медицинские платформы и другие авторитетные источники)[7].

Данные негативные факторы оказали наибольшее влияние на самую уязвимую категорию граждан – несовершеннолетних, являющихся малозащищенными в силу возраста и психофизического развития, что, в свою очередь, обусловливает их наибольшую подверженность «криминальному вирусу» [Сморгунова 1998].

В результате обобщения и анализа информации Европола о преступности в период распространения COVID-19, выводов сотрудников правоохранительных органов, регистрирующих значительный рост количества правонарушений, а также собственных результатов, полученных в ходе проведенного нами опроса[8], был получен ценный материал, позволяющий составить нам современный криминологический портрет личности несовершеннолетнего преступника.

В последние годы наиболее распространенными признаками детской преступности являются: во-первых, предрасположенность к рецидиву, во-вторых, рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними с психическими патологиями, в состоянии наркотического, токсического или алкогольного опьянения.

Так, каждое девятое преступное деяние несовершеннолетних в Российской Федерации совер-

---

[1] *Еленин С.* Со склада на юге Москвы неизвестные похители 120 тысяч медицинских масок // Комсомольская правда. 2020. 24 марта

[2] *Рокоссовская А.* Не хватает на еду. Из-за COVID-19 в Европе участились нападения на продовольственные магазины // Российская газета. 2020. 31 марта.

[3] *Фалалеев М.* Пока все дома. Полиция предупреждает: случаи домашнего насилия в разы выросли в период пандемии // Российская газета. 2020. 13 авг.

[4] В США на фоне коронавируса растут продажи огнестрельного оружия. URL: https://ria.ru (дата обращения: 24.09.2020).

[5] *Невинная И. В.* В Роспотребнадзоре назвали основные виды мошенничества в связи с COVID-19 // Российская газета. 2020. 28 апр.

[6] См., напр.: Европол предупредил об угрозе мошенничества с вакцинами против коронавируса. URL: https:tass.ru/obschestvo/10361947 (дата обращения: 27.12.2020).

[7] *Овчинский В. С.* Преступность во время пандемии // Петровка, 38. 2000. 14 апр.

[8] Авторами в апреле–мае 2020 г. был проведен опрос следователей, дознавателей, оперативных работников УМВД России по Владимирской области, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Респондентами выступили лица как мужского (87,5 %), так и женского пола (12,5 %), стаж работы которых варьировался в пределах от менее 1 года до более 20 лет.

шается в нетрезвом состоянии (в 2017 г. – 12,6 %, за 2018 г. – 11,8 %, за 2019 г. – 11,6 %)[1].

Согласно сообщению Генпрокуратуры России в числе типичных психологических черт личности несовершеннолетнего преступника выделяют следующие: социальное и психологическое отчуждение несовершеннолетних, повышенная внушаемость, сочетающаяся с игнорированием запретов и предписаний, пренебрежительное отношение к моральным и правовым ценностям, стремление к быстрому удовлетворению возникающих потребностей любыми способами, стремление к независимости, негативизм, эгоистическое отношение к потребностям и интересам окружающих, сниженная способность к эмпатии, ограниченность круга интересов, низкая самокритичность, неадекватный уровень самооценки и притязаний[2].

Об этом же свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетирования, где отмечается наличие ряда особенностей, присущих уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних лиц (88 %), которые проявляются: во-первых, в не до конца сформированной личности преступника; во-вторых, в специфичности расследования; в-третьих, в обязательном назначении судебно-психологической экспертизы для выявления психологического возраста; и, наконец, в ином порядке судопроизводства.

От зрелых правонарушителей подрастающее поколение отличается прежде всего более высокой долей групповых преступлений (47,1 %) при наличии некоей фигуры лидера, организатора, оказывающего психологическое манипулирующее воздействие в выборе предмета, способа, жертв преступной деятельности, а также возрастной дифференциацией на две категории: 14–15-летние и 16–17-летние преступники. Причем чаще всего преступления в России совершают несовершеннолетние мужского пола в возрасте от 16 до 17 лет, имеющие более стойкую антиобщественную ориентацию, прочные связи с преступной средой [Антонян, Эминов 2014, с. 146]. Наиболее распространенными преступлениями в общей массе в 90 % случаев признаются преступления против собственности, имущественные преступления; насильственные преступления; преступления против общественной безопасности и здоровья населения, что подтверждают результаты криминологических и криминалистических исследований.

Жертвами преступлений несовершеннолетних, согласно данным опроса, часто становятся сверстники, занимающие с преступниками схожее социальное положение и имеющие одинаковое образование (88,4 % потерпевших – это школьники или студенты), объединенные однородными нравственно-психологическими признаками [Голубничая 2015, с. 176]. Как правило, жертвами преступной деятельности подрастающего поколения становятся несовершеннолетние из соседних группировок, компаний, а мотивами являются месть, ревность, соперничество за авторитет. Опрошенные нами следователи, дознаватели, оперативные работники подчеркивают, что отношения, складывающиеся между несовершеннолетним лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело, с его одноклассниками (коллегами), носят преимущественно (при отсутствии друзей) нормальный характер (38 %), в 25 % случаев наблюдается безразличное отношение друг к другу.

В таком преступном образовании несовершеннолетних присутствует много тех, кто раньше уже совершал преступное деяние (24,7 %), примерно 40 % из их числа уже были осуждены. По данным Генпрокуратуры России, «примерно для четверти несовершеннолетних преступление является повторным, что свидетельствует о профессионализации такого вида преступности»[3].

В связи с увеличением значимости сети «Интернет» в период пандемии COVID-19 активизировалась проблема травли несовершеннолетними своих сверстников онлайн. Данное положение было подчеркнуто Генеральным директором ЮНЕСКО Одре Азуле, которая подтвердила, что в период карантина наблюдался значительный рост насилия, выражения ненависти и проявления разного рода издевательств в Интернете, что повлияло на возникновение боязни возвращаться в учебные заведения к подросткам с девиантным поведением. При этом нужно отметить, что глумления такого рода принимают размеры пандемии. Более 32 % детей в возрасте от 11 до 15 лет столкнулись с травлей со стороны сверстников, что приводит к острой необходимости в обеспечении подростковой безопасности и прежде всего со стороны государства[4].

Особое научно-теоретическое значение для анализа криминологической характеристики личности преступника, достигшего возраста уголовной ответственности, но не достигшего к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, имеют положения об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего. Криминальная деятельность нередко присуща несовершеннолетним, которым в незначительной степени уделяется внимание со стороны родителей или лиц, их заменяющих.

---

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1828306 (дата обращения: 25.09.2020).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Нараленкова О.* Из-за пандемии коронавируса дети все чаще становятся объектами травли и преследования педофилов // Комсомольская правда. 2020. 19 июня.

Так, на вопрос о взаимоотношениях обвиняемого несовершеннолетнего и его близких, родных людей в семье более половины опрошенных следователей, дознавателей и оперативных работников ответили следующим образом: в своей практической деятельности они встречались с несовершеннолетними, в семьях которых либо каждый живет порознь (63 %), либо существуют размолвки (13 %), либо нередки ссоры и скандалы (13 %). При этом реально определить характер отношений затруднительно, поскольку родственники с большой неохотой делятся обстоятельствами своей семейной жизни.

Негативное влияние на современный институт семьи оказала пандемия, подорвав финансовое благополучие множества семей, ограничив их передвижение в рамках дома. Итогом чего стали стресс, тревога, напряженность между родственниками, способствующие всплеску домашнего насилия, что также подтверждают больше половины участников проведенного опроса, указывающих на распространенность насилия прежде всего в психической форме (62,5 %), реже – в физической (37,5 %). Насилие и насильственные действия в отношении подрастающего поколения сопровождаются рядом разрушающих неокрепшую психику подростков аспектов, проявляющихся в оскорблении, глумлении и унижении детей, заставляющих сбегать их из дома, скитаться в течение длительного времени, попрошайничать, воровать, формируя в их характере агрессивность, мстительность и дерзость.

В период изоляции, когда подростки проводили продолжительное время за компьютерами, планшетами, мобильными устройствами, заходя на различные платформы, они нередко подвергались воздействию ряда вредоносных угроз со стороны педофилов и других преступников, вовлекающих несовершеннолетних в развратные и аморальные действия, в преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Все это нашло отражение в докладе генерального секретаря Интерпола Юргена Штока, который предполагает возможное ухудшение ситуации, отмечая при этом важность каждого найденного фото- или видеосвидетельства насилия, служащего здесь веской уликой[1]. Озабоченность данной проблемой выражают множество стран, в число которых входят: США (звонки в кризисные центры от несовершеннолетних выросли на 20 %, что подтверждает Family Place); Канада (в опасности оказались около 1/3 канадских подростков, 25 % детей в возрасте до 15 лет претерпевали жестокое обращение во время пандемии, возросло за этот период и число суицидов среди несовершеннолетних, что подтверждает отчет в Children First Canada); Малайзия (с 1 января по 30 июня 2020 г. было зарегистрировано 1 721 сексуальное преступление против несовершеннолетних)[2].

Сегодня это является главным препятствием на пути эффективной борьбы с детской преступностью, поскольку подготовка и совершение преступных деяний в глобальной информационной системе не требует множества усилий, однако обнаружить их достаточно сложно [Пашкина 2017].

В связи с вышеизложенным представляется необходимым разработать действенный механизм размещения в Интернете определенных видов информационных ресурсов, управляющий ограничением объема информационного потока по демонстрации «верхних» данных, по типу работы Google. Следует дополнить положения Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 274.2, предусматривающей ответственность за использование в криминальной деятельности информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Проблема детской преступности волнует и региональные власти, о чем, например, свидетельствует заседание комитета по вопросам местного самоуправления, законности и правопорядка в горсовете Омска в конце сентября 2020 г. Согласно отчету о профилактике безнадзорности и предупреждении правонарушений среди детей был зафиксирован рост подростковой преступности, подтвержденный заместителем начальника УМВД по Омской области Р. Валиахметовым. Так, в 2020 г. были обнаружены 102 группы несовершеннолетних антиобщественной направленности (+9 групп по сравнению с 2019 г.); 213 безнадзорных подростков (+52 ребенка по сравнению с показателями 2019 г.). Общее количество протоколов на сентябрь 2020 г., составленных в отношении детей по административным правонарушениям, – 589, 68 – по подозрению в участии в преступлениях.

Среди причин, вызвавших рост правонарушений в среде несовершеннолетних, была названа ситуация с коронавирусом, связанная с невозможностью проведения очных классных часов, дней безопасности, профилактических работ, различных мероприятий и акций[3].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, пандемия COVID-19 выступает в качестве дополнительного фактора, преступности

[1] РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/08/09/2020/5f56b6169a79479163a9b41b (дата обращения: 25.09.2020).

[2] *Штурма Я.* Насилие в изоляции: как пандемия поставила детей под угрозу // Газета.ru. 2020. 8 сент.

[3] В Омском горсовете обсудили работу по профилактике правонарушений среди подростков. URL: https:www.omsk.kp.ru/online/news/4021693/ (дата обращения: 30.09.2020).

несовершеннолетних, способствующего обострению имеющихся криминогенных обстоятельств, что повышает значимость предупреждения наметившейся тенденции посредством дальнейшей правовоспитательной работы, координирующей силы всех социальных работников, сотрудников школ и вузов, законных представителей, психиатров, социологов, психологов, работников правоохранительных органов, формирующей у несовершеннолетних правомерную правовую культуру и правовое воспитание; повышения качества расследования дел изучаемой категории путем совершенствования психолого-педагогической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Во-вторых, наметилась тенденция к усугублению криминологической ситуации с преступностью несовершеннолетних в результате «второй волны» пандемии, которая, представляется, обусловит ситуацию, когда подростки еще в большей степени останутся предоставленными сами себе, а интернет-культура продолжит наполнять свое пространство преступными проявлениями, «квестами», «стрелялками» и компьютерными играми с криминальным оттенком.

В-третьих, выявленные тенденции развития пандемии как криминологического фактора преступности несовершеннолетних предполагают, что в целях снижения давления данного тренда на ситуацию с преступностью несовершеннолетних, необходимо: а) минимизировать дистанционное обучение школьников; б) наладить координацию контроля за подростками со стороны школы, родителей и соответствующих подразделений правоохранительных органов; в) разработать и внедрить на государственном уровне компьютерные программы, игры, технологии, формирующие позитивную направленность сознания подростков; г) усилить контроль за киберпространством со стороны государства.

Список цитируемых источников

Антонян, Эминов 2014 – *Антонян Ю. М., Эминов В. Е.* Портреты преступников. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2014. 203 с.

Голубничая 2015 – *Голубничая Л. С.* Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Амурский научный вестник. 2015. № 1. С. 158–179.

Пашкина 2017 – *Пашкина К. В.* Преступность несовершеннолетних как одна из важнейших проблем современного общества // Студенческий. 2017. № 4–2(4). С. 73–76.

Сморгунова 1998 – *Сморгунова Н. Ф.* Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России: 20–90-е гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 1998. 22 с.

References

Antonyan, Yu. M. and Eminov, V. E. (2014), *Portrety` prestupnikov* [Portraits of criminals], Norma, Infra-M, Moscow, Russia.

Golubnichaya, L. S. (2015), "Criminological characteristics of the personality of a minor criminal", *Amurskii nauchny'i vestnik*, no. 1, pp. 158–179.

Pashkina, K. V. (2017), "Juvenile delinquency as one of the most important problems of modern society", *Studencheskii,* no. 4–2(4), pp. 73–76.

Smorgunova, N. F. (1998), Prevention of homelessness among children and adolescents in Russia: 20–90-ies of XX century, Ph. D. Thesis, general pedagogy, history of pedagogy and education, Vladimir State Pedagogycal University, Vladimir, Russia.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Голубева Ксения Сергеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; ksenia.golubeva2015@gmail.com

Information about the authors

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Golubeva Kseniya S.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; ksenia.golubeva2015@gmail.com

Для цитирования

Головкин Р. Б., Голубева К. С. Пандемия как криминологический фактор преступности несовершеннолетних // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 19–23.

For citation

Golovkin, R. B. and Golubeva, K. S. (2021), "Pandemic us criminological factor of juvenile delinquency", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 19–23.

УДК 343.8

Н. А. Горшкова[1]
Т. А. Зезюлина[2]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2]*Центральная нормативно-техническая лаборатория Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация*

N. A. Gorshkova[1]
T. A. Zezyulina[2]
[1]*Vladimir Law Institute Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2]*Central Regulatory and Engineering Laboratory Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation*

Уголовная ответственность за незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым: проблемы и перспективы

Criminal liability for illegal transfer of communication means to convicted, suspected and accused: problems and prospects

Ключевые слова: средства связи; мобильные телефоны; незаконная передача; мошенничество; осужденные; подозреваемые; обвиняемые.

Аннотация. В статье проводится анализ сопряженной с использованием средств мобильной связи преступной активности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Дается характеристика нормативно-правового обеспечения установленного запрета по пользованию средствами связи осужденными, а также ответственности иных лиц за незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым. Предлагается авторская концепция по реформированию уголовного законодательства в этой области и установлению отдельного состава преступления в виде ст. 321[1] Уголовного кодекса Российской Федерации за совершение действий, направленных на незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым.

Key words: means of communication; cell phones; illegal transfer; fraud; convicts; suspects; the accused.

Abstract. The article analyzes the criminal activity of convicts serving a sentence of imprisonment in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation, coupled with the use of mobile communications. The article provides a description of the regulatory and legal support of the established prohibition on the use of communications by convicts, as well as the responsibility of other persons for the illegal transfer of communications to convicts, suspects and accused. The author's concept of reforming criminal legislation in this area and establishing a separate corpus delicti in the form of Art. 321[1] of the Criminal Code of the Russian Federation for committing actions aimed at the illegal transfer of communications to convicts, suspects and accused.

Незаконное пользование средствами связи, в частности, мобильными телефонам, осужденными к лишению свободы, содержащимися в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), а также подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах (далее: СИЗО), уже долгие годы является предметом пристального внимания со стороны руководства Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России). И если ранее проблема заключалась только в том, что перечисленные категории граждан нарушают правила внутреннего распорядка, устанавливающие запрет на приобретение, изготовление, хранение и пользование такими средствами связи, то в последние несколько лет использование данных средств связи выступает способом дистанционного совершения различных преступлений.

Согласно официальному отчету ФСИН России о состоянии преступности среди лиц, отбывающих наказания в учреждениях УИС, за 2020 г., количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило 285 фактов, что на 66,7 % больше, чем было зарегистрировано в 2019 г. При этом виды преступлений, совершаемых указанным способом, довольно разнообразны, но наибольшее количество квалифицируется по признакам мошенничества (ст. 159 УК РФ) – 174 случая[1]. На преобладание фактов мошеннических действий со стороны данной категории лиц исследователи обращали внимание и ранее [Крюкова 2017; Упорова 2015], но, как видим, ситуация к началу 2021 г. еще только усугубилась.

В сентябре 2020 г. официальный представитель Сбербанка сообщил, что почти половина всех мо-

[1] Обзор о состоянии преступности в УИС за 2020 год : письмо ФСИН России от 4 марта 2021 г. № исх-011-13-804 // Документ официально опубликован не был.

© Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А., 2021

шеннических колл-центров находится в исправительных учреждениях. При этом один так называемый колл-центр, состоящий из 50 «сотрудников», в неделю совершает около 20 тыс. звонков, а суммарный доход мошенников составляет более 75 млн руб. в месяц[1]. В целом в 2020 г. ущерб от «мошеннических звонков» осужденных в России оценили в 1,8 млрд руб.[2]

О необходимости контроля и ограничения мобильной связи в учреждениях УИС обращали внимание отдельные исследователи [Горовой 2018; Колотушкин, Лосева 2017], но законодательная инициатива по поводу реформирования отношений в рассматриваемой области последовала только после установления многочисленных фактов преступной деятельности с использованием средств мобильной связи. Так, 9 марта 2021 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[3].

Согласно указанному Федеральному закону руководству региональных управлений ФСИН России предоставляется право выступать с инициативой к операторам мобильных сетей в целях блокирования номеров мобильной связи, которые используют осужденные, подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в местах лишения свободы и СИЗО. В свою очередь операторы обязываются блокировать номера, которые незаконно используются осужденными в исправительных учреждениях, а также подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в СИЗО.

Полагаем, что время покажет, насколько оправданны были такие попытки. Однако уже сейчас можно сказать точно, что расширенные возможности операторов мобильных сетей не станут объективным препятствием для последующего незаконного проникновения в места лишения свободы других, не заблокированных, номеров мобильной связи (сим-карт с такими номерами). Считаем, что решение данной проблемы должно носить более комплексный характер.

Для правильного понимания того, как решить указанную проблему, рассмотрим подробнее действующее законодательство в области регламентации запрета на пользование осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми средствами мобильной связи.

Так, ч. 6 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) установлено правило, согласно которому администрация исправительного учреждения вправе производить досмотр находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 (ред. от 29 января 2021 г.)[4].

В п. 17 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений установлено, что «осужденным запрещено приобретать, изготавливать, хранить и пользоваться запрещенными вещами и продуктами питания, предусмотренными перечнем» (прил. № 1).

Пункт 25 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189 (ред. от 31 мая 2018 г.)[5] гласит, что «к запрещенным к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми относятся предметы, вещества и продукты питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья или могут быть использованы в качестве орудия преступления либо для воспрепятствования целям содержания под стражей, а также не включенные в Перечень предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, а также продуктов питания, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету» (прил. № 2).

Аналогичное предписание закреплено и в п. 19 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 октября 2006 г. № 311 (ред. от 29 января 2021 г.)[6]: «осужденным запрещается иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и бандеролях либо приобре-

[1] В Сбербанке заявили, что почти половина всех мошеннических колл-центров находится в тюрьмах. URL: https://tass.ru/ekonomika/9576557 (дата обращения: 15.03.2021).

[2] В МПА оценили ущерб от мошеннических звонков заключенных в России. URL: https://ria.ru/20201218/zaklyuchennye-1589826522.html (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Российская газета. 2021. 12 марта.

[4] Там же. 2016. 29 дек. ; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.02.2021).

[5] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 8 ; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.02.2021).

[6] Там же. 2006. № 44 ; URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.02.2021).

тать вещи и предметы, продукты питания, предусмотренные перечнем» (прил. № 1).

Соответственно, допуская нарушения норм данных ведомственных правовых актов, осужденные, подозреваемые и обвиняемые совершают злостные нарушения режима отбывания наказания (содержания под стражей). На это прямо указывается в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, а дисциплинарная ответственность за злостное нарушение режима отбывания наказания регламентируется ст. 115 УИК РФ.

Для иных лиц, прибывающих на территорию учреждений и органов УИС, в том числе и для сотрудников данных учреждений, за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС или изоляторах временного содержания, установлена административная ответственность согласно ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ).

И, наконец, самое главное, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) не содержит нормы, прямо закрепляющей уголовную ответственность за незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым. Подобные действия, если они сопряжены с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, может быть квалифицировано по признакам ст. 285 УК РФ. Либо, если такие действия со стороны должностных лиц сопряжены с получением ими лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию) – по признакам ст. 290 УК РФ.

Вместе с тем сегодня правоприменительная практика не содержит примеров привлечения сотрудников УИС к уголовной ответственности по ст. 285 или 290 УК РФ, когда их незаконные действия были обусловлены необходимостью передачи средств связи спецконтингенту. Обусловлено это в первую очередь сложностями в установлении объективных и субъективных признаков данных составов преступления. Однако совершенно очевидным является тот факт, что данные средства связи доставляются на территорию учреждений УИС извне. Это может быть пронос, переброс через основное ограждение, доставка в бандеролях, доставка с использованием беспилотных воздушных судов и т. п. Тем не менее в настоящее время, кроме административной ответственности по ст. 19.12 КоАП РФ, других правовых оснований для привлечения виновных в доставке средств связи на территории исправительных учреждений и СИЗО не существует.

В связи с вышеизложенным полагаем, что назрела необходимость корректировки действующего законодательства в рассматриваемой области. В соответствии с этим, на наш взгляд, следует предусмотреть отдельную уголовно-правовую норму с административной преюдицией, предусматривающую ответственность за незаконную доставку средств связи в соответствующие учреждения, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы, а также реализующие уголовно-процессуальную меру пресечения в виде заключения под стражу:

«Статья 321[1]. Незаконная передача средств связи лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей.

1. Передача или попытка передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей средств связи лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, –

наказывается штрафом до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное работником уголовно-исполнительной системы, сотрудником правоохранительных органов, адвокатом, членом общественной наблюдательной комиссии, представителем общественного объединения при исполнении ими своих полномочий (обязанностей), священнослужителем, принадлежащим к зарегистрированному в установленном порядке религиозному объединению, –

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Список цитируемых источников

Горовой 2018 – *Горовой В. В.* Ограничения и контроль использования сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 5. С. 8–10.

Колотушкин, Лосева 2017 – *Колотушкин С. М., Лосева С. Н.* Криминологические аспекты противодействия несанкционированным контактам средств мобильной связи, осуществляемым с территории учреждений ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 1. С. 4–6.

Крюкова 2017 – *Крюкова Е. С.* Криминальные тайны преступников: способы общения, татуировки, жаргон, блатная музыка (ч. 3) // Молодой юрист. 2017. № 2. С. 10–13.

Упоров 2015 – *Упоров А. Г.* Административно-правовые режимы как составляющая безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4. С. 109–116.

References

Gorovoi, V. V. (2018), "Restrictions and control of the use of cellular communications in institutions of the penal system", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 5, pp. 8–10.

Kolotushkin, S. M. and Loseva, S. N. (2017), "Criminological aspects of counteracting unauthorized contacts of mobile communications, carried out from the territory of institutions of the Federal Penitentiary Service", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 1, pp. 4–6.

Kryukova, E. S. (2017), "Criminal secrets of criminals: methods of communication, tattoos, jargon, thieves', music, part 3", *Molodoi ucheny'i,* no. 2, pp. 10–13.

Uporov, A. G. (2015), "Administrative and legal regimes as a component of security in the institutions of the penal system", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 4, pp. 109–116.

Информация об авторах

Горшкова Наталья Андреевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; natva33@mail.ru

Зезюлина Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Центральная нормативно-техническая лаборатория Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация; tatina_zezyulina@mail.ru

Information about the authors

Gorshkova Natal'ya A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; natva33@mail.ru

Zezyulina Tat'yana A.,
PhD (law), associate professor, Central regulatory and Engineering laboratory Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation; tatina_zezyulina@mail.ru

Для цитирования

Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А. Уголовная ответственность за незаконную передачу средств связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым: проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 24–27.

For citation

Gorshkova, N. A. and Zezyulina, T. A. (2021), "Criminal liability for illegal transfer of communication means to convicted, suspected and accused: problems and prospects", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 24–27.

УДК 343.2/.7

Л. К. Еськова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
L. K. E'skova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Согласие потерпевшего на причинение вреда в уголовном праве: теоретико-правовое исследование

Victim's consent to causing harm in criminal law: theoretical and legal research

Ключевые слова: согласие потерпевшего; причинение вреда; смягчающие вину обстоятельства; обстоятельства, исключающие преступность деяния; освобождение от уголовной ответственности.

Аннотация. Гуманизация стала основным вектором развития уголовного законодательства современной России. Расширение в нем диспозитивных начал свидетельствует о готовности государства идти навстречу лицам, совершающим преступления. Одним из таких институтов выступает согласие потерпевшего на причинение вреда. В статье приводится его определение, рассматриваются характерные признаки и условия применения; обобщаются существующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, прямо или косвенно устанавливающие возможность использования данного института в процессе правоприменительной деятельности; дается общая оценка правовой обеспеченности использования указанного института и перспектив его нормативного закрепления.

Key words: the consent of the victim; causing harm; extenuating circumstances; circumstances precluding the criminality of the act; exemption from criminal liability.

Abstract. Humanization has become the main vector in the development of criminal legislation in modern Russia. The expansion of dispositive principles in it testifies to the readiness of the state to meet the persons who commit crimes. One of these institutions is the consent of the victim to harm. This article gives its definition, examines the characteristic features and conditions of use. The existing norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which directly or indirectly establish the possibility of using this institution in the process of law enforcement, are summarized. A general assessment of the legal security for the use of this institution and the prospects for its normative consolidation is given.

Российская Федерация в рамках своей Конституции предусматривает гарантию со стороны государства относительно охраны прав и свобод ее граждан, в том числе и права на жизнь в качестве высшей ценности (ч. 1 ст. 20). Вместе с тем возможность людей самостоятельно распоряжаться своей жизнью и здоровьем как имманентными благами, данными им с рождения, во все времена выступала предметом острых научных дискуссий. Так же как жизнь не дается государством, а лишь гарантируется им, так же и собственная смерть, равно как и иные действия, сопряженные с причинением самому себе вреда, не могут подпадать под какие-либо запреты и должны находить правовое закрепление. Куда еще более сложным выглядит вопрос, связанный с оценкой правомерности согласия (или просьбы) лица причинить смерть либо вред здоровью ему самому посредством деяний третьих лиц.

Заметим, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) включает общественно опасные деяния, которые под угрозой наказания прямо запрещают любые насильственные манипуляции над гражданами. Так, даже добровольный уход из жизни или причинение вреда своему здоровью, совершенные потерпевшим, но спровоцированные насильственным или ненасильственным воздействием со стороны третьих лиц, оцениваются в отношении последних по признакам преступлений, предусмотренных ст. 110, 110[1], 110[2] УК РФ. Вместе с тем очевидно и то, что в определенных жизненных ситуациях инициатива уйти из жизни (или причинить вред собственному здоровью) является добровольной. Добровольность рассматривается как полное осознание человеком сложившейся ситуации и самостоятельное принятие решения об осуществлении тех или иных манипуляций со своим организмом. Другой вопрос, что на практике лишь у определенного круга лиц возникают такие ситуации, которые можно систематизировать следующим образом:

1) лицо страдает тяжелым заболеванием, которое существенно затрудняет ему жизнедеятельность и которое закончится для него летальным исходом;

2) лицо принимает участие в проведении каких-либо медицинских экспериментов;

3) лицо выступает донором органов и тканей (сюда же можно отнести суррогатное материнство);

4) лицо участвует в официальных спортивных мероприятиях, правила проведения которых регламентируют насильственные единоборства.

Все это отдельные, совершенно разные области правоотношений, которые в общем аспекте позволяют говорить о том, что человек добровольно дает согласие на причинение ему вреда, а

© Еськова Л. К., 2021

также уведомляет третьих лиц о том, что при причинении ему такового, он не будет иметь претензий. С точки зрения уголовного закона подобные ситуации расцениваются весьма неоднозначно.

Обратимся к общему пониманию термина «согласие». В словаре русского языка С. И. Ожегова оно определяется как «разрешение»[1]. С правовой точки зрения М. В. Панов рассматривает согласие человека как «индивидуальный акт волеизъявления, имеющий юридическое значение» [Панов 2011, с. 5]. Один из основоположников теории добровольного согласия потерпевшего на причинение вреда С. В. Расторопов определяет данную категорию с позиции уголовно-правовой теории как «его свободное волеизъявление, состоящее как в утвердительном ответе на просьбу или предложение другого лица о причинении ему какого-либо вреда, так и в просьбе или предложении, инициатором которых является он сам, обращенных к другому лицу, о таком причинении» [Раторопов 2015, с. 83].

По форме выражения согласие может быть различным (письменное, устное, конклюдентное). Однозначно одно – это должен быть утвердительный ответ, т. е. разрешение, даваемое потерпевшим иному лицу на причинение вреда его правам или интересам, защищаемым в уголовно-правовом порядке [Савинов 2011, с. 321]. Такое разрешение должно быть индивидуальным, добровольным и окончательным, данное потерпевшим, обладающим юридической дееспособностью, т. е. способным самостоятельно принимать юридически важные решения. В этой связи следует сразу заметить, что неуместно рассматривать в качестве непреступных ситуации, когда согласие на причинение вреда дают родственники недееспособного потерпевшего.

Вместе с тем приходится констатировать, что современная законодательная и правоприменительная практика не содержит четкого ответа на вопрос о том, к какому институту уголовного закона относится согласие потерпевшего на причинение вреда. Обобщив имеющиеся научные изыскания, посвященные проблеме уголовно-правовой оценки согласия потерпевшего на причинение ему вреда, выделим и раскроем три основных института, в рамках которых может фигурировать данный вид диспозитивного поведения лица и который может подлежать уголовно-правовому учету.

1. Согласие потерпевшего рассматривается как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

В соответствии с действующим уголовным законодательством (гл. 8 УК РФ) согласие потерпевшего на причинение вреда не признается обстоятельством, исключающим преступность деяния. Оно может расцениваться в зависимости от обстоятельств только как одно из условий правомерности при установлении какого-либо иного обстоятельства, регламентированного ст. 37–42 УК РФ. Вместе с тем большинство исследователей данного правового феномена убеждены, что согласие на причинение вреда со стороны потерпевшего должно трактоваться именно с позиции института, исключающего преступность деяния.

Подобная солидарность в решении данного вопроса в пользу указанного института небезосновательна. Так, в разработанном изначально проекте УК РФ 1994 г.[2] в гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» планировалась отдельная статья о согласии потерпевшего. Однако в итоговый вариант УК РФ 1996 г. такая норма не была включена. Причины отказа от правового закрепления данной категории не известны. Вместе с тем сам замысел законодателя (хотя и не реализованный в правовом пространстве) позволил ученым одобрительно отзываться о согласии потерпевшего на причинение вреда как о поведении, препятствующем привлечению виновного к уголовной ответственности.

Так, В. А. Блинников указывает на целесообразность и юридическую оправданность введения «общей нормы о признании непреступным причинения вреда интересам потерпевшего с его согласия» [Блинников 2014, с. 188]. Соответствующее такой позиции мнение высказывал и А. Г. Блинов [Блинов 2001, с. 7]. В рамках своей докторской диссертации, посвященной диспозитивным началам в уголовном праве, А. В. Сумачев утверждает, что «согласие лица на причинение вреда собственным правам может исключать преступность деяния, может не исключать уголовной ответственности причинителя вреда, но иметь значение при квалификации преступлений или при назначении наказания» [Сумачев 2006, с. 8]. Данную позицию в более позднем исследовании поддерживает и развивает Э. В. Сидоренко, отмечая следующее: «… Давая согласие на причинение вреда принадлежащему ему благу, частное лицо реализует свое правомочие пользования. Причинение вреда в данном случае является объективным выражением воли обладателя права и не может быть поставлена в вину тому, кто действовал в рамках данного согласия» [Сидоренко 2013, с. 10]. Данный автор также предлагает дополнить гл. 8 УК РФ ст. 421 «Согласие на причинение вреда» и гл. 16 УК РФ ст. 108[1] «Убийство по волеизъявлению потерпевшего».

Указанная позиция уважаемых ученых, несомненно, заслуживает внимания. Однако для включения соответствующей статьи в гл. 8 УК РФ и придания ей столь весомого гуманистического ха-

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. 18-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1986. С. 645.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: проект. М.: Изд-во МЮ РФ, 1994. С. 29.

рактера нужно взвесить все «за» и «против» с позиции правоприменения.

В первую очередь речь идет о необходимости доказывать социальную пользу причиняемого потерпевшему вреда [Соктоев, Ринчинова 2018, с. 126]. Заметим, что это обязательное условие характерно абсолютно для всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, включенных в указанную главу УК РФ. Предположим, что в этом ключе речь будет идти об освобождении от ответственности виновного в случае причинения вреда потерпевшему, поскольку осуществлялось, например, добровольное медицинское вмешательство; проводилось официальное мероприятие, связанное со спортивной деятельностью; потерпевший подписал контракт на прохождение военной службы.

Во вторую очередь необходимо продумать четкие критерии, руководствуясь которыми можно было бы разграничивать институт согласия на причинение вреда с институтом, например, обоснованного риска. Ведь по ряду основных моментов, связанных именно с поведением виновного, они очень похожи. В этой связи справедливо суждение Е. К. Газдановой о том, что согласие потерпевшего должно характеризоваться «объективными и субъективными признаками правомерности» [Газданова 2011, с. 42], с учетом которых и возможно будет не только установить его наличие или отсутствие, но также отграничить от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

2. Согласие потерпевшего рассматривается как основание освобождения от уголовной ответственности виновного.

В отличие от рассмотренного выше подхода о наделении согласия потерпевшего на причинение вреда в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, учет его как основания освобождения от уголовной ответственности находит свое подтверждение в конкретных нормах действующего уголовного закона.

Так, согласно примечанию к ст. 122 УК РФ «лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения». В указанной ситуации согласие потерпевшего выступает как «утвердительный ответ на вступление в физический контакт с инфицированным лицом» [Плешаков, Панов 2009, с. 173]. Потерпевший добровольно и самостоятельно распоряжается таким гарантированным законом благом, как собственное здоровье, которому умышленно причиняет вред посредством действий другого лица. Вместе с тем наличие указанного основания для освобождения от уголовной ответственности вызывает и критически негативный отзыв у некоторых исследователей [Москалева, Татьянченко 2019, с. 104]. Спорной в указанном случае видится несоизмеримость общественно опасных последствий, фактически приравненных к тяжкому вреду здоровью, и социальной обусловленности освобождения виновного от уголовной ответственности, по сути приводящей к одобрению государством распространения столь опасного неизлечимого заболевания.

В рамках прим. 1 к ст. 134 УК РФ мы также можем обнаружить диспозитивную норму, предусматривающую согласие потерпевшего, выступающую как основание освобождения от уголовной ответственности виновного. Речь идет о том, что «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Согласно п. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федераии в качестве обязательных условий заключения брака предстают взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. И хотя речь прямо не идет о согласии на причинение вреда (сам смысл ст. 134 УК РФ говорит о добровольности совершаемого виновным и потерпевшим полового сношения), согласие на вступление в брак опосредованно исключает возможность привлечения к ответственности виновного за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, сопряженным с половой неприкосновенностью лиц женского пола, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Полагаем, что в будущем согласие потерпевшего на причинение вреда вряд ли будет пользоваться законодательной поддержкой в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. Слишком много спорных вопросов возникает относительно несопоставимости данного основания с основаниями, закрепленными институтом освобождения от уголовной ответственности в рамках гл. 11 УК РФ. Например, по общим правилам, примирение с потерпевшим (предусмотрено ст. 76 УК РФ) – это добровольный акт, который становится юридически значимым только после причинения вреда правоохраняемым интересам, тогда как согласие становится юридическим фактом исключительно до наступления соответствующих вредных последствий.

3. Согласие потерпевшего рассматривается как смягчающее наказание обстоятельство, учитываемое судами в процессе осуждения виновного в совершении преступления.

На учет согласия потерпевшего на причинение вреда при назначении наказания в качестве смягчающего вину обстоятельства обращают внимание многие исследователи. Обусловлено это тем, что оно, по справедливому суждению М. В. Панова, «уменьшает объем (характер) общественной опасности» [Панов 2009, с. 128].

В пользу отнесения рассматриваемой категории к обстоятельствам, смягчающим наказание, говорит тот факт, что законодательно закрепленный перечень таких обстоятельств является открытым. То есть у судов существует объективная возможность при назначении наказания опираться на любое иное, не предусмотренное пп. «а»–«к» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельство, в том числе учитывать и поведение потерпевшего, которой согласился на причинение себе вреда.

Существует, однако, точка зрения, в соответствии с которой согласие на причинение вреда опосредованно находит свое закрепление в положениях ст. 61 УК РФ. Речь идет о п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ – «совершение преступления по мотиву сострадания». Уместно в этой связи вспомнить институт эвтаназии[1], запрет на применение которой регламентирован ст. 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2]. Согласно данной статье УК РФ «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Такого рода действия подпадают под признаки умышленного причинения смерти со смягчающими обстоятельствами, предусмотренными п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Тем не менее, на наш взгляд, не нужно ставить знак равенства между «мотивом сострадания» и «согласием потерпевшего на причинение вреда». Юридическую разницу в этих категориях поясним согласно теории состава преступления. В первом случае речь идет о характеристике субъективной стороны состава преступления, а во втором – о дополнительном свойстве поведения потерпевшего, выступающего в качестве факультативного признака объекта преступления.

Завершая теоретико-правовое исследование согласия потерпевшего на причинение вреда, отметим, что проведенный анализ продемонстрировал неоднозначность как самого законодательного подхода к решению этого вопроса, так и разрозненность научных концепций. По нашему мнению, учет данного обстоятельства в правоприменительной практике, конечно, необходим. Однако гуманизация уголовного законодательства в этом направлении должна быть разумной и взвешенной. В связи с этим не следует идти по пути нагромождения статей Особенной части УК РФ подобными нормами об освобождении от уголовной ответственности, равно как и не нужно полностью снимать ответственность с лица, причинившего вред потерпевшему, исключая преступность его деяния. Самым разумным подходом нам представляется дополнение ч. 1 ст. 61 УК РФ новым пунктом соответствующего содержания: *«д[1]) совершение преступления в отношении потерпевшего с его согласия»*.

Список цитируемых источников

Блинников 2014 – *Блинников В. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России. М. : Юрлитинформ, 2014. 216 с.

Блинов 2001 – *Блинов А. Г.* Уголовно-правовая охрана прав и свобод пациента в России : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 212 с.

Газданова 2011 – *Газданова Е. К.* Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение : дис. … канд. юрид. наук. М. 2011. 191 с.

Москалева, Татьянченко 2019 – *Москалева Е. Н., Татьянченко Л. Е.* Значение добровольного согласия на заражение ВИЧ-инфекцией для квалификации преступления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7(110). С. 102–107.

Панов 2009 – *Панов М. В.* Согласие потерпевшего на причинение вреда своему здоровью как обстоятельство, смягчающее ответственность // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12(60). С. 127–131.

Панов 2011 – *Панов М. В.* Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 178 с.

[1] Эвтана́зия (от др.-греч. εὖ хорошо + θάνᾰτος смерть) – намеренное ускорение смерти или умервщление неизлечимо больного с целью прекращения его страданий (Новый словать иностранных слов. Минск : Соврем. литератор, 2006. С. 1037.

[2] Российская газета. 2020. 28 дек.

Плешаков, Панов 2009 – *Плешаков А. М., Панов В. М.* Освобождение от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 171–176.

Расторопов 2015 – *Расторопов С. В.* Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4-(91). С. 83–87.

Савинов 2011 – *Савинов А. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, причинившего вред с согласия или по просьбе лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 1-2. С. 320–332.

Сидоренко 2013 – *Сидоренко Э. Л.* Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 418 с.

Соктоев, Ринчинова 2018 – *Соктоев З. Б., Ринчинова А. Р.* Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12(52). С. 121–129.

Сумачев 2006 – *Сумачев А. В.* Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 346 с.

References

Blinnikov, V. A. (2014), *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya v ugolovnom prave Rossii* [Circumstances excluding criminality in the criminal law of Russia], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Blinov, A. G. (2001), Criminal legal protection of patient's rights and freedoms in Russia, Ph.D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russia.

Gazdanova, E. K. (2011), Consent of the victim in criminal law: concept, characteristics, meaning, Ph.D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Kutafin Moscow State Legal Academy, Moscow, Russia.

Moskaleva, E. N. and Tat'yanchenko, L. E. (2019), "The value of voluntary consent to HIV infection for qualifying a crime", *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie,* no. 7(110),pp. 102–107.

Panov, M. V. (2009), "Consent of the victim to harm his health as a circumstance mitigating responsibility", *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika,* no. 12(60), pp. 127–131.

Panov, M. V. (2011), "Criminal-legal value of the victim's consent to harm his health", Ph.D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Pleshakov, A. M. and Panov, V. M. (2009), "Exemption from criminal liability for HIV infection: theoretical and applied aspects", *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii,* no. 6, pp. 171–176.

Rastoropov, S. V. "Consent to harm to one's own health and its criminal law significance", *Chelovek: prestuplenie i nakazanie,* no. 4(91), pp. 83–87.

Savinov, A. V. (2011), "Circumstances excluding the criminality of an act that caused harm with the consent or at the request of a person", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i pravovy'e nauki,* no. 1-2, pp. 320–332.

Sidorenko, E. L. (2013), Dispositiveness as a regime of criminal legal regulation, D.Sc. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Moscow, Russia.

Soktoev, Z. B. and Rinchinova, A. R. (2018), "Consent of a person to harm his life and health", *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina,* no. 12(52), pp. 121–129.

Sumachev, A. V. "Dispositiveness in criminal law: theoretical and applied analysis", D.Sc. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Ural State Legal Academy, Yekaterinburg, Russia.

Информация об авторе

Еськова Лидия Константиновна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; lidiy_1987@mail.ru

Information about the author

Es'kova Lidiya K.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; lidiy_1987@mail.ru

Для цитирования

Еськова Л. К. Согласие потерпевшего на причинение вреда в уголовном праве: теоретико-правовое исследование // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 28–32.

For citation

E'skova, L. K. (2021), "Victim's consent to causing harm in criminal law: theoretical and legal research", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 28–32.

УДК 347.963

П. И. Иванов[1]
[1]*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

P. I. Ivanov[1]
[1]*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, сущность и содержание)

Organization of Prosecutor's supervision of police intelligence (concept, essence and content)

Ключевые слова: организация; прокурорский надзор; оперативно-розыскная деятельность; исполнение законов.

Аннотация. В статье в интересах поиска новых подходов анализируются понятие, сущность и содержание организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также ее специфические особенности. Определены проблемы и пути их решения.

Key words: organization; public Prosecutor's supervision; crime detection; law enforcement.

Abstract. In this scientific article in a search for new approaches examines the concept, nature and content of the organization of Prosecutor's supervision over execution of laws by bodies carrying out operative-search activities, as well as its specific features. Problems and ways to solve them are identified.

Для теории прокурорского надзора и теории оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) проблема организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД[1], не нова. Она постоянно находится в центре внимания ученых. Свои научные труды этой проблеме, в частности, посвящали такие известные авторы, как: А. Д. Берензон [Берензон, Мелкулов 1974], Ю. Е. Винокуров [Винокуров 2006], О. С. Капинус [Капинус, Кехлеров 2019], А. Ф. Козусев [Козусев 2010], В. И. Рохлин [Рохлин 2007; Рохлин, Стуканов 2000], А. Ф. Смирнов [Смирнов 2005] и многие другие, – работы которых внесли значительный вклад в развитие как теории прокурорского надзора, так и управления в органах прокуратуры.

Постоянные перемены, происходящие в обществе, обусловленные прежде всего состоянием законности и правопорядка в стране, влекут за собой в первую очередь изменения задач и функций органов прокуратуры. Не остается неизменной и организация прокурорского надзора за ОРД. Как показывают изучение и анализ научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики, в теории прокурорского надзора вопрос о его организации стоит весьма остро. Основными причинами такого положения дел, на наш взгляд, являются наличие проблем в ее нормативно-правовом регулировании, недостаточная теоретическая их разработка, имеющиеся просчеты и упущения правоприменительной практики, не способствующие укреплению законности в сфере ОРД. Продолжают иметь место многочисленные нарушения законов при ее осуществлении. Прокурорский надзор, по нашему мнению, еще не стал действенным инструментом в их выявлении и своевременном устранении, обеспечении режима законности и соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Как известно, прокурорский надзор и его организация не идентичные понятия. Если судить по степени научной их разработанности, то складывается следующая картина: сегодня работ, посвященных прокурорскому надзору за ОРД, достаточно много, в том числе имеется даже докторская диссертация, чего не скажешь об организации прокурорского надзора. Этому вопросу, в частности, посвятили свои научные статьи Г. В. Дытченко, А. Ф. Козусев, И. А. Одношевин, В. Н. Осипкин. Полагаем, что этого недостаточно, поскольку даже понятийно-категориальный аппарат во многом несовершенен, устаревает.

Как нам представляется, сейчас нуждаются в уточнении понятие «организация», ее сущность и содержание, а также основные направления ее совершенствования, хотя бы исходя из задач, сформулированных в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627[2].

[1] Термины «прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью», «прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность», «прокурорский надзор за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», «прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности» используются нами как тождественные понятия.

© Иванов П. И., 2021

[2] Законность. 2017. № 12(998). С. 55–56.

Подавляющее большинство исследователей, рассматривая прокурорский надзор за ОРД, выделяют следующие характерные его черты: предназначение надзора как основной функции органов прокуратуры; значимость в укреплении законности в сфере ОРД; данный вид надзора как эффективная форма государственного контроля в обеспечении верховенства закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий; прокурорский надзор – один из действенных инструментов в обеспечении решения задач, стоящих перед ОРД [Зорькин 2018, с. 331–332]. Со своей стороны полагаем, что эти признаки во многом подчеркивают не только важность и значимость названного вида прокурорского надзора, но и отличие его от иных отраслей.

Согласно Толковому словарю русского языка слово «организация» имеет много значений, одно из них – организовать, т. е. упорядочить что-нибудь[1]. На наш взгляд, указанное значение наиболее подходит к рассматриваемой нами проблеме.

Между тем следует иметь в виду, что понятия «организация» и «управление» по своему содержанию не идентичны. В теории управления понятие «организация» рассматривается в двух значениях: 1) состояние системы, которое отражает ее статическое состояние на определенный отрезок времени в соответствии закрепленным нормативным правовым актом; 2) функция управления, приводящая систему в движение (динамическое состояние) [Туманов 1972]. Для этого создаются по направлениям деятельности специальные организационно-функциональные структуры.

Из двух указанных значений организация как функция управления полностью укладывается в предмет рассматриваемой нами статьи. Данная функция имеет весьма сложную структуру, включающую большое множество взаимосвязанных элементов, а именно: определение приоритетных направлений деятельности; информационно-аналитическую работу; нормотворческую деятельность; организационно-структурное построение; прогнозирование; планирование; внутреннее и внешнее взаимодействие; контроль; оказание практической помощи; обмен положительным опытом работы; учет и оценку работы. Думается, что особой надобности в раскрытии содержания каждого указанного нами элемента организации нет, ибо они в теории управления обстоятельно рассмотрены и охарактеризованы.

Казалось бы, перечисленные элементы, взятые вместе, должны составлять само содержание организации. Однако мы считаем это не совсем так, ибо в содержательном плане организация предполагает две группы мер: 1) организационно-управленческие, которые только что мы представили; 2) организационно-тактические, включающие перечень субъектов и объектов прокурорского надзора, его форм, методов и средств, поводы и основания прокурорской проверки.

Относительно содержания в юридической литературе существует несколько иное мнение. Содержание организации прокурорско-надзорной деятельности в теории прокурорского надзора выражается в единой системе действий, мер, включающей в себя три подсистемы: внутрифункциональную (внутрисистемную), внешнефункциональную и вспомогательную [Капинус, Кехлеров 2019, с. 45–46]. Как нам представляется, названные подсистемы находятся в тесной взаимосвязи. В указанном источнике они авторами рассмотрены обстоятельно и нет, на наш взгляд, надобности их пересказывать.

Теперь вновь обратимся к понятию «организация».

Вот одно из них. Укажем лишь ключевые моменты, на которых делают свой акцент авторы при определении понятия «организация», к их числу относят: а) правильную расстановку кадров; б) обеспечение слаженности их деятельности. По мнению ученых, это возможно, когда четко разграничены должностные обязанности сотрудников. Другим условием является налаженность их взаимодействия [Герасимов 2003, с. 58]. Мы полагаем, что такое понимание также имеет право на существование. Однако оно не учитывает ряд компонентов для того, чтобы получить желаемый результат при наименьших затратах материальных и иных ресурсов.

На суд научной общественности представляем другую дефиницию, авторы которой организацию прокурорского надзора определяют в связке с организацией работы в органах прокуратуры, подчеркивая при этом такие концептуальные положения, как комплекс взаимосвязанных действий, направленных на реализацию целей и задач, стоящих перед прокуратурой; обеспечение тесного взаимодействия органов, подразделений и должностных лиц посредством разграничения их компетенции; упорядочение состояния системы с учетом осуществляемых ею функций по укреплению законности [Капинус, Кехлеров 2019, с. 45].

Рассмотрим еще одно определение, автор которого считает, что организация – это система, состоящая из множества взаимосвязанных подсистем. В обобщенном виде организацию определяют как устойчивую систему, состоящую из совместно работающих индивидов на основе иерархии рангов и разделения труда для достижения общих целей [Винокуров 2006, с. 97].

Как видно из приведенного определения, речь идет не об организации прокурорского надзора за ОРД, а об организации работы в органах про-

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП, 2006. С. 458.

куратуры в целом. Вместе с тем содержащиеся в них важные положения, безусловно, затрагивают и рассматриваемую нами область деятельности.

Отталкиваясь от общего понятия «организация», предпримем попытку сформулировать авторское определение организации прокурорского надзора за ОРД.

Под организацией нами понимается вид деятельности уполномоченного прокурора, осуществляемой в соответствии с нормами федеральных законов от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1] (далее: ФЗ о прокуратуре) и от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] (далее: ФЗ об ОРД) путем разработки и принятия им управленческих решений (приказ, распоряжение, указание, план и т. п.) и направленной на упорядочение деятельности поднадзорных органов по осуществлению их проверки на предмет соответствия выполняемых ими функций требованиям законности. Итак, организация – это комплекс целенаправленных организационно-управленческих и организационно-тактических мер, применяемых уполномоченными прокурорами на своем уровне, по созданию необходимых условий для эффективного осуществления ими прокурорской проверки в поднадзорном органе.

Понятие «организация» может быть рассмотрено как в узком смысле слова, так и в широком его значении. Приведенное нами авторское определение есть узкое понимание анализируемого понятия. В широком значении это комплекс названных выше мер или взаимосвязанных действий.

Квинтэссенция организации работы в органах прокуратуры, как уже отмечали выше, заключается в упорядочении совместной деятельности в целях повышения ее эффективности посредством создания для этого необходимых условий работы для каждого его субъекта.

Между тем специалисты теории прокурорского надзора утверждают, что сущность же прокурорского надзора, по их мнению, заключается в обеспечении должного правового режима. При этом они предостерегают проверяющих, чтобы они не вторгались в конкретную оперативно-служебную деятельность поднадзорных органов. Одновременно ими подчеркивается, что правоотношения, возникающие в сфере прокурорского надзора, существенным образом отличаются от иных его видов. Уполномоченный прокурор, выявив нарушения законов, может лишь предложить соответствующим компетентным органам и должностным лицам устранить их либо решить вопрос об ответственности виновных лиц [Маршунов 1991, с. 31].

Надо признаться, что мы сущность организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, понимаем несколько иначе, а именно: осуществление совокупности контрольно-проверочных действий, направленных на достижение целей и решения задач, стоящих перед уполномоченным прокурором. Основная при этом задача – выявление и своевременное устранение нарушений закона.

В рамках настоящей статьи не можем не сказать о том, что законодатель, как нам кажется, при формулировании нормы (ст. 4 «Принципы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации» ФЗ о прокуратуре) избрал весьма оригинальное выражение «организация и деятельность прокуратуры». Обычно говорят об организации в связке с самой деятельностью, а тут получается: организация прокуратуры и деятельность прокуратуры. Как нам представляется, в приведенном словосочетании как бы выпадает организация деятельности. В связи с этим возникает вопрос: может ли надзор обойтись без его заблаговременной организации? Считаем, что любая деятельность ради успешного достижения преследуемых ею целей и решения, стоящих перед ней задач, объективно нуждается в организации.

Каковы же особенности организации прокурорского надзора за ОРД, чем они обусловлены? Сегодня эти и другие вопросы, безусловно, волнуют научное сообщество. Забегая вперед, отметим, что их достаточно много. К их числу мы относим такие характерные из них, как:

– соотношение прокурорского надзора с иными его видами [Патрушев 2019a; Патрушев 2019b; Патрушев 2019c]. Сама технология его осуществления регламентирована подзаконным нормативным правовым актом. На наш взгляд, это обстоятельство накладывает свой отпечаток;

– относительно самостоятельный вид государственной деятельности;

– организация прокурорского надзора специально управомоченным органом государства (прокуратурой). Это деятельность не всех государственных органов, а лишь тех, которые исчерпывающе обозначены в законе (субъекты прокурорского надзора). Иными словами, речь идет о невозможности осуществления этой функции другим государственным органом;

– организация прокурорского надзора за ОРД как исключительная компетенция уполномоченного прокурора;

– недопустимость любого вмешательства в оперативно-служебную деятельность поднадзорного органа, проверяемого на предмет исполнения законов в сфере ОРД;

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

[2] Там же. № 33, ст. 3349.

– совокупность правоотношений, возникающих в процессе осуществления рассматриваемого вида прокурорского надзора (объект прокурорского надзора);

– строго определенный круг субъектов организации прокурорского надзора за ОРД;

– полномочия уполномоченного прокурора (совокупность прав и обязанностей), а также акты прокурорского надзора.

Особенности организации прокурорского надзора во многом обусловлены совокупностью факторов [Иванов 2020а], которые условно можно разделить на внутренние и внешние. Учитывая то обстоятельство, что они нами ранее подробно рассматривались, считаем, что нет особой нужды повторно обращаться к ним.

И организация, и деятельность прокуратуры основываются на одних и тех же принципах (основополагающих началах) (ст. 4 ФЗ о прокуратуре), поскольку они тесно взаимосвязаны и нацеливают органы прокуратуры на решение задач, стоящих перед ними.

Говоря о принципах, особо следует остановиться на принципах организации прокурорского надзора, поскольку, будучи основополагающим началом, они вместе с тем выступают как основная ее особенность. Мы считаем, что прокурорский надзор за ОРД, помимо тех принципов, которые закреплены в ФЗ о прокуратуре (ст. 4) и ФЗ об ОРД (ст. 3), должен основываться на таких принципах, как: объективность и всесторонность; достоверность и полнота информации; приоритет мер предупреждения; плановость; гласность; обязательность; сотрудничество субъектов надзора. Из самих названий принципов видно, что они пронизывают широкий круг правоотношений, возникающих при его осуществлении. Невольно возникает вопрос: должны ли указанные принципы закрепляться в каком-то документе? Как нам представляется, это обязательное условие, чтобы они стали руководством к действию. Самым приемлемым вариантом при этом может быть законодательное их закрепление. Однако мы не настаиваем на том, чтобы без предварительного научного обоснования это сделать. Наоборот, мы полагаем, что такая всесторонняя проработка является одним из основных условий в принятии решении данного вопроса.

Как нам представляется, при определении понятия «организация прокурорского надзора» очень важно учесть такие свойства (признаки), как:

– организация деятельности органа прокуратуры – это функция прокурора-руководителя (должностного лица, возглавляющего орган прокуратуры, или его заместителя). Эти лица одновременно являются субъектами управления, реализующими в пределах установленной компетенции определенные полномочия при осуществлении возложенных на прокуратуру функций;

– организация прокурорского надзора за ОРД – это деятельность уполномоченного прокурора, наделенного правом применения средств прокурорского реагирования. Данное должностное лицо обязано реализовать в пределах установленной компетенции определенные полномочия при осуществлении прокурорского надзора за ОРД путем проверки поднадзорных органов присущими ему правовыми средствами надзора;

– процедура организации прокурорского надзора, предусмотренная, в частности, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: Приказ № 33), которая соответствует требованиям ФЗ о прокуратуре.

Невольно возникает вопрос: какая необходимость тогда в рассмотрении организации прокурорского надзора за ОРД, если она детально прописана и урегулирована нормативными правовыми актами в настоящее время? Отвечая на него, надо сказать, что в обобщенном виде суть проблемы, на наш взгляд, заключается в необходимости разрешения противоречий между объективной потребностью в повышении эффективности организации прокурорского надзора за ОРД и неполнотой современных научно обоснованных представлений об этом виде надзора.

В качестве подтверждения сказанного приведем мнение С. И. Захарцева и Н. О. Кирюшкиной, справедливо утверждающих, что не все уполномоченные прокуроры хорошо знают тонкости механизма осуществления оперативно-розыскной работы. Среди них есть и такие, которые слабо представляют о них. А это нередко приводит к недопониманию между уполномоченными прокурорами и оперативными работниками [Захарцев, Кирюшкина 2015, с. 144]. Однако это вовсе не означает, что надо отказаться от прокурорского надзора за ОРД. Наоборот, практика убедительно доказывает, что подавляющее большинство серьезных нарушений в сфере ОРД выявляется в ходе проверки прокурорами. В связи с этим, на наш взгляд, сегодня нет никаких предпосылок для того, чтобы как-то ограничить прокурорский надзор либо его не осуществлять вовсе. Отдельные исследователи справедливо констатируют, что опыт объективно свидетельствует о том, что как только пропадает надзор со стороны, сразу появляются серьезные нарушения [Рохлин 2007].

С учетом вышеизложенного мы считаем, что организация прокурорского надзора за ОРД пред-

[1] Законность. 2011. № 5.

полагает последовательное осуществление следующего алгоритма действий:

– оформление в установленном порядке допуска уполномоченного прокурора;

– издание приказа, в котором определяется прокурор, уполномоченный осуществлять надзор за исполнением законов при осуществлении ОРД, и лицо, на которое возлагается ведение секретного делопроизводства;

– информирование в письменном виде соответствующих оперативных подразделений об уполномоченном прокуроре и лицах, ведущих секретное делопроизводство;

– распределение обязанностей между уполномоченными прокурорами;

– обеспечение ведения делопроизводства, исключающего утечку информации;

– обеспечение незамедлительного проведения служебной проверки в случаях утечки информации.

С нашей точки зрения, представленная общая схема организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД отражает ее основные направления деятельности. Как мы уже отмечали, более детально они определены и закреплены в Приказе № 33.

Уполномоченный на то прокурор, организуя проверку поднадзорного органа, должен знать хотя бы примерный перечень наиболее распространенных нарушений законов, допускаемых при осуществлении ОРД. Как показывает правоприменительная практика и результаты исследований, ими чаще всего выступают:

– непринятие оперативными подразделениями действенных мер в целях решения задач, стоящих перед ОРД;

– осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий без предварительного заведения дела оперативного учета;

– нарушение установленных ведомственными нормативными правовыми актами сроков ведения дела оперативного учета;

– необоснованное его заведение, приостановление либо прекращение;

– проведение по таким делам оперативно-профилактических, оперативно-технических и иных мероприятий, не предусмотренных действующим законодательством;

– проведение неправомочным должностным лицом оперативно-розыскных мероприятий;

– проведение комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий без достаточных на то оснований;

– осуществление с нарушением установленных законом условий оперативно-розыскных мероприятий;

– несвоевременное представление результатов ОРД следователю для возбуждения уголовного дела.

Приведенный перечень типичных нарушений, безусловно, не исчерпывающий, так как их достаточно много. Мы проанализировали мнения исследователей, которые по-разному относятся к указанным нарушениям, подавляющая их часть указывает на необходимость усиления прокурорского надзора, в том числе путем привлечения к ответственности виновных в нарушении закона [Иванов 2020b].

Эти нарушения, на наш взгляд, должны знать не только уполномоченные прокуроры, но и руководители оперативных подразделений полиции для того, чтобы устранить их в ходе осуществления ими контроля [Иванов 2020c].

Думается, что сам факт наличия нарушений во многом говорит о том, что какое-то звено недорабатывает или же существующий механизм не функционирует так, как хотелось бы, т. е. дает сбои. Исследователи стали задумываться над этим. Так, Г. В. Дытченко полагает, что в целях совершенствования организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД необходимо: структурно-функциональное обеспечение[1], в том числе путем модернизации действующей организационной структуры; принятие мер по разработке современной методики подготовки кадров; оптимизация внешнего и внутрисистемного взаимодействия на основе применения, прежде всего, интеграционного подхода особенно при выборе их форм и методов [Дытченко 2020, с. 104].

Мы разделяем мнение данного автора и считаем, что любая функция согласно теории управления должна быть организационно обеспечена. Одновременно полагаем, что реализация прокуратурой надзорной функции – это процесс последовательно осуществляемых в интересах достижения ее цели совокупности действий. И организационно-структурное построение рассматриваемой линии работы, и сами предпринимаемые действия находятся в постоянном динамическом состоянии. Думается, не следует выступать в тех или иных неожиданных для нас ситуациях в роли догоняющих. Необходимо нам научиться работать на опережение. В этом плане высказанные Г. В. Дытченко предложения, на наш взгляд, заслуживают определенного внимания.

[1] В настоящее время ни одно из структурных подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации не осуществляет функцию надзора за исполнением законов в ОРД в качестве основной. Как и в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, в прокуратурах субъектов Российской Федерации, как правило, отсутствуют самостоятельные структурные подразделения, осуществляющие функцию надзора за исполнением законов в ОРД в качестве основной.

Нельзя не согласиться с мнениями С. И. Захарцева и Н. О. Кирюшкиной в части наличия сегодня целого ряда проблем, возникающих при осуществлении прокурорского надзора за ОРД. Мы остановимся лишь на двух из них.

Первая, скорее всего, адресована научному сообществу. В настоящее время, несмотря на накопленный с 1992 г. опыт организации прокурорского надзора за ОРД, все же не удалось предложить практикам такой процесс надзора, который бы устраивал как работников органа прокуратуры, так и оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД. В чем же тут причина? Она одна – ведомственный подход при изучении состояния проблемы, связанной с организацией прокурорского надзора [Захарцев, Кирюшкина 2015, с. 143–144]. Со своей стороны полагаем, что здесь, вероятно, идет речь о необходимости разработки на основе углубленного изучения и анализа накопленного опыта *типовой модели организации прокурорского надзора за ОРД,* отвечающей современным реалиям.

Вторая проблема, на которую указывают вышеназванные авторы, на наш взгляд, глобальная (стратегическая), требующая пересмотра нормативного правового регулирования анализируемого вида надзора, поскольку полномочия прокурора по надзору за ОРД, как известно, сегодня регулируются приказами Генерального прокурора Российской Федерации, что является, по мнению С. И. Захарцева и Н. О. Кирюшкиной, не вполне верным. Они считают предпочтительным такой вариант, когда полномочия закрепляются в законодательном акте. Для этого предлагается внести дополнительные статьи как в ФЗ об ОРД, так и в ФЗ о прокуратуре. Авторы данного предложения рекомендуют подготовить указанный законопроект не внутри какого-либо одного ведомства, а с помощью межведомственной комиссии [Захарцев, Кирюшкина 2015, с. 145]. Считаем, что это самое разумное решение.

Как нам представляется, одним из направлений совершенствования организации прокурорского надзора за ОРД должно оставаться использование возможностей цифровых технологий, понимаемых нами как дискретная система, которая базируется на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени. На это ориентирует и принятая в 2017 г. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, которая, на наш взгляд, создает реальные предпосылки.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные нами в настоящей статье, бесспорны. Некоторые из них носят полемический характер, следовательно, они нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Во-вторых, в научных трудах по вопросам понятия, сущности и содержания организации прокурорского надзора за ОРД высказаны различные суждения. Единства мнений по ним у авторов пока нет, а потому для указанных вопросов требуется их дальнейшее изучение.

В-третьих, сегодня отсутствует единое мнение и по содержанию организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Сформулированные в статье положения далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, но они, на наш взгляд, могут быть использованы в качестве исходных посылок для дальнейшего глубокого и всестороннего ее исследования.

В-четвертых, проблема организация прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД многогранна и многоаспектна.

Список цитируемых источников

Берензон, Мелкулов 1974 – Работа прокурора по общему надзору. Вопросы общей методики / под ред. А. Д. Берензона, В. Г. Мелкумова. М. : Юрид. лит., 1974. 144 с.

Винокуров 2006 – Прокурорский надзор / под науч. ред. Ю. Е. Винокурова. М. : Экзамен, 2006. 542 с.

Герасимов 2003 – Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка : Экслит, 2003. 848 с.

Дытченко 2020 – *Дытченко Г. В.* Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. М. : КноРус, 2020. 182 с.

Захарцев, Кирюшкина 2015 – *Захарцев С. И., Кирюшкина Н. О.* Основы организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 137–148.

Зорькин 2018 – Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. и ред. В. Д. Зорькина. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 574 с.

Иванов 2020а – *Иванов П. И.* Факторы, обусловливающие особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2020. № 3. С. 139–142.

Иванов 2020b – *Иванов П. И.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: поводы и основания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2(93). С. 236–248.

Иванов 2020c – *Иванов П. И.* Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 67–72.

Капинус, Кехлеров 2019 – Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. М. : Юрайт, 2019. 481 с.

Козусев 2010 – *Козусев А. Ф.* Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 3–19.

Маршунов 1991 – *Маршунов М. Н.* Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. 128 с.

Патрушев 2019a – *Патрушев Н. А.* О сущности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 4. С. 169–171.

Патрушев 2019b – *Патрушев Н. А.* О понятии прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 6. С. 184–186.

Патрушев 2019c – *Патрушев Н. А.* Место и роль прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в правоохранительной системе // Закон и право. 2019. № 7. С. 155–157.

Рохлин 2007 – Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 409 с.

Рохлин, Стуканов 2000 – *Рохлин В. И., Стуканов А. П.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 5(232). С. 154–163.

Смирнов 2005 – Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации / под общ. ред. А. Ф. Смирнова. М. : ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 334 с.

Туманов 1972 – *Туманов Г. А.* Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М. : Юрид. лит, 1972. 232 с.

References

Berenzon, A. D. and Melkulov, V. G. (ed.) (1974), *Rabota prokurora po obshchemu nadzoru. Voprosy' obshchei metodiki* [Prosecutor's work on General supervision. The questions of General methodology], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Dy'tchenko, G. V. (2020), *Razvitie prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov v operativno-rozy'sknoi deyatel'nosti* [Development of Prosecutor's supervision over the execution of laws in operational search activities], KnoRus, Moscow, Russia.

Gerasimov, S. I. (ed.) (2003), *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of public Prosecutor], NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, Moscow, Russia.

Ivanov, P. I. (2020a), "Factors that determine the specifics of the organization of Prosecutor's supervision over the implementation of laws by bodies engaged in operational investigative activities", *Zakon i parvo,* no. 3, pp. 139–142.

Ivanov, P. I. (2020b), "Prosecutor's supervision over the implementation of laws by bodies engaged in operational search activities: reasons and grounds", *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii,* no. 2(93), pp. 236–248.

Ivanov, P. I. (2020c), "Issues of correlation between control and supervision of operational investigative activities (concepts and signs of their differentiation)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 67–72.

Kapinus, O. S. and Kekhlerov, S. G. (ed.) (2019), *Nastol'naya kniga prokurora, v 2 ch., ch. 1* [The Prosecutor's handbook, in 2 parts, part 1], Yurait, Moscow, Russia.

Kozusev, A. F. (2010), "Powers of the Prosecutor to supervise the implementation of laws in operational search activities", *Zakony' Rossii: opy't, analiz, praktika,* no. 10, pp. 3–19.

Marshunov, M. N. (1991), *Prokurorsko-nadzornoe pravo. Problemy' pravovogo regulirovaniya* [Prosecutor's and Supervisory law. Problems of legal regulation], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, Russia.

Patrushev, N. A. (2019a), "On the essence of prosecutorial supervision over the execution of laws by the bodies engaged in operational search activities", *Zakon i parvo,* no. 4, pp. 169–171.

Patrushev, N. A. (2019b), "On the concept of Prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies engaged in operational investigative activities", *Zakon i parvo,* no. 6, pp. 184–186.

Patrushev, N. A. (2019c), "The place and role of Prosecutor's supervision over the implementation of laws by bodies engaged in operational search activities in the law enforcement system", *Zakon i parvo,* no. 7, pp. 155–157.

Rokhlin, V. I. (2007), *Institut reabilitatsii v rossiiskom zakonodatel'stve: vozniknovenie, razvitie, ponyatie, perspektivy'* [Institute of rehabilitation in Russian legislation: origin, development, concept, prospects], Yuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, Russia.

Rokhlin, V. I. and Stukanov, A. P. (2000), "Prosecutor's supervision in the Russian Federation: problems and prospects", *Izvestiya vy'sshikh uchebny'kh zavedenii. Pravovedenie,* no. 5(232), pp. 154–163.

Smirnov, A. F. (ed.) (2005), *Osnovy' organizatsii i upravleniya v organakh prokuratury' Rossiiskoi Federatsii* [Fundamentals of organization and management in the Prosecutor's office of the Russian Federation], Institut povy'sheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh kadrov General'noi prokuratury' Rossiiskoi Federatsii, Moscow, Russia.

Tumanov, G. A. (1972), *Organizatsiya upravleniya v sfere okhrany' obshchestvennogo poryadka* [Organization of management in the field of public order protection], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Vinokurov, Yu. E. (ed.) (2006), *Prokurorskii nadzor* [Prosecutorial supervision], Ekzamen, Moscow, Russia.

Zakhartsev, S. I. and Kiryushkina, N. O. (2015), "Fundamentals of the organization of prosecutorial supervision of operational search activities", *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost ',* no. 8, pp. 137–148.

Zor'kin, V. D. (ed.) (2018), *Kommentarii k Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozy'sknoi deyatel'nosti": s prilozheniem reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii i obzorov praktiki Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Commentary on the Federal law "On operational search activities": with the appendix of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of human rights], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иванов Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; IvanovPI1952@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Petr I.,

doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; IvanovPI1952@yandex.ru

Для цитирования

Иванов П. И. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, сущность и содержание) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 31–40.

For citation

Ivanov, P. I. (2021), "Organization of Prosecutor's supervision of police intelligence (concept, essence and content)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 31–40.

УДК 343.8:623.44

Р. М. Карабанов[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
R. M. Karabanov[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Правовое регулирование и особенности применения электрошоковых специальных средств в уголовно-исполнительной системе

The legal regulation and features of the use of special electroshock means in the penal system

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; принуждение; специальные средства; электрошоковые устройства; воздействие; нормы; последствия.

Аннотация. В статье исследуются особенности и последствия применения специальных средств электрошокового воздействия сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также достаточность правовых норм, регламентирующих реализацию соответствующих мер предупреждения и принуждения. Проанализированы типовые требования по основаниям, условиям и ограничениям применения электрошоковых устройств. Выявлены особенности специальных электрошоковых устройств, обеспечивающие обратимый характер последствий их воздействия для здоровья объекта принуждения. Определены типовые психофизиологические реакции организма, являющиеся следствием электрошокового воздействия. Обозначены возможные ситуации правовой оценки превышения должностных полномочий в ходе применения специальных средств электрошокового воздействия. Предложены направления расширения правоограничительного потенциала использования специальных электрошоковых средств, а также совершенствования правовых норм на основе дифференциации ответственности за характер и последствия принуждения. Внесены предложения по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы с целью обеспечения правомерного, эффективного и безопасного применения специальных средств электрошокового воздействия для соблюдения законности и правопорядка.

Key words: penal system; coercion; special means; electroshock devices; impact; norms; consequences.

Abstract. The article examines the features and consequences of the use of special means of electroshock exposure by employees of the penal system, as well as the sufficiency of legal norms governing the implementation of appropriate measures of prevention and coercion. Analyzed the standard requirements for the grounds, conditions and restrictions on the use of electroshock devices. The features of special electroshock devices are revealed, which ensure the reversible nature of the consequences of their impact on the health of the object of coercion. Typical psychophysiological reactions of the body, which are a consequence of the electroshock, are determined. Possible situations of legal assessment of the abuse of official powers in the course of the use of special means of electroshock exposure are indicated. The directions of expanding the law-limiting potential of using special electroshock means, as well as improving legal norms based on differentiating responsibility for the nature and consequences of coercion, are proposed. Proposals are outlined for improving the professional training of employees of the penal system in order to ensure the lawful, effective and safe use of special means of electroshock to ensure law and order.

Последнее десятилетие в России характеризуется совершенствованием уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в целом. Изменился подход к обеспечению правопорядка, общественной безопасности, технической оснащенности подразделений охраны и безопасности, применению сотрудниками специальных средств. Принципы гуманизма и законности, уважения и строгого соблюдения прав и свобод человека положены в основу деятельности исправительных учреждений.

В то же время, по информации о достигнутых результатах во ФСИН России в 2019 г., в учреждениях УИС: совместными действиями караулов и дежурных смен пресечено 6 покушений на побег из-под охраны и 9 проникновений в запретную зону, допущено 3 побега из-под охраны; в результате применения сил и средств кинологической службы УИС пресечены 1 побег из-под охраны, 1 побег из-под надзора, 1 023 попытки переброса (доставки) в учреждения УИС запрещенных предметов, в результате которых задержаны 354 нарушителя; количество побегов из-под надзора в исправительных колониях составило 108 случаев; продолжаются попытки осужденных противодействовать законным требованиям администрации учреждений УИС – выявлено 300 случаев применения насилия в отношении сотрудников УИС, причинен вред здоровью 86 сотрудников УИС; по фактам допущенных осужденными преступлений,

© Карабанов Р. М., 2021

совершенных в отношении персонала УИС, возбуждено 357 уголовных дел, в том числе за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, сопряженную с применением насилия либо угрозами его применения, – 217 дел, за оскорбление сотрудников УИС – 116 дел, за применение насилия в отношении представителя власти – 24 дела[1].

Из этой информации следует, что специфика деятельности учреждений УИС, а также общественный статус спецконтингента и сосредоточение его на ограниченных территориях предполагают определенный уровень криминогенной обстановки и постоянную опасность совершения противоправных действий и преступлений в учреждениях исполнения наказаний и содержания под стражей.

Для обеспечения защиты прав и свобод граждан, поддержания правопорядка, сдерживания противоправных проявлений, а также выполнения других служебных задач сотрудники УИС имеют право применять к правонарушителям меры воздействия и принуждения, физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и порядке, предусмотренных законодательством для сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (УИК РФ, Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»[2], Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[3]). В рамках обеспечения общественной безопасности государства в условиях глобализации также законодательно установлено право применения в установленной сфере деятельности средств сдерживания правонарушений должностными лицами прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов, ряда силовых структур, ведомственной и частной охраны, а также отдельными сотрудниками, категории которых определены законом Российской Федерации, например, частными детективами. Виды и модели специальных средств регламентируются Правительством Российской Федерации.

Нормативными правовыми актами установлено, что во всех случаях применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС должны учитываться создавшаяся обстановка, характер и степень опасности действия нарушителей, характер и сила оказываемого ими сопротивления, а само применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия должно обеспечить наименьшее причинение вреда. Исходя из этого, применение для обеспечения общественной безопасности, поддержания законности и правопорядка в УИС специальных средств, обладающих предупреждающими и сдерживающими свойствами и по последствиям воздействия имеющих обратимый характер (при соблюдении правил эксплуатации и использования), предстает одним из приоритетных способов профилактики и пресечения правонарушений, а также проявлением гуманной государственной политики в деятельности УИС. К таким специальным средствам можно отнести электрошоковые устройства (далее: ЭШУ).

В связи с этим актуальным являются анализ правовой базы использования ЭШУ сотрудниками УИС, достаточности ее для оценки действий сотрудников в случае возможной квалификации их действий как превышения должностных полномочий, а также рассмотрение особенностей использования обеспечивающих правомерность и обратимый характер воздействия ЭШУ на организм объекта принуждения.

Нормативная правовая база: в сфере деятельности УИС регулирует правоотношения, возникающие при хранении и использовании ЭШУ, устанавливает порядок, условия и ограничения их применения; в сфере технического регулирования определяет требования к конструкции, параметрам, особенностям использования ЭШУ; в сфере здравоохранения устанавливает для производителей нормы выходных параметров (допустимого воздействия на человека поражающих факторов) отечественных ЭШУ и искровых разрядников.

Применение ЭШУ в Федеральной службе исполнения наказаний регулируется Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее: Закон № 5473-1).

В соответствии со ст. 30 Закона № 5431-1 ЭШУ отнесены к специальным средствам. В этой статье также детализированы случаи применения ЭШУ сотрудниками УИС лично или в составе подразделения (группы).

Характерными случаями правомерного применения ЭШУ являются:

– отражение нападения не только на работников УИС, но и на иных лиц, включая осужденных и лиц, заключенных под стражу;

– задержание правонарушителей, но только при наличии достаточных оснований полагать, что они могут оказать вооруженное сопротивление, а также при совершении побега из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, осужденных и лиц, заключенных под стражу, и для пресечения побега;

[1] Информация о достигнутых результатах. URL: https://fsin.gov.ru/budget/info.php (дата обращения: 01.03.2021).

[2] Российская газета. 1995. 20 июля.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1316.

– пресечение преступления, физического сопротивления, неповиновения или противодействия, связанных с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, массовых беспорядков, групповых нарушений, дезорганизующих деятельность учреждения, исполняющего наказания, следственного изолятора, а также попытки насильственного освобождения осужденных и лиц, заключенных под стражу, из-под охраны при конвоировании;

— освобождение насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств.

Статья 31.4 Закона № 5473-1 распространяет право применения ЭШУ также на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, но только в случаях отражения нападения на работников УИС, осужденных, лиц, заключенных под стражу, и иных лиц, а также пресечения преступлений.

Учитывая высокий правоограничительный потенциал ЭШУ, законодательно установлены соответствующие запреты и ограничения для применения этой категории специальных средств.

Так, п. 4 ст. 31.1 Закона № 5473-1 ограничивает области воздействия ЭШУ на объект принуждения – «не допускается применение электрошоковых устройств в область головы, шеи, солнечного сплетения, половых органов, проекции сердца». В ст. 28.1 определены требования, предшествующие применению сотрудниками УИС специальных средств, сопровождающие, а также, в случае необходимости оказания пострадавшим медицинской помощи, следующие после их применения. Обязательные условия применения ЭШУ предполагают предупреждение о намерении их применения, предоставление достаточного времени для выполнения своих требований, обеспечение наименьшего причинения вреда осужденным, лицам, заключенным под стражу, и иным лицам, а также безотлагательное предоставление пострадавшим медицинской помощи. В качестве ограничений применения специальных средств, указанных в ст. 31.1 Закона № 5473-1, следует отметить категории лиц, в отношении которых запрещено применять специальные средства, включая ЭШУ: женщины с видимыми признаками беременности; лица с явными признаками инвалидности; несовершеннолетние, когда их возраст очевиден или известен сотруднику УИС, за исключением случаев оказания данными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью сотрудника УИС или иного лица, или участия их в массовых беспорядках.

Исходя из анализа рассмотренных условий, ограничений и запретов, можно сделать вывод, что принуждение с использованием ЭШУ носит характер превентивных и сдерживающих мер, ограничивающих противоправные действия нарушителей и, как правило, исключающих необходимость применения к объекту принуждения специальных средств или огнестрельного оружия, способных вызвать необратимые последствия для организма правонарушителя или привести к летальному исходу.

Из этого следует целостный подход, законодательно установленный государством для УИС, к классификации ЭШУ как специальных средств, порядку, особенностям и безопасности их применения в связи с особыми свойствами воздействия на организм объекта принуждения.

Рассматривая техническую сторону исследования, нужно отметить, что ЭШУ относятся к устройствам контактного или контактно-дистанционного электрического воздействия путем генерирования высоковольтных электрических импульсов. К использованию в УИС разрешены только устройства отечественного производства, имеющие выходные параметры, соответствующие требованиям национальных стандартов. Учитывая, что характер последствий для организма человека, вызванных электрошоковым воздействием, определяется в основном техническими параметрами оружия или специального средства, целесообразно рассмотреть требования к производимым ЭШУ.

Для ЭШУ, принятых к использованию сотрудниками правоохранительных органов и силовых структур, технические требования установлены ОСТ 78.01.0009-2002 «Устройства электрошоковые (автономные искровые разрядники) специальные носимые», при этом средняя мощность ЭШУ должна быть не более 10 Вт, максимальное напряжение искрового разряда – 130 кВ [Булатецкий, Саратовский, Ратников, Куфтерин 2018]. Эти параметры отличают специальные средства электрошокового воздействия от гражданского оружия самозащиты, использующегося, например, сотрудниками подразделений транспортной безопасности, ведомственной охраны, частных охранных структур и т. п. Для всех видов ЭШУ время воздействия не должно превышать 3 с, а время паузы между воздействиями – 1 с.

Нормы выходных параметров ЭШУ, характеризующие степень последствий для организма биообъекта, установлены приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 22 октября 2008 г. № 584н «Об утверждении норм допустимого воздействия на человека поражающих факторов гражданского оружия самообороны»[1]. В соответствии с установленными нормами проявление последствий должно выражаться в электроожоге места воздействия, судорожном синдроме, изменении частоты сердечных сокращений и дыхательных движений в течение не более 10 мин с момента воздействия при отсутствии нарушений ритма сердечных сокращений и общей тяжести ответной клинико-фи-

[1] Российская газета. 2008. 21 нояб.

зиологической реакции функциональных систем организма – не более 15 баллов по классификации эффективности поражающего фактора.

Анализ норм выходных параметров свидетельствует об обратимом характере электрошокового воздействия ЭШУ на организм биообъекта при соблюдении соответствия технических параметров ЭШУ требованиям национальных стандартов.

Наличие установленных официально технических характеристик и норм выходных параметров (допустимого воздействия на человека поражающих факторов) ЭШУ и искровых разрядников позволяет их производителям обеспечивать соответствие технических требований параметрам безопасности, а следственным и правозащитным органам при необходимости проводить уголовно-правовую оценку законности, оснований, правильности, а также гуманности применения ЭШУ как средств нелетального, обратимого воздействия.

Основания и ограничения применения ЭШУ как специальных средств в УИС определены в федеральных и ведомственных нормативных правовых актах, приведенных выше, однако следует заметить, что в этих документах основное место отведено описанию типовых ситуаций, в которых субъектам принуждения дано право на использование специальных средств, в то время как оценка характера и последствий воздействия, а также причиняемого вреда от применения ЭШУ в этих документах не проводится. По нашему мнению, правовая регламентация применения ЭШУ сотрудниками УИС требует конкретизации. В связи с этим следует уделить внимание характеру воздействия на организм человека ЭШУ и последствий их применения, так как нарушение порядка использования этих специальных средств, незнание последствий применения и их проявлений, а также неумение оказать пострадавшему первую помощь может привести к необратимым последствиям для здоровья нарушителя и быть квалифицировано как превышение полномочий сотрудником правоохранительных органов в случае подтверждения нарушения охраняемых законом отношений.

В ряде публикаций [Бадяева, Девятериков 2016; Булатецкий, Саратовский, Ратников, Куфтерин 2018; Григорьев, Коклин, Лукьянова, Алексеева 2013; Девятериков 2016; Девятериков, Остапенко 2016] проводится оценка некоторых результатов воздействия ЭШУ на биообъекты, а в других работах [Григорьев, Коклин, Лукьянова, Алексеева 2013; Москвин 2017; Черников, Мельник, Орленко 2017] оценивается степень тяжести ответной реакции организма. Результатом воздействия ЭШУ выступает проявление ряда психофизиологических реакций организма, таких как: болевой синдром, кратковременные шок и дезориентация, судороги, нарушения координации, ритма и частоты сердечных сокращений, частоты дыхания, электроожог [Александров, Филипьев 2017; Булатецкий, Саратовский, Ратников, Куфтерин 2018; Черников, Мельник, Орленко 2017]. Психологическое и болевое воздействие может продолжаться и некоторое время после окончания применения ЭШУ. Однако, в связи с обратимым характером воздействия ЭШУ на организм человека, через короткий промежуток времени функции организма восстанавливаются [Черников, Мельник, Орленко 2017]. Считается, что этого времени достаточно для физической нейтрализации нарушителя [Москвин 2017] и сильного психологического воздействия на него. Следует также учесть, что степень воздействия ЭШУ на нарушителя зависит от ряда факторов: места применения, степени защиты одеждой участка поражения, времени воздействия, восприимчивости организма к электрошоковому воздействию и его физиологического и психологического состояния [Булатецкий, Саратовский, Ратников, Куфтерин 2018; Москвин 2017]. К наиболее уязвимым местам на теле человека следует отнести области, близкие к центральной нервной системе, такие как: верхняя часть груди, солнечное сплетение, шея, пах, область сердца, верхняя часть бедра. В целом последствия электрошокового воздействия на биообъект различаются и зависят от многих факторов.

В то время как исследователи делают заключение о временном характере и обратимости последствий воздействия ЭШУ на биообъект, нужно понимать, что электрошоковое воздействие на организм человека зависит от его психофизиологического состояния, а также особенностей организма в момент применения ЭШУ. Эти немаловажные факторы на практике могут привести к различным последствиям применения ЭШУ для организма человека, включая тяжкие травмы и летальный исход [Москвин 2017], и, являясь скорее исключением, не позволяют гарантированно распространять типовые представления о безопасности ЭШУ на все возможные случаи их применения и соотносить нормы воздействия с последствиями.

Тяжкий вред здоровью объекта принуждения может быть нанесен в результате и не непосредственных последствий применения ЭШУ, а связанных с сопутствующей дезориентацией, нарушением работы вестибулярного аппарата и сопровождающими эти реакции организма падением и ушибами, а также нарушением деятельности сердечно-сосудистой системы и органов дыхания, что может быть расценено как последствия превышения сотрудником должностных полномочий. Такие случаи воздействия ЭШУ на объект принуждения требуют подробного рассмотрения с точки зрения их правомерности, соблюдения порядка, условий и ограничений применения, а также проведения специальных медицинских экспертиз.

В связи с особым характером воздействия на организм человека ЭШУ и возможными последствиями их применения правовая регламентация применения ЭШУ сотрудниками УИС, по нашему мнению, может быть решена путем принятия ведомственного нормативного правового акта, содержащего методические рекомендации по особенностям правового, тактического и технического применения ЭШУ, соблюдению мер безопасности, оценки реакции организма на электрошоковое воздействие, предотвращению возможности необратимого характера последствий применения и оказанию необходимой первой медицинской помощи объекту воздействия. Кроме того, этот документ в разделе приложений мог бы содержать образцы документов, подлежащих оформлению в установленных случаях при применении ЭШУ (рапорт, акт, справка и т. п.).

В настоящее время несовершенство нормативной правовой базы применения специальных средств вызывает в отдельных случаях определенные трудности при оценке действий сотрудников правоохранительных органов [Красильникова 2016; Лоос 2020].

Превышение должностных полномочий сотрудниками УИС при применении ЭШУ влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации, зависящую от вида правонарушения и наступивших последствий. В этих случаях различают ответственность: дисциплинарную, административную, гражданско-правовую, а также уголовную. Уголовная ответственность устанавливается в соответствии со ст. 286, а также в ряде случаев – со ст. 108, 114, 321 УК РФ.

В то же время ст. 286 УК РФ не устанавливает не только признаки, характеризующие деяние в исследуемой норме, но и соответствующую квалификацию деяния в случае конкуренции общей и специальной норм, не учитываются разнообразие обстоятельств, вызванных служебной деятельностью, при которых сотрудниками УИС могут применяться меры безопасности, а также их последствия [Красильникова 2016].

Следовательно, дифференциация степени ответственности сотрудника в зависимости от характера и обстоятельств противоправных действий нарушителя, а также порядка применения специальных средств и нанесенного вреда здоровью нарушителя применительно к ЭШУ нормативными правовыми актами в настоящее время регламентируется не в полной мере. Это нередко затрудняет правовую оценку действий сотрудников в сложных условиях противоправных действий нарушителей и психоэмоционального состояния участников конфликта. Несовершенство законодательной базы может вызывать в таких случаях склонение органов правосудия на сторону потерпевшего и привлечение сотрудника УИС к ответственности за преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, что в ряде случаев может противоречить закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости.

Кроме того, деяние, расцененное как превышение должностных полномочий сотрудника УИС, проявившееся в превышении пределов применения ЭШУ, может квалифицироваться по ч. 2 ст. 108 «Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», ч. 2 ст. 114 «Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Для правильной уголовно-правовой оценки действий сотрудников УИС, связанных с применением ЭШУ, необходимо учитывать не только превышение ими должностных полномочий, но и деяния, влекущие за собой ответственность по общеуголовным нормам, часть которых также будет конкурировать со специальной нормой ст. 286 УК РФ или образовывать с ней совокупность [Красильникова 2016].

Правовая оценка применения специальных средств сотрудниками правоохранительных органов, а также возможного превышения при этом пределов правоограничений, рассматривалась многими авторами [Красильникова 2016; Лоос 2020; Федосеев 2019], которые справедливо замечали, что нередко при правовой оценке действий субъекта принуждения нет возможности дифференцированно классифицировать степень его ответственности.

Кроме того, мы считаем, что следует законодательно принять уточнения, характеризующие степень ответственности как за превышение должностных полномочий, так и за неумышленные, не относящиеся к превышению должностных полномочий деяния, повлекшие нанесение тяжких последствий (вреда) здоровью и жизни объекта принуждения с использованием специальных средств, включая ЭШУ. Это, помимо прочего, в необходимых случаях повысит уголовно-правовую поддержку сотрудников УИС. Кроме того, профессиональная подготовка сотрудников также нуждается в повышении уровня правовой компетентности.

В дополнение к правовой грамотности сотрудник УИС должен быть готов психологически и физически действовать в ситуациях, характеризующихся ограничением времени и пространства, нестандартными окружающими условиями, экстремальностью происходящих событий, а также другими обстоятельствами, значительно усложняющими не только правовой анализ событий, но и практическое выполнение принятого решения.

Однако, учитывая тот факт, что нередко в процессе подготовки сотрудников УИС правовые и тактические вопросы применения специальных средств формируются и развиваются раздельно (в

разных разделах профессиональной подготовки), целесообразно обратить внимание на необходимость комплексного подхода к задаче обеспечения правомерного, технически грамотного и безопасного применения ЭШУ. Кроме того, принимая во внимание то обстоятельство, что в федеральных нормативных правовых актах не содержатся правила и порядок применения ЭШУ (данные сведения изложены в эксплуатационной документации на конкретные образцы технических спецсредств), возникает настоятельная необходимость повышения роли технической подготовки в общей системе служебно-боевой подготовки сотрудников УИС. Поскольку применение ЭШУ как специальных средств предусматривает особую подготовку сотрудников, следовательно, в разделах физической и тактической подготовки эти вопросы также должны быть реализованы. Таким образом, в связи с особым характером порядка применения и особенностей последствий воздействия на организм человека ЭШУ, программы профессиональной подготовки сотрудников, в первую очередь подразделений охраны, режима, конвоирования Федеральной службы исполнения наказаний, должны конкретизировать правовые, технические, тактические и физиологические особенности использования по назначению ЭШУ.

Правомерное и технически грамотное применение электрошоковых специальных средств обеспечивается твердым знанием сотрудниками УИС, наделенными правомочиями применять меры непосредственного принуждения, должностных обязанностей, неукоснительным соблюдением требований нормативных правовых актов, высокими моральными качествами и психологической устойчивостью, уверенным владением тактическими приемами действий в нестандартных ситуациях, знанием устройства, характеристик и возможных последствий использования специальных средств, соблюдением мер безопасности.

По нашему мнению, нормативная правовая база в части применения специальных средств электрошокового воздействия законодателем в целом определена, в ней учтены случаи, условия применения, индивидуальные особенности объекта принуждения, что направлено и на его защиту от необоснованного применения этих специальных средств, а также на минимизацию наступаемых последствий. Однако в настоящее время эта нормативная правовая база не дифференцирует ответственность субъекта принуждения за характер и последствия применения специальных электрошоковых средств, а также за причиняемый вред объекту принуждения, и, по нашему мнению, являясь открытой, требует совершенствования.

В части расширения законодательно установленного правоограничительного потенциала считаем целесообразным перечень запретов и ограничений дополнить на уровне ведомственного нормативного правового регулирования с переносом акцента законности использования ЭШУ в область правоприменения, когда от субъекта принуждения требуется обязательное и пунктуальное соблюдение положений законности.

С целью совершенствования действующего уголовного законодательства, а также в рамках обеспечения сотрудников УИС дополнительной правовой поддержкой при возникновении обстоятельств, исключающих преступность деяния, возможно ввести в гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» статью, характеризующую особую разновидность обстоятельств, исключающих преступность деяния. В этой статье целесообразно закрепить правомерность причинения вреда для обеспечения правопорядка установленными категориями должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в рамках установленных полномочий в случае обоснованной необходимости применения выбранных средств.

В целом совершенствование действующего российского законодательства в сфере применения ЭШУ требует проведения системного анализа теоретико-прикладных аспектов уголовной ответственности сотрудников УИС за неправомерное применение этой категории специальных средств.

Список цитируемых источников

Александров, Филипьев 2017 – *Александров А. С., Филипьев Р. А.* Классификация и перспективы использования электрошоковых устройств в деятельности исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2(31). С. 14–18.

Бадяева, Девятериков 2016 – *Бадяева Е. Е., Девятериков А. А.* Микроскопические особенности экспериментальных повреждений от воздействия электрошокового устройства «АИР-107У» // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. 2016. № 15. С. 62–63.

Булатецкий, Саратовский, Ратников, Куфтерин 2018 – Электрошоковые устройства: медицинский и юридический аспекты применения / С. В. Булатецкий [и др.] // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3, № 7(48). С. 44–46.

Григорьев, Коклин, Лукьянова, Алексеева 2013 – Биологические эффекты импульсного электротока по данным лабораторных испытаний электрошоковых устройств / О. А. Григорьева [и др.] // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. Т. 9, № 4. С. 828–830.

Девятериков 2016 – *Девятериков А. А.* Экспериментальное исследование воздействия электрошокового устройства BL-288 // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. 2016. № 15. С. 63–64.

Девятериков, Остапенко 2016 – *Девятериков А. А., Остапенко Л. С.* Дифференциальная диагностика видов воздействия электрошоковым устройством «АИР-107У» // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. 2016. № 15. С. 65–66.

Красильникова 2016 – Красильникова М. С. Уголовно-правовая оценка применения сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и оружия // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2016. С. 134–138.

Лоос 2020 – *Лоос Е. В.* Ответственность сотрудников полиции за превышение должностных полномочий с применением насилия // Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право. Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С.76–80.

Москвин 2017 – *Москвин М. М.* Особенности правомерного применения электрошоковых устройств сотрудниками полиции // Актуальные вопросы права и правоприменения. Ставрополь : Ставроп. фил. Краснод. ун-та МВД России, 2017. С. 20–25.

Федосеев 2019 – *Федосеев К. В.* О некоторых уголовно-правовых и криминологических аспектах превышения должностных полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 1(32). С. 58–62.

Черников, Мельник, Орленко 2017 – *Черников Н. Д., Мельник К. А., Орленко С. В.* Особенности применения электрошоковых устройств сотрудниками правоохранительных органов // Академическая публицистика. 2017. № 1. С. 271–278.

References

Aleksandrov, A. S. and Filip'ev, R. A. (2017), "Classification and prospects for the use of electroshock devices in the activities of correctional institutions", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 2(31), pp. 14–18.

Badyaeva, E. E. and Devyaterikov, A. A. (2016), "Microscopic features of experimental injuries from the impact of the "AIR-107U? electroshock device", *Izbranny'e voprosy' sudebno-meditsinskoi ekspertizy',* no. 15, pp. 62–63.

Bulatetsky, S. V., Saratovsky, D. V., Ratnikov S. V. and Kufterin, A. N. (2018), "Electroshock devices: medical and legal aspects of application", *Tsentral'ny'i nauchny'i vestnik,* vol. 3, no. 7 (48), pp. 44–46.

Chernikov, D. N., Mel'nik, K. A. and Orlenko, S. V. (2017), "Features of the use of electroshock devices by law enforcement officers", *Akademicheskaya publitsistika,* no. 1, pp. 271–278.

Devyaterikov, A. A. (2016), "Experimental study of the effect of the BL-288 electroshock device", *Izbranny'e voprosy' sudebno-meditsinskoi ekspertizy',* no. 15, pp. 63–64.

Devyaterikov, A. A. and Ostapenko, L. S. (2016), "Differential diagnostics of the types of exposure to the "AIR-107U" electroshock device", *Izbranny'e voprosy' sudebno-meditsinskoi ekspertizy',* no. 15, pp. 65–66.

Fedoseev, K. V. (2019), "On some criminal law and criminological aspects of abuse of office by employees of the penal system", *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii,* no. 1(32), pp. 58–62.

Grigor'ev, O. A., Koklin, A. E., Luk'yanova, S. N. and Alekseeva V. A. (2013), "Biological effects of pulsed electric current according to laboratory tests of electroshock devices", *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal,* vol. 9, no. 4, pp. 828–830.

Krasil'nikova, M. S. (2016), "Criminal law assessment of the use of physical force, special means and weapons by employees of the penal system", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki* [The penal system today: interaction between science and practice], Kuzbasskii institut FSIN Rossii, Novokuznetsk, Russia, pp. 134–138.

Loos, E. V. (2020), "Responsibility of police officers for abuse of office with the use of violence", *Ugolovnoe pravo, kriminologiya, ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Altaiskii yuridicheskii vestnik,* no. 3(31), pp.76–80.

Moskvin, M. M. (2017), "Features of the lawful use of electroshock devices by police officers", *Aktual'ny'e voprosy' prava i pravoprimeneniya* [Topical issues of law and law enforcement], Stavropol'skii filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, Stavropol, Russia, pp. 20–25.

Информация об авторе

Карабанов Ростислав Михайлович,
кандидат технических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; krm730@mail.ru

Information about the author

Karabanov Rostislav M.,
PhD (technology), professor, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; krm730@mail.ru

Для цитирования

Карабанов Р. М. Правовое регулирование и особенности применения электрошоковых специальных средств в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 41–47.

For citation

Karabanov, R. M. (2021), "The legal regulation and features of the use of special electroshock means in the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no.1(58), pp. 41–47.

УДК 343.144

Е. В. Касьянова[1]
[1]*Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Воронеж, Российская Федерация*

E. V. Kas'yanova[1]
[1]*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Voronezh, Russian Federation*

Проблемы привлечения понятых при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей)

Problems of attracting attesting witnesses when conducting identification with the participation of minor victims (witnesses)

Ключевые слова: понятые; несовершеннолетние; следственные действия; предъявление для опознания.

Аннотация. В статье раскрываются проблемы участия понятых при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей). Автор предлагает в качестве средства запечатления результатов опознания с несовершеннолетним использовать видеосъемку, которая наглядно покажет, насколько соблюдены требования закона.

Key words: attesting witnesses; minors; investigative actions; presentation for identification.

Abstract. The article reveals the problems of the participation of attesting witnesses during the identification with the participation of minor victims (witnesses). The author of the article proposes the use of video recording as a means of capturing the results of identification with a minor, it will clearly show how the requirements of the law have been met.

Предъявление для опознания является важным процессуальным средством получения информации при расследовании различных видов преступлений.

Результаты опознания нередко имеют решающее значение в общей системе доказательств по уголовному делу, в связи с чем предполагается тщательная подготовка к его производству, включающая обширный комплекс организационно-плановых мероприятий. Задача следователя состоит не просто в выяснении у допрашиваемого лица, сможет ли оно опознавать лицо или предмет и по каким признакам, но и в последующей грамотной организации проведения опознания, так как его нельзя провести повторно или дополнительно. Наибольшую сложность, на наш взгляд, данное следственное действие приобретает при предъявлении для опознания физических лиц, в особенности если участниками следственного действия выступают несовершеннолетние потерпевшие (свидетели).

Психофизиологические особенности несовершеннолетних, обусловленные их возрастом (повышенная внушаемость, детский возраст, быстрая и высокая утомляемость, детский негативизм и т. п.), привели к необходимости предоставить этим лицам дополнительные гарантии, предусмотрев особые правила их участия в следственных действиях, в том числе и при опознании. Так, в соответствии со ст. 191 УПК РФ, в зависимости от возраста и психического развития, следователь может, а в определенных случаях обязан пригласить педагога или психолога, законного представителя несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего). Участие психолога (педагога) должно обеспечить не только психологический контакт между следователем и подростком, но и не допустить нарушения прав и законных интересов допрашиваемых, тем самым они выполняют функцию не только специалистов, но и правозащитную. Такую же функцию, как и педагог (психолог), выполняют их законные представители, они имеют право задавать вопросы допрашиваемым, а также делать подлежащие внесению в протокол допроса замечания о нарушении прав и законных интересов несовершеннолетних [Петрухин, Михайловская 2010, с. 395–396].

Помимо указанных лиц, в предъявлении для опознания личности с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) законом предусмотрено обязательное участие понятых, а также статистов. Последние, несмотря на их пассивное участие в следственном действии, играют особую роль в ходе опознания, они должны быть сходными по внешности с опознаваемым. В некоторых случаях могут участвовать переводчик и адвокат, выполняющие в ходе опознания присущие им функции.

Рассмотрим более детально роль и значение понятых при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей).

В соответствии со ст. 60 УПК РФ понятой – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания его хода и результатов.

На настоящий момент за отказ быть понятым никакой вид ответственности не предусмотрен. Исходя из положений уголовно-процессуально-

© Касьянова Е. В., 2021

го закона, участие лица в качестве понятого должно быть добровольным. Как правило, понятые приглашаются следователем или лицом, оказывающим сопровождение расследования преступления, перед началом проведения следственного действия. Практика участия понятых и наш собственный опыт показывают, что не у всех граждан есть документы, удостоверяющие их личность, а многие отказываются быть понятыми, ссылаясь на свою занятость. Среди 113 опрошенных нами граждан Воронежской и Липецкой областей в 2020 г. 97 отказывались быть понятыми, мотивируя это тем, что у них нет свободного времени, а также нежеланием сотрудничать с сотрудниками правоохранительных органов, 16 затруднились с ответом. В связи с этим на поиск понятых, которых должно быть не менее двух, уходит много времени. Помимо этого, необходимо пригласить и подобрать статистов, психолога или педагога (были случаи, когда понятые или статисты уходили из кабинета следователя, потому что они уже провели много времени в отделении полиции, а следственное действие так и не началось из-за ожидания других участников).

Однако если же граждане соглашаются быть понятыми, то как убедиться в том, что они действительно могут наблюдать за ходом и результатом следственного действия с участием несовершеннолетнего, способны объективно воспринимать происходящие события, являются незаинтересованными лицами, в последующем не разгласят сведения, ставшие им известными в ходе предварительного расследования, не смогут своим участием оказать негативное воздействие на несовершеннолетнего и т. д.? Ответ на эти вопросы законодатель не дает.

Как позывает практика, при последующем допросе понятых в качестве свидетелей об обстоятельствах их участия в следственном действии, большинство не могут вспомнить даже название следственного действия, в котором они участвовали, никто не делает замечания, которые заносятся в протокол следственного действия. То есть их участие скорее является формальным. Все это порождает неоднозначное отношение к участию понятых как со стороны ученых, так и со стороны практических сотрудников.

Проблема участия понятых при проведении следственных действий является актуальной уже не один десяток лет. Так, по мнению Ф. Н. Багаутдинова, «в современный период, с учетом состояния нашего следствия, дознания и правосудия, которое еще далеко от идеального, рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об упразднении института понятых, а о его совершенствовании» [Багаутдинов 2012, с. 50–53].

Выступает за сохранение института понятых и В. Быков: «…Доверие суда к собранным доказательствам без участия понятых будет существенно подорвано, многие доказательства будут признаваться недопустимыми» [Быков 2014, с. 23–28].

Однако не все ученые придерживаются такой точки зрения. Например, А. Михайлов полагает, что «в ряде случаев удостоверительную функцию понятых с успехом могут выполнить вполне независимые от правоохранительных органов лица, например, защитник обвиняемого, врач (судебно-медицинский эксперт) при осмотре трупа, статисты при опознании и т. д. Кроме того, репрезентативность материалов, полученных в результате использования современных технических средств фиксации информации, значительно информативнее как средство удостоверения какого-либо факта, чем свидетельства понятых (лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать)» [Михайлов 2003, с. 29–31].

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] внес, помимо прочего, значительные изменения в ст. 170 УПК РФ, регламентирующую участие понятых в уголовном судопроизводстве.

В ч. 1 ст. 170 УПК РФ перечислены следственые действия, при проведении которых обязательно должны присутствовать не менее двух понятых, за исключением случаев, указанных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ. При проведении остальных следственных действий, в случаях неучастия понятых, ход и результаты следственного действия должны быть зафиксированы с помощью технических средств.

В 2015 г. нами был проведен опрос сотрудников правоохранительных органов Архангельской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Тверской, Тульской областей и Республики Коми, который показал, что кардинальное реформирование института понятых не привело к отказу от их участия в следственных действиях в связи с более широким использованием технических средств. И причины тому самые разные: неоднозначное отношение суда и прокуратуры к следственным действиям, проведенным без понятых; привлечение понятых является более простой процедурой фиксации хода и результатов следственных действий, нежели применение технических средств.

Проведенное же нами интервьюирование следователей и дознавателей Воронежской, Кировской, Липецкой областей, Республики Коми, Пермского края в 2020 г. показало, что они стали гораздо чаще применять технические средства,

[1] Российская газета. 2013. 6 марта.

использовать фото- и видеофиксацию при проведении следственных действий.

Полагаем, что было бы правильным при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) заменить участие понятых применением технических средств фиксации, тем более, что опыт их применения у практических сотрудников уже есть, а круг участников следственного действия, способных в последующем подтвердить факт производства, ход и результаты следственного действия, достаточно широкий.

По мнению О. В. Поликашиной, «отказ от участия понятых и при производстве предъявления личности для опознания, особенно с участием несовершеннолетних, поможет сэкономить материальные и иные затраты государства на производство предварительного расследования, тем более что все условия для такого отказа имеются» [Поликашина 2015, с. 14-17].

Анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что институт понятых существует в нашей стране и странах СНГ. Это объясняется единым правовым пространством до распада СССР. В странах Европы институт понятых отсутствует. Например, в Германии, Франции и Великобритании законом не предусмотрено участие понятых в следственных действиях. Так, на вопрос корреспондента «Российской газеты», есть ли понятые в Германии, «адвокат Торстен Хиппе ответил вопросом, не поняв, что имеется в виду. Звать соседей посмотреть на труп не придет в голову ни одному немецкому полицейскому. Допускать кого-либо на место происшествия строжайше запрещено: могут исчезнуть важные следы. Именно современные условия расследования, при которых важен каждый волосок, диктуют: чем меньше посторонних до прихода специалистов, тем лучше. Иначе может навсегда пропасть важная для анализа ДНК материальная информация. Для обыска помещения в отсутствие хозяина раньше рекомендовалось привлекать свидетелей. Таким образом якобы подозреваемые защищались от произвола государства. Однако это предписание постепенно уступило закону о защите личных данных и, соответственно, частной жизни. Никому не будет приятно, если в квартиру будут запущены чужие люди. А что если хозяин не виноват? Тогда он вправе подать в суд на полицию»[1].

В качестве средства запечатления результатов опознания с несовершеннолетним считаем эффективным применение видеосъемки, которая наглядно покажет, насколько соблюдены требования закона о внешнем сходстве лиц, предъявляемых на опознание, передаст обстановку, динамические элементы, которые не отображаются в протоколе, например, жесты, чувства лица как опознаваемого, так и опознающего, тем более, что несовершеннолетние в силу своего возраста не способны управлять своим эмоциональным состоянием, скрывать свое волнение, страх и т. д. Воспроизведение видеозаписи в последующем в суде позволит исследовать доказательства более предметно. Нередко уголовное дело рассматривается в суде не один день, и люди, участвующие в качестве понятых, не могут вспомнить, что они видели и слышали, когда были участниками следственного действия.

По мнению А. А. Топоркова, видеозапись имеет ряд преимуществ, по сравнению с протоколом, так как дает «возможность не только запечатлеть все сказанное допрошенным, но и зафиксировать эмоционально-волевую сторону речи, что позволяет суду правильно оценить поступающие иногда от допрошенных заявления о якобы примененном к ним насилии» [Топорков, 2012, с. 208].

В случае же возникновения вопросов, можно допросить и статистов в качестве свидетелей, о чем уже писал Н. Н. Загвоздкин: «Если при проведении опознания участвуют статисты, то они в последующем могут быть допрошены в качестве свидетелей. При таких обстоятельствах присутствие понятых выглядит неоправданным излишеством» [Загвоздкин 1999, с. 60].

Результаты проведенного нами опроса несовершеннолетних и их законных представителей показали, что большинство опрашиваемых предпочли бы применение видеосъемки, нежели присутствие посторонних в лице понятых при проведении следственного действия, и лишь небольшая часть опрашиваемых затруднились с ответом.

Таким образом, использование технических средств, на наш взгляд, будет наиболее правильным, нежели приглашение понятых: оно освободит следователя от организационно-правовых мероприятий при подборе понятых; обеспечит фиксацию поведения лиц, отсутствие давления со стороны следователя на опознающего, соблюдение тактических приемов, состояние несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего) во время проведения следственного действия.

Список цитируемых источников

Багаутдинов 2012 – *Багаутдинов Ф. Н.* Институт понятых: совершенствовать, а не упразднять // Законность. 2012. № 4. С. 50–53.

[1] *Качусов В., Козлова Н.* Непонятные понятые. Почему люди отказываются сотрудничать со следствием // Российская газета. 2010. 13 окт.

Быков 2014 – *Быков В. М.* Участие народа в правосудии начинается с понятого // Мировой судья. 2014. № 6. С. 23–28.

Загвоздкин 1999 – *Загвоздкин Н. Н.* Об участии понятых в российском уголовном процессе // Дальневосточные криминалистические чтения. Вып. 4. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 53–61.

Михайлов 2003 – *Михайлов А.* Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29–31.

Петрухин, Михайловская 2010 – Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М. : Проспект, 2010. 685 с.

Поликашина 2015 – *Поликашина О. В.* Понятые при предъявлении личности для опознания с участием несовершеннолетних // Наука и школа. 2015. № 6. С. 14–17.

Топорков 2012 – *Топорков А. А.* Криминалистика. М. : Контракт : Инфра-М, 2012. 464 с.

References

Bagautdinov, F. N. (2012), "Institute of attesting witnesses: to improve, not abolish", *Zakonnost',* no. 4, pp. 50–53.

By'kov, V. M. (2014), "Participation of the people in justice begins with the witness", *Mirovoi sud'ya,* no. 6, pp. 23–28.

Mikhailov, A. (2003), "Institute of witnesses – archaism of Russian criminal justice", *Zakonnost',* no. 4, pp. 29–31.

Petrukhin, I. L. and Mikhailovskaya, I. B. (ed.) (2010), *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Criminal procedure law of the Russian Federation], Prospekt, Moscow, Russia.

Polikashina, O. V. (2015), "Witnesses upon presentation of the identity for identification with the participation of minors", *Nauka i shkola,* no. 6, pp. 14–17.

Toporkov, A. A. (2012), *Kriminalistika* [Criminalistics], Kontrakt, Infra-M, Moscow, Russia.

Zagvozdkin, N. N. (1999), "On the participation of witnesses in the Russian criminal trial", *Dal'nevostochny'e kriminalisticheskie chteniya, vy'p. 24* [Far Eastern forensic readings, issue 24], Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, Vladivostok, Russia, pp. 53–61.

Информация об авторе

Касьянова Евгения Васильевна,
Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Воронеж, Российская Федерация; kasyanova-evgeniya@mail.ru

Information about the author

Kas'yanova Evgeniya V.,
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Voronezh, Russian Federation; kasyanova-evgeniya@mail.ru

Для цитирования

Касьянова Е. В. Проблемы привлечения понятых при проведении опознания с участием несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 48–51.

For citation

Kas'yanova, E. V. (2021), "Problems of attracting attesting witnesses when conducting identification with the participation of minor victims (witnesses)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 48–51.

УДК 343.98:343.352

А. В. Кудрявцев[1,2,3]
Н. В. Зуйкова[4]
[1]*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*
[2]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[3]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[4]*Центр управления городскими дорогами, Владимир, Российская Федерация*

A. V. Kudryavtsev[1,2,3]
N. V. Zuikova[4]
[1] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[3] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[4] *Center for the Management of City Roads, Vladimir, Russian Federation*

Сущность и особенности оперативно-розыскного сопровождения выявления и предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях должностных лиц органов местного самоуправления

The essence and features of the operational-search support for the identification and preliminary investigation of cases of corruption crimes of officials of local self-government bodies

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; коррупционные преступления; оперативно-розыскное сопровождение; должностные лица; органы местного самоуправления.

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и особенности оперативно-розыскного сопровождения выявления и предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях должностных лиц органов местного самоуправления. Делается вывод о существенной значимости данной деятельности, необходимость которой определяется особенностью коррупционной преступности, обладающей высокой степенью латентности. На основе исследования выявлены проблемные аспекты осуществления оперативно-розыскного сопровождения и сделаны предложения по их решению.

Key words: operational search activity; corruption crimes; operational search support; officials; local government bodies.

Abstract. The article examines the essence and features of the operational-search support for the identification and preliminary investigation of cases of corruption offenses of officials of local self-government bodies. The conclusion is made about the essential importance of this activity, the need for which is determined by the peculiarity of corruption crime, which has a high degree of latency. On the basis of the study, the problematic aspects of the implementation of operational-search support were identified and proposals were made for their solution.

Коррупционная преступность продолжает оставаться одним из наиболее опасных видов преступной деятельности с точки зрения влияния на общественные отношения в сфере деятельности органов публичной власти.

Данные официальной статистики свидетельствуют о негативных тенденциях развития преступности рассматриваемого вида. Так, в 2020 г. было возбуждено 15 217 уголовных дел по фактам совершения коррупционных преступлений, что на 4% больше, чем в прошлом году[1]. Следует также учитывать высокую степень латентности данного вида преступлений. Так, в научной литературе отмечается, что латентность коррупционной преступности может превышать 90% от общего количества преступлений [Кривенцов 2014, с. 7].

Одной из современных тенденций в сфере коррупционной преступности следует назвать увеличение количества регистрируемых случаев получения взяток (за 9 месяцев 2020 г. выявлено 3,5 тыс. преступлений о получении взяток) и одновременное сокращение фактов получения мелких взяток (за 9 месяцев 2020 г. выявлено 1,4 тыс. случаев получения мелких взяток)[2]. Приведенные статистические данные свидетельствует о более значительном материальном ущербе, который наносят коррупционные преступления на современном этапе.

Определенное место в общей структуре коррупционной преступности занимают коррупционные преступления должностных лиц органов местного самоуправления. Наиболее часто совершае-

[1] *Кузнецов Д.* Бастрыкин раскрыл статистику уголовных дел о коррупции за 2020 год // Daily Storm. 2020. 8 дек.

[2] Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Российской газете». URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1894644/ (дата обращения: 19.02.2021).

© Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В., 2021

мыми муниципальными служащими преступления коррупционной направленности являются получение взятки должностным лицом местного самоуправления (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ).

Одним из важнейших направлений борьбы с коррупцией в органах местного самоуправления необходимо признать противодействие коррупционным преступлениям, совершаемым должностными лицами данных органов, включая их выявление, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности.

Следует отметить существенную сложность решения задачи противодействия коррупционной преступности должностных лиц органов муниципальной власти, в особенности в части выявления и расследования данных преступлений. Это обусловлено, на наш взгляд, в основном следующими обстоятельствами: использование скрытых способов совершения преступлений данного вида, что существенно влияет на их латентность; попытки оказания противодействия осуществлению оперативно-розыскной и следственной деятельности со стороны подозреваемых и обвиняемых; недостаточная квалификация следователей и оперативных работников, участвующих в деятельности по выявлению и расследованию коррупционных преступлений данного вида; недостаточная эффективность взаимодействия следователей и оперативных работников и указанных субъектов и контролирующих, ревизионных, аудиторских и надзирающих органов.

С учетом отмеченной сложности выявления и расследования преступлений рассматриваемого вида существенное значение приобретает их оперативно-розыскное сопровождение. В этой связи обозначим некоторые направления повышения эффективности оперативно-розыскного сопровождения выявления и расследования коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления.

Относительно сущности и содержания данной деятельности существуют различные точки зрения.

Согласно одной из точек зрения на данный аспект деятельности оперативных подразделений оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования носит комплексный характер и представляет собой проводимые сотрудниками оперативных подразделений оперативно-розыскные мероприятия, основными целями которых являются собирание фактических данных, характеризующих механизм совершения преступления; выявление лиц, их совершивших; обеспечение использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе [Смагоринский 1994, с. 32].

Существует также точка зрения, согласно которой оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства можно рассматривать с разных позиций: с одной стороны, как одну из форм оперативно-розыскной деятельности, с другой – взаимодействие следователя и оперативного работника [Иванов, Булдин 2015, с. 91].

Не вдаваясь в подробный анализ различных точек зрения относительно сущности рассматриваемого понятия, отметим, что, по нашему мнению, наиболее приемлема позиция А. А. Жданова, который трактует оперативно-розыскное сопровождение как осуществляемый оперативными подразделениями комплекс мероприятий, направленных на непрерывное и полное обеспечение предварительного следствия информацией об обстоятельствах расследуемого преступления, а также на предупреждение и нейтрализацию негативного воздействия подозреваемых, обвиняемых и их связей на ход расследования [Жданов 2003, с. 39]. В дополнение к приведенному определению добавим, что в оперативно-розыскном сопровождении нуждается не только стадия предварительного расследования, но и весь процесс уголовного судопроизводства.

Анализ рассмотренных точек зрения позволяет определить общее содержание оперативно-розыскного сопровождения применительно к рассматриваемой теме:

– представляет собой систему оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих оптимальное проведение расследования коррупционного преступления;

– определяет организационные особенности взаимодействия оперативных работников со следователем, а также с представителями различных контролирующих и надзирающих за органами местного самоуправления структур;

– позволяет выявлять и устранять факты криминального противодействия деятельности следователя.

Проведенное исследование позволило нам выявить некоторые проблемы оперативно-розыскного обеспечения выявления и расследования коррупционных преступлений, совершаемых муниципальными служащими.

1. Без учета негативных современных тенденций, имеющихся в коррупционной преступности муниципальных служащих, выявление данных преступлений оперативными работниками вряд ли можно считать эффективным. Кроме того, не-

обходимыми для оперативных работников являются знания таких элементов оперативно-розыскной характеристики рассматриваемых преступлений, как уголовно-правовая характеристика наиболее часто совершаемых преступлений, способы совершения и сокрытия преступления, основные характеристики личности и должностное положение субъекта совершения преступления, направления противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых, обстоятельства, подлежащие доказыванию, и т. д.

Опросы оперативных работников позволили нам установить потребность в данных знаниях[1]. Так, при ответе на вопрос о том, есть ли необходимость в знании основных элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими, для их успешного выявления, 68% опрошенных ответили утвердительно.

2. Недостатки в проведении оперативно-розыскной деятельности и документировании ее результатов со стороны оперативных работников.

Основными проблемами в данной сфере следует признать проведение оперативно-розыскных мероприятий без оснований, закрепленных в законе; несоблюдение условий проведения оперативно-розыскного мероприятия (ст. 7, 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2]); недостатки при оформлении документов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, что не позволяет в дальнейшем использовать их в уголовном процессе (ст. 75 УПК РФ[3]); нарушение порядка передачи результатов оперативно-розыскной деятельности от оперативных сотрудников следователям[4].

3. Одним из основных способов получения информации о фактах совершения коррупционных преступлений следует признать использование содействия лиц оперативным подразделениям.

Проведенное исследование позволяет заключить, что чаще всего оперативные работники используют в процессе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых должностными лицами органов местного самоуправления, такие формы содействия, как предоставление информации о преступлении и использование специальных знаний и навыков лица в той или иной сфере. На это указали 53 и 33% опрошенных оперативных работников соответственно. При этом в основном речь идет о конфиденциальном содействии.

Как правило, лица, оказывающие содействие оперативным подразделениям, должны иметь специальные знания в сфере экономики для выявления и фиксации соответствующих следов преступной деятельности среди финансовых, бухгалтерских и юридических документов.

Низкая выявляемость коррупционных преступлений в целом и коррупционных преступлений в органах местного самоуправления, в частности, свидетельствует о недостаточной эффективности использования возможностей лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям.

4. На качество оперативно-розыскного сопровождения расследования уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений влияет недостаточная эффективность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что основной причиной данного положения являются недостаточные знания оперативных работников о направлениях, об особенностях и о процедурах указанного использования. На это указали 34% опрошенных оперативных работников. Решением данной проблемы могло бы стать подробное изучение особенностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве по делам о коррупционных преступлениях в рамках курсов повышения квалификации для оперативных работников на базе образовательных организаций правоохранительных органов.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости осуществления оперативно-розыскного сопровождения выявления и расследования уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности, совершаемым должностными лицами органов местного самоуправления. Следует также отметить необходимость оперативно-розыскного сопровождения и иных стадий уголовного судопроизводства по делам о данных преступлениях. Особенности этой деятельности в рамках каждой стадии требуют отдельного рассмотрения и научного анализа. Относительно проблемных аспектов данной деятельности, рассмотренных в рамках настоящей статьи, заметим, что они требуют дополнительного внимания как со стороны научного сообщества с целью выработки рекомендаций, так и со стороны оперативных работников в рамках их реализации на практике.

---

[1] В опросе приняли участие 58 оперативных работников органов внутренних дел Владимирской, Нижегородской и Ивановской областей.

[2] Российская газета. 1995. 18 авг.

[3] Там же. 2001. 22 дек.

[4] Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следовательно или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сент. 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 дек.

Список цитируемых источников

Жданов 2003 – *Жданов А. А.* Оперативно-розыскное сопровождение расследования грабежей и разбойных нападений с проникновением в жилище : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2003.

Иванов, Булдин 2015 – *Иванов П. И., Булдин А. Е.* Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1(19). С. 84–91.

Кривенцов 2014 – *Кривенцов П. А.* Латентная преступность в России: криминологическое исследование : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 184 с.

Смагоринский 1994 – *Смагоринский Б. П.* Проблемы совершенствования оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования тяжких преступлений // Тактика, методика и психология расследования тяжких преступлений. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1994. С. 28–35.

References

Ivanov, P. I. and Buldin, A. E. (2015), "Some features of the operational-search support of the preliminary investigation and trial in cases of legalization of proceeds from crime", *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* no. 1(19), pp. 84–91.

Kriventsov, P. A. (2014), Latent crime in Russia: a criminological study, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Kutafin Moscow State Legal Academy, Moscow, Russia.

Smagorinsky, B. P. (1994), "Problems of improving operational and investigative support for the preliminary investigation of serious crimes", *Taktika, metodika i psikhologiya rassledovaniya tyazhkikh prestuplenii* [Tactics, methods and psychology of investigation of serious crimes], VYuI MVD Rossii, Volgograd, Russia, pp. 28–35.

Zhdanov, A. A. (2003), Operational search support for the investigation of robberies and robberies with penetration into the home, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Omsk Academy of the MIA of Russia, Omsk, Russia.

Информация об авторах

Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kudriavcev.ru@mail.ru

Зуйкова Наталья Владимировна,
Центр управления городскими дорогами, Владимир, Российская Федерация; mku.cugd@yandex.ru

Information about the authors

Kudryavtsev Aleksei V.,
doctor of law, associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kudriavcev.ru@mail.ru

Zuikova Natal'ya V.,
Center for the Management of City Roads, Vladimir, Russian Federation; mku.cugd@yandex.ru

Для цитирования

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В. Сущность и особенности оперативно-розыскного сопровождения выявления и предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях должностных лиц органов местного самоуправления // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 52–55.

For citation

Kudryavtsev, A. V. and Zuikova, N. V. (2021), "The essence and features of the operational-search support for the identification and preliminary investigation of cases of corruption crimes of officials of local self-government bodies", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 52–55.

УДК 343.8

К. Н. Курысев[1,2]
А. А. Гофман[2]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. N. Kury'sev[1,2]
A. A. Gofman[2]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Противодействие беспилотным летательным аппаратам в условиях уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути их решения

Countering unmanned aerial vehicles in the conditions of the penal system: problems and ways to solve them

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат; передача запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы; борьба с беспилотными летательными аппаратами.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов для совершения преступлений в условиях уголовно-исполнительной системы. Анализируются возникающие при этом проблемы и предлагаются некоторые пути их решения.

Key words: drone; transfer of prohibited items to the institutions of the penal system; fight against drones.

Abstract. The article discusses some aspects of the use of drones to commit crimes in the conditions of the penal system. The problems that arise in this case are analyzed and some ways of solving them are proposed.

Широкое распространение беспилотных летательных аппаратов (далее: БЛА, а также квадрокоптеры, дроны) оказало сильное влияние на жизнь человека, на разные сферы его деятельности.

Сегодня существует много различных определений и наименований БЛА, однако ГОСТ Р 57258-2016 дает следующее определение: беспилотное воздушное судно (далее: БСП) – это воздушное судно (далее: ВС), управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого ВС, или выполняющее автономный полет по заданному предварительно маршруту. Наряду с термином «беспилотное воздушное судно», согласно ГОСТ Р 57258-2016, также используется термин «беспилотный летательный аппарат»[1].

Общими направлениями применения БЛА являются следующие:

– военная область;

– правоохранительная деятельность;

– обеспечение профессиональной деятельности;

– развлечение и игрушки для детей и взрослых, с фото- и видеосъемкой и без них;

– средство совершения преступлений.

Важность проблемы исследования особенностей применения БЛА в различных целях подтверждает опыт ведения боевых действий в Нагорном Карабахе в 2020 г., который показал, что вооруженные силы Азербайджана за счет массированного применения БЛА в кратчайшие сроки подавили противовоздушную оборону армии Армении и после этого нанесли весьма ощутимый урон технике и личному составу. БЛА выполняли как разведывательные функции, так и функции огневого подавления, нанося точные бомбовые удары по радиолокационным станциям, зенитным ракетным комплексам, бронетехнике и личному составу. Это обстоятельство во многом способствовало успеху боевых действий армии Азербайджана и снижению потерь ее личного состава, а некоторые военные обозреватели назвали такую ситуацию революционным прорывом в ведении боевых действий[2].

Применение БЛА в военной области не является предметом нашего исследования, однако всем интересующимся данной проблемой мы рекомендуем ознакомиться с монографией С. И. Макаренко [Макаренко 2020].

В области правоохранительной деятельности применяются БЛА существенно меньших размеров и с более скромными возможностями, чем в военной области. Они преимущественно используются для ведения наблюдения в различных це-

[1] ГОСТ Р 57258-2016. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения : [утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10 нояб. 2016 г. № 1674-ст]. М. : Стандартинформ, 2018.

© Курысев К. Н., Гофман А. А., 2021

[2] После карабахского конфликта все говорят о «революции дронов». Исчерпывающий путеводитель «Медузы» по тому, как беспилотники (возможно) изменят войны – и что это значит для России. URL: https://meduza.io/feature/2020/11/19/posle-karabahskogo-konflikta-vse-govoryat-o-revolyutsii-dronov (дата обращения: 21.02.2021).

лях, наиболее важными из которых являются: оценка дорожной обстановки, массовых мероприятий и чрезвычайных ситуаций, а также для перехвата БЛА, нарушающих установленный порядок использования таких ВС.

В качестве вариантов применения БЛА в правоохранительной деятельности можно назвать такие, как:

– профилактическое видеонаблюдение;

– контроль за массовыми мероприятиями;

– обеспечение встреч VIP, включая встречи на высшем уровне;

– предотвращение террористических актов;

– контроль акций протеста;

– операции по борьбе с организованной преступностью;

– операции по поимке преступников;

– розыск пропавших людей;

– изучение места преступления;

– поддержка оперативной связи;

– охрана государственных границ и предотвращение нелегальной иммиграции;

– наблюдение за наземными и морскими линиями регулярных сообщений;

– наблюдение за транспортными потоками;

– анализ причин дорожно-транспортных происшествий;

– отслеживание угнанных автомобилей;

– борьба с морскими пиратами;

– предотвращение незаконной разработки недр[1] и т.д.

Для обеспечения профессиональной деятельности (в невоенной сфере) БЛА могут применяться:

– для профессиональной фото- и видеосъемки;

– доставки заказов, продуктов, медикаментов, листовок, буклетов и пр.;

– создания световых шоу большим количеством БЛА;

– расширения зоны WI-FI как мобильный роутер;

– обеспечения безопасности объектов;

– при проведении экологического мониторинга;

– в нефтегазовой отрасли;

– электроэнергетике;

– сельском хозяйстве (при реализации точного земледелия);

– геодезии и картографии при создании геопространственных данных;

– городском хозяйстве.

– строительстве[2].

Однако наибольшее же количество БЛА используется частными лицами в качестве игрушек, однако позволяющих осуществлять практически профессиональную видео- и фотосъемку, а также перевозить небольшие грузы. Причем небольшие, или детские, БЛА (весом до 250 г, в том числе и с установленными видеокамерами) могут быть использованы детьми, начиная с пятилетнего возраста, а стоимость их составляет около тысячи рублей[3].

Новинки технической мысли активно применяются и преступниками. Согласно анализу случаев криминального использования БЛА основными направлениями являются:

– съемка клавиатуры банкомата;

– доставка наркотиков через границу, в места лишения свободы, отдельным лицам;

– доставка оружия и средств совершения побегов в учреждения уголовно-исполнительной системы (далее: УИС);

– хакинг;

– кодграббериг, или сканирование частот автосигнализаций;

– нападение на людей (прицельное метание предметов или расстрел фейерверками, например, покушение на президента Венесуэлы);

– подготовка и наблюдение при совершении краж имущества и автотранспорта;

– полеты над зоной ограниченного доступа;

– препятствование освобождению заложников;

– вуайеризм (визиони́зм)[4].

Одновременно в прессе и социальных сетях все чаще обсуждаются социальные проблемы, связанные с появлением в Интернете откровенных фото посторонних или «неугодных» людей, полученных в результате незаконного наблюдения и видеосъемки с БЛА. Логично, что больше всего страдают от подобных преступлений лица женского пола. Так, в прессе отмечаются случаи «подсматривания» с помощью БЛА как на природе, так и в многоэтажных домах[5].

Однако наибольший вред наносит противоправное использование БЛА в условиях УИС.

Так, каждый год Федеральная служба исполнения наказаний (далее: ФСИН России) отмечает

---

[1] Наша служба и опасна и трудна. Дроны на службе правоохранительных органов. URL: https://iot.ru/gadzhety/nasha-sluzhba-i-opasna-i-trudna-drony-na-sluzhbe-pravookhranitelnykh-organov (дата обращения: 21.02.2021).

[2] О компании ZALA AERO GROUP. URL: https://zala-aero.com/about/ (дата обращения: 21.02.2021) ; *Родионов А.* Профессии, в которых дроны могут оказаться лучше людей. URL: https://ivbg.ru/7936606-professii-v-kotoryx-drony-mogut-okazatsya-luchshe-lyudej.html (дата обращения: 21.02.2021).

[3] Все о детских квадрокоптерах. URL: https://o-krohe.ru/igrushki/kvadrokopter/ (дата обращения: 21.02.2021).

[4] 10 преступлений, совершенных с использованием дронов. URL: https://zen.yandex.ru/media/basetop/10-prestuplenii-sovershennyh-s-ispolzovaniem-dronov-5b6ad15e85904900aa272319 (дата обращения: 21.02.2021).

[5] Вуаеристы Австралии осваивают летающие беспилотники. URL: http://robotrends.ru/pub/1746/vuaeristy-avstralii-osvaivayut-letayushie-bespilotniki (дата обращения: 19.02.2021).

рост случаев передачи с помощью БЛА запрещенных предметов на территорию учреждений УИС. И это не случайно, поскольку, по сравнению с другими способами доставки запрещенных предметов на территорию учреждений УИС, БЛА обладают явными преимуществами. Если против проноса, а также иных методов доставки имеются рамки, детекторы и другие средства обнаружения, то в отношении БЛА они бездейственны [Быков 2018, с. 69]. По данным ФСИН России, практически каждый месяц злоумышленниками предпринимаются попытки доставки мобильных телефонов, зарядных устройств к ним, алкоголя и наркотиков. Например, в ИК-11 УФСИН России по Ставропольскому краю при попытке доставки запрещенных предметов в учреждение были задержаны два гражданина 1982 и 1986 года рождения. При них были обнаружены и изъяты квадрокоптер с пультом дистанционного управления и два полиэтиленовых свертка, в каждом из которых находилось по 10 мобильных телефонов[1].

Другой пример. Сотрудниками отдела охраны совместно с сотрудниками оперативного отдела ИК-7 ГУФСИН России по Нижегородской области задержан мужчина, который, управляя квадрокоптером, пытался осуществить доставку осужденным запрещенных предметов. Канал доставки запрещенных предметов был своевременно перекрыт. В результате профессиональных действий сотрудников учреждения квадрокоптер был сбит. В прикрепленном свертке изъяты два сотовых телефона. В отношении задержанного гражданина составлены материалы о привлечении к административной ответственности по ст. 19.12 КоАП РФ за попытку передачи запрещенных предметов осужденным[2].

Еще более сложная ситуация наблюдается в тюрьмах за рубежом[3].

И если применение БЛА в военных, правоохранительных целях хоть как-то нормативно урегулировано, то вопросы использования БЛА гражданами, а также противодействия им остаются еще во многом не решенными.

Отдельные вопросы нормативного регулирования использования гражданами БЛА нашли свое отражение в Воздушном кодексе Российской Федерации. Так, п. 3.2 ст. 33 определяет необходимость регистрации БЛА весом от 0,25 до 30 кг. При этом на данную категорию ВС не требуется сертификата летной годности (п. 1 ст. 36), не предъявляются требования к допуску специалистов авиационного персонала гражданской авиации (ст. 53), а также иные требования, обязательные для ВС и других БЛА.

Полеты БЛА регламентируются Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138[4]. Причем данными правилами в последней редакции[5] ограничения накладываются только на полеты БЛА с максимальной взлетной массой более 0,25 кг (п. 49), а полеты БЛА с взлетной массой до 30 кг не требуют плана полета ВС и разрешения на использование воздушного пространства (пп. 52 и 52[1]). Однако накладываются ограничения на проведение полетов:

– расстояние: на дальности прямой видимости;

– высота: должна быть менее 150 м;

– время: светлое время суток;

– разрешены полеты: вне диспетчерских зон аэродромов гражданской авиации, районов аэродромов (вертодромов) государственной и экспериментальной авиации, запретных зон, зон ограничения полетов, специальных зон, воздушного пространства над местами проведения публичных мероприятий, официальных спортивных соревнований, а также охранных мероприятий, проводимых в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»[6], а также на удалении не менее 5 км от контрольных точек неконтролируемых аэродромов и посадочных площадок;

– запрет: в воздушном пространстве Российской Федерации, в районах локальных вооруженных конфликтов и контртеррористических операций, где установлен особый режим использования воздушного пространства (п. 55).

Таким образом, данные нормативные правовые акты определяют ограничения на использование гражданских БЛА. При этом для простого обывателя достаточно понятно, что такое «зоны аэродромов» и «воздушное пространство над местами проведения публичных мероприятий, официальных спортивных соревнований», но трудно определить, что та-

[1] 20 телефонов не долетели до осужденных ИК-11 УФСИН России по Ставропольскому краю. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=543393 (дата обращения: 19.02.2021).

[2] Сотрудники ИК-7 ГУФСИН России по Нижегородской области сбили летательный аппарат (квадрокоптер), с помощью которого правонарушитель пытался передать запрещенные предметы осужденным. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=541165 (дата обращения: 19.02.2021).

[3] Дроны и тюрьмы: новейшая история доставки заключенным Raspberry Pi, дрожжей, наркотиков и игральных карт. URL: https://habr.com/ru/post/36693 (дата обращения: 19.02.2021).

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14, ст. 1649.

[5] О внесении изменений в Федеральные правила использования воздушного транспорта Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 3 февр. 2020 г. № 74 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 6, ст. 680.

[6] Российская газета. 1996. 6 июня.

кое территории диспетчерских зон, запретных зон, зон ограничения полетов, специальных зон.

Некоторое разъяснения по этому поводу можно найти в «Информационном бюллетене о порядке использования воздушного пространства Российской Федерации беспилотными воздушными судами»[1]. Однако представленная информация сложна для понимания, и разобраться в ней могут только узкие специалисты.

Более доступную для понимания информацию можно найти на сайте https://quadrocopter.su, где размещена информация об аэродромах и запретных зонах вокруг них; а на сайте fpln.ru можно определить запретные и диспетчерские зоны, т. е. присутствие рядом аэродромов (вертодромов) государственной и экспериментальной авиации. Кроме того, можно точно установить расстояние от точки на карте до запретной зоны или аэродрома (диспетчерской зоны), что немаловажно при планировании полетов БЛА.

Однако среди зон, запрещенных для полетов, не обнаружено официально опубликованных зон запрета полетов БЛА над учреждениями УИС. Существующие же приказы Минтранса России[2], определяющие зоны ограничения полетов и запретные зоны в цифровом виде, крайне неудобны для использования и определяют зоны запрета или ограничения полетов только по линии гражданской авиации и Минобороны России. Данный пробел нормативного регулирования полетов БЛА ограничивает точное определение мест, где запрещены их полеты, и создает предпосылки для возможных нарушений владельцами БЛА требований режима и надзора учреждений УИС.

В то же время Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] внес изменения в том числе и в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в части, касающейся борьбы с БЛА. Так, УИС предоставлено право борьбы с БЛА путем:

– подавления или преобразования сигналов дистанционного управления БВС;

– воздействия на их пульты управления;

– повреждения или уничтожения данных судов (ст. 12).

Конечно, сюда же можно добавить и физический захват операторов БЛА, организующих эти полеты, однако такая ситуация правомерна только тогда, когда можно проследить прямую связь БЛА, его незаконные действия или незаконный груз и его оператора. В связи с этим многие считают, что в УИС основным методом борьбы с БЛА является патрулирование прилегающей к этим учреждениям территории и выявление операторов БЛА по использованию пультов их дистанционного управления[4].

Правовые меры воздействия на владельцев БЛА, доставляющих незаконные предметы на территорию учреждений УИС, возможны только при условии задержания оператора. Поиск владельца по номеру, присвоенному БЛА при регистрации и нанесенному на корпус в соответствии с правилами регистрации, в данных условиях считаем неэффективным, поскольку при явном незаконном использовании владелец вряд ли оставит (или нанесет) регистрационный номер на корпус БЛА.

Более эффективными являются технические меры противодействия. Если рассматривать проблему в целом, то в дополнение к отмеченным, следует добавить следующие:

– огневое поражение;

– радиоэлектронное подавление;

– функциональное поражение СВЧ-излучением;

– подавление лазерным излучением;

– использование специальных перехватчиков;

– использование горючих смесей;

– использование специальных клейких и аэрозольных смесей;

– использование сетей;

– использование специально тренированных птиц;

– создание критических условий эксплуатации в зоне пролета БЛА.

Однако не все меры можно использовать в условиях УИС ввиду отсутствия как специфических технических средств, так и невозможности применения их в условиях населенных пунктов.

Представляется, что наиболее реализуемыми на практике в условиях УИС могут быть огневое поражение и радиоэлектронное подавление. Причем огневое поражение является предпочтительным, но только если учреждение находится не в населенных пунктах. Это обусловлено не только нежелательностью применения огнестрельного оружия в таких условиях, но и вероятностью падения сбитого БЛА на людей, транспортные средства и жилые постройки.

---

[1] URL: https://avia.rostransnadzor.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2021).

[2] Об установлении зон ограничения полетов : приказ Минтранса России от 24 июля 2020 г. № 255 // Российская газета. 2020. 31 авг. ; Об установлении запретных зон : приказ Минтранса России от 24 июля 2020 г. № 254 // Там же.

[3] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[4] ФСИН стала в 4 раза чаще перехватывать дроны с посылками для заключенных. URL: https://tass.ru/obschestvo/4311613 (дата обращения: 21.02.2021).

Можно использовать гладкоствольные ружья и дробовые заряды, имеющие значительно меньшую дальность выстрела, но большую площадь поражения, что значительно увеличивает их эффективность при борьбе с БЛА. Однако такое оружие не стоит на вооружении правоохранительных органов, за исключением специальных карабинов КС-23, которые могут применяться подразделениями специального назначения, и к ним не предусмотрено дробовых зарядов.

В связи с изложенным на первый план выходят методы радиоэлектронного подавления, которые могут воздействовать на сигналы связи и управления БЛА, а также каналы спутниковой навигации[1].

Еще одна серьезная проблема, которая уже отмечается при боевом применении БЛА и которая вскоре может появиться и при передаче запрещенных предметов в учреждения УИС, – это групповое их применение. Представьте себе ситуацию, когда над учреждением появляются не один, а несколько БЛА, часть из которых отвлекает на себя внимание, а часть несет запрещенные предметы. В качестве примера можно привести ставшие сегодня популярными световые дрон-шоу, на которых несколько тысяч БЛА создают феерические световые картины. Это может служить примером отработки групповых действий БЛА при выполнении единой задачи.

Первые попытки группового применения были предприняты в 2017 г. при проведении ФБР операции по освобождению заложников в одном из американских городов. При планировании операции к наблюдательном посту подлетела целая группа БЛА. Мало того, что преступники ожидали прибытия ФБР, так еще камеры, прикрепленые к БЛА, постоянно транслировали видео с агентами на канале в YouTube[2].

Анализ ситуации показывает, что противодействие группе БЛА со стороны одного человека, даже с применением систем радиоэлектронного противодействия, малоэффективно, поэтому возрастает роль комплексов обнаружения и подавления каналов управления БЛА, которые работают автоматически, т. е. без участия человека, и позволяют бороться одновременно с несколькими БЛА. Такие системы, предназначенные для обнаружения, блокирования и подавления БЛА, уже начали разрабатывать в УИС. Они работают в режиме «отталкивания» и не позволяют БЛА проникать на территорию колоний и следственных изоляторов, нарушая канал управления и заставляя включаться функцию БЛА «возврат к месту старта». В 2019 г. такая опытная система в Республике Татарстан предотвратила 87 случаев передачи запрещенных предметов в учреждения УИС[3].

Однако даже такие «интеллектуальные» системы подавления не всегда гарантируют возможности захвата БЛА. Более современные модели БЛА имеют защищенный канал управления и большую дальность, при которой захват оператора БЛА представляется маловероятным, как и самого БЛА[4]. Кроме того, их эффективность снижается в условиях так называемого стайного применения БЛА.

Решения данной проблемы видится в принятии ряда нормативных ограничений на использование БЛА различными категориями операторов (гражданскими лицами). Так, первым шагом может стать формирование на сайте ФСИН России специальной карты запрещенных для полетов БЛА зон. Причем размеры зон могут быть установлены так сказать с запасом, т. е. так, чтобы исключить зону прямой видимости для оператора БЛА при подлете к запрещенной зоне. Такие карты уже сформированы в некоторых странах, и все владельцы (операторы) БЛА могут ознакомиться с ними и определить свободные для полетов зоны.

Вторым шагом может стать усиление ответственности за полеты в запрещенных зонах. Поскольку летать в таких запрещенных зонах БЛА могут лишь с одной целью – передача запрещенных предметов подозреваемым, обвиняемым и осужденным, то целесообразно дополнить КоАП РФ ст. 19.12 «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания» ч. 2 следующего содержания:

«2. Нарушение, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, совершенное с применением беспилотных летательных аппаратов или иных технических средств, –

влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей с конфискацией технических средств доставки запрещенных предметов».

Третий шаг: целесообразно разработать и принять нормативные правовые акты (или внести дополнения в соответствующие приказы Минтранса России), определяющие координаты и границы

[1] После карабахского конфликта все говорят о «революции дронов». Исчерпывающий путеводитель «Медузы» по тому, как беспилотники (возможно) изменят войны – и что это значит для России.

[2] И никакой тайны: дроны превращаются в серьезную проблему. URL: https://newizv.ru/article/general/04-05-2019/i-nikakoy-tayny-drony-prevraschayutsya-v-serieznuyu-problemu (дата обращения: 19.02.2021).

[3] ФСИН научилась блокировать дроны преступников. URL: https://rg.ru/2019/01/31/reg-cfo/fsin-nauchilas-blokirovat-drony-prestupnikov.html (дата обращения: 21.02.2021).

[4] После карабахского конфликта все говорят о «революции дронов». Исчерпывающий путеводитель «Медузы» по тому, как беспилотники (возможно) изменят войны — и что это значит для России.

запретных зон над учреждениями УИС, в которых официально запрещено использование БЛА.

Четвертый шаг: провести исследование и оценить эффективность применения гладкоствольных ружей при противодействии БЛА. В случае достаточной эффективности следует рассмотреть вопрос о принятии их на вооружение подразделениями охраны учреждений УИС с обучением сотрудников тактике их применения против БЛА. Кроме того, надо оценивать эффективность принимаемых на вооружение автоматических комплексов противодронной защиты в условиях группового нападения.

Полагаем, что данные меры позволят эффективно противодействовать БЛА при доставке запрещенных предметов в учреждения УИС, а также в целом сократят число случаев их использования в условиях УИС.

Список цитируемых источников

Быков 2018 – *Быков А. И.* Риски, вызванные массовым использованием беспилотных летательных аппаратов, для уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2(42) С. 66–70.

Макаренко 2020 – *Макаренко С. И.* Противодействие беспилотным летательным аппаратам. СПб. : Наукоемкие технологии, 2020. 204 с.

References

By'kov, A. I. (2018), "Risks caused by the mass use of unmanned aerial vehicles for the penal system", *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie,* no. 2(42), pp. 66–70.

Makarenko, S. T. (2020), *Protivodeistvie bespilotny`m letatel`ny`m apparatam* [Countering unmanned aerial vehicles], Naukoemkie tekhnologii, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Курысев Константин Николаевич,
кандидат технических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kkn124@bk.ru

Гофман Александр Анатольевич,
доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; gofman.a.a@rambler.ru

Information about the authors

Kury'sev Konstantin N.,
PhD (technology), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kkn124@bk.ru

Gofman Aleksandr A.,
associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; gofman.a.a@rambler.ru

Для цитирования

Курысев К. Н., Гофман А. А. Противодействие беспилотным летательным аппаратам в условиях уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути их решения // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 56–61.

For citation

Kury'sev, K. N. and Gofman, A. A. (2021), "Countering unN manned aerial vehicles in the conditions of the penal system: problems and ways to solve them", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 56–61.

УДК 347.4

Т. В. Кивленок[1]
К. А. Лазарева[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

T. V. Kivlenok[1]
K. A. Lazareva[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Смарт-контракт – новый институт обязательственного права

Smart contract – the new institute of local law

Ключевые слова: смарт-контракт; блокчейн; криптовалюта; программный код; обязательство; самоисполнение; принудительное исполнение.

Аннотация. В статье рассмотрена возможность позитивации смарт-контракта в качестве нового института российского обязательственного права. Проанализированы доктринальные подходы к пониманию сущности смарт-контрактов, описаны специфические особенности их заключения. Проведена оценка норм действующего законодательства в отношении правовой регламентации сущности смарт-контрактов. Даны рекомендации с целью восполнения пробелов правового поля Российской Федерации. Определены перспективы и преимущества применения смарт-контрактов в условиях глобальной информатизации.

Key words: smart contract; blockchain; cryptocurrency; program code; commitment; self-fulfillment; enforcement.

Abstract. The article discusses the possibility of positively promoting a smart contract as a new institution of Russian law of obligations. The doctrinal approaches to understanding the essence of smart contracts are analyzed, the specific features of their conclusion are described. In the conclusion, the prospects and advantages of using smart contracts in the context of global informatization are identified.

Обязательства, как и гражданско-правовые отношения, проистекают из конкретных юридических фактов. Среди общеизвестных базисных элементов формирования обязательств выделяются, во-первых, договоры (сделки), которые предусмотрены российским законодательством, во-вторых, договоры (сделки), которые не предусмотрены законодательно, однако не противоречат нормам права.

Процесс заключения любой сделки всегда сопровождается составлением контракта (договора, соглашения), в котором контрагенты отражают все существенные условия, а также взаимные права и обязанности. Причем в процессе заключения контракта принимают участие не только контрагенты, но и сторона-посредник (например, банки, нотариусы, регистраторы). Однако благодаря становлению цифровой экономики, в том числе цифровых технологий (например, блокчейных цепей), на смену традиционным контрактам (на бумажном носителе) приходят новые формы контрактов, так называемые смарт-контракты (от англ. smart умный), которые существуют в цифровой среде (подписываются в электронном виде с использованием компьютерного кода) [Кардонов 2018].

Однако среди научного сообщества, в том числе среди правоприменителей, возникают споры относительно понятия, сущности смарт-контрактов (является ли «умный» контракт разновидностью договора, способом заключения договора, механизмом выполнения обязательств либо методом обеспечения их выполнения), а также относительно положений договорного права и обязательственного права, которые следует применять к смарт-контрактам.

Термин «смарт-контракты» впервые был использован в 1990-е гг. исследователем цифровых технологий Ником Сабо. В его исследовании смарт-контракт определен в качестве комплекса обещаний в цифровой форме, в том числе протоколов, посредством которых контрагенты выполняют такие обещания[1].

По мнению представителей европейской доктрины, смарт-контракты относятся к самоисполнимым договорам[2]. В американской же доктрине в качестве смарт-контракта понимают совокупность договоренностей участников соглашения, исходя из которых может быть осуществлена их сделка[3]. На основе анализа данного определения можно заключить, что смарт-контракт имеет смысл приравнять к традиционным договорам.

© Кивленок Т. В., Лазарева К. А., 2021

[1] *Szabo N.* Smart contracts: building blocks for digital markets. 1996. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/ szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 20.09.2020).

[2] *Kerikmäe T., Rull A.* The future of law and eTechnologies. URL: https://b-ok.global/book/2677616/cOdba2 (дата обращения: 20.09.2020).

[3] *Alabi F.* Taking contracting digital: examination of the smart contracts experiment. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3015843 (дата обращения: 20.09.2020).

В российской доктрине, по мнению А. И. Савельева, под смарт-контрактом понимается договор контрагентов, который существует в формате исходного кода, действующего в распределенном перечне сведений, обеспечивающем самоисполнимость условий данного соглашения в случае возникновения предварительно определенных в нем обстоятельств [Савельев 2016].

Таким образом, смарт-контракты («умные» контракты, самоисполняющиеся контракты, цифровые контракты), как правило, представляют собой компьютерные программы, выступающие в качестве соглашения, включающие в себя все существенные условия, согласованные сторонами с целью регулирования их взаимодействия, а также предусматривающие возможность самовыполнения и принудительного исполнения. Данная технология позволяет контрагентам заключать сделки через глобальную информационную систему, без посредника.

Смарт-контракты – это подлежащие к исполнению контракты (договоры, соглашения), которые автоматизированно выполняются компьютером, однако в определенной части исполнения контракта (договора, соглашения) могут потребоваться непосредственное участие человека, а также контроль [Олейник 2018].

Смарт-контракты подразделяются на два основных типа: криптовалюты, которые следуют простым инструкциям по передаче единиц монет из одной учетной записи в другую, и полные смарт-контракты, которые выполняются через блокчейн Ethereum[1]. Термин «блокчейн» впервые был использован Сатоши Накамото в 2008 г., после изобретения биткойна, который был признан первой криптовалютой в мире. Технология блокчейн представляет собой децентрализованную сеть, независимую от правительств, признанную выполнять функцию мониторинга и регистрации всех транзакций, касающихся цифрового актива.

Существует несколько форм внешнего выражения смарт-контрактов: кодовый формат, традиционные контракты в кодифицированной форме или комбинированный вариант как компьютерных кодов, так и традиционных контрактов.

Кроме того, смарт-контракты имеют несколько ключевых особенностей. Во-первых, электронный характер «умных» контрактов является их принципиальным отличием от традиционных контрактов. Традиционные контракты могут быть заключены, как правило, в устной или письменной форме. Однако развитие электронной коммерции привело к увеличению количества электронных контрактов, таких как соглашение, которое заключается путем выставления компьютерной мышью отметки «принимаю», а также соглашения, принятого посредством просмотра интернет-сайта.

Соглашение посредством щелчка мышью по клавише «я согласен» обычно рассматривается как часть процесса установки программного обеспечения, в котором пользователь может лишь принять предложение (условия) или отказаться от него. В случае принятия предложения, пользователю необходимо щелкнуть мышью по клавише «я согласен», «я принимаю» или «ОК», после чего будет сформировано соглашение.

Соглашение, принимаемое путем просмотра веб-сайта, – соглашение между контрагентами о предоставлении доступа к содержимому веб-сайта или загружаемого продукта. Пользователь получает доступ к материалам или продолжает использовать продукт только при условии, что он принимает условия веб-страницы.

Важно отметить, что цифровые контракты не могут быть заключены исключительно в электронном формате, могут потребоваться отчетные документы на бумажном носителе, такие как счет-фактура – документ, подтверждающий доставку. Данные документы необходимы, когда осуществляется покупка офлайн-товаров или услуг, так как их оформление является единственным доказательством существования электронного контракта (договора, соглашения). При этом смарт-контракты не могут иметь какую-либо иную форму (например, устную или письменную), кроме как электронной формы для заключения, исполнения и обеспечения соблюдения таких контрактов.

Кроме того, смарт-контракты отличаются от других электронных контрактов спецификой предмета, а от иных форм контрактов – формой объекта контракта. В смарт-контрактах объект контракта должен быть смарт-объектом, так как использование и распоряжение имуществом должны контролироваться цифровыми средствами. В качестве конкретных предметов смарт-контрактов выступают цифровые активы (криптовалюта) или цифровое представление автономных активов. Однако электронные контракты, такие как соглашения, принимаемые путем просмотра веб-сайта, которые также заключаются в электронном виде, не создают для пользователя положительных обязательств. Как правило, предполагается, что продолжение просмотра веб-сайта, а также загрузка программного обеспечения означают согласие пользователя с условиями данного цифрового источника.

Во-вторых, смарт-контракты выражаются и заключаются с помощью компьютерных программ, а их условия изложены на компьютерных языках.

[1] Ethereum – криптовалюта, а также платформа для формирования рассредоточенных онлайн-сервисов или приложений на основе блокчейна, которые работают, основываясь на «умных» контрактах.

Эти положения и условия интерпретируются компьютерами на основе цифровой логики, в которой утверждение либо истинно, либо ложно. В традиционных контрактах существенные условия интерпретируются человеком на основе определенных критериев и образа мышления.

Таким образом, интерпретация смарт-контрактов языками программирования является более точной и приводит к смягчению потенциальных проблем, связанных с непредсказуемой интерпретацией условий сторонами контракта (договора, соглашения) или правоохранительными органами. Далее, неоднозначность в языках программирования меньше, чем в традиционных контрактах, потому что компьютеры могут распознавать меньше терминов по сравнению с человеческим мозгом. Более того, смарт-контракты – это автономные контракты, так как компьютерный код, представляющий смарт-контракт, является единственным арбитром в сделке. Следовательно, смарт-контракты могут минимизировать потребность в интерпретации контрактов, а также значительно сократить затраты на их составление и исполнение.

В-третьих, смарт-контракты носят условный характер, так как заключаются с помощью компьютерных кодов, которые основаны на условных операторах. При кодификации смарт-контракта условные операторы имеют решающее значение, и код может выполнять только то, на что он запрограммирован. Эти условные утверждения находятся в гармонии с условиями контракта, и следовательно, исполнение смарт-контрактов является результатом выполнения обстоятельств через условное утверждение.

В-четвертых, смарт-контракты обладают признаками самоисполнимости, самостоятельности, самообеспечения и самодостаточности. В традиционных контрактах исполнимость не гарантируется, поскольку она непосредственно зависит от желания сторон. Смарт-контракты, напротив, обеспечивают более высокий уровень исполнимости, который является безотзывным и автоматизированным, так как неизменный компьютерный код обеспечивает его выполнение и исполнение без каких-либо изменений сторонами. В результате заключения смарт-контракт перестает зависеть от волеизъявления сторон и будет автоматически исполнен без каких-либо согласований контрагентов.

Следовательно, после заключения смарт-контракта он становится обязательным для всех контрагентов, независимо от посредничества человека. При этом изменение обстоятельств или намерений сторон не влияет на возможность принудительного исполнения контракта (договора, соглашения). Компьютерный код, который запускает контракт, аутентифицирует условия, передает активы (предмет контракта) и осуществляет записи в базе данных Blockchain о таких транзакциях.

Самодостаточность означает, что смарт-контракты независимы от судебных или иных правоохранительных органов. То есть смарт-контракты обеспечивают более точное, эффективное и быстрое исполнение контрактов.

На основе вышеизложенного можно заключить, что смарт-контракты как новая форма контрактов, заключаемых через глобальную информационную систему, являются необратимыми, автоматическими и самоисполняющимися контрактами (договорами, соглашениями). Особенности смарт-контрактов выступают в качестве преимуществ новой формы контрактов, особенно в части электронного характера, что способствует минимизации временных затрат и усилий на заключение контрактов (договоров, соглашений), в том числе возможность принудительного исполнения смарт-контрактов не оставляет места для нарушения условий контракта контрагентами.

Однако существенным пробелом правового поля Российской Федерации является отсутствие законодательного закрепления смарт-контрактов как новой формы контрактов.

Законодатель посредством принятия Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[1] попытался восполнить пробелы правового поля. В частности, была дополнена ч. 2 ст. 309 ГК РФ, которая регламентирует новый способ обеспечения исполнения обязательств – применение информационных технологий. Кроме того, в целях закрепления основы для заключения смарт-контрактов п. 1 ст. 160 и п. 2 ст. 434 ГК РФ претерпели изменения. Так, п. 1 ст. 160 ГК РФ регламентирует новый способ заключения письменной сделки – с помощью электронных либо иных технических средств. В то же время п. 2 ст. 434 ГК РФ устанавливает, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными.

Далее, законодатель придерживается мнения, что существующие нормы в ГК РФ могут в полном объеме регламентировать составление, заключение и исполнение смарт-контрактов, так как нормы ст. 420–434 ГК РФ не противоречат заключению смарт-контрактов.

Нужно согласиться с данным мнением законодателя, однако при этом заметить, что в ГК РФ отсутствуют нормы, которые бы в полной мере от-

[1] Российская газета. 2019. 20 марта.

ражали сущность смарт-контрактов, а также предоставляли бы гарантии на его исполнение. Внесенные изменения в ГК РФ не преследуют цель раскрытия в полном объеме сути смарт-контрактов как компьютерной программы, в то же время данные нормы не изучают и не отражают функциональную роль смарт-контрактов.

Следовательно, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ГК РФ в виде дополнения общими нормами, которые бы регламентировали смарт-контракты в качестве новой формы контрактов. Однако более целесообразным решением с целью раскрытия всей сущности смарт-контрактов являются разработка и принятие Федерального закона «О смарт-контрактах», который бы строго закреплял понятие, характерные признаки, особенности составления, заключения и исполнения смарт-контрактов, был ориентирован на закрепление детальных процедур составления, заключения и исполнения цифровых контрактов, а также на конкретизацию общих норм ГК РФ.

Вместе с тем, по мнению научного сообщества, смарт-контракты концептуально рассматриваются как полноценные и действующие контракты, некоторые вопросы, связанные с правовым статусом смарт-контрактов, можно решить с помощью нынешних доктрин договорного права. Однако возможность принудительного исполнения смарт-контрактов является не только институтом традиционного договорного права, а значит, и институтом обязательственного права, но также может заменить систему правоприменения.

Таким образом, позитивация смарт-контракта в качестве современного института российского обязательственного права побуждает стороны к надежной совместной экономической деятельности в условиях создания нормативно-правовой базы механизма цифровой экономики.

Список цитируемых источников

Кардонов 2018 – *Кардонов А. В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1. С. 44–47.

Олейник 2018 – *Олейник Е. В.* Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под ред. А. В. Шарковой, О. Н. Васильевой, Б. Оторовой. М. : Дашков и К°, 2018. С. 309–313.

Савельев 2016 – *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 3. С. 32–60.

References

Kardonov, A. V. (2018), “Spheres of application of smart contracts and risks when working with them”, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii,* no. 1, pp. 44–47.

Oleinik, E. V. (2018), “Smart contract: concept and prospects in Russia”, *Teoriya i praktika razvitiya predprinimatel’stva: sovremenny’e kontseptsii, tsifrovy’e tekhnologii i effektivnaya sistema, pod red. A. V. Sharkovoi, O. N. Vasil’evoi, B. Otorovoi* [in Sharkova, A. V., Vasil’eva, O. N. and B. Otorova (ed.), Theory and practice of entrepreneurship development: modern concepts, digital technologies and an effective system], Dashkov i K°, Moscow, Russia.

Savel’ev, A. I. (2016), “Contract law 2.0: “smart” contracts as the beginning of the end of classical contract law”, *Vestnik grazhdanskogo prava,* vol. 16, no. 3, pp. 32–60.

Информация об авторах

Кивленок Татьяна Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; magi16-kiw@yandex.ru

Лазарева Ксения Алексеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; lazarevaksenia1996@mail.ru

Information about the authors

Kivlenok Tat’yana V.,
PhD (Law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; magi16-kiw@yandex.ru

Lazareva Kseniya A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; lazarevaksenia1996@mail.ru

Для цитирования

Кивленок Т. В., Лазарева К. А. Смарт-контракт – новый институт обязательственного права // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 62–65.

For citation

Kivlenok, T. V. and Lazareva, K. A. (2021), “Smart contract – the new institute of local law”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 62–65.

УДК 343.7

Ю. Н. Климова[1]
К. А. Лазарева[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

Yu. N. Klimova[1]
K. A. Lazareva[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Криптовалюта как предмет преступного посягательства в преступлениях против собственности

Crypto-currency as a subject of criminal protection in crimes against property

Ключевые слова: криптовалюта; цифровые финансовые активы; предмет преступления; хищение; объект гражданских прав; квалификация; фишинг; майнинг; кибер-вымогательство.

Аннотация. В статье исследуются вопросы квалификации преступлений против собственности, в которых предметом преступного посягательства выступает криптовалюта. На основании контент-анализа приговоров выделяются группы преступлений против собственности, в которых виртуальная валюта является предметом преступного посягательства. В целях квалификации криптовалюты как предмета преступного посягательства исследуются ее особенности в качестве объекта гражданских прав. Даются криминологическая оценка действующему законодательству по вопросу качества правового регулирования цифровых финансовых активов и рекомендации правоприменителю.

Key words: cryptocurrency; digital financial assets; crime subject; theft; civil rights object; qualification; phishing; mining; cyber extortion.

Abstract. The article examines the issues of qualification of crimes against property, in which the subject of criminal encroachment is cryptocurrency. Based on the content analysis of the sentences, the groups of crimes against property in which virtual currency is the subject of criminal encroachment are identified. In order to qualify cryptocurrency as a subject of criminal encroachment, its features are being investigated as an object of civil rights. A criminological assessment of the current legislation on the quality of legal regulation of digital financial assets and recommendations to the law enforcement officer is given.

Возникновение и развитие цифровой экономики способствует появлению не только принципиально новых цифровых финансовых инструментов (например, криптовалюты[1]), но и трансформации традиционной экономической преступности (например, крипто-преступности [Сидоренко 2018]). Так, в настоящее время в условиях неблагополучной эпидемиологической обстановки в России широкое распространение получили преступления, совершаемые при помощи различных фишинговых кампаний, программ-вымогателей, а также осуществления преступным сообществом мошеннических действий на рынках даркнета (теневой сети).

Согласно отчету, опубликованному аналитической компанией, специализирующейся на решениях безопасности цифровых финансовых активов, CipherTrace, 2 июня 2020 г. стоимость незаконно полученных средств, выведенных за счет преступлений в отношении криптовалюты, за первые пять месяцев 2020 г. составляет 1,4 млрд долл. По оценкам экспертов, общий объем украденной криптовалюты в 2020 г. может достигнуть 4,5 млрд долл.[2]

По мнению John Jefferies, директора по маркетингу и главного финансового аналитика CipherTrace, наибольший вклад в общее количество преступлений, где криптовалюта выступает в качестве предмета преступного посягательства, в 2020 г. внесла схема Wotoken[3], возникшая в Китае. Данное приложение приносит прибыль за счет использования алгоритмических торговых ботов, предлагающих реферальные комиссии аффилированным лицам. В общей сложности жертвами мошенничества стали 715 249 зарегистрированных пользователей, в результате чего Wotoken накопил 46 000 BTC, более 2 млн Ethereum (ETH), 292 000 Litecoin (LTC), 56 000 Bitcoin Cash (BCH) и 684 000 EOS – на сумму почти 1 млрд долл. на момент ареста. Wotoken был активен с июля 2018 г. по октябрь 2019 г.[4]

Еще одной актуальной проблемой является совершение преступлений в рассматриваемой сфере

[1] Криптовалюта является видом цифрового финансового актива, который создается и учитывается в распределенном реестре цифровых транзакций участниками данного реестра на основании правил ведения реестра цифровых транзакций.

© Климова Ю. Н., Лазарева К. А., 2021

[2] URL: https://cryptohamster.org (дата обращения: 15.09.2020).

[3] Wotoken – это мобильное приложение, которое доступно для IOS и Android и представляет собой мультивалютный кошелек для криптовалюты.

[4] PlusToken Scammer Implicated in China's Second Ten-Figure Crypto Ponzi. URL: https://cointelegraph.com/news/plustoken-scammer-implicated-in-chinas-second-ten-figure-crypto-p onzi (дата обращения: 15.09.2020).

правоотношений с использованием электронной почты. Так, мошенники, направляя по электронной почте письма, выдавали себя за различные официальные группы по борьбе с COVID-19, такие как: Всемирная организация здравоохранения, Красный Крест и центры по контролю и профилактике заболеваний с целью вымогательства платежей и пожертвований в форме криптовалюты[1].

Одним из распространенных видов преступлений, сопутствующих рассматриваемым, является создание вредоносной программы с целью последующего хищения криптовалюты. Примером является Cryptocurrency Clipboard – программа, которая отслеживает пользовательский буфер обмена Windows с целью обнаружения и замены адресов криптовалюты. Так, вредоносные программы, которые использовались для электронных платежных систем (WebMoney, QIWI и др.) и их аналоги были адаптированы преступным сообществом под рынок криптовалют в целях кражи криптомонет.

В качестве примера из российской правоприменительной практики можно привести преступление, совершенное в 2018 г. жителем Владимирской области, который взломал сервера госведомств одного из регионов России с помощью вирусов-троянов с целью криптовалютного майнинга (деятельности, которая, как правило, связана с перебором параметров для нахождения хеша с определенными свойствами). Против него было возбуждено уголовное дело по ст. 273 УК РФ. Хакер был обвинен в разработке вредоносных программ с целью блокирования, взлома и уничтожения данных[2].

Кроме того, правоприменительная практика сталкивается с преступлениями, совершаемые с помощью технологии фишинга, который является видом интернет-мошенничества, направленного на получение доступа к конфиденциальным данным пользователей (логинам и паролям). Так, преступники с целью хищения цифровых финансовых активов (далее: ЦФА) создали сайт со схожим интерфейсом и доменным именем (различие состояло лишь в отсутствии одной буквы) на известной платформе ShapeShift.io, предназначенной для конвертации криптовалюты. Пользователи при входе на клонированную платформу вводили свои логины и пароли, что позволило преступникам осуществить хищение криптовалюты из чужих электронных кошельков.

Однако в приведенных примерах правоприменитель не квалифицировал деяния как преступления против собственности. Преступники привлекались к ответственности, как правило, по ст. 272, 273 УК РФ. Объяснялось это тем, что судебной практикой криптовалюта не относилась к предмету преступления против собственности. Так, в 2019 г. Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга при рассмотрении дела о похищении и вымогательстве ЦФА установил, что «криптовалюта не является предметом преступления против собственности. В связи с отсутствием правового статуса признать ее объектом гражданского права не представляется возможным»[3]. Данный вид ЦФА не признан на территории Российской Федерации в качестве фиатной валюты[4], эти активы законодателем отнесены к категории денежных суррогатов. Такой вывод был сделан с учетом положений ст. 209, 128 ГК РФ, ст.158 УК РФ[5].

Однако согласно обзору судебной практики в сфере защиты ЦФА за 2020 г. в отношении статуса цифровых финансовых активов суды приходят к мнению, что криптовалюта является «иным имуществом» применительно к содержанию ст. 128 ГК РФ, а владелец криптокошелька осуществляет полномочия собственника. Встречаются судебные акты, где суды считают, что криптовалюта представляет собой имущество, имеющее денежную оценку; эквивалент средства платежа; имущественные права; некий результат пари или выигрыш[6]. Такая позиция в конечном итоге закреплена в действующем законодательстве.

Как видим, преступления в виртуальном пространстве, в том числе связанные с криптовалютой, становятся значимой частью объективной реальности, наносящей колоссальный ущерб субъектам правоотношений, что диктует настоятельную потребность в выработке правовых инструментов противодействия им.

Решить проблему неоднозначности правоприменительной практики призван Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[7] (далее: Закон № 259-ФЗ). На

---

[1] Crypto Crime on the Rise – Good Odds of 2020 Becoming a Record-Breaker. URL: https://cointelegraph.com/news/crypto-crime-on-the-rise-good-odds-of-2020-becoming-a-record-breaker (дата обращения: 15.09.2020).

[2] URL: https://altcoinlog.com/haker-mainil-na-serverah-gosvedomstva/ (дата обращения: 15.09.2020).

[3] Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: https://t.me/SPbGS/5607 (дата обращения: 15.09.2020).

[4] *Грищенко В.* Аналитическая записка «Фиатные деньги». 2019. Август. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/79860/analytic_no te_20190829_ddkp.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

[5] Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: https://t.me/SPbGS/5607 (дата обращения: 15.09.2020).

[6] Обзор судебной практики в сфере защиты цифровых активов. URL: https://mkaarbat.ru/wp-content/uploads/2020/04/obzor-praktiki-czifrovye-aktivy.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

[7] Российская газета. 2020. 6 авг.

основании ч. 1 ст. 27 данный документ вступил в силу с 1 января 2021 г., за исключением подп. «б» п. 3 ст. 17, вступившего в силу с 10 января 2021 г. Закон № 259-ФЗ определяет ЦФА в качестве цифровых прав. Термин «криптовалюта» в законе не используется. Законодатель закрепил определение «цифровая валюта» (далее: ЦВ): это система электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут быть предложены или приняты как средства платежа, не выступающего денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем указанных электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных лишь поддерживать соотношение порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в данную информационную систему ее правилам.

Как видим, ЦВ представляет собой, по сути, информацию (совокупность электронных данных), имеющую некую экономическую ценность (так как может быть принята как инвестиции или средство платежа). Более того, в ст. 21 № 259-ФЗ ЦВ *признается имуществом*.

Теперь четко определяется положение ЦВ среди объектов гражданских прав, если учесть содержание ст. 128 ГК РФ, которая в числе данных объектов выделяет «вещи… иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)…». Таким образом, ЦФА подпадает под категорию «имущественные права», а ЦВ – «иное имущество». Нужно также отметить, что судебная практика определяет понятие «предмет посягательства» идентично дефиниции понятия «объекты гражданских прав», предусмотренные ст. 128 ГК РФ.

Для выяснения сущности криптовалюты обратимся к опыту зарубежных стран в вопросе регламентации ее правового режима. Так, Центральный банк и Агентство Канады по защите потребителей финансовых услуг Канады определяют криптовалюту как разновидность ЦВ, созданной с помощью компьютерных алгоритмов. В свою очередь ЦВ понимается как электронные деньги.

В США криптовалюта представляет собой любой тип цифровой единицы, который используется в качестве средства обмена или в виде ценности, сохраненной в цифровом виде. Виртуальные валюты рассматриваются широко и включают цифровые единицы обмена, которые: 1) обладают централизованным хранилищем или администратором; или 2) являются децентрализованными, не имеют централизованного хранилища, администратора; или 3) могут быть созданы или получены путем компьютерных или производственных вычислений[1].

В США (в некоторых штатах) криптовалюта приравнена к ценной бумаге. Так, в июле 2016 г. окружной суд Майами-Дейд (штат Флорида) установил, что биткоин выступает «чеком, варрантом, платежным поручением, дорожным чеком, электронным инструментом или иным инструментом, выплатой денег или денежной стоимостью или не является оборотным документом»[2].

В то же время в Японии виртуальная валюта (крипто-актив) признана оборотоспособным активом, использующимся как платежное средство и приобретаемым как товар без применения местного аналога налога на добавленную стоимость [Петрова, Лазарева 2020].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие функции криптовалюты: оплата (функция валюты); накопление (функция имущества); инвестирование (функция биржевого актива).

Рассмотрим, как с учетом имеющейся практики можно квалифицировать действия преступников, присваивающих криптовалюту.

Наиболее часто встречающимися видами преступлений, где виртуальная валюта предстает предметом преступления против собственности, являются следующие:

1) фишинг, который может осуществляться путем создания сайтов-клонов (например, известных бирж, ICO-проектов и кошельков) и, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицирован по ст. 159.6, 272, 273 УК РФ;

2) криптоджекинг (неправомерное использование компьютеров с целью скрытого майнинга), для реализации которого, как правило, заражают вирусом компьютер потерпевшего, может быть квалифицирован по ст. 159, 165, 273 УК РФ;

3) кибер-вымогательство, при котором, в частности, вирусы шифруют файлы на зараженном компьютере, после чего за ключ дешифровки требуется выкуп в криптовалюте; может быть квалифицировано по ст. 163, 273 УК РФ.

Рассмотрим вопросы квалификации указанных преступлений, в которых криптовалюта выступает предметом преступного посягательства.

На практике правоприменитель сталкивается с трудностями в процессе квалификации преступлений, совершенных с помощью технологии фишинга. Пока на практике деяния, представляющие собой фишинг, квалифицировались, как правило,

[1] Правовые аспекты ITO/ICO 2017 / А. Левашенко [и др.]. URL: https://oecd-russia.org/media/ito.26.0 7.17.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

[2] Там же.

по ст. 272 УК РФ. Так, приговором Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 30 апреля 2013 г. по делу № 1-102 Б. осужден по ч. 2 ст. 272 УК РФ. Судом установлено, что Б. по предварительному сговору совершил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации – к паролю электронного почтового ящика легитимного пользователя ООО, что повлекло неправомерные переводы денежных знаков[1].

Согласно уголовному закону объективную сторону состава преступления по ст. 272 УК РФ представляет неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации[2]. Такой доступ возможен в случае применения программных средств, которые позволяют так сказать обойти системы защиты, незаконного введения действующих паролей, а также кодов для проникновения в компьютер под видом законного пользователя. Так, в процессе фишинга хакеры посредством компьютерных программ могут создавать клонированные сайты, например, с целью завладения учетными данными владельцев цифровых кошельков. В данном случае предметом преступления выступает криптовалюта, находящаяся в цифровом кошельке, а способом преступления – совокупность действий, которые позволили завладеть данной ЦВ. Следовательно, выполнение объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, определяется лишь как способ совершения основного преступления, т. е. хищения криптовалюты.

Следует учитывать, что хищение в рассматриваемой сфере правоотношений может быть квалифицировано по специальной норме ст. 159.6 УК РФ. В научной литературе предлагаются критерии разграничения смежных составов преступлений. Юрист С. В. Шевелева указывает, в частности, что при разграничении составов, предусмотренных ст. 159 и 159.6 УК РФ, правоохранительные органы учитывают, что не каждое устройство именуется компьютером [Шевелева 2017, с. 230]. Выходом из указанной ситуации О. Я. Баев и В. А. Мещеряков называют проведение соответствующей экспертизы на предмет отнесения технического устройства к компьютеру, возможность передачи, хранения, изменения компьютерных данных [Баев, Мещеряков 1998].

Поскольку получение учетных данных пользователя посредством применения технологии фишинга приводит к нарушению механизма обработки, хранения и передачи компьютерной информации, действия следует квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ.

Помимо состава хищения в случае применения технологии фишинга действия преступника могут быть квалифицированы и по ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Так, по приговору Якутского городского суда Республики Саха – Якутия от 26 августа 2019 г. по делу № 1-681/2019 Б. Д. Д. и Б. И. Д. осуждены по ч. 3 ст. 272, ч. 3 ст. 273 и ст. 159.6 УК РФ за распространение в глобальной информационной системе вредоносного программного обеспечения для дистанционного управления банкоматами коммерческой организации и вывода 21,5 млн руб. в криптовалюту[3]. Хотя в данном случае были похищены денежные средства, а уже затем переведены в криптовалюту, однако пример может быть актуален и при анализе квалификации фишинга криптовалюты.

В научной литературе существует подход, согласно которому ст. 159.6 УК РФ является специальной по отношению к ст. 272, 273 УК РФ. Так, по мнению правоведа З. И. Хисамовой, компьютерная информация может выступать методом доступа к чужому имуществу, что отражено в объективной стороне ст. 159.6 УК РФ. При этом по ч. 3 ст. 17 УК РФ дополнительно квалифицировать действия по ст. 272, 273 УК РФ не следует [Хисамова 2016].

Анализируя диспозиции норм ст. 272 и 159.6 УК РФ, можно установить, что содержание описания способов совершения преступлений не является аналогичным. Во-первых, в ст. 272 УК РФ содержится положение лишь о неправомерном доступе (по смыслу ст. 159.6 УК РФ доступ может быть правомерным). Во-вторых, способы хищения в смысле ст. 159.6 УК РФ выделены более широко: «путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства».

В решении вопроса о квалификации содеянного по совокупности рассматриваемых составов необходимо принимать во внимание, что состав преступления по ст. 159.6 УК РФ следует относить к числу сложных преступлений, совершаемых путем преступлений-способов [Шевелева 2017]. Значимые мнения на этот счет выражаются докторами юридических наук Н. Ф. Кузнецовой [Кузнецова 2007], В. Н. Кудрявцевым [Кудрявцев 1999], С. В. Шевелевой [Шевелева 2017].

К критериям, по которым решается вопрос о том, квалифицировать ли преступления в рассматриваемом аспекте по совокупности, или нет, можно отнести следующие: является доступ к компьютерной информации правомерным или неправомерным; имеет место реальная или идеальная совокупность; каково соотношение тяжести пре-

[1] URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-traktorozavodskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/ (дата обращения: 15.09.2020).

[2] Доступ к компьютерной информации – получение возможности ознакомиться и (или) воспользоваться компьютерной информацией.

[3] URL: https://sudact.ru/regular/doc/8jIATe7oVfNK/ (дата обращения: 15.09.2020).

ступления-способа и основного преступления. Так, при легальном доступе к компьютерной информации дополнительно квалифицировать действия по ст. 272, 273 УК РФ не следует, как и в случае, если по тяжести преступление-способ (ст. 272, 273 УК РФ) ниже основного состава преступления (ст. 159.6 УК РФ). В случае реальной совокупности, действия квалифицируются как по ст. 272 УК РФ, так и по основному составу ст. 159.6 УК РФ.

Еще одним способом хищения криптовалюты является скрытый майнинг. Стремительный рост стоимости биткоина привлекает майнеров и побуждает их использовать больше ресурсов для незаконной добычи криптовалюты. Как сообщили «Россети» размер убытка от деятельности «черных» майнеров (правонарушителей, которые добывают криптовалюту, незаконно подключаясь к чужим энергосистемам и соответственно на платя за электроэнергию) за четыре последних года составил 718 млн руб.[1]

Скрытым называют майнинг, при котором используется чужое имущество, например, осуществление майнинга работниками на серверах организации, в которой они работают или внедрение кода для майнинга в состав вирусов и троянов. Так, 12 января 2021 г., в Калмыкии завели уголовное дело по факту хищения электроэнергии на 16 млн руб. при майнинге биткоинов. Директор ООО «Завод ЖБИ – Конструкции» и глава регионального государственного предприятия «ДСК» организовали майнинговые фермы на территории одной из своих компаний, электросети которой использовали для майнинга. В итоге ПАО «МРСК Юга» – «Калмэнерго» был причинен ущерб на сумму свыше 16 млн руб. Фигуранты дела обвиняются в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ «Причинение особо крупного имущественного ущерба собственнику путем обмана при отсутствии признаков хищения, совершенное организованной группой». Помимо этого, директор «ДСК» обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК «Превышение должностных полномочий»[2].

По-иному были квалифицированы действия сотрудника ФГУП «РФЯЦ–ВНИИЭФ». В период с 1 по 31 мая 2017 г. лицо № 1 и лицо № 2 договорились об использовании вычислительных мощностей находящегося в Институте теоретической и математической физики (далее: ИТМФ) неиспользуемого компьютерного оборудования и возможностей специализированной локальной вычислительной сети, предназначенной для обработки конфиденциальной информации уровня конфиденциальности «для служебного пользования», «персональные данные» и «коммерческая тайна», для вычисления (майнинга) криптовалюты и ее последующего обращения в свою пользу, вопреки служебным интересам ФГУП «РФЯЦ–ВНИИЭФ».

Кроме того, лицо № 1 для вычисления (майнинга) криптовалюты предложил лицу № 2 привлечь к совершению противоправной деятельности Б., на что тот согласился. Б. под непосредственным личным контролем лица № 1 и лица № 2, находясь в комнате 104 здания ИТМФ ФГУП «РФЯЦ–ВНИИЭФ», путем соединения предоставленных лицом № 2 и лицом № 1 вычислительных систем (серверов) посредством предоставленного лицом № 1 коммутатора Ethernet осуществлял сборку вычислителя (далее: «ферма»), необходимого для вычислений (майнинга) криптовалюты, с целью обеспечения соединения собранной «фермы» с сетью «Интернет» подключал к собранному вычислителю предоставленный лицом № 1 GSM-модем, после чего, по согласованию с лицом № 1 и лицом № 2, загружал из сети «Интернет» программное обеспечение (далее: ПО), предназначенное для майнинга криптовалюты, а также ПО eth-proxy, предназначенное для получения через сеть «Интернет» задач на вычисление (майнинг) криптовалюты, сбора результатов вычислений и их отправки в сеть «Интернет» на Pool (сервер, который связан со всеми участниками майнинга криптовалют). Судом Б. был признан виновным в совершении преступлений по ч. 3 ст. 272 и ч. 1 ст. 274 УК РФ[3].

Как видим, при скрытом майнинге может и не уничтожаться, блокироваться, модифицироваться информация, но перехват трафика, применение компьютерных программ, заведомо созданных в целях несанкционированного уничтожения, модификации компьютерной информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, составляют состав преступления, предусмотренный ст. 272 УК РФ.

Еще одним способом хищения криптовалюты являются DDoS-атаки, направленные на вычислительную систему с целью блокирования доступа пользователей к системным ресурсам. Приведем пример, в котором как вымогательство и использование вредоносной программы квалифицировалось требование передачи имущества под угрозой совершения DDoS-атак. Так, приговором Хорошевского районного суда г. Москвы от 1 декабря 2014 г. по делу № 1-587/2014 К. осужден по ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 273, ч. 2 ст. 273 УК РФ. Из приговора суда следует, что К. из корыстной заинтересованности приобрел доступ к вредоносной компьютерной программе storm.bot, которая предназна-

[1] URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 15.09.2020).

[2] URL: https://www.newsru.com/hitech/11jan2021/16mln_bitcoin.html (дата обращения: 15.09.2020).

[3] URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/217720433 (дата обращения: 15.09.2020).

чена для совершения DDoS-атак на данные, хранящиеся на информационных сайтах, способствующих несанкционированному блокированию компьютерной информации. С помощью данной программы К. совершил DDoS-атаки на компьютерные данные с сайта кредитной организации. Затем совершил вымогательство денежных средств, принадлежащих кредитной организации[1]. В данном примере предметом вымогательства являются денежные средства, однако подход к квалификации проведения DDoS-атаки актуален и для вымогательства криптовалюты.

Приведем примеры вымогательства криптовалюты. Так, 30 марта 2020 г. Томским областным судом в апелляционном порядке было рассмотрено дело № 22-689/2020 по апелляционной жалобе адвоката К. в защиту интересов обвиняемого Д. на постановление Советского районного суда г. Томска от 20 марта 2020 г. об аресте подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272, п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ. В процессе судебного разбирательства было установлено, что Д. был осуществлен неправомерный доступ к компьютерной информации организаций, которые расположены на территории России с последующим вымогательством денежных средств в виде криптовалюты под угрозой уничтожения персональных данных. По итогам рассмотрения дела Томский областной суд оставил постановление Советского районного суда г. Томска без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения[2].

Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга в 2018 г. приговорил П. П. по п. «б» ч. 2 ст. 163 УК РФ, ч. 2 ст. 325 УК РФ, и Е. П. по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Из приговора суда следует, что П. П., представившись гражданину Ш. сотрудником ФСБ, сообщал ложную информацию о грозящей Ш. уголовной ответственности за его деятельность с криптовалютой, а также о возможности избежать уголовной ответственности в случае перевода на электронные адреса криптовалюту в виде 99.7035 биткоинов (48 101 130 руб. 87 коп.), в виде 2072150.73446889 дигибайтов (4 083 999 руб. 19 коп.), в виде 198700.17928287 битшейресов (3 012 711 руб. 76 коп.), на общую сумму 55 197 841 руб. 82 коп. С целью силовой поддержки П. П. привлек за денежное вознаграждение Е. П. с целью совершения вымогательства, а также не менее 5 неустановленных лиц. В данном случае суд с учетом положений ст. 209, 128 ГК РФ, ст. 158 УК РФ указал, что криптовалюта не является предметом преступления против собственности. При таких обстоятельствах суд исключил из объема обвинения завладение криптовалютой на сумму 55 197 841 руб. 82 коп.[3] В связи с принятием Закона № 259-ФЗ завладение криптовалютой должно вменяться подсудимому, реальный ущерб не может быть оставлен без внимания при квалификации преступлений и должен выражаться в денежном эквиваленте, поскольку непосредственно влияет и на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, и на квалификацию.

Следует учитывать, что криптовалюта может быть предметом иных преступлений против собственности (ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ и т. д.), при квалификации которых основной проблемой до принятия Закона № 259-ФЗ было отнесение криптовалюты к имуществу. Приведем примеры из российской и зарубежной практики. Так, исполнительный директор ООО «Бизнес-сети», обратившийся в полицию, указал, что неизвестные лица предложили ему помощь в продаже 103 биткоинов. Потерпевший передал им криптовалюту на сумму 45,3 млн руб., после чего преступники скрылись[4].

Ввиду того, что в ряде зарубежных стран технологически и юридически механизм противодействия рассматриваемым преступлениям является более разработанным, то и правоприменительная практика более обширна. Так, в Нью-Йорке преступникам удалось похитить 1,8 млн долл. в эфирах, используя ключи от эфириум-кошелька миллионера, добытые в результате вооруженной угрозы[5]. В августе 2018 г. в Китае были арестованы трое подозреваемых во взломе персонального компьютера потерпевшего из г. Сиань, которые похитили криптовалюту на сумму 87 млн долл.[6]

Чаще всего кражи криптовалют совершаются с «горячих» кошельков, поскольку «холодный» кошелек не подключается к Интернету. В таком типе кошелька используются два персональных ключа: отвечающий за разблокировку и перенос биткоинов на «горячий» кошелек и необходимый в случае хакерской атаки. При незаконной транзакции владелец в течение суток имеет возможность вернуть похищенные средства. Применение данной технологии позволило возвратить средства, которые были похищены с фондов TheDAO в Эфириуме и предупредить атаку на сеть Steemit.

Итак, использование криптовалюты на данный момент сопряжено с угрозой хакерских и мошен-

[1] URL: https://sudact.ru/regular/doc/iHgIrJInBbrl/ (дата обращения: 15.09.2020).

[2] URL: https://sudact.ru/regular/doc/5CqV2dYC6bbJ/ (дата обращения: 15.09.2020).

[3] URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/233293605 (дата обращения: 15.09.2020).

[4] URL: https://www.mskagency.ru/materials/2793832 (дата обращения: 15.09.2020).

[5] URL: https://www.fxmag.ru/cryptonews-igak.htm (дата обращения: 15.09.2020).

[6] URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/193570966 (дата обращения: 15.09.2020).

нических атак, направленных на цифровое богатство пользователей, а значит, актуальность применения уголовно-правовых средств защиты вещных прав будет возрастать.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Преступления против собственности, связанные с криптовалютой, становятся значимой частью объективной реальности, наносящей колоссальный ущерб субъектам правоотношений.

Решить проблему неоднозначности правоприменительной практики в квалификации рассматриваемых преступлений призван Закон № 259-ФЗ, в ст. 21 которого ЦВ (а значит, и криптовалюта как ее разновидность) признается имуществом. До принятия Закона № 259-ФЗ преступники привлекались к ответственности, как правило, по ст. 272, 273 УК РФ, редко деяния квалифицировались в качестве хищения (например, по ст. 163 УК РФ и т. п.).

На практике правоприменитель сталкивается с трудностями в процессе квалификации преступлений, совершенных с помощью технологии фишинга, майнинга, кибер-вымогательства.

Следует учитывать, что хищение в процессе фишинга может быть квалифицировано по специальной норме ст. 159.6 УК РФ. Следовательно, образуется проблема разграничения смежных составов ст. 159 и 159.6 УК РФ. В случае необходимости отнесения технического устройства к компьютеру предлагается каждый раз проводить соответствующую экспертизу. Помимо состава хищения в случае применения технологии фишинга, действия преступника могут быть квалифицированы не только по ст. 272 УК РФ, но и по ст. 273 УК РФ. Проблема квалификации может быть связана с решением вопроса о том, во всех ли случаях требуется дополнительная (помимо ст. 159.6 УК РФ) квалификация по ст. 272, 273 УК РФ.

В решении вопроса о квалификации содеянного по совокупности рассматриваемых составов необходимо принимать во внимание, что состав преступления по ст. 159.6 УК РФ следует отнести к сложным преступлениям, совершаемым путем преступлений-способов.

К критериям, по которым решается вопрос о том, квалифицировать ли преступления в рассматриваемом аспекте по совокупности, или нет, можно отнести следующие: является доступ к компьютерной информации правомерным или неправомерным; имеет место реальная или идеальная совокупность; каково соотношение тяжести преступления-способа и основного преступления.

В случае скрытого майнинга действия квалифицируются по ст. 165 УК РФ. При этом перехват трафика, использование компьютерных программ для несанкционированного уничтожения и нейтрализации средств защиты компьютерной информации квалифицируются по ст. 272 УК РФ.

Необходимо учесть, что криптовалюта может выступать предметом иных преступлений против собственности (ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ и т. д.), при квалификации которых основной проблемой до принятия Закона № 259-ФЗ был вопрос о возможности отнести криптовалюту к имуществу. С принятием Закона № 259-ФЗ многие проблемы квалификации сняты, а как сложится правоприменительная практика, покажет ближайшее будущее.

Список цитируемых источников

Баев, Мещеряков 1998 – *Баев О. Я., Мещеряков В. А.* Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Конфидент. 1998. № 7. С. 8–9.

Кудрявцев 1999 – *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М. : Юрист, 1999. 301 с.

Кузнецова 2007 – *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений. М. : Городец, 2007. 332 с.

Петрова, Лазарева 2020 – *Петрова И. Л., Лазарева К. А.* Особенности юридической терминологии в нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения в условиях цифровизации общества // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 204–209.

Сидоренко 2018 – *Сидоренко Э. Л.* Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2(64). С. 15–21.

Хажиахметова 2016 – *Хажиахметова Е. Ш.* Криптовалюта – деньги XXI века // Новая наука: от идеи к результату. Агентство международных исследований. 2016. № 11-2. С. 177–179.

Хисамова 2016 – *Хисамова З. И.* Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Общество и право. 2016. № 1(55). С. 118–201.

Шевелева 2017 – *Шевелева С. В.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 229–234.

References

Baev, O. Ya. and Meshcheryakov, V. A. (1998), “Problems of criminal law qualification of crimes in the field of computer information”, *Confident,* no. 7, pp. 8–9.

Khazhiakhmetova, E. Sh. (2016), "Cryptocurrency – money of the XXI century", *Novaya nauka: ot idei k resul'tatu. Agentstvo mezhdunarodny'kh issledovanii,* no. 11-2, pp. 177–179.

Khisamova, Z. I. (2016), "On the specifics of qualifying crimes committed in the use of information and communication technologies", *Obshchestvo i pravo,* no. 1(55), pp. 118–201.

Kudryavtsev, V. N. (1999), *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General theory of classification of crimes], Yurist, Moscow, Russia.

Kuznetsova, N. F. (2007), *Problemy' kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes], Gorodets, Moscow, Russia.

Petrova, I. L. and Lazareva, K. A. (2020), "Features of legal terminology in regulatory legal acts regulating financial relations in the context of digitalization of society", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 204–209.

Sheveleva, S. V. (2017), "Fraud in the field of computer information: characteristics of qualifications and competition with related offenses", *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* no. 4(40), pp. 229–234.

Sidorenko, E. L. (2018), "Cryptocrime as a new criminological phenomenon", *Obshchestvo i pravo,* no. 2(64), pp. 15–21.

Информация об авторах

Климова Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; klimova_julia@mail.ru

Лазарева Ксения Алексеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; lazarevaksenia1996@mail.ru

Information about the authors

Klimova Yuliya N.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; klimova_julia@mail.ru

Lazareva Kseniya A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; lazarevaksenia1996@mail.ru

Для цитирования

Климова Ю. Н., Лазарева К. А. Криптовалюта как предмет преступного посягательства в преступлениях против собственности // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 66–73.

For citation

Klimova, Yu. N. and Lazareva, K. A. (2021), "Crypto-currency as a subject of criminal protection in crimes against property", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 66–73.

УДК 343.95

А. Е. Михайлов[1]
А. А. Ашин[1]
[1]*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

A. E. Mikhailov[1]
A. A. Ashin[1]
[1]*Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Криминологическая характеристика личности насильственного преступника: современные показатели

Criminological characteristics of the personality of a violent criminal: current indicators

Ключевые слова: насильственная преступность; личность насильственного преступника; структура личности; профилактика насильственной преступности.

Аннотация. Личность насильственного преступника является одной из динамично развивающихся категорий в криминологии. Изменение социально-экономических, политических и демографический факторов в нашей стране заметно влияет на структуру личности насильственного преступника, что требует постоянного исследования. Проведенный авторами анализ структуры личности насильственного преступника с учетом данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019 г. позволит более объективно оценить современные качества и свойства его личности и скорректировать меры общей и индивидуальной профилактики.

Key words: violent crime; violent criminal personality; personality structure; prevention of violent crime.

Abstract. The personality of a violent criminal is one of the most dynamically developing categories in criminology. Changes in socio-economic, political and demographic factors in our country significantly affect the structure of the personality of a violent criminal, which requires constant research. Spent the authors analysis of the personality structure of violent criminal based on recent data of the Judicial Department Under the Supreme Court of the Russian Federation, will allow to more objectively assess the current quality and characteristics of his personality and to adjust measures of General and individual prevention.

Результативность деятельности по профилактике преступности во многом зависит от правильного использования имеющегося в распоряжении криминологии материала. В этом аспекте большое значение имеют данные о характеристике личности преступника.

Изучение личности преступника позволяет не только сформировать представление о характеристиках лиц, совершающих преступления, но и выявить наиболее распространенные личностные качества и свойства, которые детерминируют преступное поведение либо препятствуют его развитию. Эти данные необходимы для организации процесса общей и индивидуальной профилактики преступности.

С учетом предмета нашего научного интереса в рамках настоящей статьи мы рассмотрим современные показатели структуры личности насильственного преступника в соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Следует отметить, что доля насильственной преступности в структуре современной российской преступности достаточно внушительна и достигает 20 % [Михайлов, Тараканов, Семенов 2020, с. 139–140]. Это с учетом специфики общественной опасности насильственной преступности, связанной с посягательством на наиболее важные общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье, и выраженной в невосполнимости части причиняемого ей вреда, делает изучение личности насильственного преступника актуальной.

Следует отметить, что традиционно структура личности преступника оценивается в рамках таких компонентов, как социально-демографические характеристики личности преступника, нравственно-психологические, правовые, криминологические и биологические показатели [Кудрявцев, Михайлов 2020, с. 118]. Однако статистическому учету подлежат только социально-демографические, правовые и отчасти биологические характеристики, что тем не менее дает возможность оценить их взаимосвязь с нравственно-психологическими и криминологическими элементами в структуре личности преступника.

Анализ социально-демографических данных личности позволяет более углубленно изучить лиц, совершивших преступление, выявить взаимозависимость различных характеристик, установить закономерности поведения различных групп преступников [Ашин 2005].

© Михайлов А. Е., Ашин А. А., 2021

При оценке демографических показателей насильственного преступника важную роль играет такой признак, как *пол*. Так, среди лиц, осужденных в 2019 г. за насильственные преступления, преобладали мужчины. Доля женщин составляла порядка 14,1 % (в абсолютных показателях – 7 919 женщин, осужденных за насильственные преступления против личности)[1]. Низкая доля женщин в структуре насильственной преступности связана не только с преобладанием мужчин среди лиц, совершающих преступления, она традиционно объясняется определенными особенностями психофизиологического характера: повышенной агрессивностью и импульсивностью мужчин, наличием у них большей физической силы, способствующей совершению преступлений [Кудрявцев, Эминов 2000, с. 441].

Вместе с тем следует отметить ряд негативных аспектов. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что доля женщин, совершающих насильственные преступления, заметно выше, чем их доля на общем уровне. Так, в 2019 г. доля женщин в структуре личности преступника на общем уровне составляла 13,9 %. Более того, если сопоставлять долю насильственных преступников мужчин и женщин в общей структуре личности преступника, то окажется, что для женщин-преступников совершение насильственного преступления даже более характерно, чем для мужчин. В частности, доля насильственных преступников мужского пола в общей структуре личности мужчины-преступника составляет 9,3 %, в то время как соответствующий показатель у женщин – 9,4 %.

Вместе с тем обращают на себя внимание и позитивные тенденции. Так, по сравнению с 2010 г. общий объем, а также доля женщин в структуре личности насильственного преступника снизились. В 2010 г. было осуждено за насильственные преступления 16 600 женщин, что составляет 15,6 % в общей структуре личности насильственного преступника. При этом доля женщин в общей структуре преступности в 2010 г. составляла 15,1 %, т. е. можно констатировать, что уровень криминогенной пораженности женщин-преступников в части насильственной преступности в 2019 г. снизился по сравнению в 2010 г. на 0,3 %[2].

Наиболее характерными преступлениями среди женщин являются убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои. При этом исследователи отмечают, что насильственные преступления, совершаемые женщинами, из-за повышенной женской эмоциональности и возбудимости нередко выделяются из общего числа рассматриваемых преступлений агрессивностью и излишней жестокостью [Щербакова, Белая 2015, с. 70, 72].

Следующей важной характеристикой личности насильственного преступника являются *возрастные характеристики*. Согласно данным за 2019 г. среди насильственных преступников выделяются следующие возрастные группы:

1) 30–49 лет – 58 %;
2) 50 лет и старше – 14 %;
3) 25–29 лет – 14 %;
4) 18–24 года – 12 %;
5) 14–17 лет – 2 %.

Данные показатели не соответствует традиционно распространенному в отечественной криминологии представлению о наибольшей криминальной активности лиц в возрасте 25–35 лет с тенденцией к омоложению, что объясняется большей социальной активностью молодежной возрастной группы, более выраженной социальной незрелостью их личности, невысоким уровнем культуры, отношений и поведения, примитивностью интересов и отсутствием устойчивых жизненных планов [Игнатов 2015, с. 93–94]. В соответствии со статистическими данными мы наблюдаем подавляющее преобладание среди насильственных преступников лиц старше 30 лет. Такое несоответствие можно объяснить следующими факторами. Во-первых, данные показатели не учитывают довольно значительное число лиц, освобожденных от уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений небольшой и средней тяжести – побоев, которые характерны для более молодых возрастных групп. Во-вторых, само распределение на возрастные группы в рамках статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации не в полной мере корректно, так как возрастная группа 30–49 лет охватывает возраст в диапазоне 20 лет, в то время как более младшие возрастные группы – от 3 до 6 лет, что корреляционно не может не отразиться на распределении долей в общей возрастной структуре личности насильственного преступника. Более корректным будет выделять возрастные группы: 30–34 года, 35–39 лет и 40–49 лет. При таком подходе возрастная группа 25–34 года действительно будет преобладать с показателем 28–30 %.

При этом следует отметить объективное увеличение возраста насильственного преступника, наблюдающееся в последнее десятилетие и в целом корреспондирующееся с аналогичным трен-

[1] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления (форма № 11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (дата обращения: 10.12.2020).

[2] Там же.

дом в общей структуре личности преступника, что связано со старением населения нашей страны и последствиями «демографической ямы» конца 90-х гг. XX в. [Варыгин 2016, с. 34].

Так, возрастные показатели в структуре личности насильственного преступника в 2010 г. распределялись следующим образом:

1) 30–49 лет – 41 %;
2) 18–24 года – 25 %;
3) 25–29 лет – 17 %;
4) 50 лет и старше – 11 %;
5) 14–17 лет – 4 %.

Как видим, разница существенная. При этом за истекшее десятилетие криминально активной стала возрастная группа 30–49 лет. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что улучшение социально-экономических, культурно-нравственных, социально-психологических и политических факторов в целом позитивно влияет на массовое сознание, что закономерно отражается на уровне агрессивности населения, особенно молодого поколения. Поколение, чье взросление пришлось на 1990-е – начало 2000-х гг., столкнулось с пагубным влиянием названных факторов, имевших в это время ярко негативный характер, что способствовало развитию феномена отчуждения личности с закономерными процессами повышения агрессивности и искажения правосознания [Антонян, Еникеев, Эминов 1996, с. 61–72]. Это в целом дает возможность рассматривать представителей данного поколения как носителей более выраженных негативных качеств и свойств личности, способствующих детерминации преступного поведения, в том числе и насильственного, по сравнению с последующим поколением.

Если оценивать распределение криминальной активности различных возрастных групп насильственных преступников, то обращают на себя внимание следующие закономерности: у всех возрастных групп наиболее распространенными преступлениями являются убийства, умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести и побои. При этом с повышением возрастной группы происходит постепенное увеличение доли убийств с 9,1 % у возрастной группы 18–24 лет до 14,7 % у возрастной группы 50 лет и старше с сохранением стабильно высокого уровня умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, а также умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев у всех возрастных групп (до 24 %). Причем у наиболее старшей возрастной группы почти вдвое, по сравнению с другими группами, снижается уровень умышленного причинения вреда средней тяжести до 10 %. У младшей возрастной группы (14–17 лет), в отличие от других групп, большое распространение получили насильственные преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность, – 22 %, что можно объяснить соответствующими психофизиологическими особенностями пубертатного периода и сохраняющейся табуированностью данной сферы человеческих взаимоотношений в рамках младшей возрастной группы.

Система социальных установок и ценностных ориентаций подавляющего большинства несовершеннолетних в настоящее время не отличается многообразием, круг их интересов крайне узок. Главным образом он ограничивается стремлением к удовлетворению физиологических и материальных потребностей. Такое эгоистическое и безответственное поведение молодых людей, как правило, объясняется низким социально-экономическим статусом их семей, недостаточной заботой со стороны родителей, равнодушием педагогов [Ашин 2007, с. 43].

Социальные характеристики личности насильственного преступника обладают следующими показателями.

Основную массу насильственных преступников образуют граждане Российской Федерации. При этом 2,4 % насильственных преступлений совершены иностранными гражданами (среди которых основную массу составляют граждане СНГ) и 0,2 % – лицами без гражданства. Среди иностранцев наиболее распространенными насильственными преступлениями являются убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Причем доля последних составляет 22,9 %, что делает их вторыми по распространенности среди данной категории лиц. Это можно объяснить определенными ограничениями сексуальной сферы для иностранных граждан объективного и субъективного характера, которые преодолеваются преступным способом.

Как правило, насильственные преступления совершаются местными жителями (92,8 %), жителями другой местности совершается только 5,8 % анализируемых преступлений, причем интересно отметить, что у данной категории лиц доля насильственных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности тоже выше, чем у местных жителей. Если у местных жителей доля указанных преступлений составляет только 6,9 %, то у жителей других регионов – 13,6 %, что связано с теми же факторами, которые способствуют повышению уровня данных преступлений среди иностранцев, хотя на жителей России, совершающих преступления в других регионах страны, они оказывают меньшее влияние.

Образовательный уровень у насильственных преступников распределился следующим образом:

1) среднее специальное образование – 36,7 %;

2) среднее общее образование – 35,9 %;

3) основное общее, начальное или без образования – 21 %;

4) высшее образование – 6,4 %.

Особенностью образовательного уровня насильственного преступника является его более низкие показатели. Так, на общем уровне доля лиц с высшим образованием составляет 8,4 %, а доля лиц с основным общим, начальным образованием или без образования – 19,5 %[1]. И хотя эти различия с общим уровнем несущественны, тем не менее они закономерны и показательны.

Оценивая социальный статус насильственного преступника, следует отметить, что в целом он также носит неблагоприятный характер и выражен в следующих показателях:

1) трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 60 %;

2) рабочие – 23,8 %;

3) нетрудоспособные лица – 6,7 %;

4) учащиеся, студенты – 2,8 %;

5) служащие коммерческой или иной организации – 2 %.

Остальные социальные группы представлены крайне незначительно. При этом нужно отметить прямую связь между уровнем образования насильственного преступника и его социальным статусом, что в свою очередь способствует криминализации личности. Отсутствие трудовой деятельности, а следовательно, постоянного источника доходов приводит к нарастающей озлобленности и далее к совершению преступления.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная доля насильственных преступников ведет паразитический образ жизни, что, в свою очередь, демонстрирует связь социально-демографических характеристик личности насильственного преступника с нравственно-психологическим компонентом его личности.

Так, *правовая характеристика* личности насильственного преступника отличается меньшей долей лиц, участвующих в преступной деятельности в соучастии, что связано с такими качествами насильственных преступников, как самоуверенность, эгоизм, социальная отчужденность. Количество насильственных преступников, совершивших преступление в группе, составляет 10 %, однако на общем уровне – 13,1 %. Доля группового участия в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности значительно выше и составляет 14,3 %, что объясняется, с одной стороны, распространенностью этих преступлений среди несовершеннолетних, для которых свойственно групповое преступное поведение, а с другой стороны, стремлением насильников компенсировать свою неуверенность или самоутвердиться за чужой счет.

Порядка 35,3 % насильственных преступников имеют судимость, это несколько ниже общего уровня судимости, составляющего 38,4 %, что связано с низкой специализацией криминологического рецидива у насильственных преступников. Превентивный эффект от наказания за насильственные преступления, среди которых существенную долю занимают тяжкие и особо тяжкие преступления, предусматривающие в том числе пожизненное лишение свободы, достаточно высок. Именно поэтому нередко совершение насильственных преступлений характерно для лиц, судимых за иные преступления, в основным против собственности, что свидетельствует о феномене дифференциации рецидива, когда преступники, специализирующиеся на совершении профессиональных преступлений, в силу деградации личности начинают совершать разноплановые преступления, в том числе насильственные [Волконская 2016, с. 203–204]. При этом степень криминогенной пораженности их личности остается высокой. Во многом этим объясняется высокая доля среди насильственных преступников лиц, ранее судимых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Так, доля насильственных преступников, ранее судимых за совершение особо тяжких преступлений, составляет 11,7 %, тогда как на общем уровне этот показатель равен 2,3 %, доля лиц, судимых за тяжкие преступления, – 27,4 %, в то время как на общем уровне – 9,1 %, доля лиц, совершивших насильственное преступление при наличии опасного и особо опасного рецидива, составляет 6,7 %, а на общем уровне – 3,1 %[2]. В целом данные показатели позволяют охарактеризовать личность насильственного преступника как криминогенно опасную, характеризующуюся наличием преступного опыта.

Оценивая *биологический элемент* структуры личности насильственного преступника следует указать, что для него характерно наличие психических расстройств. Согласно проведенным исследованиям доля лиц с психическими расстройствами среди насильственных преступников достигает 22–30 %, при этом наиболее распространенным расстройством является психопатия [Сазонова 2009, с. 145].

Высока доля и лиц, страдающих алкоголизом (до 9 %). Примечательно, что согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации 59,7 % осужденных за насильственные преступления лиц совершили уголовно наказуемое деяние в состоянии алкогольного

[1] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления (форма № 11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год).

[2] Там же.

опьянения, в то время как на общем уровне этот показатель равен 29,9 %[1]. Состояние алкогольного опьянения способствует преодолению морально-нравственных барьеров, регулирующих поведение индивида, снижает его внутренний контроль и критическую оценку ситуации, что в сочетании с негативными нравственно-психологическими качествами личности способствует выбору агрессивно-насильственной модели поведения.

Таким образом, криминологическая характеристика личности современного насильственного преступника выглядит следующим образом: это, как правило, мужчина 30–49 лет, гражданин Российской Федерации, местный житель, имеющий среднее специальное образование, трудоспособный, но не трудоустроенный, часто имеющий судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, отличающийся криминогенной пораженностью личности и склонностью к антиобщественному поведению, употреблению спиртных напитков и нередко страдающий психическими расстройствами.

Список цитируемых источников

Антонян, Еникеев, Эминов 1996 – Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. М. : Юристъ, 1996. 336 с.

Ашин 2005 – *Ашин А. А.* Лишенные свободы несовершеннолетние (социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика) / отв. ред. П. Г. Пономарев. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2005. 67 с.

Ашин 2007 – *Ашин А. А.* Значение психологических особенностей личности в процессе исправления несовершеннолетних осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2(3). С. 40–43.

Варыгин 2016 – *Варыгин А. Н.* Преступность представителей различного возраста // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 33–35.

Волконская 2016 – *Волконская Е. К.* Рецидив насильственных преступлений: социологическое исследование // Lex Russica. 2016. № 5(114). С. 203–216.

Игнатов 2015 – *Игнатов А. Н.* Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4. С. 93–98.

Кудрявцев, Михайлов 2020 – Криминология / под общ. ред. А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова. Владимир : Владим. фил. РАНХиГС, 2020. 220 с.

Кудрявцев, Эминов 2000 – Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М. : Юрист, 2000. 512 с.

Михайлов, Тараканов, Семенов 2020 – *Михайлов А. Е., Тараканов И. А., Семенов С. А.* Насильственная преступность: состояние и тенденции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 139–142.

Сазонова 2009 – *Сазонова Н. И.* Личностные особенности преступников с психическими аномалиями, многократно судимых за насильственные преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 144–148.

Щербакова, Белая 2015 – *Щербакова Л. М., Белая О. П.* Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ // Общество и право. 2015. № 2. С. 69–75.

References

Antonyan, Yu. M., Enikeev, M. I. and Eminov, V. E. (1996), *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii* [The psychology of the criminal and investigation of crimes], Yurist", Moscow, Russia.

Ashin, A. A. (2005), *Lishenny'e svobody' nesovershennoletnie (social'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya kharakteristika)* [Minors deprived of their liberty (socio-demographic and criminal-legal characteristics)], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Ashin, A. A. (2007), "The importance of psychological characteristics of the individual in the process of correction of juvenile convicts", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(3), pp. 40–43.

Ignatov, A. N. (2015), "Socio-demographic and criminal-legal characteristics of the personality of a modern violent criminal", *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra,* no. 4, pp. 93–98.

Kudryavtsev, A. V. and Mikhailov, A. E. (ed.) (2020), *Kriminologiya* [Criminology], Vladimirskii filial RANKhiGS, Vladimir, Russia.

Kudryavtsev, V. N. and Eminov, V. E. (ed.) (2000), *Kriminologiya* [Criminology], Yurist, Moscow, Russia.

Mikhailov, A. E., Tarakanov, I. A. and Semenov, S. A. (2020), "Violent crime: state and trends", *Gumanitarny'e, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvenny'e nauki,* no. 9, pp. 139–142.

[1] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления (форма № 11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год).

Sazonova, N. I. (2009), “Personal characteristics of criminals with mental abnormalities, repeatedly convicted of violent crimes”, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii,* no. 2, pp. 144–148.

Shcherbakova, L. M. and Belaya, O. P. (2015), “Women’s and men’s criminal violence: a comparative analysis”, *Obshchestvo i pravo,* no. 2, pp. 69–75.

Vary’gin, A. N. (2016), “Criminality of representatives of different ages”, *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* no. 4, pp. 33–35.

Volkonskaya, E. K. (2016), “Recidivism of violent crimes: a sociological study”, *Lex Russica,* no. 5(14), pp. 203–216.

Информация об авторах

Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; urgantfr@mail.ru

Ашин Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; andrey09122004@mail.ru

Information about the authors

Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; urgantfr@mail.ru

Ashin Andrei A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; andrey09122004@mail.ru

Для цитирования

Михайлов А. Е., Ашин А. А. Криминологическая характеристика личности насильственного преступника: современные показатели // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 74–79.

For citation

Mikhailov, A. E. and Ashin, A. A. (2021), “Criminological characteristics of the personality of a violent criminal: current indicators”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 74–79.

УДК 343.1

А. М. Наумов[1]
[1]*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

A. M. Naumov[1]
[1]*Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Согласие государственного обвинителя на рассмотрение уголовных дел в суде в особом порядке: изменения в подходе

Changes in the approach of the public Prosecutor to the issue of giving consent to the consideration of criminal cases in court in a special order

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; государственный обвинитель.

Аннотация. В связи с принятым 30 октября 2018 г. на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации решением «О практике участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» был значительно изменен подход государственных обвинителей к вопросу о даче согласия на применение особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. В статье анализируется практика изменившегося подхода прокуратуры и формулируются предложения по совершенствованию деятельности прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Key words: special procedure of trial when the accused agrees with the charge; the state prosecutor.

Abstract. In connection with the decision of October 30, 2018 at the Board meeting of the Prosecutor General of the Russian Federation the decision "About practice of participation of public prosecutors in judicial stages of criminal proceedings" was a significant change in the approach of public prosecutors to the issue of consent to the application of a special order of judicial proceedings under Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure. The article analyzes the practice of the changed approach of the prosecutor's office and formulates proposals for improving the activities of the prosecutor in the judicial stages of criminal proceedings.

Деятельность государственного обвинителя в суде первой инстанции при рассмотрении уголовных дел в особом порядке является предметом серьезного исследования автора настоящей статьи [Наумов 2019a; Наумов 2019b; Наумов 2019c; Наумов 2019d; Наумов 2019e; Наумов 2019f; Наумов 2019g; Наумов 2019h].

Помимо этого, и многие другие исследователи обращаются к вопросам осуществления уголовного преследования прокурорами в суде первой инстанции при рассмотрении дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ [Абдуллаев 2019, с. 53–54; Виницкий, Мельник 2012, с. 55–58; Виницкий, Мельник 2015, с. 39–43; Жеребятьев 2014, с. 62–67; Залов 2011, с. 34–40; Каретников 2013a, с. 36–41, Каретников 2013b, с. 31–35, Каретников 2013c, с. 27–32, Крюков 2010, с. 9–12; Мурашкин 2011, с. 37–42; Овсянников, Тенишев 2015, с. 53–56; Попова, Вдовин 2016, с. 18–21; Хромова 2013, с. 107–115].

Опыт прокуратуры Алтайского края при принятии решения государственным обвинителем давать или нет согласие на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, был изложен заместителем прокурора края С. Голиковым на страницах ведомственного журнала «Законность» [Голиков 2018, с. 18–20]. Данный автор отмечает, что, помимо прямых запретов, указанных в уголовно-процессуальном законе, следует выделить семь оснований, исключающих возможность рассмотрения дела в особом порядке, и в ситуациях, если в материалах дела есть данные о расстройстве или заболевании обвиняемого, отнесенном к классу психических расстройств и расстройств поведения, в том числе связанных с употреблением психоактивных веществ.

С 2019 г. данный опыт применяется также на территории Владимирской области. 28 февраля 2019 г. прокурором Владимирской области дано указание № 21/12 «О повышении эффективности поддержания государственного обвинения по уголовным делам в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, в судах первой инстанции»[1].

В п. 3 данного указания перечисляются случаи, когда прокурорам следует в обязательном порядке принимать решение о рассмотрении уголовного дела в общем, а не в особом порядке. К этим случаям относятся и факты, когда в материалах дела содержатся сведения о том, что обвиняемый страдает психическим расстройством или психическим заболеванием (обвиняемый находится на учете у врача-психиатра, врача-нарколога либо имеется в деле судебно-психиатрическая экспертиза).

После издания данного указания, обязательного для всех государственных обвинителей, работающих в прокуратуре Владимирской области, практи-

© Наумов А. М., 2021

[1] Прокуратура Владимирской области : [сайт]. URL: www.vladprok.ru (дата обращения: 18.12.2020).

ка дачи государственными обвинителями согласия на рассмотрение дела в особом порядке изменилась.

Несмотря на заявленные обвиняемыми при ознакомлении с материалами уголовных дел ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, прокуроры, утверждающие итоговые обвинительные документы (обвинительные заключения, обвинительные акты и обвинительные постановления), в своих сопроводительных письмах на имя председателя суда стали указывать, что просят рассмотреть дело в общем порядке.

Государственные обвинители, связанные позицией прокуроров, утвердивших обвинительные документы и давших им поручения о поддержании государственного обвинения, в судебных разбирательствах при обсуждении в начале заседания ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, заявленного обвиняемым, возражают против особого порядка и просят рассмотреть дело в общем порядке, ссылаясь в качестве аргумента на одно из оснований, перечисленных выше в указании прокурора Владимирской области.

В качестве примера можно привести уголовное дело № 11908170004030004 по обвинению гражданина Б. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 157 УК РФ[1].

По делу дознавателем отдела судебных приставов (далее: ОСП) Фрунзенского района г. Владимира сначала проводилось дознание в сокращенной форме, но в связи с назначением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы подозреваемому Б. не представилось возможным составить обвинительное постановление в течение 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, поэтому дознаватель вынес постановление о производстве дознания в общем порядке.

В деле имеется заключение комиссии экспертов от 12 февраля 2019 г. № 158-а, согласно которому комиссия приходит к выводу, что у подэкспертого Б. обнаруживается психическое расстройство в форме легкой умственной отсталости с нарушенным поведением. Глубина указанных особенностей психики подэкспертого Б. не столь значительна, чтобы лишать его в период совершения инкриминируемого деяния возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В период совершения инкриминируемого деяния у подэкспертого не было какого-либо временного психического расстройства, лишающего его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В настоящее время подэкспертный Б. также может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В принудительных мерах медицинского характера подэкспертный не нуждается.

13 февраля 2019 г. дознаватель ОСП Фрунзенского района г. Владимира составила обвинительный акт по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 157 УК РФ. 13 февраля 2019 г. обвинительный акт был утвержден и. о. начальника ОСП Фрунзенского района г. Владимира, а 20 февраля 2019 г. – заместителем прокурора г. Владимира.

В деле имеется протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела от 13 февраля 2019 г. Обвиняемый Б. и его защитник ознакомились с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением и заявили ходатайство о рассмотрении дела в суде в особом порядке. Несмотря на это, заместитель прокурора г. Владимира в своем сопроводительном письме от 13 марта 2019 г. на имя председателя Фрунзенского районного суда г. Владимира указывает, что ***с целью подробного исследования данных о личности и решении вопроса о вменяемости обвиняемого уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке судебного разбирательства.*** Соответственно, судья Фрунзенского районного суда г. Владимира в постановлении от 3 апреля 2019 г. о назначении судебного заседания отмечает, что в соответствии с ч. 4 ст. 314 УПК РФ заявленное обвиняемым ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства удовлетворению не подлежит, поскольку государственный обвинитель возражает против заявленного ходатайства.

Изучение протокола открытого судебного заседания от 16–29 апреля 2019 г. показывает, что никакого ***подробного*** исследования данных о личности подсудимого и никакого ***обсуждения вопроса о его вменяемости*** не было. Судом был оглашен характеризующий личность подсудимого Б. материал, в том числе и вышеуказанное заключение экспертов-психиатров, допрошена мать подсудимого Б., которой судом был задан вопрос о том, имеются ли у ее сына психические отклонения, на что она ответила следующее: «Нет. На учете у психиатра он не состоял, никаких проблем с психикой у него не было. В армии он не служил, так как отбывал наказание по приговору суда».

В своей речи государственный обвинитель вообще не касался вопроса о вменяемости подсудимого. Участники процесса не задавали подсудимому вопросов о его психическом состоянии.

[1] Судебное дело № 1-105/19 Фрунзенского районного суда г. Владимира по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 157 УК РФ // Фрунзенский районный суд г. Владимира : [сайт]. URL: www.frunzensky.wld.sudf.ru (дата обращения: 18.12.2020).

29 апреля 2019 г. Фрунзенским районным судом г. Владимира был постановлен обвинительный приговор в отношении подсудимого Б. В описательно-мотивировочной части приговора суд решает вопрос о вменяемости подсудимого следующим образом. Оценивая поведение ранее не состоявшего на учете у психиатра подсудимого, в отношении которого в 2018 г. проводилась судебно-психиатрическая экспертиза, по результатам которой он был признан вменяемым, с учетом заключения комиссии экспертов от 12 февраля 2019 г. № 158а о том, что у него обнаруживается психическое расстройство, но глубина его не столь значительна, чтобы лишать возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими как в период, относящийся к преступлению, так и в настоящее время, его поведение после его совершения, когда не возникло ни у дознавателя, ни у суда оснований сомневаться в его психическом здоровье, **суд признает Б. вменяемым относительно инкриминируемого деяния**.

Изучение материалов данного уголовного дела порождает у исследователя несколько вопросов.

Первый вопрос: на каком правовом основании должностное лицо органа прокуратуры, утвердившее обвинительный акт, но не являющееся государственным обвинителем, дает письменное предложение, больше напоминающее по стилю и тону указание («уголовное дело **подлежит** рассмотрению в **общем** порядке») суду, в какой форме проводить судебное разбирательство?

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к нормам ст. 226 УПК РФ «Решение прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом». Однако там говорится лишь о том, что прокурор рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным актом, и принимает по нему решение об утверждении обвинительного акта и о направлении уголовного дела в суд. При этом копия обвинительного акта с приложениями вручается обвиняемому, его защитнику и потерпевшему в порядке, установленном ст. 222 УПК РФ.

Из норм ст. 222 УПК РФ известно, что копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому. Копии обвинительного заключения вручаются также защитнику и потерпевшему, если они ходатайствуют об этом.

В случае, если обвиняемый содержится под стражей, копия обвинительного заключения с приложениями вручается ему по поручению прокурора администрацией места содержания под стражей под расписку, которая представляется в суд с указанием даты и времени вручения. Если обвиняемый отказался от получения копии обвинительного заключения либо не явился по вызову или иным образом уклонился от получения копии обвинительного заключения, то прокурор направляет уголовное дело в суд с указанием причин, по которым копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон не содержит в статьях об утверждении прокурором обвинительного заключения и обвинительного акта и о направлении затем уголовных дел с обвинительными заключениями (актами) в суд никаких норм, которые бы давали прокурору право на определение формы дальнейшего судебного разбирательства.

Практика же прокурорского надзора идет по следующему пути. Если по делу заявлено обвиняемым ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке либо судом с участием присяжных заседателей, либо о проведении предварительных слушаний, либо о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, то прокурор в сопроводительном письме о направлении уголовного дела в суд указывает на это. В данном случае прокурор, утвердивший обвинительный акт и направивший затем уголовное дело с обвинительным актом в суд, в сопроводительном письме не указал, что обвиняемым заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Вместо этого прокурор, явно превышая свои полномочия, в данном сопроводительном письме указывает суду, в какой форме ему следует проводить разбирательство дела.

Второй вопрос: чье мнение по нормам уголовно-процессуального закона должен учитывать судья при рассмотрении заявленного обвиняемым ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке: прокурора, утвердившего обвинительный акт, или государственного обвинителя?[1]

Ответ на данный вопрос можно найти в нормах ст. 314 УПК РФ, где говорится о наличии согласия на рассмотрение дела в особом порядке именно *государственного обвинителя*, а не прокурора, утвердившего обвинительный акт.

Данное мнение государственный обвинитель выражает в начале судебного заседания, когда суд обсуждает заявленное обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. При этом судья выясняет, поддерживает ли заявленное ходатайство обвиняемый, заявлено ли ходатайство добровольно и после проведения консультаций с защитником, сознает ли обвиняемый характер и по-

[1] Автор опускает ситуацию, когда прокурор, утвердивший обвинительный акт, потом сам идет по делу поддерживать обвинение, а исходит из того, что прокурор, утвердивший обвинительный акт, и государственный обвинитель – это два разных работника прокуратуры. Тем более, что в большинстве случаев в горрайпрокуратурах обвинительные акты утверждают заместители прокурора, а поддерживают в суде государственное обвинение помощники и старшие помощники прокурора.

следствия заявленного им ходатайства. Судья также выясняет отношение к заявленному обвиняемым ходатайству представителей стороны обвинения: государственного обвинителя, частного обвинителя и потерпевшего. Именно в данный момент государственный обвинитель и озвучивает суду свое отношение к заявленному обвиняемым ходатайству о рассмотрении дела в особом порядке. Причем уголовно-процессуальный закон гласит, что если государственный либо частный обвинитель и (или) потерпевший возражают против заявленного обвиняемым ходатайства, то уголовное дело рассматривается в общем порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ).

Изучение материалов вышеуказанного уголовного дела показывает, что судья, принимая решение о назначении судебного заседания, в постановлении указывает, что дело подлежит рассмотрению в общем порядке, а не в особом, поскольку государственный обвинитель возражает против заявленного ходатайства. При этом судебного заседания не проводилось, и свое мнение государственный обвинитель еще не озвучивал. Судья имел на тот момент только сопроводительное письмо, подписанное заместителем прокурора г. Владимира, который утвердил обвинительный акт и направил уголовное дело во Фрунзенский районный суд г. Владимира с формулировкой, что уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке. Получается, что суд выдал мнение заместителя прокурора города за мнение государственного обвинителя.

Третий вопрос: для чего необходимо проводить судебное разбирательство уголовного дела в общем порядке, если обвиняемый, страдающий психическими отклонениями, не лишающими его дееспособности и не ограничивающими его дееспособность, заявляет ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке?

В указании прокурора Владимирской области от 28 февраля 2019 г. № 21/12 говорится о том, что подчиненным прокурорам следует в обязательном порядке принимать решение о рассмотрении уголовного дела в общем порядке в случае, если в материалах дела содержатся сведения о том, что обвиняемый страдает психическим расстройством или психическим заболеванием (обвиняемый находится на учете у врача-психиатра, врача-нарколога либо имеется в деле судебно-психиатрическая экспертиза). Однако в данном документе не уточняется, почему прокурорам надо так поступать.

Ответ на вопрос, почему так надо делать, находится в сопроводительном письме заместителя прокурора г. Владимира, где сказано следующее: *«…с целью подробного исследования данных о личности и решении вопроса о вменяемости обвиняемого»*.

Однако нужно ли для этого проводить судебное разбирательство в общем порядке? Разве нельзя рассмотреть все эти вопросы в рамках особого порядка?

Уголовно-процессуальный закон гласит, что при особом порядке судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ).

В рамках исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, закон позволяет суду в особом порядке исследовать заключение судебно-психиатрической экспертизы обвиняемого и позволяет допросить в качестве свидетеля, если это необходимо, мать подсудимого по характеристике личности ее сына. Для выполнения данных процессуальных действий нет необходимости переходить с особого порядка на общий порядок судебного разбирательства.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»[1] исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, может проводиться *всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе путем исследования дополнительно представленных материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам*.

Относительно вменяемости обвиняемого судья принимает решение на основе проведенного исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в том числе на основе выводов экспертов-психиатров, показаний его матери, анализа изученных материалов дела, собственных наблюдений за поведением подсудимого в ходе процесса. Само решение о вменяемости подсудимого суд излагает в описательно-мотивировочной части приговора.

Итак, те цели, которые ставил заместитель прокурора г. Владимира, при данных обстоятельствах вполне могли быть достигнуты в рамках рассмотрения дела в суде в особом порядке, для их достижения не было необходимости переходить на общий порядок судебного разбирательства. При этом рассмотрение уголовного дела в особом порядке заняло бы всего лишь один рабочий день, а не две недели, как в вышеописанном деле. По другим уголовным делам судебное разбирательство длилось от 21 дня до 36 дней[2].

[1] URL: http://www.supcourt.ru (дата обращения: 18.12.2020).

[2] Судебное дело № 1-118/19 Фрунзенского районного суда г. Владимира в отношении А. по ст. 264.1 УК РФ // Фрунзенский районный суд г. Владимира : [сайт]. URL: www.frunzensky.wld.sudf.ru (дата обращения: 18.12.2020); Судебное дело № 1-52/19 Фрунзенского районного суда г. Владимира в отношении Л. по

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

В деятельности прокуратур ряда субъектов Российской Федерации (в частности, Алтайского края, Владимирской области) в последнее время изменился подход государственного обвинителя к вопросу о даче согласия на рассмотрение уголовных дел в суде в особом порядке.

В частности, по уголовным делам, где содержатся сведения о том, что обвиняемый страдает психическим расстройством или психическим заболеванием (обвиняемый находится на учете у врача-психиатра, врача-нарколога либо имеется в деле судебно-психиатрическая экспертиза), руководителями этих прокуратур предписано государственным обвинителям возражать против рассмотрения уголовных дел в особом порядке и настаивать на рассмотрении уголовного дела в общем порядке.

В качестве обоснования такой позиции в ряде случаев прокуроры называют необходимость «подробного исследования данных о личности и решении вопроса о вменяемости обвиняемого».

В сопроводительных письмах по уголовным делам, направляемым для рассмотрения в суды, прокуроры, утверждающие итоговые обвинительные документы (обвинительные постановления, обвинительные акты, обвинительные заключения), указывают, что *«уголовное дело* ***подлежит*** *рассмотрению в* ***общем*** *порядке»,* т. е. фактически дают указание суду, в какой форме должно быть рассмотрено уголовное дело.

В соответствии с данной позицией прокуроров суды принимают решения о рассмотрении дел, по которым обвиняемыми заявлены ходатайства о рассмотрении дела в особом или общем порядке.

Изучение протоколов судебных заседаний по этим делам показывает, что никакого подробного исследования данных о личности подсудимого не происходит. Такое исследование ограничивается допросом подсудимого по вопросу о состоянии его на учете в психдиспансере, допросом близких родственников (как правило, родителей), оглашением заключения судебно-психиатрической экспертизы и справки о состоянии подсудимого на учете в психдиспансере.

Все эти действия уголовно-процессуальный закон позволяет сделать в рамках особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. Для совершения этих действий нет необходимости переходить с особого на общий порядок.

Рассмотрение уголовных дел в общем порядке в отношении подсудимых, относящихся к данной категории, которые вполне сознают происходящее с ними и имеют защитников в лице адвокатов, полностью признают свою вину, согласны с предъявленным обвинением и ходатайствуют о рассмотрении дела в особом порядке, приводит лишь к затягиванию процесса и неэкономному расходованию средств налогоплательщиков.

Представляется, что позиция государственного обвинителя по вопросу дачи согласия на рассмотрение дела в особом порядке должна основываться исключительно на законе, поскольку работники прокуратуры являются представителями ведомства, осуществляющего надзор за соблюдением законов. В данном случае мы видим, что несогласие государственного обвинителя с рассмотрением дела в особом порядке основано не на законе.

О чем же говорит уголовно-процессуальный закон? Характерной особенностью применения особого порядка является соблюдение определенных оснований и условий применения особого порядка принятия судебного решения, изложенных в нормах ст. 314–316 УПК РФ и в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» перечислены восемь условий применения особого порядка:

1) заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением;

2) заявление такого ходатайства в присутствии защитника и в период, установленный ст. 315 УПК РФ;

3) осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства;

4) отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке;

5) обвинение лица в совершении преступления, которое относится к преступлениям небольшой и средней степени тяжести;

6) обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами;

7) понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме;

8) отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.

Государственный обвинитель при даче согласия на рассмотрение уголовного дела в особом порядке должен удостовериться, что при этом соблюдены все перечисленные выше условия применения особого порядка.

Лица, страдающие психическими заболеваниями, не нуждаются в особой защите со стороны прокуратуры. Они имеют защитников в лице адвокатов, которые разъясняют им существо и последствия рассмотрения дела в особом порядке,

ч. 1 ст. 157 УК РФ // Там же; Судебное дело № 1-122/19 Фрунзенского районного суда г. Владимира в отношении Х. по ч. 1 ст. 161 УК РФ // Там же.

и у прокуратуры нет никаких юридических оснований для возражения против рассмотрения уголовных дел в отношении подобных подсудимых в особом порядке.

Список цитируемых источников

Абдуллаев 2019 – *Абдуллаев Э.* Обеспечение прав подсудимых на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Законность. 2019. № 4. С. 53–54.

Виницкий, Мельник 2012 – *Виницкий Л., Мельник С.* Необходимо ли согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве? // Законность. 2012. № 10. С. 55–58.

Виницкий, Мельник 2015 – *Виницкий Л., Мельник С.* Совершенствование особого порядка судебного разбирательства // Законность. 2015. № 7. С. 39–43.

Голиков 2018 – *Голиков С.* Проблемы судебного разбирательства уголовных дел в особом порядке // Законность. 2018. № 12. С. 18–20.

Жеребятьев 2014 – *Жеребятьев И. В.* Практика применения главы 40 УПК РФ: вопросы, требующие законодательного решения // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 62–67.

Залов 2011 – *Залов А.* Сделка с правосудием: проблемы правоприменения // Законность. 2011. № 8. С. 34–40.

Каретников 2013a – *Каретников А.* Сделки в российском уголовном процессе // Законность. 2013. № 3. С. 36–41.

Каретников 2013b – *Каретников А.* Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10. С. 31–35.

Каретников 2013c – *Каретников А.* Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 11. С. 27–32.

Крюков 2010 – *Крюков В. Ф.* Процессуальные формы государственного обвинения // Законность. 2010. № 12. С. 9–12.

Мурашкин 2011 – *Мурашкин И.* Роль прокурора при рассмотрении уголовных дел без проведения судебного разбирательства // Законность. 2011. № 9. С. 37–40.

Наумов 2019a – *Наумов А. М.* Некоторые аспекты уголовного преследования при рассмотрении уголовных дел судами в особом порядке // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 1, № 4. С. 51–55.

Наумов 2019b – *Наумов А. М.* Структура речи государственного обвинителя при рассмотрении уголовного дела в суде в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ (часть 1) // Ученые записки. 2019. № 1(29). С. 129–143.

Наумов 2019c – *Наумов А. М.* Структура речи государственного обвинителя при рассмотрении уголовного дела в суде в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ (часть 2) // Ученые записки. 2019. № 2(30). С. 96–113.

Наумов 2019d – *Наумов А. М.* Оценка государственным обвинителем отягчающих обстоятельств при рассмотрении уголовного дела в суде в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Ученые записки. 2019. № 2(30). С. 114–128.

Наумов 2019e – *Наумов А. М.* Оценка государственным обвинителем при рассмотрении уголовного дела в суде в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи // Ученые записки. 2019. № 3(31). С.118–125.

Наумов 2019f – *Наумов А. М.* Определение государственным обвинителем вида и размера наказания при поддержании государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке // Ученые записки. 2019. № 3(31). С.126–133.

Наумов 2019g – *Наумов А. М.* О соблюдении условий рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства // Ученые записки. 2019. № 4(32). С.75–91.

Наумов 2019h – *Наумов А. М.* Уголовное преследование в суде при рассмотрении уголовных дел в особом порядке. Владимир : Владим. фил. РАНХиГС, 2019. 316 с.

Овсянников, Тенишев 2015 – *Овсянников И., Тенишев А.* С каким обвинением вправе согласиться обвиняемый? // Законность. 2015. № 8. С. 53–56.

Попова, Вдовин 2016 – *Попова Е., Вдовин А.* Особенности подготовки государственного обвинителя к рассмотрению уголовного дела судом в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Законность. 2016. № 6. С.18–21.

Хромова 2013 – *Хромова Н. М.* Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 107–115.

References

Abdullaev, E. (2019), “Ensuring the rights of defendants to consider a criminal case in a special order”, *Zakonnost’,* no. 4, pp. 53–54.

Golikov, S. (2018), “Problems of judicial proceedings in criminal cases in a special order”, *Zakonnost’,* no. 12, pp. 18–20.

Karetnikov, A. (2013a), “Transactions in the Russian criminal process, *Zakonnost’,* no. 3, pp. 36–41.

Karetnikov, A. (2013b), “Is there a need for a special procedure for judicial review of criminal cases against persons who have entered into a pre-trial cooperation agreement?”, *Zakonnost’,* no. 10, pp. 31–35.

Karetnikov, A. (2013c), “Is there a need for a special procedure for the judicial review of criminal cases against persons who have entered into a pre-trial cooperation agreement?”, *Zakonnost’,* no. 11, pp. 27–32.

Khromova, N. M. (2013), “The principle of the presumption of innocence in a special trial procedure”, *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 6, pp. 107–115.

Kryukov, V. F. (2010), “Procedural forms of public prosecution”, *Zakonnost’,* no. 12, pp. 9–12.

Murashkin, I. (2011), “The role of the prosecutor in the consideration of criminal cases without a trial”, *Zakonnost’,* no. 9, pp. 37–40.

Naumov, A. M. (2019a), “Some aspects of criminal prosecution when considering criminal cases by courts in a special order”, *Economika i upravlenie: problemy’, resheniya,* vol. 1, no. 4, pp. 51–55.

Naumov, A. M. (2019b), “The structure of the speech of the public prosecutor when considering a criminal case in court in a special manner provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (part 1)”, *Ucheny’e zapiski,* no. 1(29), pp. 129–143.

Naumov, A. M. (2019c), “The structure of the speech of the public prosecutor when considering a criminal case in court in a special manner provided for by chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (part 2)”, *Ucheny’e zapiski,* no. 2(30), pp. 96–113.

Naumov, A. M. (2019d), “Assessment by the public prosecutor of aggravating circumstances when considering a criminal case in court in a special manner provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, *Ucheny’e zapiski,* no. 2(30), pp. 114–128.

Naumov, A. M. (2019e), “Assessment by the public prosecutor, when considering a criminal case in court in a special procedure, provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, of the impact of the imposed punishment on the correction of the convict and on the living conditions of his family”, *Ucheny’e zapiski,* no. 3(31), pp. 118–125.

Naumov, A. M. (2019f), “Determination by the public prosecutor of the type and amount of punishment while maintaining the state prosecution in criminal cases considered in a special order”, *Ucheny’e zapiski,* no. 3(31), pp. 126–133.

Naumov, A. M. (2019g), “On the observance of the conditions for the consideration of criminal cases in a special judicial procedure”, *Ucheny’e zapiski,* no. 4(32), pp. 75–91.

Naumov, A. M. (2019h), *Ugolovnoe presledovanie v sude pri rassmotrenii ugolovny`kh del v osobom poryadke* [Criminal prosecution in court when considering criminal cases in a special order], Izdatel’stvo Vladimirskogo filiala RANKhIGS, Vladimir, Russia.

Ovsyannikov, I. and Tenishev, A. (2015) “What accusation does the accused have the right to agree with?”, *Zakonnost’,* no. 8, pp. 53–56.

Popova, E. and Vdovin, A. (2016) “Features of the preparation of the public prosecutor for the consideration of a criminal case by the court in a special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge brought against him”, *Zakonnost’,* no. 6, pp. 18–21.

Vinitsky, L. and Mel’nik, S. (2012), “Is the victim’s consent necessary when concluding a pre-trial cooperation agreement?”, *Zakonnost’,* no. 10, pp. 55–58.

Vinitsky, L. and Mel’nik, S. (2015), “Improvement of the special order of the trial”, *Zakonnost’,* no. 7, pp. 39–43.

Zalov, A. (2011), “Deal with justice: problems of law enforcement”, *Zakonnost’,* no. 8, pp. 34–40.

Zherebyat’ev, I. V. (2014), “The practice of applying chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: issues requiring legislative decisions”, *Ugolovny’i protsess,* no. 4, pp. 62–67.

Информация об авторе

Наумов Андрей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; naumov a@vlad.ranepa.ru

Information about the author

Naumov Andrei M.,

PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; naumov a@vlad.ranepa.ru

Для цитирования

Наумов А. М. Согласие государственного обвинителя на рассмотрение уголовных дел в суде в особом порядке: изменения в подходе // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 80–86.

For citation

Naumov, A. M. (2021), “Changes in the approach of the public Prosecutor to the issue of giving consent to the consideration of criminal cases in court in a special order”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 80–86.

УДК 343.8; 343.985.7

А. А. Нуждин[1]
[1]*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

A. A. Nuzhdin[1]
[1]*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation*

Деятельность дознавателя, следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов из исправительных учреждений

Activities of an inquiry officer, investigator to eliminate the circumstances that contributed to the escape from correctional institutions

Ключевые слова: побег; исправительное учреждение; предупреждение; представление; обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений.

Аннотация. В статье анализируется деятельность дознавателя, следователя, направленная на устранение обстоятельств, способствовавших совершению побегов. Автор отмечает типичные недостатки, встречающиеся при внесении представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, рассматривает структуру данного процессуального документа; уделяет внимание непроцессуальной деятельности дознавателя, следователя, направленной на устранение обстоятельств, способствовавших совершению побегов; раскрывает ее формы и виды.

Key words: escape; correctional institution; warning; representation; circumstances that contributed to the commission of crimes.

Abstract. The article deals with the activities of the investigator, the investigator, aimed at eliminating the circumstances that contributed to the escape. The author gives typical shortcomings encountered when making a presentation on taking measures to eliminate the circumstances that contributed to the escape, considers the structure of this procedural document. In the scientific study, attention is paid to the non-procedural activities of the investigator, the investigator, aimed at eliminating the circumstances that contributed to the commission of escapes, its forms and types are shown.

Расследование и предупреждение преступлений в исправительных учреждениях имеют ряд особенностей, которые обусловлены спецификой их деятельности: совершение преступлений особым субъектом – осужденным; совершение преступлений на определенном участке местности – территория исправительного учреждения; рецидивный характер преступных деяний; умышленный характер преступлений; повышенный уровень общественной опасности некоторых преступлений (побеги из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества и т. д).

В последние несколько лет наметилась тенденция, связанная с увеличением количества пенитенциарных преступлений при снижении общей численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) (в 2015 г. зарегистрировано 940 преступных деяний при содержании 646 085 осужденных и лиц, заключенных под стражу, а в 2020 г. – уже 1 181 преступление и 495 841 осужденными)[1].

Одними из наиболее распространенных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, уже в течение продолжительного времени остаются побеги[2] (см. таблицу).

Состояние пенитенциарной преступности в 2015–2020 гг.

Год	Количество зарегистрированных побегов, ед.	Количество зарегистрированных пенитенциарных преступлений, ед.	Удельный вес побегов, %
2015	123	940	13,09
2016	101	960	10,52
2017	106	977	10,85
2018	103	1024	10,06
2019	111	1171	9,48
2020	96	1181	8,13

Анализ статистической отчетности показывает, что количество совершенных побегов ежегодно снижается, что является позитивным обстоятельством (тем не менее удельный вес побегов остается на достаточно высоком уровне). В таблице указано количество совершенных побегов из всех видов исправительных учреждений, в том числе и из колоний-поселений (так называемые побеги из-под надзора). Последние также квалифицируются по ст. 313 Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своей природе являются менее общественно опасными, так как совершаются лицами, находящимися под надзором. Совершение побега из колоний-поселений не представляет

[1] Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2015–2020 гг. (форма статистической отчетности ФСИН-1). Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика УИС».

[2] Там же.

© Нуждин А. А., 2021

особой трудности, так как он заключается в выходе за пределы поднадзорной территории.

Иная ситуация складывается при совершении побегов из-под охраны (из исправительных колоний). Их количество не столь велико (в 2011 г. было совершено 10 побегов, в 2012 г. – 19, в 2013–2014 гг. – по 11, в 2015 г. – 14, в 2016 г. – 11, в 2017 г. – 9, в 2018 г. – 6, в 2019 г. – 3, в 2020 г. – 5), но каждый из них считается серьезным нарушением деятельности конкретного исправительного учреждения, обнажающим существенные недостатки в организации службы всех структурных подразделений.

Предупреждение побегов – одно из важнейших направлений деятельности не только сотрудников УИС, но и должностных лиц всех правоохранительных органов. В процессе расследования побегов в задачи дознавателя, следователя входят не только выявление и установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и выявление обстоятельств, способствовавших совершению побега [Клещина 2009, с. 139]. Важно понимать, что на основании материалов расследования, путем анализа выявленных обстоятельств, дознаватель, следователь должны рекомендовать устранить выявленные недостатки. Причем в задачу лица, проводящего расследование, входит разработка конкретных эффективных предложений по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов. В этом и заключается предупредительное значение деятельности дознавателя, следователя, которое легитимно закрепляется как Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, так и ведомственными локальными нормативными актами.

Законодатель определил единственную процессуальную меру, направленную на устранение выявленных обстоятельств, способствовавших совершению побегов, – внесение представления о принятии мер по устранению выявленных обстоятельств и других нарушений закона [Гришин 2020, с. 38]. Основным содержанием представления является изложение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и конкретные предложения по их устранению.

Практика расследования побегов показывает, что наличие в материалах уголовного дела подобного представления является редкостью, а те представления, которые все же подшиты в материалы, часто не отвечают установленным требованиям, являются формальными и не несут предупредительной функции.

Анализ уголовных дел о побегах показал, что иногда встречаются документы, прямо не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, подменяющие представления дознавателя, следователя: предписания, справки, сообщения, указания, письма и т. д. *Так, в ряде уголовных дел встречались «предписания об устранении причин и условий, способствовавших совершению побега»; «рекомендации об устранении выявленных недостатков в организации служебной деятельности».*

Еще одним недостатком представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению побегов, является их неконкретность, расплывчатость, неопределенность, отсутствие конкретного адресата, кому требуется устранять выявленные недостатки [Грязева, Шевченко 2013, с. 32].

Некоторые документы, находящиеся в уголовных делах, по своей сути являлись представлениями об устранения обстоятельств, способствовавших совершению побегов, но не были должным образом оформлены. Законодатель не установил какого-либо бланка рассматриваемого процессуального документа, но в любом случае данное представление должно иметь форму, отвечающую требованиям делопроизводства.

Обобщая указанные выше недостатки, нужно отметить, что в представлениях, где описан сам факт совершения побега, рассматриваются общие, расплывчатые причины и условия, способствовавшие совершению побега, а из предложений указано лишь на принятие мер к недопущению повторных преступлений. Кроме того, представления не несут никакой предупредительной функции, являются формальными и не раскрывают всех возможностей дознавателя, следователя по предупреждению побегов [Чернова 2015, с. 231].

Представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, должно состоять из двух основных частей:

1) описательной части (подробно излагаются обстоятельства побега, анализируются причины и условия, способствовавшие совершению побега; указываются конкретные недостатки в деятельности исправительного учреждения, нарушения служебной деятельности того или иного должностного лица);

2) резолютивной части (вносятся конкретные предложения по устранению выявленных обстоятельств, способствовавших совершению побега).

Описательная и резолютивная части должны быть связаны между собой, не противоречить друг другу. При указании в описательной части конкретных причин и условий, способствовавших совершению побега, не допускается в резолютивной части оставлять данные обстоятельства без рекомендаций к устранению.

Представление целесообразнее всего вносить на имя начальника исправительного учреждения, из которого совершен побег. В том случае, если выявленные обстоятельства, касаются одного или нескольких конкретных направлений деятельности исправительного учреждения, то в представ-

лении возможно указать несколько должностных лиц – руководителей тех или иных структурных подразделений.

Представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, должно быть конкретным и учитывать специфику деятельности исправительного учреждения (внесение неопределенных, расплывчатых, формальных представлений влечет такую же деятельность по устранению). В каждом случае предложения по устранению обстоятельств, в зависимости от причин и условий совершенного побега, должны иметь свои особенности. *Например, такие предложения, как: несвоевременные проверка и обслуживание технических средств охраны и надзора, отсутствие записей в журнале учета регламентных работ; технически неверное расположение систем видеонаблюдения; отсутствие схем маршрутов и порядка патрулирования исправительного учреждения; захламление территории, прилегающей к локальным участкам исправительного учреждения, и т. д., – являются конкретными, законными, а их выполнение возможно проконтролировать.*

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством внесение представления относится к заключительной стадии расследования (ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Тем не менее оно может быть вынесено на любой стадии расследования, даже в самом его начале (в тех случаях, когда устранение обстоятельств, способствовавших совершению побега, необходимо для предупреждения последующих преступлений). *Так, ремонт линии охраны (ограждений) нужно проводить в кратчайшие сроки, с учетом производства необходимых процессуальных и иных действий.*

В представлении о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, могут содержаться рекомендации по привлечению отдельных должностных лиц к дисциплинарной ответственности. В ходе выявления обстоятельств, способствовавших совершению побега, могут быть обнаружены основания для возбуждения уголовных дел (ст. 286, 293 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Должностное лицо, расследовавшее побег, не должно злоупотреблять предоставленными ему правами. Деятельность по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, не должна нарушать прав и законных интересов как сотрудников УИС, так и осужденных.

Можно полагать, что было бы достаточно эффективным практиковать деятельность по внесению представлений для группы исправительных учреждений (по виду исправительной колонии) или даже в отношении территориального органа УИС. Такая деятельность является обобщением результатов расследования нескольких побегов. Подготовка подобных представлений возможна с участием представителей территориальных органов или центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний. В данных представлениях должны найти отражения обобщенные обстоятельства, способствовавшие совершению побегов. *Анализ практики расследования побегов позволяет утверждать, что таковыми обстоятельствами являются: невыполнение требований ведомственных и межведомственных приказов, указаний Федеральной службы исполнения наказаний, направленных на предупреждение побегов; недостатки в проведении режимных мероприятий (в том числе досмотра и обыска), направленных на поиск и изъятие предметов, используемых при побеге; отсутствие должного взаимодействия подразделений и служб исправительных учреждений (в первую очередь подразделений охраны и безопасности); отсутствие контроля со стороны руководства территориальных органов УИС (кураторов данного направления деятельности); неприменение или неэффективное использование имеющихся технических средств охраны и надзора; личная недисциплинированность сотрудников, обусловленная формальным подходом к организации служебной подготовки с личным составом исправительного учреждения; незнание сотрудниками исправительных учреждений типичных способов совершения побегов и ухищрений, используемых при них.*

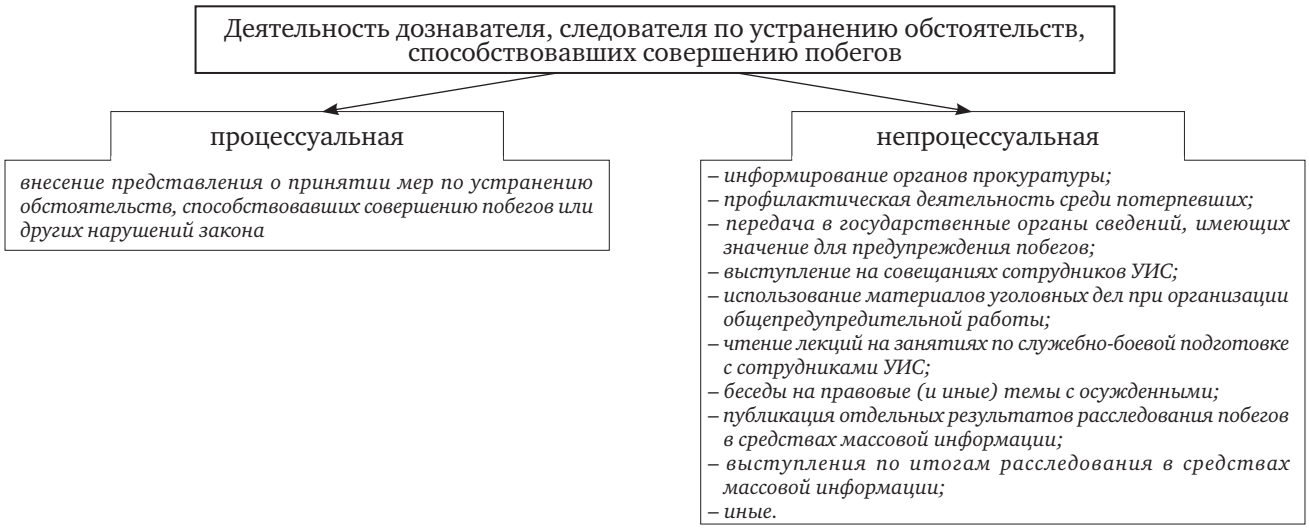
Наиболее действенным мероприятием, направленным на устранение выявленных обстоятельств, способствовавших совершению побегов, будет являться рассмотрение представления с участием внесшего его лица (дознавателя, следователя). Данный порядок рассмотрения будет эффективен даже с точки зрения контроля устранения выявленных обстоятельств, исключит возможность формального подхода.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством (ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) у должностного лица, в отношении которого внесено представление, появляется обязанность – в месячный срок рассмотреть данное представление и уведомить о принятых мерах.

Внесение представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, является процессуальной формой организации предупредительной работы дознавателя, следователя. Наряду с ней существует и иная, непроцессуальная форма предупредительной деятельности дознавателя, следователя, которая не нашла своего отражения в уголовно-процессуальном законодательстве, но в той или

иной мере регламентируется иными нормативными актами.

К подобным документам следует отнести Инструкцию о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденную приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2006 г. № 19 (с изменениями на 28 ноября 2017 г.)[1], анализ которой показал (см. рисунок), что, наряду с внесением представления об устранении выявленных обстоятельств, дознаватель, следователь имеет право: информировать органы прокуратуры о невыполнении представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению побега [Кузнецова 2016, с. 97] (для принятия ими мер в соответствии с законодательством); осуществлять профилактическую деятельность среди лиц, потерпевших от преступных посягательств, в целях изменения их виктимного поведения; передавать в соответствующие подразделения органов внутренних дел и органов государственной власти сведения, полученные в ходе расследования побегов, имеющие значение для предупреждения и раскрытия преступлений.



Организация деятельности дознавателя, следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов

Помимо указанной выше деятельности дознавателя, следователя, направленной на устранение обстоятельств, способствовавших совершению побегов, на практике часто используются и другие[2]:

– выступления по результатам расследования побегов на совещаниях сотрудников исправительных учреждений или территориальных органов УИС;

– использование материалов уголовных дел при организации общепредупредительной работы внутри исправительного учреждения;

– чтение лекций на занятиях по служебно-боевой подготовке с сотрудниками УИС;

– беседы на правовые (и иные) темы с осужденными;

– публикация отдельных результатов расследования побегов в средствах массовой информации;

– выступления по итогам расследования в средствах массовой информации.

Непроцессуальные меры, направленные на устранение обстоятельств, способствовавших совершению побегов, нормативно слабо урегулированы, что отражается на их эффективности. Об этом свидетельствует анализ материалов расследования побегов, который показал, что в некоторых территориальных органах рассмотренные выше меры слабо используются (или не используются вовсе), а аспекты применения непроцессуальных мер редко отражаются в уголовных делах. Тем не менее каждый такой факт проделанной работы должен быть зафиксирован, что будет способствовать систематизации организации всей предупредительной деятельности.

Активизация работы должностных лиц органов внутренних дел по устранению выявленных обстоятельств, способствовавших совершению побегов, будет содействовать их предупреждению, усилению воздействия средств исправления на осужденных и, как следствие, повышению эффективности деятельности исправительных учреждений.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГарантТ».

[2] Отдельные направления предупредительной работы, указанные нИЖЕ, регламентировались приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 11 августа 1998 г. № 490 «Об утверждении нормативных актов о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», который в настоящее время утратил силу.

Список цитируемых источников

Гришин 2020 – *Гришин Д. А.* Предупреждение преступной деятельности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. В 2 т. Т. 2. Пермь : Перм. ин-т ФСИН России, 2020. С. 37–39.

Грязева, Шевченко 2013 – *Грязева Н. В., Шевченко П. А.* Предупреждение побегов из мест лишения свободы как направление профилактической деятельности следователя // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3(11). С. 31–34.

Клещина 2009 – *Клещина Е. Н.* О роли УПК РФ в предупреждении преступлений // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 139–143.

Чернова 2015 – *Чернова С. С.* Анализ типичных недостатков, допускаемых правоприменителями при вынесении постановления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 231–233.

References

Grishin, D. A. (2020), "Prevention of criminal activity of convicts serving sentences in correctional institutions", *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opy't vzaimodeistviya, v 2 t, t. 2* [Penitentiary system and society: experience of interaction, in 2 vol., vol. 2], Permskii institut FSIN Rossii, Perm, Russia, pp. 37–39.

Gryazeva, N. V. and Shevchenko, P. A. (2013), "Prevention of escapes from places of deprivation of liberty as a direction of preventive activity of the investigator", *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(11), pp. 31–34.

Kleshchina, E. N. (2009), "On the role of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the prevention of crimes", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya,* no.1, pp. 139–143.

Chernova, S. S. (2015), "Analysis of typical shortcomings allowed by law enforcement officers when making a decision to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime", *Aktual'ny'e problemy' bor'by' s prestupleniyami i iny'mi pravonarusheniyami,* no. 15-1, pp. 231–233.

Информация об авторе

Нуждин Андрей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; aanuzhdin@mail.ru

Information about the author

Nuzhdin Andrei A.,

PhD (law), associate professor, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; aanuzhdin@mail.ru

Для цитирования

Нуждин А. А. Деятельность дознавателя, следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению побегов из исправительных учреждений // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 87–91.

For citation

Nuzhdin, A. A. (2021), "Activities of an inquiry officer, investigator to eliminate the circumstances that contributed to the escape from correctional institutions". *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 87–91.

УДК 347:338.465

Е. В. Полуянова[1]
С. Д. Ковалёв[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

E. V. Poluyanova[1]
S. D. Kovalev[1]
[1]*Vladimir law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Предоставление государственных услуг в Российской Федерации в электронной форме: нормативное регулирование и основные принципы функционирования государственных информационных систем

Provision of public services in the Russian Federation in electronic form: regulatory regulation and basic principles of functioning of state information systems

Ключевые слова: информация; электронная инфраструктура; государственные и муниципальные услуги в электронной форме; единая система идентификации и аутентификации; единая система межведомственного электронного взаимодействия; единый портал государственных и муниципальных услуг.

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос о нормативном регулировании правоотношений, связанных с предоставлением государственных и муниципальных услуг в электронном виде; проанализированы основные принципы функционирования единой системы идентификации и аутентификации, единой системы межведомственного электронного взаимодействия, единого портала государственных и муниципальных услуг.

Key words: information; electronic infrastructure; state and municipal services in electronic form; unified identification and authentication system; unified system of interdepartmental electronic interaction; unified portal of state and municipal services.

Abstract. The current issue of regulatory regulation of legal relations related to the provision of state and municipal services in electronic form is considered, the basic principles of functioning of the unified system of identification and authentication, the unified system of interdepartmental electronic interaction, the unified portal of state and municipal services are analyzed.

В настоящее время в Российской Федерации значительное количество государственных услуг предоставляются в электронной форме с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. С целью получения гражданами и организациями преимуществ от применения таких технологий была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р[1], цели и задачи которой направлены на повышение качества жизни граждан, совершенствование системы государственного управления в Российской Федерации, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. В данную программу входят различные национальные проекты, в том числе и «Электронное правительство». Этот проект действует с целью организации информатизации государственного управления, межведомственного электронного взаимодействия, внедрения технологий безбумажного документооборота в органах власти и госуправлении[2]. Наиболее востребованными функциями проекта являются предоставление гражданам государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Отметим, что для реализации соответствующих функций необходимо обеспечение развития инфраструктуры электронных сервисов за счет организации равного доступа граждан к информационным ресурсам страны.

Для исполнения поставленных государственной программой задач был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее: Закон № 210-ФЗ), сфера действия которого направлена на регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг, органами, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия (п. 1 ст. 1)[3].

Понятие «государственная услуга» определена Законом № 210-ФЗ как деятельность по реализа-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 46, ст. 6026.

© Полуянова Е. В., Ковалёв С. Д., 2021

[2] URL: http://government.ru/docs/3369/ (дата обращения: 10.02.2021).

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

ции функций органами, предоставляющими государственные услуги, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги (п. 1 ст. 2). Следует обратить внимание на формулировку Закона № 210-ФЗ: такие услуги предоставляются только по запросам заявителей. При этом заявителем может быть физическое или юридическое лицо либо их уполномоченные представители, обратившиеся в орган, предоставляющий государственные услуги (п. 3 ст. 2).

В дальнейшем постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 была утверждена обновленная государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)»[1]. В 2018 г. в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»[2] в государственная программу «Информационное общество (2011–2020 годы)» были внесены изменения, продиктованные постановкой дополнительных задач. В 2020 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 386-20 была утверждена обновленная редакция государственной программы «Информационное общество»[3]. Согласно вышеуказанным документам повышение качества жизни граждан и улучшение доступности и качества государственных услуг являются приоритетными направлениями развития информационного общества в Российской Федерации. В рамках программы «Информационное общество» действует подпрограмма «Информационное государство», задачами которой являются не только развитие механизмов предоставления гражданам и организациям государственных (муниципальных) услуг преимущественно в электронном виде, но и обмен сведениями с использованием дистанционных технологий и современных информационно-телекоммуникационных технологий; повышение открытости, эффективности и качества функционирования механизмов электронного взаимодействия органов государственной власти, физических и юридических лиц[4].

Процесс получения государственных услуг достаточно прочно вошел в жизнь современного общества. В Российской Федерации число граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, возрастает год от года. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (далее: Росстат) с 2013 по 2020 г. существенно увеличилось количество физических лиц, уже использующих или планирующих использовать возможности по организации взаимодействия с различными государственными и муниципальными структурами в электронном виде (рис. 1)[5].

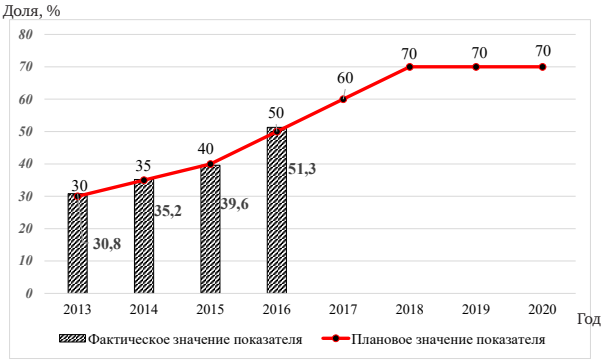


Рис. 1. Доля граждан, использующих и планирующих использовать механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме по Российской Федерации

Отметим, что плановые значения показателей получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме в 2018 и 2019 гг. должны были составить по 70 % в год[6]. По данным Росстата, в 2018 г. доля граждан от числа лиц, кто обращался за получением государственных услуг, составляла 74,8 %, что было выше запланированного значения на 4,8 %, в 2019 г. показатель получения услуг в электронной форме также был превышен и достиг 77,6 %[7]. Следует отметить, что самые высокие показатели в 2019 г. были достигнуты в Ямало-Ненецком автономном округе – 91,3 %, Московской области – 90,9 %, Республике Тыва – 90,4 %, Нижегородской области – 90,2 %, Республике Башкортостан – 89,7 %[8].

Основными преимуществами получения услуг в электронной форме являются следующие:

«– оперативность – обращение за электронными услугами сокращает временные расходы на их оказание;

– снижение рисков – отсутствие необходимости личного контакта с чиновником;

– минимум документов – при получении услуги в электронной форме исключается необходимость

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2159.

[2] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 02.02.2021).

[3] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/6eba7bad10b90064fb493eeee067957653a9aa57/#dst33814 (дата обращения: 02.02.2021).

[4] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/6eba7bad10b90064fb493eeee067957653a9aa57/#dst33814 (дата обращения: 10.02.2021).

[5] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/70843 (дата обращения: 10.02.2021).

[6] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/70843 (дата обращения: 02.02.2021).

[7] URL: https://d-russia.ru/dolja-polzovatelej-jelektronnyh-gosuslug-v-rossii-vyrosla-za-god-do-77-6-rosstat.html (дата обращения: 02.02.2021).

[8] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

предоставления тех документов, которые уже есть в распоряжении властных органов;

– мобильность – услуги могут быть получены в любой точке в любое время посредством сети “Интернет”;

– снижение бюрократических барьеров – происходит благодаря внедрению системы электронного документооборота;

– контроль – заявитель может контролировать процесс получения услуги через “Личный кабинет” на портале “Госуслуги”» [Костина, Банных, Воронина 2019, с. 49].

Обеспечение масштабного перехода к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронной форме требует от государства предоставления возможности гражданам и органам государственной власти безопасно идентифицировать друг друга онлайн. С этой целью постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. №977 была создана федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее: ЕСИА)[1]. ЕСИА, кроме возможности предоставления гражданам и органам государственной власти инструмента для безопасной идентификации при оказании государственных и муниципальных услуг в электронном виде, обеспечивает защиту размещенной в ней информации, возможность управления своими персональными данными и осуществления контроля за их предоставлением в информационной системе государственных органов[2]. Основной функцией ЕСИА при осуществлении регистрации в системе является предоставление пользователю единой учетной записи и, соответственно, доступа к множеству значимых государственных информационных систем. Следует отметить, что зарегистрированные в данной системе граждане могут использовать на различных порталах и сайтах единые логин и пароль[3]. Регулирование процесса использования ЕСИА осуществляется в соответствии с «Методическими рекомендациями по использованию Единой системы идентификации и аутентификации (версия 2.79)» от 30 декабря 2020 г.[4] Любое физическое лицо или сотрудник юридического лица может зарегистрироваться в ЕСИА на портале «Госуслуги». Оператором ЕСИА является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее: Минцифры России)[5]. Порядок регистрации максимально упрощен, и даже лицо, не имеющее больших навыков в пользовании персональным компьютером, может выполнить последовательность указанных на портале операций. Для регистрации гражданин должен заполнить представленную на сайте анкету, указав контактные данные: действительный номер мобильного телефона или действительный адрес электронной почты, а уже зарегистрированный пользователь может подтвердить свою личность указанными на сайте способами (рис. 2)[6].

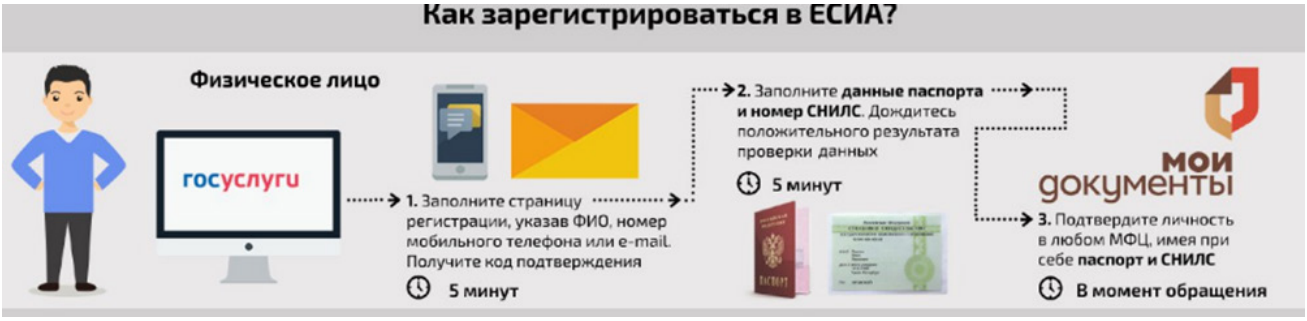


Рис. 2. Порядок регистрации в ЕСИА

Достаточно часто в рамках предоставления государственных услуг в электронной форме необходимо электронное взаимодействие государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и заявителей (п. 6 ст. 2 Закона №210-ФЗ). Обеспечение межведомственного информационного взаимодействия с использованием информационных и телекоммуникационных технологий осуществляется по вопросам обмена документами и информацией в целях наиболее быстрого и качественного предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной фор-

[1] URL: https://digital.gov.ru/common/upload/Postanovlenie_977.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

[2] URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/13/ (дата обращения: 10.02.2021).

[3] URL: https://pfr.gov.ru/branches/ingush/info/~2021/02/03/6909 (дата обращения: 10.02.2021).

[4] URL: https://digital.gov.ru/uploaded/presentations/metodicheskie-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu-edinoj-sistemyi-identifikatsii-i-autentifikatsii-versiya-279.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

[5] URL: https://digital.gov.ru/uploaded/presentations/metodicheskie-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu-edinoj-sistemyi-identifikatsii-i-autentifikatsii-versiya-276.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

[6] URL: https://esia.gosuslugi.ru/idp/rlogin?cc=bp (дата обращения: 02.02.2021).

ме (п. 9 ст. 2 Закона № 210-ФЗ). В 2010 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября № 697 была введена в действие единая система межведомственного электронного взаимодействия (далее: СМЭВ)[1]. СМЭВ представляет собой федеральную государственную информационную систему, которая включает в себя информационные базы данных, сведения об истории движения в системе взаимодействия электронных сообщений при предоставлении государственных (муниципальных) услуг и исполнении государственных (муниципальных) функций в электронной форме. Для организации функционирования СМЭВ постановлением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2018 г. № 451 были определены требования к инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме[2].

«СМЭВ обеспечивает гарантированную доставку неискаженных сообщений между всеми участниками информационного взаимодействия, допуская при этом использование как синхронных (в реальном времени), так и асинхронных (оффлайновых) электронных сервисов. Доступ органов и организаций к электронным сервисам для осуществления информационного взаимодействия через СМЭВ предоставляется для получения информации, содержание и объем которой необходимы в целях реализации полномочий, возложенных на эти органы и организации нормативными правовыми актами» [Дмитрик 2015].

Данная система, организованная в инфраструктуре «электронного правительства», помогает обеспечить наиболее быструю передачу данных, информации с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее: ЕПГУ) (рис. 3).

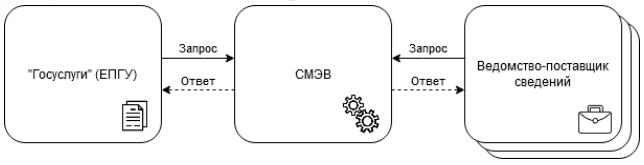


Рис. 3. Процесс передачи данных в СМЭВ через ЕПГУ

ЕПГУ – федеральная государственная информационная система, обеспечивающая гражданам, предпринимателям и юридическим лицам доступ к сведениям о государственных и муниципальных учреждениях и оказываемых ими электронных услугах[3]. Как отмечают А. В. Кожаринов и Н. М. Петровичева, «портал является проводником между получателем услуги и системой межведомственного электронного взаимодействия, которая в свою очередь является инструментом непосредственного осуществления электронных трансакций по оказанию услуг» [Кожаринов, Петровичева 2015, с. 158].

Назначение ЕПГУ заключается в обеспечении возможности для заявителей представлять документы в электронном виде, осуществлять мониторинг хода предоставления государственных услуг и получения их результатов в электронном виде. Требования к функционированию ЕПГУ отражены в «Методических рекомендациях по совершенствованию пользовательских интерфейсов (в части навигации, поиска, предоставления информации) федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” и официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов, используемых при предоставлении государственных услуг в электронном виде», утвержденных приказом Минкомсвязи от 16 октября 2015 г. № 405[4].

Следует отметить, что процесс предоставления государственных услуг является одним из основополагающих в управлении государством, в этой связи Президент Российской Федерации регулярно дает поручения кабинету министров России по организации данного процесса. Так, перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, состоявшегося 9 сентября 2020 г.13 октября 2020 г. В. В. Путин поручил до 1 декабря 2022 г. завершить централизацию основных информационных ресурсов в части сведений, используемых для подтверждения данных при получении государственных услуг. Кроме того, к 1 декабря 2022 г. органы власти должны перейти на обработку межведомственных запросов и предоставление сведений с использованием системы электронного взаимодействия в режиме реального времени, а к 1 января 2023 г. обеспечить максимально широкий перевод в электронный формат государственных и муниципальных услуг[5].

В целях исполнения поручений Президента Российской Федерации государственные органы, в первую очередь Минцифры России, активно ведут работу по максимально широкому переводу государственных услуг в электронный формат. Так, 4 февраля 2021 г. заместитель гла-

[1] URL: https://smev.gosuslugi.ru/portal/ (дата обращения: 10.02.2021).

[2] URL: https://smev.gosuslugi.ru/portal/ (дата обращения: 10.02.2021).

[3] URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/7/ (дата обращения: 10.02.2021).

[4] URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/4820/ (дата обращения: 10.02.2021).

[5] URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64198 (дата обращения: 02.02.2021).

вы Минцифры России Д. Огуряев сообщил, что на портале «Госуслуги» заработал новый сервис, который позволит гражданам получить информацию о ходе исполнительного производства онлайн (рис. 4).

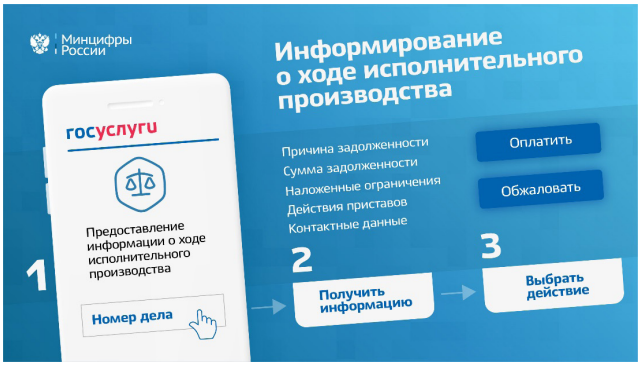


Рис. 4. Процесс получения сведений о ходе исполнительного производства

Данная государственная услуга позволит гражданам получать исчерпывающую информацию по всем стадиям исполнительного производства. Использование данного сервиса максимально упрощено: для направления запроса достаточно указать номер дела исполнительного производства. Ответ на запрос будет содержать всю необходимую физическому лицу информацию: причину и сумму задолженности, наложенные ограничения, действия судебных приставов по исполнительному производству и другую необходимую информацию. Кроме того, на портале «Госуслуги» также можно оплатить судебную задолженность, подать заявление, ходатайство, объяснение, отвод, жалобу в порядке подчиненности по исполнительному производству[1].

Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде повлекло за собой цифровизацию практически всех областей жизни общества. Следует отметить, что перевод в электронный формат максимального количества социально значимых услуг в 2020 г. оказался своевременным. Начало 2020 г. было ознаменовано распространением новой коронавирусной инфекции – SARS-CoV-2. По рекомендациям Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее: Роспотребнадзор), одним из способов сдерживания роста вирусной угрозы, является ограничение непосредственного контакта между людьми, чему и способствует возможность получения различных видов государственных услуг онлайн. По статистическим данным Роспотребнадзора, в 85 субъектах Российской Федерации за период со 2 марта 2020 г. по 5 февраля 2021 г. зафиксировано 3 934 606 случаев заболевания COVID-19. Ежедневно заболевает большое количество граждан, например, за 5 февраля 2021 г. оно составило 16 688 чел.[2] В обязанность государства входит не только тестирование на COVID-19, но и осуществление контроля за инфицированными лицами. В ноябре 2020 г. глава Минцифры России М. И. Шадаев сообщил, что ведомство разработало новое приложение, которое поможет пользователям получить информацию о результатах тестирования, а также самим заболевшим сообщать о заболевании коронавирусом. Он пояснил, что приложение работает анонимно и безопасно, не требует регистрации и его установка, как и информирование о факте заболевания, – дело добровольное[3]. Кроме того, 2 февраля 2021 г. замглавы Минцифры России О. Качанов сообщил, что через ЕПГУ можно осуществить запись граждан на вакцинацию от COVID-19[4].

Еще одним примером осуществления государственных функций в электронной форме может служить процесс организации Всероссийской переписи населения, которая должна была проводиться в 2020 г., но из-за пандемии коронавируса будет организована в 2021 г. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2020 г. № 943 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу переноса срока проведения Всероссийской переписи населения 2020 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 4 ноября 2017 года» определено, что Росстату необходимо подготовить бланки переписных листов в электронной форме[5]. 5 февраля 2021 г. заместитель руководителя Росстата П. Смелов пояснил, что Всероссийская перепись населения пройдет в сентябре 2021 г. Помимо традиционного способа – общения с переписчиком, ответить на вопросы переписи можно будет на портале «Госуслуги». Данные о переписи передадут федеральным органам исполнительной власти в электронном виде. В электронном бланке переписного листа в «полученных данных» будет существовать четкая структура сведений: фамилия, имя, отчество гражданина России, пол, дата рождения, гражданство, семейное положение. Обмен данными по всем видам сведений будет вестись через защищенные каналы связи. Все передаваемые данные будут сопровождаться электронной цифровой подписью, с помощью которой СМЭВ идентифицирует участников взаимодействия[6].

[1] URL: https://digital.gov.ru/ru/events/40346/ (дата обращения: 10.02.2021).

[2] URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/epid.php (дата обращения: 10.02.2021).

[3] URL: https://tass.ru/obschestvo/10078491?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1606200384000 (дата обращения: 10.02.2021).

[4] URL: https://digital.gov.ru/ru/events/40342/ (дата обращения: 10.02.2021).

[5] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/post1608-071219.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

[6] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/94157 (дата обращения: 10.02.2021).

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать вывод, что за последние годы в Российской Федерации достигнуты значительные успехи в системе государственного управления, в частности в предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме. На наш взгляд, до настоящего времени одной из актуальных проблем является обеспечение информационной безопасности колоссальных массивов информации, содержащей персональные данные граждан. Государство принимает действенные меры для решения этого вопроса, устанавливая правила управления доступом к информации и сервисам, обеспечивающим ее обработку для различных категорий субъектов. Следует отметить, что в Законе № 210-ФЗ отсутствует формулировка об обеспечении информационной безопасности полученных специальных категорий персональных данных и биометрических персональных данных граждан. В связи с этим предлагаем дополнить ч. 1 ст. 6 Закона № 210-ФЗ, которая закрепляет обязанности органов, предоставляющих государственные услуги, органов, предоставляющих муниципальные услуги, и подведомственных государственным органам или органам местного самоуправления организаций, п. 5, изложив его в следующей редакции: *«5) обеспечивать защиту специальных категорий персональных данных и биометрических персональных данных граждан при предоставлении им государственных и муниципальных услуг»*.

Список цитируемых источников

Дмитрик 2015 – *Дмитрик Н.* Обзор законодательства в Российской Федерации в сфере электронного правительства. Электронные услуги (24.11.2015). URL: https://digital.report/zakonodatelstvo-rossii-electronnyie-gosuslugi/ (дата обращения: 10.02.2021).

Кожаринов, Петровичева 2015 – *Кожаринов А. В., Петровичева Н. М.* Основные проблемы использования единого портала государственных и муниципальных услуг // Инновационная наука в глобализующемся мире. 2015. № 1(2). С. 157–159.

Костина, Банных, Воронина 2019 – *Костина С. Н., Банных Г. А., Воронина Л. И.* Организация предоставления государственных и муниципальных услуг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 123 с.

References

Dmitrik, N. (2015), *Obzor zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii v sfere elektronnogo pravitel'stva* [Review of legislation in the Russian Federation in the field of e-government], available at: https://digital.report/zakonodatelstvo-rossii-electronnyie-gosuslugi/ (Accessed 10 Febr. 2021).

Kostina, S. N., Banny'kh, G. A. and Voronina, L. I. (2019), *Organizatsiya predostavleniya gosudarstvenny'kh i munitsipal'ny'kh uslug* [Organization of the provision of state and municipal services], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.

Kozharinov, A. V. and Petrovicheva, N. M. (2015), "The main problems of using the unified portal of state and municipal services", *Innovatsionnaya nauka v globalizuyushchemsya mire,* no. 1(2), pp. 157–159.

Информация об авторах

Полуянова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; elenapoluyanova@icloud.com

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; sdk-exce@rambler.ru

Information about the authors

Poluyanova Elena V.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; elenapoluyanova@icloud.com

Kovalev Sergei D.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; sdk-exce@rambler.ru

Для цитирования

Полуянова Е. В., Ковалёв С. Д. Предоставление государственных услуг в Российской Федерации в электронной форме: нормативное регулирование и основные принципы функционирования государственных информационных систем // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 92–97.

For citation

Poluyanova, E. V. and Kovalev, S. D. (2021), "Provision of public services in the Russian Federation in electronic form: regulatory regulation and basic principles of functioning of state information systems", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 92–97.

УДК 342.7

О. Н. Семенова[1,2]
С. Н. Ушаков[2]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

O. N. Semenova[1,2]
S. N. Ushakov[2]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Проблемы реализации конституционного права на медицинскую помощь в условиях пандемии коронавируса (правозащитный аспект)

International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system

Ключевые слова: право на медицинскую помощь; юридические коллизии; права человека; Конституция Российской Федерации; защита прав человека.

Аннотация. Распространение коронавирусной инфекции вызвало кризис прав человека в мире. В условиях пандемии приоритетом в реализации выступило право человека на медицинскую помощь как наиболее значимое благо. В России медицинская помощь оказывалась в первую очередь пациентам из групп риска. Проведенное исследование показало, что при этом не были созданы все необходимые правовые и организационные условия для реализации этого права другими гражданами. В статье авторы раскрывают существующие проблемы в этой сфере и предлагают варианты их разрешения.

Key words: the right to medical care; legal conflicts; human rights; the Constitution of the Russian Federation; rights protection.

Abstract. The spread of coronavirus infection has caused a human rights crisis in the world. In the context of the pandemic, the priority in implementation was the human right to medical care, as the most significant benefit. In Russia, medical care was provided primarily to patients from risk groups. The study showed that all the necessary legal and organizational conditions were not created for other citizens to exercise this right. In the article, the authors reveal the existing problems in this area and offer solutions to them.

Распространение коронавирусной инфекции в стране затронуло все сферы жизни общества и, как следствие, способствовало возникновению в них ряда проблем, поиском решения которых стали заниматься не только правоприменители и законодатели, но и представители научного, экспертного сообщества, правозащитные структуры. К числу областей общественной жизни, наиболее пострадавших в условиях пандемии, следует отнести внешнеторговую деятельность [Евстигнеева 2020], защиту прав потребителей [Долматова, Зайцева 2020; Танаева, Пронина 2020], образование [Ковалева 2020], бизнес [Гончарова 2020], рынок труда [Тимохина 2020], спорт [Антонова, Лебедев 2020] и др.

Помимо этого, распространение коронавирусной инфекции вызвало кризис прав человека в мире, о чем в своем выступлении заявил Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш[1]. Свою обеспокоенность о возможности разрушения вирусом основных ценностей и свобод общества высказала Генеральный секретарь Совета Европы Мария Пейчинович Бурич[2].

По справедливому замечанию О. В. Качаловой, на повестку дня встал вопрос, как «…обеспечить верховенство права в условиях необходимости спасения жизни и здоровья множества людей, как достичь разумного баланса в соотношении различных прав человека в ситуации пандемии, как определить критерии соразмерности ограничения важнейших прав человека». По общему смыслу, приоритетными являются права и свободы, реализация которых обеспечивает наиболее значимые блага. При этом для решения проблемы обеспечения прав человека в условиях пандемии и иных чрезвычайных обстоятельств необходимо использовать совокупность инструментов правоприменительного, законодательного и организационного характера [Качалова 2020, с. 66].

Действительно, на практике приходится искать пути достижения разумного баланса в соотноше-

[1] COVID19 is a public health emergency – that is fast becoming a human rights crisis. URL: https://twitter.com/antonioguterres/status/1253177480418144256 (дата обращения: 12.08.2020).

[2] The virus is destroying many lives and much else of what is very dear to us. We should nolet it destroy our core values and free societies. URL: https://www.coe.int/en/web/portal/covid-19/-/asset_publisher/FuoQMFEkxR8a/content/how-shouldjudges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn-?inheritRedirect=false (дата обращения: 19.08.2020).

© Семенова О. Н., Ушаков С. Н., 2021

нии различных прав человека, при этом необязательно в ситуации пандемии. Однако на практике возникают сложности в реализации не только прав граждан, происходит также столкновение других элементов правового статуса гражданина (например, в конкуренцию могут вступать право человека и его обязанность, право человека и его законный интерес и др.). Особенностью последней ситуации является то, что она возникает при условии отсутствия различия или противоречия между самими нормами права, закрепляющими элементы правового статуса, каждый из которых претендует на правоприменение. В теории права и юридические коллизии именуются как «инструментальные» (разновидность материальных) [Халак 2012, с. 37].

Например, в конкуренцию может вступать право гражданина на благоприятную экологическую обстановку и право на занятие предпринимательской деятельностью, которая может сопровождаться выбросом в атмосферу загрязняющих веществ. Этот вид юридических коллизий без возникновения конкретной житейской ситуации юридически не объективирован, он выявляется правоприменителем только после приобретения дополнительного специального правового статуса, элементы которого не дополняют элементы первого специального статуса, а вступают с ними в противоречие либо конкуренцию [Родионов, Ушаков 2019, с. 90]. В ряде случаев эта проблема может решаться на законодательном уровне. Например, для разрешения рассмотренной нами ситуации, требующей нахождения баланса в реализации конституционных прав граждан, законодатель установил допустимые пределы выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, превышение которых способно повлечь привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности. В ряде других – до устранения коллизии на законодательном уровне – путем использования в правоприменении разработанных в теории права правил разрешения юридических коллизий. Однако последние разработаны прежде всего для разрешения противоречий и различий между нормами права.

Как действовать правоприменителю в иных ситуациях, не сопровождающихся коллизионностью норм права при конкуренции в реализации элементов правового статуса, каждый из которых «обеспечивает наиболее значимые блага»? Решение этого вопроса имеет важное значение в первую очередь по той причине, что может сопровождаться нарушением прав граждан.

В условиях пандемии коронавируса, очевидно, при конкуренции элементов правового статуса, приоритетом в реализации обладает конституционное право на медицинскую помощь как наиболее значимое благо.

В принятых в условиях пандемии коронавируса правовых актах указано, что приоритетом в оказании скорой медицинской помощи обладают определенные категории граждан: 1) беременные женщины; 2) лица в возрасте старше 60 лет; 3) лица, страдающие хроническими заболеваниями бронхолегочной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем; 4) лица с симптомами ОРВИ[1].

В связи с тем, что на практике возник ряд вопросов по поводу применения этого приказа, Министерством здравоохранения Российской Федерации (далее: Минздрав России) были даны соответствующие разъяснения[2]. Наиболее важными являются следующие положения:

1. Руководству медицинских организаций рекомендовано рассмотреть возможность переноса сроков оказания плановой медицинской помощи в стационарных условиях. При этом медицинская помощь пациентам с онкологическими заболеваниями, болезнями сердечно-сосудистой и эндокринной системы, а также находящимся на заместительной почечной терапии оказывается в полном объеме.

2. Госпитализация пациентов для оказания специализированной медицинской помощи в плановой форме производится исключительно при наличии направления, выданного лечащим врачом медицинской организации, к которой пациент постоянно прикреплен, либо органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья, либо федеральным органом исполнительной власти.

Таким образом, в условиях пандемии коронавируса приоритетом в оказании медицинской помощи обладают пациенты с симптомами ОРВИ, в том числе лица из групп риска (лица в возрасте старше 60 лет, а также лица, страдающие хроническими заболеваниями бронхолегочной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем, беременные женщины). Плановая медицинская помощь в стационарных условиях по решению региональных властей может быть отложена, однако медицинская помощь гражданам, кому она жизненно необходима (пациенты с онкологическими заболеваниями, болезнями сердечно-сосудистой и эндокринной систем, а также находящиеся на заместительной почечной терапии), должна оказываться в полном объеме.

---

[1] О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 : приказ Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н. П. 1.4 прил. № 2 // Российская газета. 2020. 20 марта.

[2] Разъяснения Минздрава России относительно оказания плановой медицинской помощи от 8 апр. 2020 г. URL: https://covid19.rosminzdrav.ru/razyasneniya-minzdrava-rossii-otnositelno-okazaniya-planovoj-mediczinskoj-pomoshhi/ (дата обращения: 07.11.2020).

Между тем, как показала деятельность медицинских организаций, эти требования не соблюдались из-за неурегулированности вопросов правового и организационного характера.

Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебрейесус отметил, что COVID-19 «…показал слабости и диспропорции наших систем здравоохранения и обществ, недостатки в подготовке, пробелы в цепочках снабжения и других исключительно важных системах»[1].

Владимирская область оказалась в группе регионов, на территории которых имели место нарушения прав граждан на охрану здоровья и оказание медицинской помощи. Так, в специальном докладе Уполномоченного по правам человека во Владимирской области указывается, что были случаи, когда из официальных источников звучали цифры о высоком проценте свободных/незанятых коек в медицинских организациях, в то же время люди звонили и возмущались, что их не кладут в больницу из-за того, «что все перегружено», хотя у них есть подтвержденный диагноз. На это также обращали внимание местные средства массовой информации. При этом никакой информационной и разъяснительной работы практически не было. Кроме того, такой вид обследования, как компьютерная томография легких была недоступна гражданам в первое время вспышки пандемии, поскольку по системе обязательного медицинского страхования не всех направляли на это обследование. Граждане вынуждены были приходить обследование за свои средства (стоимость от 4 500 руб. в марте 2020 г.) и др.[2]

Однако имели место и другие проблемы, не получившие отражения в докладе регионального омбудсмена. Приведем конкретный пример по несвоевременному оказанию медицинской помощи лицу, больному острым миелоидным лейкозом (раком крови) на территории Владимирской области.

Пациент после установления первичного диагноза пневмония был направлен для лечения в одну их городских больниц в пульмонологическое отделение. После сдачи дополнительных медицинских анализов были установлены признаки быстро прогрессирующего заболевания крови (онкологическое заболевание). Оказать необходимую медицинскую помощь в регионе возможно было только на базе гематологического отделения областной клинической больницы (далее: ОКБ), деятельность которого, как выяснилось, была приостановлена по предписанию Роспотребнадзора (к тому времени еще на две недели). Городская больница не могла обеспечить пациента необходимыми лекарственными препаратами, поскольку не является профильным для данного лечения учреждением. Передача из ОКБ нужных лекарственных препаратов с юридической точки зрения в городскую больницу была запрещена, поскольку препараты назначаются и выдаются только пациентам, находящимся на лечении в ОКБ.

Очевидно, что для решения такой проблемы, как профильное оказание медицинской помощи пациента требовалось транспортировать в гематологическое отделение ближайшего региона (транспортировка на дальние расстояния была противопоказана). Как выяснилось, в г. Москве только два медицинских учреждения оказывали помощь лицам с гематологическим заболеванием: НМИЦ гематологии Минздрава России и Городская клиническая больница им. С. П. Боткина департамента здравоохранения г. Москвы. Среди документов, обязательных при приеме в данное учреждение, – документ об установлении диагноза. На территории Владимирской области точно поставить диагноз не могли, так как пункцию костного мозга могли взять только в условиях нахождения в ОКБ. Более того, часть врачей гематологического отделения, кто мог бы произвести забор анализа, либо находились в отпуске, либо на карантине.

Выходом из сложившейся ситуации могла бы быть телемедицинская консультация, которая в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»[3] должна быть внедрена в региональные системы здравоохранения (п. 2 ч. 3 ст. 50).

В НМИЦ гематологии Минздрава России функционирует Федеральный телемедицинский консультативный центр по проведению телемедицинских консультаций и телемедицинских совещаний уровня «врач – врач» по профилю «гематология»[4]. Заведующий отделением НМИЦ гематологии Минздрава России после консультации по телефону предложил городской больнице оформить заявку на телемедицину для решения вопроса о госпитализации. Однако у городской больницы имелся канал связи для проведения телемедицины только в рамках региона. Провести необходимую консультацию можно было только на базе ОКБ.

Кроме того, госпитализация пациента в НМИЦ гематологии Минздрава России могла быть произведена только по квоте в рамках оказания высо-

[1] Глава ВОЗ заявил, что пандемия коронавируса выявила недостатки в мировом здравоохранении. URL: https://tass.ru/obschestvo/8144187 (дата обращения: 12.11.2020).

[2] Реализация прав граждан в период борьбы с коронавирусом с 27 марта по 15 июня 2020 года : спец. докл. Уполномоч. по правам человека во Владим. области. URL: https://ombudsman33.ru/uploads/SPECIAL_REPORT%20.pdf (дата обращения: 11.11.2020).

[3] Российская газета. 2010. 3 дек.

[4] URL: https://blood.ru/telemeditsina.html (дата обращения: 07.11.2020).

котехнологичной медицинской помощи. Однако претендовать на ее получение могли только жители Владимирской области при наличии регистрации по месту жительства или по месту пребывания.

Приведенная жизненная ситуация выявила ряд проблем правового и организационного характера при реализации конституционного права гражданина на оказание медицинской помощи, в том числе в условиях пандемии, решить которые можно следующим образом.

1. Как отмечает С. В. Нечаев, в настоящее время права на выбор врача и медицинской организации являются одними из сложно реализуемых в России, и в том случае, когда пациент сталкивается с проблемами реализации своего права на доступную медицинскую помощь в регионе, уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения обязаны организовать своевременное ее получение (при необходимости в другом медицинском учреждении). Для закрепления этого способа защиты нарушенного права данный автор предлагает внести изменения в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1] [Нечаев 2020, с. 4,12]. Согласимся с позицией исследователя, уточнив, что при организации региональным органом здравоохранения своевременного лечения пациента по профилю заболевания следует рассматривать допустимость направления в медицинские учреждения других регионов при невозможности оказания лечения на территории своего субъекта Российской Федерации. В этой связи считаем, что на федеральном уровне должна быть утверждена маршрутизация пациентов для оказания им необходимой помощи из одного региона в другой при невозможности ее оказания в первом. Обязанность по организации лечения пациента в другом регионе должна возлагаться на региональный департамент здравоохранения.

2. На правовом уровне в условиях пандемии, когда приостанавливают свою деятельность или перепрофилируются специализированные отделения по оказанию медицинской помощи, должны быть регламентированы вопросы передачи необходимых лекарственных препаратов между учреждениями до того момента, пока пациент не будет переведен в профильное учреждение, в том числе находящиеся в другом регионе.

3. В случае, если гражданин по той или иной причине оказался в регионе не по месту жительства, проходит лечение в нем, и требуется квота для получения высокой технологичной помощи, решение вопроса о ее выделении, сбором необходимых документов должен заниматься региональный департамент здравоохранения по месту прохождения лечения с последующим финансовым возмещением со стороны департамента здравоохранения по месту постоянного проживания.

4. Должен быть усилен надзор со стороны прокуратуры за оказанием медицинской помощи не только гражданам, входящим в группу риска, но и остальным. К сожалению, в условиях пандемии коронавируса региональным прокурорам было поручено принять дополнительные меры по обеспечению прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь только на фоне угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (проверить обеспечение необходимыми медицинскими препаратами и изделиями личной гигиены в медицинских учреждениях, следить за поддержанием в медицинских организациях неснижаемого запаса противовирусных препаратов и т. д.)[2].

Таким образом, в условиях пандемии коронавируса на практике приходится искать пути достижения разумного баланса в соотношении различных прав человека. Существует мнение, что приоритетными являются права и свободы, реализация которых обеспечивает наиболее значимые блага. Это верно при условии, что речь не идет об угрозе жизни и здоровья человека. В условиях пандемии в конкуренцию вступают не только различные элементы правового статуса, но и один элемент – право на медицинскую помощь, принадлежащее лицам, обладающим различными специальными правовыми статусами и индивидуальными характеристиками. Определяя приоритет в оказании медицинской помощи отдельным лицам, важно создать все необходимые правовые и организационные условия для реализации конституционного права на медицинскую помощь другими лицами, когда такая помощь является жизненно необходимой или требует своевременного вмешательства.

Список цитируемых источников

Антонова, Лебедева 2020 – *Антонова Е. А., Лебедева М. П.* Влияние пандемии коронавируса на развитие спорта // Modern Science. 2020. № 10-2. С. 61–64.

[1] Российская газета. 2011. 23 нояб.

[2] Генпрокуратура приняла меры по обеспечению прав граждан в условиях COVID-19. URL: https://aif.ru/society/safety/genprokuratura_prinyala_mery_po_obespecheniyu_prav_grazhdan_v_usloviyah_covid-19 (дата обращения: 10.11.2020).

Гончарова 2020 – *Гончарова Н. А.* Меры поддержки субъектов малого предпринимательства в условиях пандемии коронавируса // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7(120). С. 675–679.

Долматова, Зайцева 2020 – *Долматова И. А., Зайцева Т. Н.* Обслуживание потребителей в условиях карантина по коронавирусу // Проблемы конкурентоспособности потребительских товаров и продуктов питания. Курск : ЮЗГУ, 2020. С. 144–147.

Евстегнеева 2020 – *Евстегнеева Е. К.* Государственная поддержка внешнеторговой деятельности предприятий в условиях пандемии коронавируса // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 68–70.

Качалова 2020 – *Качалова О. В.* Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 60–68.

Ковалёва 2020 – *Ковалёва В. Н.* Как трансформировать систему образования в преддверии очередной волны коронавируса // Педагогика и современное образование: традиции, опыт и инновации. В 2 ч. ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 15–17.

Нечаев 2020 – *Нечаев С. В.* Правовое регулирование медицинской помощи по международному и российскому праву: комплексный анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2020. 25 с.

Родионов, Ушаков 2019 – *Родионов К. В., Ушаков С. Н.* Юридические коллизии в правовом регулировании конституционно-правового статуса осужденных, привлекаемых в качестве подозреваемых и обвиняемых по другому уголовному делу // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4 (53). С. 89–92.

Танаева, Пронина 2020 – *Танаева Н. А., Пронина Н. Н.* Влияние коронавируса на сферу услуг и потребительские расходы в Российской Федерации // Экономика, управление и право в современных условиях. Тольятти : ИССТЭ, 2020. С. 73–76

Тимохина 2020 – *Тимохина А. А.* Рынок труда после пандемии коронавируса // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 63-4. С. 97–102.

Халак 2012 – *Халак О. Н.* Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 185 с.

References

Antonova, E. A. and Lebedeva, M. P. (2020), “Impact of the coronavirus pandemic on the development of sports”, Modern Science, no. 10-2, pp. 61–64.

Dolmatova, I. A. and Zaitseva T. N. (2020), “Customer service under coronavirus quarantine”, Problemy’ konkurentosposobnosti potrebitel;skikh tovarov i Priduktov pitaniya [Competitiveness Challenges for Consumer and Food Products], YuZGU, Kursk, Russia, pp. 144–147.

Evstegneeva, E. K. (2020), “State support for foreign trade activities of enterprises in the context of the coronavirus pandemic”, Aktual’ny’e voprosy’ prava, ekonomiki i upravleniya [Topical issues of law, economics and management], Penza, Nauka i Prosveshchenie, Russia, pp. 68–70.

Goncharova, (2020), “Support measures for small businesses in the context of the coronavirus pandemic”, *Ekonomika i predprinimatel’stvo,* no. 7(120), pp. 675–679.

Kachalova, O. V. (2020), “Human rights in criminal proceedings: the crisis of the coronavirus era”, *Vestnik Akademii pravookhranitel’ny’kh organov pri General’noi prokurature Respubliki Kazakhstan,* no. 3. pp. 60–68.

Khalak, O. N. (2012), Legal conflicts in the legal regulation of the status of the homeless after release from places of imprisonment, Ph. D. Thesis, theory and history of law state, history of doctrines on law and state, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Kovaleva, V. N. (2020), “How to transform the education system ahead of the next wave of coronavirus”, in 2 parts, part 2. *Pedagogika i sovremennoe obrazovanie: traditsii, opyt i innovatsii, v 2 ch., ch. 2* [Pedagogy and modern education: tradition, experience and innovation, Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 15–17.

Nechaev, S. V. (2020), Legal regulation of medical care under international and Russian law: a comprehensive analysis, Abstract of Ph. D. dissertation, labor law, social security law, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Rodionov, K. V. and Ushakov, S. N. (2019), “Legal conflicts in the legal regulation of the constitutional and legal status of convicts who are involved as suspects and accused in another criminal case”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(53), p. 89–92.

Tanaeva, N. A. and Pronina, N. N. (2020), “Impact of coronavirus on the service sector and consumer spending in the Russian Federation”, Economika, upravlenie i pravo v sovremenny’kh usloviyakh [Economics, management and law in modern conditions], ISSTE, Tol’iatti, Russia, pp. 73–76.

Timokhina, A. A. (2020), “Labor market after the coronavirus pandemic”, *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniya,* no. 63-4, pp. 97–102.

Информация об авторах

Семенова Оксана Николаевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; mercury06@inbox.ru

Ушаков Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; ushakov13.03.2011@mail.ru

Information about the authors

Semenova Oksana N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; mercury06@inbox.ru

Ushakov Sergei N.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration , Vladimir, Russian Federation; ushakov13.03.2011@mail.ru

Для цитирования

Семенова О. Н., Ушаков С. Н. Проблемы реализации конституционного права на медицинскую помощь в условиях пандемии коронавируса (правозащитный аспект) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 98–103.

For citation

Semenova, O. N. and Ushakov, S. N. (2021), "International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 98–103.

УДК 343.228

И. А. Тараканов[1]
А. К. Сигачева[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

I. A. Tarakanov[1]
A. K. Sigacheva[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Необходимая оборона: особенности оценки правомерности оборонительных действий от посягательства, сопряженного с нанесением побоев

Self-defense: features of the evaluation of the appropriateness of defensive actions from the attacks, coupled with the beating

Ключевые слова: необходимая оборона; пределы необходимой обороны; оборонительные действия; общественно опасное посягательство; правомерность причинения вреда; побои.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей уголовно-правовой оценки действий, совершенных при необходимой обороне от посягательства, сопряженного с нанесением побоев. Авторами анализируются положения ст. 37 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», точки зрения ученых-правоведов относительно возможности оборонительных действий от побоев, причем как уголовно наказуемых, так и представляющих собой административные правонарушения. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что обороняющийся обладает правом на необходимую оборону от такого посягательства независимо от того, будут ли впоследствии действия посягавшего квалифицированы как преступление или как административное правонарушение.

Key words: necessary defense; limits of necessary defense; defensive actions; socially dangerous assault; legality of harm; beatings.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of the criminal-legal assessment of actions committed in the necessary defense against encroachment involving beatings. The authors analyze the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 № 19 «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime», the points of view of legal scholars regarding the possibility of defensive actions against beatings, both criminally punishable and administrative offenses. In the result of the study concluded that the defender has the right to self-defense from such attacks regardless of whether later actions encroach qualified as crime or administrative offense.

Одной из важнейших задач любого современного государства является защита прав и интересов граждан, обеспечение их безопасности. Особенно актуальной эта задача становится при обеспечении защиты указанных прав и интересов от общественно опасных посягательств. Как справедливо отмечает В. В. Меркурьев, в настоящее время обеспечение личной безопасности и правовой защищенности человека приобретает особую актуальность, при этом многое зависит от эффективности использования уголовно-правовых средств, в том числе института необходимой обороны. Предусмотренное ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации положение о том, что личная защита допустима всеми способами, не запрещенными законом, требует адекватной и исчерпывающей конкретизации в УК РФ [Меркурьев 2019, с. 6].

К сожалению, реализация права на личную защиту связана с рядом трудностей как объективного, так и субъективного характера. При этом следует заметить, что если право на необходимую оборону от посягательства, сопряженного с насилием, явно представляющим опасность для жизни обороняющегося или другого лица, как правило, признается следственно-судебной практикой, то при посягательствах иного вида правомерность оборонительных действий нередко подвергается сомнениям. Особенно острой эта проблема становится в случаях, когда обороняющийся подвергается посягательству, сопряженному с нанесением побоев.

То, что каждый человек имеет право обороняться от наносимых ему побоев, причиняя при этом вред посягающему лицу, не вызывает сомнений. На это прямо указывается в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2], где побои приводятся в

© Тараканов И. А., Сигачева А. К., 2021

[2] Российская газета. 2012. 3 окт.

качестве одного из примеров посягательства, не сопряженного с применением насилия, опасного для здоровья обороняющегося или другого лица.

Однако следует заметить, что в течение последних пяти лет побои были частично декриминализированы. Так, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»[1] в ст. 116 УК РФ были внесены изменения, согласно которым побои признавались преступными только случае совершения таких деяний в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Этим же Федеральным законом УК РФ был дополнен ст. 116[1], при конструировании которой законодателем была использована административная преюдиция. В результате уголовная ответственность по данной статье наступала только в тех случаях, когда виновный, ранее подвергнутый административному наказанию за нанесение побоев, вновь совершал аналогичное деяние.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"[2]» КоАП РФ был дополнен ст. 6.1.1, формулировка которой практически полностью повторила первоначальную редакцию ст. 116 УК РФ на момент введения его в действие.

Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»[3] процесс частичной декриминализации побоев был продолжен – из диспозиции ст. 116 УК РФ был исключен такой альтернативно обязательный признак, как совершение рассматриваемого деяния в отношении близких лиц.

Обращая внимание на указанные изменения, Д. А. Гарбатович вполне обоснованно заявляет, что решение вопроса о правомерности необходимой обороны в отношении непреступных побоев приобретает достаточную актуальность: «Можно ли обороняться от побоев, которые теперь не являются общественно опасным уголовно наказуемым деянием? И означает ли это, что теперь можно обороняться только от побоев, если они совершаются из хулиганских побуждений, либо по мотиву идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 116 УК РФ), либо лицом, подвергнутым административному наказанию за нанесение побоев (ст. 116.1 УК РФ)?» [Гарбатович 2017, с. 31–32].

Проблема заключается в том, что в теории уголовного права одним из условий правомерности необходимой обороны является требование о том, что посягательство должно быть общественно опасным. При этом следует учесть, что если в понятии преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 14 УК РФ, этот признак указывается дословно, то при формулировании понятия административного правонарушения, закрепленного в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, законодатель отказался от указанного признака. Как отмечал Ю. П. Соловей, «боязнь открытого признания общественной опасности материальным признаком административного правонарушения привела к исключению из законодательства об административных правонарушениях нормы о необходимой обороне, несмотря на то, что институт необходимой обороны был известен административному праву (ст. 19 КоАП РСФСР, утратившего силу с 1 июля 2002 г.)» [Соловей 2004, с. 8].

Следует заметить, что в теории советского и российского уголовного права высказывались различные мнения о возможности защиты правоохраняемых интересов от административных правонарушений посредством института необходимой обороны.

Так, Н. Д. Дурманов полагал, что совершение действий, которые представляют собой либо административный или дисциплинарный проступок, либо малозначительное деяние, не создают права на необходимую оборону [Дурманов 1961, с. 12]. Сходного мнения придерживался Т. Г. Шавгулидзе, отмечая, что признание незначительного посягательства основанием к осуществлению права необходимой обороны приведет к незаконному оправданию многих случаев самоуправства или других преступлений [Шавгулидзе 1966, с. 50]. Однако при этом он же отмечает, что право на необходимую оборону могут породить и деяния, которые «хотя и не носят уголовно противоправный характер (в объективном смысле), однако их общественная опасность не вызывает никакого сомнения» [Шавгулидзе 1966, с. 51].

В то же время многие отечественные ученые-правоведы признают допустимость необходимой обороны от административных правонарушений.

[1] Российская газета. 2016. 8 июля.

[2] Там же.

[3] Там же. 2017. 10 февр.

Так, С. Ф. Милюков считает, что институт необходимой обороны «представляет собой универсальную основу для обороны от всех возможных правонарушений, в том числе административных» [Милюков 2000, с. 106].

Следует согласиться с мнением Э. Ф. Побегайло и В. П. Ревина, которые полагали, что необходимая оборона допустима от таких административных правонарушений, которые «по своим объективным признакам стоят на грани с преступным посягательством, грозят немедленно, тотчас же перерасти в последнее и вызывают необходимость в их экстренном пресечении» [Побегайло, Ревин 1987, с. 13]. Аналогичную позицию занимал и М. А. Фомин, отмечая при этом сложности определения границ такого перехода [Фомин 2000, с. 48].

О допустимости необходимой обороны от непреступных побоев говорит Д. А. Гарбатович, приводя ряд аргументов, в числе которых следует выделить то, что в теории уголовного права и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации условия необходимой обороны были разработаны в тот период, когда любые побои признавались законодателем в качестве общественно опасного уголовно наказуемого деяния. Кроме того, вполне убедительно звучит его утверждение о том, что обороняющемуся от побоев лицу практически безразлично, наносятся ли они ему из личной неприязни или из хулиганских побуждений, или лицом, подвергнутым административному наказанию за нанесение побоев. И вполне логично его следующее заключение: в соответствии со ст. 22 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на личную неприкосновенность, обороняющийся имеет право в равной мере защищаться от любой попытки нанесения ему побоев или причинения иной боли независимо от того, кем и по каким мотивам они наносятся [Гарбатович 2017, с. 32–33].

По мнению Д. В. Перцева, следует признать допустимость необходимой обороны от административных правонарушений при условии, что она будет соразмерна их общественной опасности [Перцев 2004, с. 90]. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о пределах причинения вреда при обороне от посягательства, сопряженного с нанесением побоев. При этом, согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ, не должно быть явного несоответствия между оборонительными действиями и посягательством.

Следует заметить, что обязательным признаком побоев выступают общественно опасные последствия в виде физической боли. В то же время если в результате нанесения побоев или совершения иных насильственных действий наступили более серьезные последствия (например, в виде вреда здоровью), то содеянное, в зависимости от размеров причиненного вреда, может быть квалифицировано как преступление против здоровья или против жизни, причем как умышленное, так и неосторожное.

Однако для обороняющегося в момент совершения оборонительных действий очевиден только факт того, что посягающее лицо наносит или пытается нанести ему удары. Какие последствия повлекут эти удары – станет понятным лишь после того, как указанное посягательство будет пресечено или прекращено.

На проблему определения общественной опасности такого посягательства обращают внимание Н. А. Егорова и С. А. Гордейчик: «Можно ли оценить посягательство как опасное для жизни, если, не используя оружия или предметов, используемых в качестве оружия, посягающий наносит удар (допустим, кулаком), от которого потерпевший теряет сознание, либо нападающий ломает потерпевшему руку или ногу?» [Егорова, Гордейчик 2013, с. 17].

Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что нередки случаи, когда даже один удар приводил к причинению смерти потерпевшему. Так, Следственным отделом по г. Сургуту Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре было возбуждено уголовное дело в отношении 34-летнего местного жителя по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, который, как было установлено следствием, 6 июля 2020 г. около 21 часа, будучи в состоянии алкогольного опьянения, на участке местности у ТЦ «Восход» из личной неприязни к находившемуся там же 32-летнему местному жителю, возникшей в ходе совестного конфликта, нанес тому не менее одного удара кулаком в область лица, причинив потерпевшему травму, не совместимую с жизнью и повлекшую смерть на месте происшествия спустя непродолжительный отрезок времени[1].

Не единичны случаи, когда нанесенный удар хоть сам по себе и не влечет смертельных повреждений, но в силу развития ситуации все же приводит к наступлению смерти. Так, Следственным отделом по г. Мурманску Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области было возбуждено уголовное дело в отношении жителя г. Мурманска по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Как было установлено следствием, в дневное время 2 августа 2019 г. между мужчинами 1993 и 1978 годов рождения, находившимися на территории Культурно-паркового

[1] По факту смерти мужчины в г. Сургут возбуждено уголовное дело // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре : [сайт]. URL: https://hmao.sledcom.ru/news/item/1481635/ (дата обращения: 12.01.2021).

комплекса имени О. П. Найденова в г. Мурманске, произошла ссора. Ранее оба мужчины проходили срочную военную службу в воздушно-десантных войсках. 40-летний потерпевший, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, предложил другому помериться силами, однако последний отказал ему. В связи с отказом мужчина начал оскорблять своего более молодого оппонента, который в ходе устного конфликта со значительной силой нанес один удар правой рукой в область головы потерпевшему, после которого последний упал и ударился затылочной областью головы о заасфальтированную поверхность. Мужчине была причинена сочетанная травма тела, в том числе переломы костей свода и основания черепа[1].

При этом не исключена ситуация, когда факт причинения обороняющемуся лицу лишь физической боли был обусловлен своевременными оборонительными действиями, а неконкретизированный умысел посягающего лица подразумевал возможность причинения любого вреда. Представляется, что в такой ситуации недопустимо говорить о превышении пределов необходимой обороны на основании лишь того, что посягающий не успел причинить более серьезный вред.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: при оценке правомерности оборонительных действий от посягательства, сопряженного с нанесением побоев, нужно исходить из того, что такое нанесение может повлечь за собой не только причинение физической боли, но и перерасти в более опасное преступление, в том числе связанное с причинением смерти. В связи с этим необходимо признать, что обороняющийся имеет все основания опасаться за свое здоровье и реализовывать свое право на необходимую оборону независимо от того, будут ли впоследствии действия посягавшего квалифицированы как преступление или как административное правонарушение. При определении же правомерности пределов причинения вреда оборонительными действиями следует исходить из максимального предполагаемого размера последствий, которые могли бы наступить в результате посягательства.

Признание за обороняющимся лицом права на необходимую оборону от посягательства, сопряженного с нанесением побоев, позволит обеспечить его физическую неприкосновенность, а также избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Список цитируемых источников

Гарбатович 2017 – *Гарбатович Д. А.* Необходимая оборона от непреступных побоев // Российский судья. 2017. № 6. С. 31–33.

Дурманов 1961 – *Дурманов Н. Д.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М. : [б. и.], 1961. 45 с.

Егорова, Гордейчик 2013 – *Егорова Н. А., Гордейчик С. А.* Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Законность. 2013. № 2. С. 15–20.

Меркурьев 2019 – *Меркурьев В. В.* Уголовное право: необходимая оборона. М. : Юрайт, 2019. 238 с.

Милюков 2000 – *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб. : СПбИВЭСЭП : Знание, 2000. 276 с.

Перцев 2004 – *Перцев Д. В.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны : дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2004. 258 с.

Побегайло, Ревин 1987 – *Побегайло Э. Ф., Ревин В. П.* Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М. : Акад. МВД СССР, 1987. 55 с.

Соловей 2004 – *Соловей Ю. П.* К критике некоторых концептуальных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Ю. П. Соловья. Омск : Ом. юрид. ин-т, 2004. С. 3–9.

Фомин 2000 – *Фомин М. А.* Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 215 с.

Шавгулидзе 1966 – *Шавгулидзе Т. Г.* Необходимая оборона. Тбилиси : Мецниереба, 1966. 158 с.

References

Durmanov, N. D. (1961), *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie obshchestvennuyu opasnost' i protivopravnost' deyaniya* [Circumstances that exclude social danger and illegality of the act], s. n., Moscow, USSR.

[1] В отношении мурманчанина, подозреваемого в причинении смерти по неосторожности, возбуждено уголовное дело // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области : [сайт]. URL: https://murmansk.sledcom.ru/news/item/1380973/ (дата обращения: 12.01.2021).

Egorova, N. A. and Gordeichik, S. A. (2013), "New resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the necessary defense and harm during the detention of the person who committed the crime", *Zakonnost,* no. 2, pp. 15–20.

Fomin, M. A. (2000), Problems of improving the Institute of necessary defense in the criminal law of Russia, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Moscow State University, Moscow, Russia.

Garbatovich, D. A. (2017), "Self-defense from the harsh beating", *Rossiiskii sud'ya,* no. 6, pp. 31–33.

Merkur'ev, V. V. (2019), *Ugolovnoe pravo: neobkhodimaya oborona* [Criminal law: necessary defense], Yurait, Moscow, Russia.

Milyukov, S. F. (2000), *Rossiiskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: opy't kriticheskogo analiza* [Russian criminal legislation: experience of critical analysis], SPbIVESEP, Znanie, St. Petersburg, Russia.

Pertsev, D. V. (2004), Criminal-legal and criminological problems of the necessary defense, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Kaliningrad State University, Kaliningrad, Russia.

Pobegailo, E. F. and Revin, V. P. (1987), *Neobkhodimaya oborona i zaderzhanie prestupnika v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Necessary defence and detention of the offender in the activities of internal affairs bodies], Akademiya MVD SSSR, Moscow, USSR.

Shavgulidze, T. G. (1966), *Neobkhodimaya oborona* [Necessary defense], Metsniereba, Tbilisi, USSR.

Solovei, Yu. P. (2004), "Criticism of some conceptual provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation", in Solovei, Yu. P. (ed.) *Aktual'ny'e problemy' primeneniya Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativny'kh pravonarusheniyakh* [Actual problems of application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation], Omskii yuridicheskii institut, Omsk, Russia, pp. 3–9.

Информация об авторах

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@ list.ru

Сигачева Анастасия Константиновна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; anastasiya.sigacheva@mail.ru

Information about the authors

Tarakanov Il'ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; il8@list.ru

Sigacheva Anastasiya K.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; anastasiya.sigacheva@mail.ru

Для цитирования

Тараканов И. А., Сигачева А. К. Необходимая оборона: особенности оценки правомерности оборонительных действий от посягательства, сопряженного с нанесением побоев // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 104–108.

For citation

Tarakanov, I. A. and Sigacheva, A. K. (2021), "Self-defense: features of the evaluation of the appropriateness of defensive actions from the attacks, coupled with the beating", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 104–108.

УДК 343.85

Т. А. Ткачук[1,2]
А. П. Стариков[3]
А. Е. Михайлов[4]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[3]*Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация*
[4]*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

T. A. Tkachuk[1,2]
A. P. Starikov[3]
A. E. Mikhailov[4]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[3]*Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vladimir region, Vladimir, Russian Federation*
[4]*Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Профилактика противоправного посткриминального поведения с негативными изменениями психической деятельности: оценка российского и германского опыта

Prevention of illegal post-criminal behavior with negative changes in mental activity: assessment of the Russian and German experience

Ключевые слова: негативные изменения психической деятельности; психические расстройства; профилактика нападений; совершение преступления; профилактика преступности.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с профилактикой посткриминального противоправного поведения лиц с негативными изменениями психической деятельности. Исследованы правовые механизмы обеспечения прав, свобод и законных интересов данных лиц, а также лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и иных лиц, виктимизирующихся за счет поведения лиц с психическими расстройствами. Авторский коллектив провел сравнительный анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства России и Германии в части правового регулирования вопросов обеспечения прав, свобод и законных интересов указанных лиц. Были выявлены особенности, которые позволили сформулировать общие предложения по совершенствованию российского законодательства, носящие профилактический характер.

Key words: negative changes in mental activity; mental disorders; prevention of attacks; commission of crime; prevention of crime.

Abstract. The article deals with certain issues related to the prevention of post-criminal illegal behavior of persons with negative changes in mental activity. In addition, the legal mechanisms of ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of these persons, as well as those involved in criminal proceedings and other persons victimized by the behavior of persons with mental disorders are studied. The author's team conducted a comparative analysis of the criminal and criminal procedure legislation of Russia and Germany in terms of legal regulation of issues of ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of these persons. The features that allowed us to form general proposals for improving the Russian legislation were identified. These proposals are of a preventive nature.

В Российской Федерации сформировался правовой институт уголовной ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, характеризующийся как особенностями применения мер уголовно-правового воздействия, так и процедурами уголовного судопроизводства. При этом сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, а также иные участники уголовного процесса и обычные граждане могут стать потенциальными жертвами обострения психического расстройства подозреваемого и обвиняемого и противоправного поведения последних. Виктимизация указанных лиц происходит на фоне отсутствия должного уровня правового регулирования обеспечения социальных гарантий лиц с негативными изменениями психической деятельности в рамках привлечения их к уголовной ответственности. Реализация данных социальных гарантий, а также оказание медицинской помощи подозреваемым и обвиняемым в процессе предварительного расследования способно существенно снизить риски посткриминального противоправного поведения последних.

© Ткачук Т. А., Стариков А. П., Михайлов А. Е., 2021

Одним из перспективных направлений совершенствования вопросов предупреждения противоправного посткриминального поведения лиц с негативными изменениями в психической деятельности выступает изучение зарубежного законодательства, позволяющего выявить и адаптировать к российской действительности наиболее эффективные механизмы правового регулирования исследуемой проблематики. В качестве одного из потенциально значимых национальных законодательств в рамках настоящего исследования мы рассмотрим немецкое законодательство.

Федеративная Республика Германия (далее: ФРГ), являясь важнейшим участником Европейского Союза, строит свое национальное законодательство с учетом международных правовых актов как общего характера (в рамках ООН), так и регионального (в рамках Евросоюза). При этом для нормотворческой и правоприменительной практики ФРГ так же, как и Российской Федерации, определенное значение имеет позиция Европейского суда по правам человека (далее: ЕСПЧ), который большое внимание уделяет вопросам обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами. В частности, рассматривая жалобы российских заявителей, ЕСПЧ подчеркнул необходимость обеспечения непосредственного участия лица, страдающего психическим расстройством, в судебном заседании, поскольку это позволяет суду, наблюдая за подсудимым, оценить особенности его психического состояния и принять мотивированное решение о применении адекватной принудительной меры медицинского характера, а также дать возможность подсудимому реализовать свое право на судебную защиту и доступ к правосудию в форме состязательного судопроизводства [Осипов 2016]. Необходимо отметить, что в соответствии с ч.1 ст. 437 УПК РФ лицу, страдающему психическим расстройством, предоставляется право лично участвовать в судебном разбирательстве только в том случае, если его психическое состояние позволяет ему реализовывать свои процессуальные права. На наш взгляд, подобная дефиниция соответствует позиции ЕСПЧ, согласно которой присутствие подсудимого на судебном заседании может быть ограничено состоянием здоровья данного лица. В целом же решение ЕСПЧ демонстрирует тот же подход к проблематике реализации комплексного метода борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями психической деятельности, что и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г. №46/119 «Защита психически больных лиц и улучшение психиатрической помощи»[1], выдвигая в качестве основных целей не только осуществление правосудия, но и оказание подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) медицинской, социальной и правовой помощи.

Уголовно-правовое и уголовно-процессуальное законодательство ФРГ в целом соответствует международным стандартам, известны ему и ряд мер, применяемых в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, совершивших преступления и страдающих психическими расстройствами, а также иных лиц. Например, такой мерой является правовая помощь обвиняемому, страдающему психическим расстройством, выраженная в назначении ему защитника (§ 140 УПК ФРГ)[2], что соотносится как с международно-правовыми тенденциями, так и соответствует российской практике. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривается обязательность назначить защитника подозреваемому и обвиняемому, который в силу психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту.

Более интересной, на наш взгляд, является такая мера, реализуемая в рамках исследуемого нами комплексного метода борьбы с преступлениями, как помещение обвиняемого в психиатрическую больницу на срок до 6 недель для наблюдения. Данная мера применяется, если имеется соответствующее заключение эксперта или заявление адвоката обвиняемого (ст. 81 УПК ФРГ). При этом суд располагает возможностью поместить обвиняемого, страдающего психическим расстройством, в психиатрическую больницу только в случае наличия веских доказательств, подтверждающих виновность лица, и соразмерности предполагаемого наказания[3]. Анализ данной нормы и сопоставление ее с российским законодательством позволяет выделить ряд особенностей.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что помещение обвиняемого в психиатрическую больницу осуществляется на основании заключения эксперта о состоянии данного лица. Это в корне отличает данную меру от отечественной практики помещения в медицинскую организацию. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда» суд вправе помещать подозреваемого и обвиняемого в медицинскую организацию с целью проведения судебно-психиатрической экспертизы. Как мы видим, существует принципиальная разница в целях помещения подозреваемого и обвиняемого в медицинскую организацию в ФРГ и России.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 27. August 2017 (BGBl. I S. 3295) geändert worden ist // Германо-Российская ассоциация юристов (DRJV) : [сайт]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/inhalts_bersicht.html (дата обращения: 15.01.2021).

[3] Ibid.

Во-вторых, существующая зависимость помещения обвиняемого в психиатрическую больницу от последующего наказания позволяет, по нашему мнению, рассматривать данную меру в первую очередь в контексте ограничения прав обвиняемого, а не оказания ему медицинской помощи. Это дает основание предположить, что цель помещения обвиняемого в психиатрическую больницу, по законодательству ФРГ, – профилактическая, связанная с обеспечением безопасности иных участников процесса и самого обвиняемого как от возможности совершения последним новых правонарушений, так и причинения вреда самому себе и другим лицам.

Отчасти такой вывод подтверждается и анализом УК ФРГ, где мера уголовно-правового характера – помещение в психиатрическую больницу (§ 63 УК РФ) – отнесена к мерам исправления и безопасности и применяется в отношении лиц, находящихся в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости в случаях, когда от них можно ожидать серьезных противоправных деяний[1]. Однако, на наш взгляд, то обстоятельство, что подозреваемый или обвиняемый помещается не в изоляционное учреждение, а именно в психиатрическую больницу, закономерно предполагает оказание ему медицинской помощи.

С нашей позицией совпадает мнение ряда исследователей, отмечающих, что рассматриваемая мера направлена не только на обеспечение безопасности, но и на оказание медицинской помощи обвиняемому, поскольку экспертное заключение, на основе которого лицо помещается в психиатрическую больницу, должно содержать описание состояние здоровья обвиняемого [Головненков, Спица 2012]. Более того, § 246-а УПК ФРГ предусматривает допрос эксперта до помещения обвиняемого, страдающего психическими расстройствами, в психиатрическую больницу (а также при решении вопроса о помещении таких лиц в следственный изолятор) на предмет перспективы лечения последнего[2]. Сказанное, по нашему мнению, свидетельствует о том, что помещение подозреваемого или обвиняемого в психиатрическую больницу в соответствии с законодательством Германии преследует две цели – обеспечение безопасности и оказание психиатрической помощи.

Полагаем, что правовое регулирование вопросов, связанных с оказанием медицинской помощи подозреваемому и обвиняемому, а также реализация превентивных мер, обеспечивающих безопасность как участников процесса (в том числе и подозреваемого или обвиняемого), так и других граждан, способствует не только обеспечению прав и законных интересов данных лиц, но и более эффективному судопроизводству, снижая возможные процессуальные и криминалистические риски. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется перспективной идея исследования возможности расширения целей помещения в медицинское учреждение подозреваемых и обвиняемых в российском уголовном судопроизводстве.

Интерес представляет также такая мера реализации комплексного метода борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями психической деятельности, как допрос лиц с психическими расстройствами за пределами судебного разбирательства. Такой допрос в ФРГ проводится в случаях, когда явка обвиняемого в суд невозможна вследствие психического состояния последнего или нецелесообразна из соображений общественной безопасности и порядка [Головненков, Спица 2012, с. 333]. При этом такой допрос осуществляет специально уполномоченный судья при участии медицинского эксперта. Полагаем, что значение данного следственного действия сводится к личному удостоверению судьей состояния здоровья обвиняемого и его способности участвовать в уголовном судопроизводстве. Одновременно могут решаться и вопросы о том, нуждается ли лицо в лечении и представляет ли оно угрозу для других участников процесса.

Исследователи обращают внимание на позицию ЕСПЧ, предостерегающего национальные суды от принятия решений по уголовным делам только на основании позиции судебного эксперта [Деменева 2014, с. 22–23]. По нашему мнению, практика «выездного допроса судьи» направлена именно на снижение роли экспертного заключения в уголовном процессе. Данный недостаток отчасти компенсируется существующими в Германии судебно-медицинскими методиками, в соответствии с которыми допрос или беседа с лицами, страдающими психическими расстройствами, должны проводиться в условиях максимального комфорта для последних, что обеспечивается за счет привлечения к допросам наиболее квалифицированных специалистов в области психологии и психиатрии, а также посредством исключения лиц, которые могут оказать влияние на допрашиваемого, в результате чего последние «в стремле-

[1] Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 30. Mai 2016 (BGBl. I S. 1254) geändert worden ist // Германо-Российская ассоциация юристов (DRJV) : [сайт]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html (дата обращения: 15.01.2021).

[2] Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 27. August 2017 (BGBl. I S. 3295) geändert worden ist.

нии все сделать правильно, будут ориентировать на третьих лиц»[1].

Следует отметить, что схожей нормы в уголовно-процессуальном законодательстве России нет. По нашему мнению, внедрение в практику отечественного уголовного судопроизводства аналогичной нормы сформировало бы феномен презумпции виновности специалистов и экспертов, чьи заключения находились бы в статусе требующих проверки. К тому же, мы полагаем, что способность судьи, прокурора или следователя эффективно диагностировать психическое расстройство у подозреваемого и обвиняемого вызывает определенные сомнения.

Таким образом, перспективными направлениями совершенствования механизмов борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями психической деятельности в России являются изменение уголовно-процессуальных норм, предусматривающих особенности судопроизводства в отношении лиц с психическими расстройствами, посредством включения мер оказания медицинской помощи (в том числе и амбулаторного характера) и обеспечения безопасности до разрешения уголовного дела по существу, что позволит минимизировать возможность причинения данными лицами вреда как самим себе, так и другим участникам уголовного судопроизводства, а также третьим лицам, что является одной из гарантий обеспечения их прав и законных интересов. Данная проблематика является предметом самостоятельного исследования, и мы, будучи ограничены рамками настоящей статьи, рассмотрим эти вопросы в дальнейших публикациях.

Список цитируемых источников

Головненков, Спица 2012 – *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Potsdam : Universitätsverlag, 2012. 450 s.

Деменева 2014 – *Деменева А. В.* Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. 2014. № 2. С. 22–23.

Осипов 2016 – *Осипов А. Л.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 139–140.

References

Golovnenkov, P. and Spitsa, N. (2012), *Ugolovno-protsessual'ny'i kodeks Federativnoi Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO)* [Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany–Strafprozessordnung (StPO)], Universitätsverlag, Potsdam, Germany.

Demeneva, A. V. (2014), "Legal consequences of the decisions of the European Court of Human Rights in cases of psychiatric care in Russia", *Mezhdunarodnoe pravosudie,* no. 2, pp. 22–23.

Osipov, A. L. (2016), "The proceedings on the application of coercive measures of a medical nature: national and international legal dimension", *Aktual'ny'e problemy' rossiiskogo prava,* no. 3, pp. 139–140.

Информация об авторах

Ткачук Татьяна Алексеевна,

доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tatkachyk@mail.ru

Information about the authors

Tkachuk Tat'yana A.,

doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tatkachyk@mail.ru

[1] Die Lebensqualität von Menschen mit geistiger Behinderung in Deutschland und Korea vor dem Hintergrund der interkulturellen Unterschiede beider Länder Eine vergleichende Untersuchung von Beschäftigten in Werkstätten für behinderte Menschen : Dissertation zur Erlangung des Grades einer Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) in der Fakultät Rehabilitationswissenschaften der Technischen Universität Dortmund vorgelegt von Mi-Sook Song. Dortmund, 2013. P. 108–109. URL: https://eldorado.tu-dortmund.de/bitstream/2003/32842/1/MiSook%20Song%20Dissertation%202013.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

Стариков Александр Павлович,
Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация; Whitegurfalcon19@yandex.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; urgantrf@mail.ru

Starikov Aleksandr P.,
Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vladimir region, Vladimir, Russian Federation; Whitegurfalcon19@yandex.ru

Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; urgantrf@mail.ru

Для цитирования
Ткачук Т. А., Стариков А. П., Михайлов А. Е. Профилактика противоправного посткриминального поведения с негативными изменениями психической деятельности: оценка российского и германского опыта // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 109–113.

For citation
Tkachuk, T. A., Starikov, A. P. and Mikhailov, A. E. (2021), "Prevention of illegal post-criminal behavior with negative changes in mental activity: assessment of the Russian and German experience", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 109–113.

УДК 347.7

А. В. Шаховкин[1,2]
[1]*Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
[2]*Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Мурманской области, Мурманск, Российская Федерация*

A. V. Shakhovkin[1,2]
[1]*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation*
[2]*Department of Supervision of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Murmansk region, Murmansk, Russian Federation*

Вопрос преференций в контрактной системе

The issue of p*references* in the contract system

Ключевые слова: контрактная система; субъекты среднего предпринимательства; государственные закупки; предпринимательство; бизнес; стимулирование предпринимательства; преференции; преимущества для предпринимательства; рыночные отношения; экономический рост.

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос включения преференций в контрактной системе для среднего бизнеса, что, по мнению автора, положительно скажется на поставке товаров для государственных и муниципальных нужд. Выявлены расхождения в действующем законодательстве, регулирующем сферу государственных закупок. Предложены пути приведения в соответствие требований федеральных законов от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ.

Key words: contract system; medium-sized businesses; public procurement; entrepreneurship; business; entrepreneurship stimulation; p***references***; benefits for entrepreneurship; market relations; economic growth.

Abstract. This article considers the issue of including p***references*** in the contract system for medium-sized businesses, which will have a positive impact on the supply of goods for state and municipal needs. In addition, on the basis of this study, discrepancies in the current legislation regulating the sphere of public procurement are established. The ways of bringing the requirements of federal laws of 5 April 2013 No. 44-FZ and of 18 July 2011 No. 223-FZ into uniform compliance are proposed.

Экономика Российской Федерации, по сравнению с зарубежными странами, развивается уникальным способом, свойственным только ей. Вместе с тем можно отметить общее в отечественной и иностранных системах обеспечения государственных и муниципальных. Это единство проявляется в соблюдении принципа конкурентности в рыночных отношениях. Именно наличие добросовестной конкуренции способствует обеспечению государственных нужд качественными товарами, работами и услугами.

Уровень предпринимательства (поставщиков) помогает развитию новых инициатив в потребительской сфере, является двигателем экономического роста государства. Предприниматели, нацеленные на извлечение прибыли из своей деятельности, заполняют ниши в экономике, производят наиболее необходимые и потребляемые продукты, создавая вектор экономики. На это же указывают Т. С. Вологжина и О. С. Комарова, отмечая, что предприятия малого и среднего класса оказывают важнейшее социально-экономическое значение и лучше адаптируются к меняющимся запросам рынка [Вологжина, Комарова 2018, с. 86].

Меры по стимулированию и предоставлению некоторых преференций для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также представителей социально ориентированных некоммерческих организаций способствуют привлечению на рынок новых субъектов, заинтересованных в производстве качественного продукта.

Сегодня субъекты малого и среднего бизнеса на относятся к группе предпринимателей, для которых чувствительны любые убытки и потери от результатов своей деятельности. Представителям указанной предпринимательской ячейки сложно составить достойную конкуренцию крупным компаниям и корпорациям. Кроме того, действия надзорных органов и присутствие различных административных барьеров, низкая покупательская способность также создают трудности в осуществлении ими предпринимательской деятельности.

На настоящий момент доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте (далее: ВВП) Российской Федерации составляет около 20 %, что считается очень низким показателем [Павлов 2015, с. 26–29]. При этом в развитых странах Западной Европы, Америки и Восточной Азии на долю малого бизнеса приходится 60 % ВВП [Насыбулина 2011, с. 16].

© Шаховкин А. В., 2021

Государство с целью поддержания предпринимательства и конкуренции разрабатывает специальные механизмы стимулирования в виде установления специальных налоговых режимов, специальных условий в рамках выдачи кредитов, освобождения от плановых и внеплановых проверок[1], льгот в случае уплаты страховых взносов.

Несмотря на все вышеперечисленное, вопрос участия представителей среднего предпринимательства в контрактной системе законодателем оставлен без внимания.

Контрактная система являет собой платформу для реализации своих прав и законных интересов двух сторон – заказчика и поставщика. Среди ученых не стихают споры о соотношении публичного и частного в сфере закупок, и большая их часть склоняется к реализации преимущественно частного интереса, а именно, поставщиков.

Однако публичный аспект исключить из контрактной системы представляется юридически неверным. Верно отмечает Л. Б. Тиунова, что «само наличие "особого сочетания" методов лишь подтверждает, что четкого метода регулирования ни одна отрасль не признает, за исключением, пожалуй, гражданского и административного права» [Тиунова 1987, с. 67].

Государственные органы представляют собой как раз публичный элемент контрактной системы так как являются органом государственной власти, и сама их структура построена на соподчинении. Как публичный элемент государственный заказчик, вступая в правоотношения в контрактной системе, является надежным гарантом того, что за поставленный предмет контракта предприниматель получит денежное вознаграждение.

На удовлетворение государственных и муниципальных нужд выделяется значительная часть соответствующего бюджета. Так, в 2019 г. на осуществление поставок для государственных нужд было выделено 7,3 трлн руб. При этом учет поставок, осуществляемых субъектами малого предпринимательства и социально ориентированными некоммерческими организациями, ведется отдельно (в объеме не менее 15 % от общего количества заключаемых контрактов). По итогам 2019 г. общий объем таких поставок вырос в 2 раза, по сравнению с 2018 г.[2]

И малый, и средний бизнес в первую очередь нацелены на расширение своей деятельности, именно поэтому государством предусмотрены различного рода инструменты поддержки. В законодательстве, регулирующем сферу государственных и муниципальных закупок, предусмотрен ряд преимуществ для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций[3]. К таким преимуществам относятся: увеличение объема поддержки; расширение перечня заказчиков, обязанных заключать контракты с субъектами малого предпринимательства и некоммерческих организаций; введение предельных сроков оплаты по контрактам. Законодателем даже предусмотрена возможность установить в извещении об осуществлении закупки требование к поставщику (участнику закупки), который не является субъектом малого предпринимательства, привлечь к исполнению контракта представителя малого бизнеса. Иными словами, в поставке могут принимать участие представители крупного бизнеса, но с привлечением к исполнению контракта субъектов малого предпринимательства. Как правило, такие поставки связаны со строительными (субподрядными) работами.

Несмотря на все вышеперечисленное, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[4] (далее: Закон № 44-ФЗ) несправедливо оставил без внимания предпринимательскую ячейку среднего класса. На данный пробел указывает А. Ю. Прохорская, которая обосновывает предоставление общей поддержки представителям среднего предпринимательства [Прохорская 2017, с. 17–18].

В противовес указанному мнению Н. Н. Надежин предлагает не создавать послабления для осуществления предпринимательской деятельности. По его мнению, предпринимательская деятельность – это в первую очередь заинтересованность самого гражданина, которая полностью зависит от его собственного желания [Надежин 2019, с. 19]. И. Н. Ахметова также ссылается на то, что сама по себе коммерческая деятельность осуществляется предпринимателями в целях извлечения систематической прибыли и неизбежно связана с рисками [Ахметова 2019, с. 11].

---

[1] О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек.

[2] Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 года. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/contracts/purchases (дата обращения: 10.02.2021).

[3] Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : постановление Правительства Рос. Федерации от 11 дек. 2014 г. № 1352 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 51, ст. 7438.

[4] Российская газета. 2013. 12 апр.

Однако без создания безопасных условий в интересах предпринимателей малого и среднего класса государство может потерять значительную их часть, и развитие экономики государства сосредоточится вокруг крупных фирм и корпораций. Такое положение дел нанесет большой урон конкуренции на торгах, следовательно, эффективность контрактной системы упадет. Удовлетворение нужд государственных и муниципальных органов будет подвержено большим затратам при сниженной гарантии качества поставленных товаров, работ или услуг.

Высокая значимость преимуществ и стимулирующих механизмов для молодых предпринимателей подтверждается и на международной арене[1].

Идею развития преференций для представителей среднего предпринимательства поддерживают в своих работах В. К. Андреев и Л. В. Андреева, которые считают «настоятельной задачей – совершенствование правил Закона о контрактной системе в части стимулирования участия субъектов не только малого, но и среднего бизнеса в государственных закупках инновационной и высокотехнологичной продукции» [Андреев, Андреева 2016, с. 41–43].

Исследование нормативного регулирования правоотношений в сфере поставок свидетельствует о неоднозначном подходе законодателя к стимулированию предпринимательской ячейки. Так, в Федеральном законе от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[2] (далее: Закон № 223-ФЗ), направленном на регулирование закупок, но уже с отдельными видами юридических лиц, учитываются субъекты как и малого, так и среднего предпринимательства.

Наличие разногласий в Законе № 223-ФЗ и Законе № 44-ФЗ отмечает и В. Р. Байрашев [Байрашев 2018, с. 19].

При этом в самом Законе № 44-ФЗ (ч. 1 ст. 2) установлено, что нормы федеральных законов, требования которых распространяются на сферу государственных и муниципальных закупок, должны соответствовать Закону № 44-ФЗ.

Наличие дуализма в толковании норм, регулирующих одну сферу – сферу закупок, недопустимо на законодательном уровне, что подтверждается не только в нормативных источниках, но и в научных кругах [Попов 2019, с. 2].

Сложившаяся ситуация в сфере государственных закупок и касающаяся, в частности, участия в ней среднего бизнеса, свидетельствует о нестабильном развитии законодательной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

В связи с вышеизложенным, с целью обеспечения качества поставляемой продукции для нужд государственных и муниципальных органов, повышения профессионализма и стимулирования малого и среднего предпринимательства предлагаем следующую редакцию п. 1 ст. 30 Закона № 44-ФЗ *«1. Заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем пятнадцать процентов совокупного годового объема закупок, рассчитанного с учетом части 1.1 настоящей статьи…»*.

Список цитируемых источников

Андреев, Андреева 2016 – *Андреев В. К., Андреева Л. В.* Меры стимулирования малого и среднего бизнеса в сфере государственных и корпоративных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 41–43.

Ахметова 2019 – *Ахметова И. Н.* Риски в предпринимательской деятельности: юридические аспекты // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 11–16.

Байрашев 2018 – *Байрашев В. Р.* Правовые и экономические барьеры участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках по 44-ФЗ и 223-ФЗ // Прогосзаказ.рф. 2018. № 6. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 21.08.2020).

Вологжина, Комарова 2018 – *Вологжина Т. С., Комарова О. С.* Формирование стратегии развития предприятия малого бизнеса (на примере сферы услуг) // Актуальные вопросы современной науки. В 4 ч. Ч. 2. Уфа : Дендра, 2018. С. 86–90.

Надежин 2019 – *Надежин Н. Н.* Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России. М. : Статут, 2019. 144 с.

Насыбулина 2011 – *Насыбулина С. С.* Организация и инструменты развития малого предпринимательства в российской и зарубежной практике: институционный аспект // Сфера услуг: инновации и качество. 2011. № 3. С. 16–17.

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2021).

[2] Российская газета. 2011. 22 июля.

Павлов 2015 – *Павлов И. И.* Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций через систему госзакупок, закупок отдельными видами юридических лиц // Юрист. 2015. № 14. С. 26–29.

Попов 2019 – *Попов Д. В.* Экономические и правовые условия участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках (основные проблемы и решения) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2019. № 2.

Прохорская 2017 – *Прохорская А. Ю.* Правовое регулирование деятельности субъектов среднего предпринимательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.

Тиунова 1987 – *Тиунова Л. Б.* Система правовых норм и отраслевое деление права // Правоведение. 1987. № 4. С. 63–69.

References

Akhmetova, I. N. (2019), "Risks in business: legal aspects", *Bezopasnost' biznesa,* no. 4, pp. 11–16.

Andreev, V. K. and Andreeva, L. V. (2016), "Measures to stimulate small and medium-sized businesses in the field of public and corporate procurement", *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava,* no. 2, pp. 41–43.

Bairashev, V. R. (2018), "Legal and economic barriers to the participation of small and medium-sized businesses in procurement under 44-FZ and 223-FZ", *Progoszakaz.rf,* no. 6, available at: http://www.consultant.ru (Accessed 21 Aug. 2020).

Nadezhin, N. N. (2019), *Grazhdansko-pravovoe obespechenie predprinimatel'stva v Rossii* [Civil law support of entrepreneurship in Russia], Statut, Moscow, Russia.

Nasy'bulina, S. S. (2011), "Organization and tools for the development of small business in Russian and foreign practice: the institutional aspect", *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo*, no. 3, pp. 16–17.

Pavlov, I. I. (2015), "State support of small and medium-sized businesses, socially oriented non-profit organizations through the system of state purchases, purchases by certain types of legal entities, *Yurist,* no. 14, pp. 26–29.

Popov, D. V. (2019), "Economic and legal conditions for the participation of small and medium-sized businesses in procurement (main problems and solutions)", *Oboronno-promy'shlenny'i kompleks: voprosy'prava,* no. 2.

Prokhorskaya, A. Yu. (2017), Legal regulation of activities of medium-sized businesses, Abstract of Ph. D. dissertation, civil law, business law, family law, private international law, Kutafin Moscow State Legal Academy, Moscow, Russia.

Tiunova, L. B. (1987), "System of legal norms and branch division of law", *Pravovedenie,* no. 4, pp. 63–69.

Vologzhina, T. S. and Komarova, O. S. (2018), "Current issues of modern science", *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoi nauki,* v 4 ch., ch. 2 [Actual issues of modern science, in 4 pt., pt. 2], Dendra, Ufa, Russia, pp. 86–90.

Информация об авторе

Шаховкин Андрей Викторович,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Мурманской области, Мурманск, Российская Федерация; ashakhovkin@mvd.ru

Information about the author

Shakhovkin Andrei V.,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, the system of state purchases, purchases by certain types of legal entities, Yurist, Department of Supervision of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Murmansk region, Murmansk, Russian Federation; ashakhovkin@mvd.ru

Для цитирования

Шаховкин А. В. Вопрос преференций в контрактной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 114–117.

For citation

Shakhovkin, A. V. (2021), "The issue of p***references*** in the contract system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 114–117.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 340.1

В. П. Беляев[1]
Г. С. Беляева[2]
[1] *Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация*
[2] *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация*

V. P. Belyaev[1]
G. S. Belyaeva[2]
[1]*South-West State University, Kursk, Russian Federation*
[2]*Belgorod State National Research University, Belgorog, Russian Federation*

Процессуально-правовой режим: к вопросу о понятии и признаках

Procedural legal regime: to the question of the concept and features

Ключевые слова: режим; правовой режим; процессуально-правовой режим; юридический процесс.

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых дискуссионных вопросов относительно дефиниции понятия процессуально-правового режима и определения его признаков. Констатируется, что процессуально-правовой режим в современной юридической науке не получил должной разработки. Путем установления сущностных признаков процессуально-правового режима предлагается его авторская дефиниция как основанного на определенном сочетании процессуально-правовых средств и принципов особого порядка процессуально-правового регулирования деятельности субъектов и участников юридического процесса, направленного на законное и обоснованное рассмотрение и разрешение юридических дел.

Key words: regime; legal regime; procedural-legal regime; legal process.

Abstract. This article discusses the discussion issues of establishing features and defining the concept of a procedural legal regime. It is stated that the procedural and legal regime in modern legal science has not received proper development. By establishing the essential features of the procedural and legal regime, its author's definition is proposed, as based on a certain combination of procedural and legal means and the principles of a special procedure for procedural and legal regulation of the activities of subjects and participants in the legal process aimed at lawful and reasonable consideration and resolution of legal cases.

Предваряя рассмотрение вопросов, вынесенных в заглавие статьи, обратим внимание на тот факт, что процессуально-правовой режим будет исследован нами как разновидность правового режима, исходя из того, что по юридической природе все правовые режимы можно подразделить на материальные и процессуальные. И еще одно обстоятельство, требующее своего обоснования уже в начале статьи, – это тот факт, что процессуально-правовые режимы, в отличие от режимов, основанных на материально-правовых нормах и иных средствах материально-правового характера, получили гораздо меньшее освещение в юридической науке, а это, с нашей точки зрения, не справедливо.

Попробуем коротко обозначить основные причины такого положения вещей. Во-первых, это тот факт, что на протяжении долгого времени процессуально-правовые режимы воспринимались исключительно как несамостоятельные, вспомогательные, обеспечивающие деятельность правоохранительных и судебных органов; во-вторых, в значительной мере процессуально-правовой режим воспринимается исключительно как элемент процессуально-правовой формы (наряду с процессуальными производствами и процессуальными стадиями) и в этой связи также не получает самостоятельной научной разработки; в-третьих, сам правовой режим как родовое понятие по отношению к видовому – процессуально-правовому является не в полной мере исследованным в правоведении, вызывая многочисленные дискуссии относительно своего понятия, юридической природы, сущности и содержания.

Все эти причины, каждая в своей определенной мере, повлияли на степень разработанности понятия «процессуально-правовой режим», которую трудно признать удовлетворительной и в настоящее время. Данное обстоятельство и обусловило наше обращение к проблематике выявления признаков и определения понятия процессуально-правовых режимов в российском праве.

Итак, своеобразным стартом в исследовании процессуально-правовых режимов можно признать монографический труд «Теория юридического процесса», изданный коллективом авторов под редакцией В. М. Горшенева в середине 80-х гг. XX в., где, в частности, отмечалось, что проблема процессуального режима оказалась в поле зрения юридической науки сравнительно недавно, «… как элемент процессуальной формы она не только недостаточ-

© Беляев В. П., Беляева Г. С., 2021

но разработана, но и не обрела еще своей понятийной определенности» [Горшенев 1985, с. 151]. Выраженная авторами данной монографии мысль подтверждает, что ранее процессуально-правовой режим не являлся предметом самостоятельного научного исследования, да и в анализируемом труде он рассматривается как элемент процессуальной формы, т. е. не самостоятельно.

Вместе с тем уже в 80-е гг. прошлого века было признано существование процессуально-правового режима отдельно от материально-правовой его разновидности, а следовательно, под сомнение не ставились ни его самостоятельная (вспомогательная, обслуживающая), ни аутентичная юридическая сущность и содержание.

В более поздней работе под редакцией В. М. Горшенева дается определение процессуального режима как «атмосферы четко налаженного порядка рассмотрения юридического дела и наиболее эффективного его результата, запрограммированного определенным нормативным предписанием» [Горшенев 1990, с. 144]. Из данной дефиниции процессуально-правового режима обоснованным следует признать такой сущностный признак, как определение последнего в качестве именно «порядка» рассмотрения юридического дела, а также указание на эффективность результата как основополагающей цели процессуально-правового режимного регулирования.

В свою очередь Н. Н. Вопленко под процессуальным режимом понимает «качественно однородную совокупность процессуальных требований, обусловливающих своеобразие правоприменительной деятельности по рассмотрению и разрешению однородных юридических дел», включая «нормы этики, эстетики, обычаи, т. е. всю сумму социальных факторов, определяющих атмосферу правоприменительного производства» [Вопленко 1983, с. 68–69]. Такой достаточно распространительный подход к анализируемой категории имеет право на существование, однако главным для нас в этом определении является указание ученого на процессуальные требования как основной составляющей данного вида правового режима.

Процессуальный режим в качестве «формальной категории юридического процесса» упоминается А. А. Павлушиной, однако достаточно фундаментальное исследование данного автора не содержит определения анализируемого понятия, а ограничивается лишь указанием на то, что «понятие правового режима нечасто и неохотно употребляется применительно к характеристике процесса» [Павлушина 2005, с. 328–329].

Применительно к характеристике комплексных процессуально-правовых средств С. К. Струнков определяет процессуально-правовой режим как «особый порядок регулирования с помощью специально-правовых средств» [Струнков 2005, с. 32]. В предпринятой попытке определения процессуально-правового режима содержатся такие (уже известные юридической науке) признаки, как порядок правового регулирования и правовые средства его обеспечения. В то же время нельзя говорить и о завершенности предложенного С. К. Струнковым определения процессуально-правового режима, поскольку автор не объясняет, в чем состоит данный особый порядок, какие специально-правовые средства имеются в виду, да и краткость определения не дает возможности раскрыть ни сущности, ни содержания рассматриваемого понятия.

Попытка более детального определения процессуально-правового режима предпринята А. В. Рыбиным: «…нормативно оформленная обстановка, ситуация (в рамках которой протекает юридический процесс), обеспечивающая оптимальные условия для деятельности всех субъектов процесса, а также способы ее осуществления и реально сложившиеся гарантии обеспечения процессуальной деятельности» [Рыбин 2011, с. 48]. Данный ученый правильно называет такие элементы процессуального режима, как «способы осуществления» и «гарантии обеспечения процессуальной деятельности». Однако, полагаем, использовать для определения юридического понятия термины, не имеющие юридического содержания («обстановка», «ситуация»), не представляется оправданным, ибо последние не только не добавляют определенности в дефинируемое понятие, но и затрудняют восприятие его сущности и содержания.

Достаточно часто понятие «процессуальный режим» встречается и в отраслевой юридической литературе, однако, как правило, подобные исследования не содержат его дефиниции, более того, достаточно часто он отождествляется со смежными, но далеко не идентичными понятиями, такими как «процессуальная форма», «процессуальное производство», «процессуальный механизм» и т. д. Мы не будет останавливаться подробно на данном аспекте, поскольку это тема для самостоятельного научного исследования, вместе с тем заметим, что отраслевые юридические исследования также не дают однозначного ответа на вопрос, в чем состоит сущность (признаки) процессуально-правового режима, каковы его содержание и юридическая природа.

Интересен и тот факт, что термин «процессуальный режим» можно встретить и в зарубежной юридической науке, где под ним понимается «своеобразная организационная среда конкретного юридического дела, а именно конкретные судебные органы, определенные процессуаль-

ные правоотношения, формы участия в процессе» [Scheffer 2007].

Суммируя вышесказанное, попытаемся сформулировать систему сущностных признаков процессуально-правового режима с тем, чтобы выработать его авторское определение.

Так, в качестве признака процессуально-правового режима можно назвать то, что он направлен на *правовое регулирование процессуальной деятельности субъектов и участников юридического процесса.* Детальное описание процессуального режима в нормативном правовом акте позволяет соответствующим субъектам и участникам использовать весь арсенал процессуальных средств, требуемых для рассмотрения и разрешения юридического дела. Например, процессуальный режим производства в суде апелляционной инстанции в административном судопроизводстве определяет суды, рассматривающие апелляционные жалобы, представления; порядок подачи апелляционных жалобы, представления; срок подачи апелляционных жалобы, представления; содержание апелляционных жалобы, представления; действия суда первой инстанции после получения апелляционных жалобы, представления и т. д. (гл. 34 КАС РФ).

В этом аспекте следует согласиться с мнением О. С. Родионова о том, что «возможность регулярного и беспрепятственного ознакомления с действующими правилами настраивает субъектов права определенным образом, формируя в них уважение к закону, подсознательно воспринимаемому в качестве и навечно закрепленной конструкции» [Родионов 2001, с. 36].

Благодаря процессуальному режиму с первых стадий юридического процесса субъекты права получают возможность определиться со своим процессуальным статусом и тем самым узнать, как о позитивных моментах участия в процессе на всем его протяжении, так и о возможной ответственности за нарушение требований процессуального режима. Так, согласно ст. 295 КАС РФ лица, участвующие в деле, заранее информируются о праве апелляционного обжалования решения суда, порядке ее подачи (ст. 297 КАС РФ), сроках (ст. 298 КАС РФ), основаниях оставления апелляционной жалобы без движения (ст. 300 КАС РФ), возвращения жалобы (ст. 301 КАС РФ).

Однако в данном случае необходимо отметить, что, в отличие от материально-правового режима, в котором регулируются права и обязанности (полномочия) субъектов права по отношению к какому-либо объекту, процессуально-правовой режим направлен на регламентирование правовыми средствами порядка деятельности субъектов и участников юридического процесса.

Следующим признаком процессуального режима является *особый состав его субъектов.*

В орбиту процессуально-правового режима включены субъекты и участники юридического процесса. Субъекты юридического процесса – это государственные органы и их должностные лица (дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья и т. д.); круг участников юридического процесса составляют лица, своими действиями способствующие субъектам юридического процесса в достижении поставленной цели, а именно, свидетели, специалисты и т. д.

Процессуально-правовой режим имеет также *специфическую цель,* наличие которой выступает следующим признаком процессуально-правового режима. В отличие от режима материального, направленного на создание наиболее эффективных условий для удовлетворения законных интересов субъектов права, цель процессуально-правового режима состоит в обеспечении особого порядка (регламента, процедуры), установленного процессуальными нормами, служащего законному и обоснованному рассмотрению и разрешению юридических дел.

В качестве признака процессуально-правового режима необходимо отметить и *особый порядок регулирования* общественных отношений. Процессуальными средствами в рамках избранного процессуально-правового режима создаются специфические условия, основанные на специальных дозволениях, запретах, ограничениях и т. д., также служащие законному и обоснованному рассмотрению и разрешению юридических дел в зависимости от сложившейся ситуации.

Например, законодатель, учитывая специфику такой категории субъектов права, как несовершеннолетние, гл. 50 УПК РФ определяет особый порядок производства по делам в отношении несовершеннолетних, а именно: установление возраста несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, уровень психического развития, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (ст. 421 УПК РФ).

Данный процессуальный режим предусматривает специальные гарантии для несовершеннолетних, отличающие его от общего порядка производства по уголовному делу. Так, ст. 425 УПК РФ закрепляется, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 ч, а в общей сложности более 4 ч в день; в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого участвует защитник, который вправе задавать ему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей; в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достиг-

шего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Такой признак, характерный для правовых режимов, *как создание благоприятных (неблагоприятных) условий для удовлетворения прав и законных интересов субъектов права,* с нашей точки зрения, не является существенным в режиме процессуальном.

Процессуально-правовой режим, направленный на обеспечение юридического процесса, по своей сути не может создавать для одних субъектов и участников юридического процесса благоприятные условия, а для других неблагоприятные; он определяет именно специальный регламент законного поведения субъектов. Можно говорить о наличии особых процессуальных режимов (например, производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц – гл. 52 УПК РФ), однако здесь речь идет именно о специальной процедуре действий в отношении отдельных категорий субъектов и участников юридического процесса, обусловленных их особым правовым статусом (например, возрастом в отношении несовершеннолетних).

Наиболее дискуссионным признаком процессуально-правового режима является наличие у него особой структуры. И если системность и комплексность рассматриваемого объекта под сомнение не ставятся, то определение набора составляющих его компонентов вызывает в юридической науке вопросы.

Первые попытки определения структуры процессуально-правового режима, как и его понятия, были предприняты в 80-е гг. XX в. Процессуально-правовой режим воспринимается как «многозвенная структура, состоящая из принципов, действующих в сфере процессуальной деятельности, совокупности способов и средств реализации указанных принципов, а также как системы гарантий обеспечения процессуальной деятельности, правового статуса субъектов процесса» [Горшенев 1985, с. 152].

В настоящее время под процессуальным режимом понимается «комплексное понятие, структурно включающее в себя систему принципов, регулирующих ту или иную процессуальную деятельность, четко регламентированные способы осуществления процессуальных действий, а также совокупность гарантий обеспечения процессуальной деятельности» [Рыбин 2011, с. 49]. Некоторые ученые добавляют в структуру рассматриваемого понятия, помимо принципов, и «задачи юрисдикционной деятельности, а также условия реализации прав и обязанностей соответствующих субъектов» [Гальперин 2009, с. 7].

Полагаем, что при всей справедливости высказанных точек зрения, они нуждаются в некотором уточнении. Центральным элементом процессуально-правового режима мы считаем процессуально-правовые средства – процессуальные нормы, отношения, гарантии, процессуальную ответственность и т. д., без которых невозможно регламентировать процессуальную деятельность. Только путем правильного определения, сочетания и применения процессуально-правовых инструментов может быть реализовано главное назначение процессуально-правового режима – законное и обоснованное рассмотрение и разрешение юридических дел. Все остальные элементы (принципы процессуального права, задачи юрисдикционной деятельности, способы процессуально-правового регулирования, выделяемые вышеназванными авторами), безусловно, создают особую атмосферу (настрой) процессуально-правового регулирования, но не являются при этом основными, режимообразующими.

Суммируя выделенные нами признаки процессуально-правового режима, можно предложить следующее его определение: процессуально-правовой режим есть *основанный на определенном сочетании процессуально-правовых средств и принципов особый порядок процессуально-правового регулирования деятельности субъектов и участников юридического процесса, направленный на законное и обоснованное рассмотрение и разрешение юридических дел.*

Список цитируемых источников

Вопленко 1983 – *Вопленко Н. Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.

Гальперин 2009 – *Гальперин М. Л.* Ответственность в современном гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2009. 26 с.

Горшенев 1985 – Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища шк., 1985. 192 с.

Горшенев 1990 – Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства / под ред. В. М. Горшенева. Харьков : Основа, 1990. 173 с.

Павлушина 2005 – *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара : СГЭА, 2005. 478 с.

Родионов 2001 – *Родионов О. С.* Механизм установления правовых режимов российским законодательством : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 157 с.

Рыбин 2011 – *Рыбин А. В.* Процессуальный режим: понятие и структура // Вопросы экономики и права. 2011. № 39. С. 47–50

Струнков 2005 – *Струнков С. К.* Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 187 с.

Scheffer 2007 – *Scheffer T.* File work, legal care, and professional habitus – an ethnographic reflection on different styles of advocacy // International J. of the Legal Profession. 2007. Vol. 14, no. 1. P. 57–80.

References

Gal'perin, M. L. (2009), Liability in modern civil proceedings, Abstract of Ph. D. dissertation, civil procedure, arbitration procedure, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Gorshenev, V. M. (ed.) (1985), *Teoriya yuridicheskogo protsess* [The theory of the legal process], Vishcha shkola, Kharkov, USSR.

Gorshenev, V. M. (ed.) (1990), *Fundamental`ny`e problemy` koncepcii formirovaniya sovetskogo pravovogo gosudarstva* [Fundamental problems of the concept of the formation of the Soviet legal state], Osnova, Kharkov, USSR.

Pavlushina, A. A. (2005), *Teoriya yuridicheskogo protsessa: itogi, problemy`, perspektivy` razvitiya* [Theory of legal process: results, problems, development prospects], SGAP, Samara, Russia.

Rodionov, O. S. (2001), Mechanism for establishing legal regimes by Russian legislation, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Ry'bin, A. V. (2011), "Procedural mode: the concept and structure", *Voprosy' ekonomiki i prava,* no. 39, pp. 47–50.

Scheffer, T. (2007), "File work, legal care, and professional habitus – an ethnographic reflection on different styles of advocacy", *International J. of the Legal Profession,* vol. 14, no 1, pp. 57–80.

Strunkov, S. K. (2005), Procedural and legal means: problems of theory and practice, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Voplenko, N. N. (1983), *Sotsialisticheskaya zakonnost` i primenenie prava* [Socialist legality and the application of the law], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, USSR.

Информация об авторах

Беляев Валерий Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; belvp46@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна,
доктор юридических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация; belyaeva_g@bsu.edu.ru

Information about the authors

Belyaev Valery P.,
doctor of law, professor, South-West State University, Kursk, Russian Federation; belvp46@mail.ru

Belyaeva Galina S.,
doctor of law, professor, Belgorod State National Research University, Belgorog, Russian Federation; belyaeva_g@bsu.edu.ru

Для цитирования

Беляев В. П., Беляева Г. С. Процессуально-правовой режим: к вопросу о понятии и признаках // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 120–124.

For citation

Belyaev, V. P. and Belyaeva, G. S. (2021), "Procedural legal regime: to the question of the concept and features", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 120–124.

УДК 340.1

Б. Б. Бидова[1]
[1]*Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация*

B. B. Bidova[1]
[1] *Chechen State University, Grozny, Russian Federation*

Функции правового обеспечения национальных интересов

The functions of the legal protection of national interests

Ключевые слова: интересы; национальные интересы; реализация национальных интересов; функции государства; функции права; функции реализации национальных интересов.

Аннотация. В статье отмечается, что решающее значение для правового обеспечения национальных интересов имеют главные, определяющие правовые функции общего характера, такие как: правоустанавливающая, правореализующая и правоохранительная. В соответствии с целями, стоящими перед правовым обеспечением национальных интересов, автор называет следующие «целевые» функции правовой реализации национальных интересов: обеспечение социальной справедливости, стабильности и согласия в обществе; обеспечение безопасности личности, общества и государства; поддержание устойчивости национальной экономики и ее потенциала (в том числе и путем реализации национальных целей и национальных проектов); повышение уровня качества деятельности органов государства и публичной власти, институтов гражданского общества по реализации конституционных и иных прав и свобод, законных интересов граждан и общественных интересов и некоторые другие.

Key words: interests; national interests; realization of national interests; functions of the state; functions of law; functions of realization of national interests.

Abstract. This article notes that the main general legal functions, such as the title, enforcement and law enforcement functions, are crucial for the legal protection of national interests. In addition, in accordance with the goals facing the legal protection of national interests, such «target» functions of the legal realization of national interests are called: ensuring social justice, stability and harmony in society; Ensuring the security of the individual, society and the State; sustaining the national economy and its capacity (including through the implementation of national objectives and national projects); improving the quality of the activities of State bodies and public authorities, civil society institutions in the implementation of constitutional and other rights and freedoms, legitimate interests of citizens and public interests, and some others.

Согласно словарю С. И. Ожегова понятие «функция» толкуется следующим образом: это «деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений (например, функция органов чувств, функция денег); в социологии – роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д. в обществе)»[1].

В правовой науке чаще всего функция ассоциируется с направлением какой-либо деятельности, и этот подход мы возьмем за основу при изучении функций правового обеспечения реализации национальных интересов.

Так называемый традиционный подход к типологии функций государства был сформирован еще в середине прошлого века: выделялись главные и производные функции, а также внутренние и внешние. Примечательно, что в научной мысли того периода имело место определенное стремление отступить от признанной всеми типологии функций государства. Одним из таких направлений стала доктрина сокращения числа функций государства, а, точнее, попытки оставить только две функции: внешнюю и внутреннюю.

Другая тенденция заключалась в стремлении расширить численность функций и максимально их конкретизировать. Следовательно, происходила, полагаем, несколько хаотичная и бессистемная детализация функций государства по причине отсутствия целостных, однозначных критериев, которые, собственно, являются основой всякой типологии. Такая ситуация имела место тогда, когда практически все исследователи соглашались, что существуют такие функции, как внешняя и внутренняя; многие из них представляли разные вариации классификации этих функций (кстати, такое положение дел сохраняется и в настоящее время).

Сегодня теоретики права (Н. Г. Александров, М. И. Байтин, А. И. Денисов, Л. И. Загайнов, А. П. Косицын, Г. Н. Манов, Н. П. Фарберов и др.) по-прежнему уделяют функциям государства достаточное внимание, высказывают различные мнения о них.

[1] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2015. С. 1039.

© Бидова Б. Б., 2021

Относительно современного понятия функций государства и их признаков Л. А. Морозова отмечает, что «…функции государства можно определить как основные направления его деятельности по управлению обществом, включая механизм государственного воздействия на развитие общественных процессов. Существенными признаками функций государства являются: устойчиво сложившаяся предметная деятельность государства в той или иной сфере общественной жизни; непосредственная связь между сущностью государства и его социальным назначением, которая реализуется посредством соответствующих функций; направленность функций государства на выполнение конкретных задач и достижение тех или иных целей, которые встают на каждом историческом этапе развития общества; реализация функций осуществляется в определенных формах (чаще всего правовых) и особыми методами, присущими государственной власти» [Морозова 2018, с. 135].

Таким образом, согласно данному подходу функции государства – это не только основные направления его деятельности, но и механизм государственного воздействия на развитие общественных процессов, а также, добавим, и на реализацию национальных интересов. И в этом еще раз отметим диалектическую связь механизма государственного воздействия (по Л. А. Морозовой) и реализации национальных интересов.

Л. А. Морозовой «предлагается выделять пять групп общих функций: 1) экономическая, содержание которой составляет обеспечение нормального функционирования и развития экономики, организации внешнеэкономических связей и т. д.; 2) политическая, или функция безопасности, которая направлена на обеспечение государственной и общественной безопасности, социального и национального согласия, охрану суверенитета; 3) социальная, содержание которой составляют охрана прав и свобод населения, осуществление мер по удовлетворению социальных потребностей людей, поддержание необходимого уровня жизни населения, создание надлежащих условий для труда, его оплаты, быта и др.; 4) идеологическая, которая имеет целью поддержание определенной идеологии, в том числе религиозной, организацию образования, поддержание науки, культуры и т. д.; 5) экологическая, связанная с охраной окружающей среды» [Морозова 2018, с. 135].

Если проанализировать сущность и содержание каждой из перечисленных выше функций, то нетрудно заметить их тесную корреляцию с необходимостью полного удовлетворения различных потребностей государства, общества и личности, следовательно, и с главной целью механизма реализации национальных интересов (чем и обусловлено несколько обширное цитирование).

В продолжение, не останавливаясь на подробном рассмотрении подходов к классификации функций государства, представленных такими учеными, как А. П. Зеркин, В. Г. Игнатов, И. Ф. Ракитская, В. Е. Чиркин [Зеркин, Игнатов 2000, с. 38; Ракитская 1977, с. 131; Чиркин 1999, с. 101], сделаем акцент на том, что единичные функции государства являются только условно автономными факторами общей монолитной по своей сущности функциональной его деятельности по созданию, защите и фактическому воплощению того или иного государственного правопорядка [Нерсесянц 2012, с. 258].

Полагаем, что в качестве главных, определяющих функций общего характера, приводящих, в том числе и к реализации национальных интересов посредством обеспечительного механизма, можно выделить следующие:

а) правоустанавливающая функция, сопряженная с введением в процесс реализации всего спектра норм существующего права;

б) правореализующая функция, связанная с непосредственной реализацией нормативных предписаний, регулирующих поведение всех коллективных и индивидуальных субъектов права;

в) правоохранительная функция, сопряженная с охраной и поддержанием, собственно, права в интересах обеспечения прав и свобод личности, установления законности и правовопорядка во всех областях социального бытия.

Заметим, что отдельные авторы к правоохранительным функциям добавляют еще и функцию государственного обеспечения безопасности личности, общества и государства, т. е. фактически обеспечения реализации национальных интересов: «Функции государства являются объектом исследования многих специалистов. Для формирования отечественного учения о функциях государства происходят различные попытки по сбору, обобщению, научно-правовому анализу и последующей трансляции необходимых знаний для заинтересованного научного сообщества». При рассмотрении данного вопроса из всех имеющихся видов функций государства, которые актуальны для современного научного обоснования в отечественном научном сообществе, выделяются «правоохранительные функции и функции государственного обеспечения безопасности личности, общества и государства» [Минц 2019, с. 27].

Предложенные подходы позволяют рассматривать такие, скажем, блоковые, главные, общие функции правоустановления, правореализации и правоохраны в качестве определяющих, основных функций любого государства вне зависимости от его принадлежности к тому или иному историческому типу. Иначе говоря, они нам видятся универсальной базой типологии ключевых направле-

ний деятельности государства современного типа – нашего государства, и в этом качестве они обусловливают функциональность механизма реализации национальных интересов.

Руководствуясь этим тезисом, можно сделать следующие методологически значимые заключения (выводы):

а) именно потребность в осуществлении указанных функций в обстановке эволюционирования государственности, когда процессы правового регулирования жизнедеятельности общества становятся более сложными, предопределила создание разных ветвей власти: в политико-правовой плоскости – быть инструментом ослабления избыточно централизованной власти; в координационно-правовой плоскости – налаживать профессиональное осуществление целей правоустановления, правореализации и правозащиты;

б) существующее «традиционное» разделение государственной власти на три ветви – это всего только одна из потенциальных модификаций организации монолитной по своей природе государственной власти, модификация, подходящая одному из этапов истории зарождения государственности и формирования правового учения; в процессе последующего эволюционирования правовой государственности могут появиться и другие ветви власти, например контрольная;

в) универсальность рассматриваемых функций обусловлена возможностью их реализации и внутри страны, и за ее пределами; деятельность государства, выступающего также в роли субъекта межгосударственных отношений, фактически детерминируется областью правоустановления, правореализации и правоохраны.

Все изложенное дает возможность для вывода о том, что решающее значение для правовой реализации национальных интересов имеют главные, определяющие функции общего характера, такие как: правоустанавливающая, правореализующая и правоохранительная функции. При этом надо иметь в виду, что все названные функции практически производны от магистральной функции – функции правового регулирования (регулятивной) как важнейшей части правового воздействия на общественные отношения.

Кроме того, в соответствии с целями, стоящими перед механизмом реализации национальных интересов (его главной целью, естественно, выступает успешная их реализация), следует назвать и такие (по мнению отдельных авторов, целевые [Хмелевский 2011]) функции, как: обеспечение социальной справедливости, стабильности и согласия в обществе; обеспечение безопасности личности, общества и государства; поддержание устойчивости национальной экономики и ее потенциала (в том числе и путем реализации национальных целей и национальных проектов); повышение уровня качества деятельности органов государства и публичной власти, институтов гражданского общества по реализации конституционных и иных прав и свобод, законных интересов граждан и общественных интересов; равноправное и продуктивное сотрудничество с другими государствами и некоторые другие.

Наряду с ними, производными от уже названных функций реализации национальных интересов, выделим и такие, более узкие, функции, как: мониторинг внешних и внутренних угроз защищенности национальных интересов и осуществление на этой основе превентивных мер по их нейтрализации; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области правового обеспечения национальных интересов; реальная защищенность национальных интересов в их устойчивом развитии на перспективу; информационная и воспитательная функции и др.

При этом следует иметь в виду, что все вышеназванные функции могут быть постоянными и временными. Однако поскольку все они в научной литературе должным образом изучены, полагаем возможным ограничиться только их перечислением, что вполне достаточно определиться с их ролью и значением для правового обеспечения национальных интересов, включая их реализацию.

В то же время подчеркнем, что функции реализации национальных интересов в первую очередь зависят от выявления масштабов, характера и реальности опасностей и угроз в социальной, экономической, политической, правовой и иных сферах, позволяющих предупредить и пресечь эти угрозы для обеспечения защищенности и устойчивого развития жизненно важных потребностей личности, общества и государства, успешной реализации национальных интересов.

Характерно, что функции реализации национальных интересов осуществляются не только внутри государства, но и на международной арене, что обусловливает необходимость участия в мероприятиях по обеспечению реализации национальных интересов за пределами Российской Федерации на основании международных договоров и соглашений.

Список цитируемых источников

Зеркин, Игнатов 2000 – *Зеркин А. П., Игнатов В. Г.* Основы теории государственного управления. М. : Тесса ; Ростов н/Д : МарТ, 2000. 445 с.

Миц 2019 – *Миц Д. С.* Антитеррористическая функция Российского государства: понятие и основные признаки // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2019. Т. 23, № 1. С. 27–47.

Морозова 2018 – *Морозова Л. А.* Избранные статьи. М. : РГУП, 2018. 392 с.
Нерсесянц 2012 – *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2012. 560 с.
Ракитская 1977 – *Ракитская И. Ф.* Теория государства и права. М. : Юрид. лит., 1977. 471 с.
Хмелевский 2011 – *Хмелевский С. В.* Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 152–161.
Чиркин 1999 – *Чиркин В. Е.* Государствоведение. М. : Юристъ, 1999. 398 с.

References

Chirkin, V. E. (1999), *Gosudarstvovedenie* [State Studies], Yurist", Moscow, Russia.
Khmelevsky, S. V. (2011), "The modern system of national security of Russia: structural and functional analysis", *Sotsial'no-politicheskie nauki,* no. 1, pp. 152–161.
Mits, D. S. (2019), "The anti-terrorist function of the Russian State: concept and main features", *Vestnik RUDN, Seriya "Yuridicheskie nauki"*, vol. 23, no. 1, pp.27–47.
Morozova, L. A. (2018), *Izbranny'e stat'i* [Selected articles], RGUP, Moscow, Russia.
Nersesyants, V. S. (2012), *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state], Norma-INFRA-M, Moscow, Russia.
Rakitskaya, I. F. (1977), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.
Zerkin, A. P. and Ignatov, V.G. (2000), *Osnovy' teorii gosudarstvennogo upravleniya* [Fundamentals of the theory of public administration], Tessa, MarT, Moscow, Rostov-on-Don, Russia.

Информация об авторе

Бидова Бэла Бертовна,
кандидат юридических наук, доцент, Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация; bela_007@bk.ru

Information about the author

Bidova Bela. B.,
PhD (law) associate professor, Chechen State University, Grozny, Russian Federation; bela_007@bk.ru

Для цитирования
Бидова Б. Б. Функции правового обеспечения национальных интересов // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 125–128.

For citation
Bidova, B. B. (2021), "The functions of the legal protection of national interests", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 125–128.

УДК 340+004

Р. Б. Головкин[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Цифровая форма правоотношений

Digital form of legal relations

Ключевые слова: правоотношения; цифровые технологии; цифровые права; цифровая форма правоотношений; цифровое законодательство; информационные системы, признаваемые законодательством; цифровые правоотношения.

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых отношений, которые возникают, развиваются и прекращаются на основе современных цифровых технологий. Автор анализирует современное законодательство, устанавливающее возможность цифровой регламентации; выявляет цифровые особенности и свойства правовых отношений, а также правовые свойства самих цифровых технологий как объектов правоотношений; формулирует дефиниции понятий «цифровая форма правоотношений», «цифровое правоотношение».

Key words: legal relations; digital technologies; digital rights; digital form of legal relations; digital legislation; information systems recognized by legislation; digital legal relations.

Abstract. The article is devoted to the study of legal relations that arise, develop and terminate on the basis of modern digital technologies. The article analyzes the current legislation that establishes the possibility of digital regulation. In the process of research, digital features and properties of legal relations are established, as well as the legal properties of digital technologies themselves as objects of legal relations. The definition of the digital form of legal relations, as well as the concept of digital legal relations, are proposed.

Развитие современных цифровых средств коммуникации как бы сблизило субъектов правоотношений, предоставив им возможности, ранее недоступные: это и мгновенная связь, и качественная видеокоммуникация, и осуществимость общения сразу с множеством респондентов. Цифровые технологии, выражающиеся в возможности воздействия вычислительной цифровой электроники, прежде всего компьютеров и других видов электроники, электротехники на социальные связи и процессы, – это инструмент современного преобразования жизни общества[1]. Не случайно сегодня на уровне государства поставлена задача развития цифровых технологий, обеспечивающих все сферы жизнедеятельности общества[2]. Такие глобальные изменения не могли не затронуть и сферу правоотношений.

Традиционно правоотношения в юриспруденции рассматриваются как разновидность общественных отношений, урегулированных правом, которые выражаются в виде взаимодействия субъектов по поводу объектов правоотношений на основании их субъективных прав и юридических обязанностей [Иоффе 2000, с. 665]. Исходя из традиционных концепций правоотношений, внешне правоотношения проявляются в юридических актах – в поведении на основании субъективных прав и юридических обязанностей и юридических актах – документах, регулирующих и устанавливающих субъективные права и юридические обязанности, как правило, на бумажном носителе юридической информации, соответствующим образом оформленной.

Широкое внедрение цифровых технологий, с одной стороны, потребовало от государства регламентации их применения, а с другой стороны, эти технологии стали вполне самостоятельным средством юридической техники. Обе представленные стороны затрагивают проблему внешнего выражения, т. е. формы современных правовых отношений.

Активное внедрение в последние годы цифровых технологий в общественные отношения позволило придать правовым отношениям цифровую форму. Первый этап оформления правоотношений – это придание цифровой формы правоотношениям, возникающим по поводу использования цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности общества. Иными словами, цифровые технологии и производные от них выступают в качестве объектов правоотношений. Анализ законодательства[3], обусловливающего

[1] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1673645 (дата обращения: 02.12.2020).

[2] Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» : [утв. президиумом Правит. комис. по цифровому развитию, использованию информ. технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимат. деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/ (дата обращения: 02.12.2020).

© Головкин Р. Б., 2021

[3] См., напр.: ГОСТ Р 33.505-2003. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием : [принят и введен в действие постановлением Госстандарта России от 29 июля 2003 г. № 255-ст]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200032423 (дата обращения: 02.12.2020) ; О цифровых финансовых ак-

данный тип правоотношений, позволяет выявить некоторые их особенности.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что правовые нормы, устанавливающие обстоятельства инициации правоотношений в сфере использования цифровых технологий, узаконивают технический понятийно-категориальный аппарат, трансформируют его в систему юридических дефиниций.

Так, в п. 3.17. ГОСТ Р 33.505-2003 закрепляется определение цифровых технологий, которые рассматриваются как «технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой».

В п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 1598 (в ред. от 2 июля 2020 г.) юридизируется понятие «сквозная цифровая технология», которая определяется в качестве «части технологического процесса производства товаров, оказания услуг и выполнения работ, представляющая собой совокупность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, обеспечивающих в ходе хозяйственной деятельности по производству (поставке) товаров, оказанию услуг и выполнению работ достижение одного или нескольких из следующих результатов».

В целом следует отметить позитивность выявленного тренда в развитии цифровых правоотношений, так как именно понятийный ряд позволяет грамотно и эффективно инициировать и осуществлять данный тип правоотношений. Вместе с тем терминологические неточности и неопределенность приводят к обратному эффекту и юридическим ошибкам, которые могут повлечь нарушение прав человека в данной сфере правового регулирования. Например, приведенная выше дефиниция понятия «цифровые технологии» нарушает правила построения определения понятий, когда нельзя строить новую дефиницию на основе неопределенного явления[1] («цифровые технологии – это технологии…»). В данном случае понятие, обозначаемое термином «технологии», требует разъяснения, так как оно неоднозначно трактуется.

В справочной литературе технология трактуется как совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата[2]. К началу XX в. термин «технология» охватывал совокупность средств, процессов и идей в дополнение к инструментам и машинам. К середине столетия понятие определялось такими фразами, как «средства или деятельность, с помощью которых человек изменяет свою среду обитания и манипулирует ею»[3].

По некоторым оценкам, сегодня «технология является сравнительно новым, многогранным термином, точное определение которого ускользает из-за постоянного развития смысла этого понятия»[4].

Следовательно, для правильного формирования цифровых правоотношений на основе рассматриваемой дефиниции его целесообразно скорректировать с учетом раскрытия содержания термина «технологии». Например, цифровые технологии – это совокупность инструментов, методов и средств, основанных на применении электронно-вычислительной аппаратуры для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой с целью воздействия на природу, общество и человека.

тивах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 авг. ; Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» ; Об установлении особенностей применения положений Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» к правоотношениям, возникающим в связи с установлением и реализацией экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению «предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 дек. 2020 г. № 1978. URL: http://government.ru/docs/all/131231/ (дата обращения: 14.12.2020) ; Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий в рамках поддержки проектов по преобразованию приоритетных отраслей экономики и социальной сферы на основе внедрения отечественных продуктов, сервисов и платформенных решений, созданных на базе «сквозных» цифровых технологий, с применением льготного кредитования : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 дек. 2019 г. № 1598 (в ред. от 2 июля 2020 г.). URL: https://goverment.ru/docs/38590/ (дата обращения: 02.12.2020) ; Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий : приказ Росстата от 30 июля 2020 г. № 424. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359374/ (дата обращения: 02.12.2020).

[1] Пункт 5.4.4 ГОСТ Р ИСО 704-2010 устанавливает, что определение понятия требует знания характеристик, используемых для разработки понятий (ГОСТ Р ИСО 704-2010. Терминологическая работа. Принципы и методы: [принят и введен в действие приказом Росстандарта от 21 дек. 2010 г. № 879-ст] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [сайт]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200086162 (дата обращения: 10.12.2020).

[2] *Некрасов С. И., Некрасова Н. А.* Философия науки и техники : тем. слов. Орёл : ОГУ, 2010.

[3] History of technology URL: https://www.britannica.com/technology/history-of-technology (дата обращения: 10.12.2020).

[4] Технология. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 10.12.2020).

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 25-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» «цифровые инновации – новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях»[1].

Полагаем, что и в представленной дефиниции требует разъяснения термин «цифровые». В связи с данным обстоятельством целесообразно было бы изложить данную норму-дефиницию в следующей редакции: цифровые инновации – это новые или существенно улучшенные социальные продукты (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности), процессы и методы организации социальных взаимодействий по поводу социальных продуктов и процессов, осуществляемые на основе применения электронно-вычислительной аппаратуры для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой.

Важным моментом, отраженным в законодательстве, которое регламентирует использование цифровых технологий в правовом регулировании, выступает и факт трансформации технических норм в технико-юридические предписания. Так, согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее: ФЗ № 259) совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, признаются цифровой валютой. В ч. 6 этой же статьи ФЗ № 259 фиксируется техническая норма, регламентирующая функционирование информационных систем применительно к выпуску цифровых финансовых активов и цифровых прав. Часть 1 ст. 4 ФЗ № 259 также наделяет технические нормы юридическим содержанием: здесь указывается, что цифровые финансовые активы учитываются в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы.

Из анализа правовых актов, регламентирующих использование цифровых технологий в регулировании общественных отношений, знаменующих первый этап цифровизации правоотношений, можно заключить, что первичные цифровые правоотношения возникают по поводу использования цифровых средств в качестве инструментов юридической техники и правового регулирования в целом. Данный вывод подтверждается нормой ч. 5 ст. 5 ФЗ № 259, где устанавливается, что выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов являются объектом специализированных правоотношений. Или, например, об инструментальном характере цифровизации отношений на основе права свидетельствует постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 1978, где устанавливается, что данный нормативный-правовой акт определяет особенности реализации правоотношений, возникающих в связи с установлением и реализацией экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.

Не менее важно и то обстоятельство, что, наряду с правосубъектностью участников самого цифрового правоотношения, возникают права и обязанности у провайдеров и операторов информационных систем и цифровых платформ, в рамках которых осуществляются цифровые правоотношения [Попондопуло 2019]. Данная особенность организации цифровых правоотношений выражается в том, что они фактически не могут осуществляться без деятельности третьих лиц, которые сами не являются участниками данных правоотношений.

В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[2], где указывается что правоотношения, складывающиеся по поводу порядка использования электронной подписи в корпоративных информационных системах, могут устанавливаться оператором данной системы.

Второй этап развития цифровых правоотношений – это расширение возможностей установления, изменения и прекращения правоотношений за счет применения цифровых правовых средств. Прежде всего данное суждение касается цифрового обеспечения дистанционных правоотношений.

Дистанционные правоотношения возникли сравнительно недавно, начиная с двухтысячных годов, правовые нормы, их устанавливающие, постоянно развиваются и охватывают правовым регулированием практически большинство сфер правоотношений современного общества[3]. Данные весьма зна-

[1] Российская газета. 2020. 6 авг.

[2] Российская газета. 2011. 8 апр.

[3] См., напр.: О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2020 г.) // Российская газета. 2013. 12 апр. ; О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2020 г.) // Там же. 2002. 2 нояб.; О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 марта 2016 № 471-р (в ред. от 25 июня 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 13, ст. 1880 ; О приватиза-

чительные массивы правовых норм когерируют дистанционные правоотношения с развитием цифровых технологий, которые, в свою очередь, обусловливают форму и содержание дистанционных правоотношений. Рассмотрим эту взаимосвязь на примере особенностей формы и содержания дистанционных образовательных и трудовых правоотношений.

Первое, на что следует обратить внимание, – это то, что дистанционные правоотношения в современных условиях развились в самостоятельное правовое явление именно за счет развития цифровых технологий. Безусловно, дистанционные правоотношения осуществлялись и могут дальше осуществляться на базе традиционных технологий, например, с использованием почтовой связи. Так, согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. 27 декабря 2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[1], регулирующей правоотношения по поводу реализации прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, эти обращения могут подаваться письменно, в том числе и по почте. И все же считаем, что именно цифровые технологии обусловили развитие дистанционных правоотношений, придав им цифровую форму и содержание.

Одну из форм цифровых дистанционных правоотношений устанавливает Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (далее: ФЗ № 273). Согласно контент-анализу ФЗ № 273 объектом образовательных правоотношений выступает надлежащего количества и качества обучение в соответствии с образовательной программой, коррелирующей Федеральному образовательному стандарту в различных формах, в том числе и в дистанционной.

Дистанционная форма образовательных правоотношений согласно анализу текста ФЗ № 273 внутреннюю форму (строение) правоотношений не меняет, так как у данного типа правоотношений, как и всех образовательных правоотношений, тот же объект, в целом те же субъекты и содержание в виде субъективных прав и юридических обязанностей. Однако данное умозаключение не исключает некоторых особенностей рассматриваемой формы образовательных правоотношений. Специфика выражается в электронной форме реализации субъективных прав и юридических обязанностей, которые в данном случае реализуются дистанционно на основе информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников (ч. 1 ст. 16 ФЗ № 273). Учитывая цифровой характер современной электроники и приведенное выше определение понятия цифровых технологий применительно к правоотношениям, можно заключить, что современные дистанционные образовательные отношения имеют специфическую цифровую форму их осуществления. При этом изменения в форме правоотношений внесли коррективы и в содержании данных правоотношений. Согласно ч. 3 ст. 16 ФЗ № 273 при осуществлении образовательных правоотношений в цифровой форме возникает ряд дополнительных обязанностей у участников этих правоотношений. Так, в образовательной организации должны быть условия для реализации цифровой образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся (ч. 3 ст. 16 ФЗ № 273). Кроме того, образовательная организация обеспечивает соответствующий применяемым технологиям уровень подготовки своих кадров для организации данной формы образования[2]. Образовательная организация имеет и дополнительные права в виде возможности самостоятельного определения порядка оказания образовательных услуг (ч. 1 ст. 28 ФЗ № 273). Организация вправе выбирать способ идентификации личности обучающегося и контроль соблюдения условий проведения мероприятий, в рамках которых осуществляется оценка результатов обучения (п. 6 приказа Минобрнауки России от 23 августа 2017 г. № 816).

В целом анализ содержания цифровых дистанционных образовательных правоотношений проявляет ситуацию, когда дополнительные субъективные права и юридические обязанности обучающихся дистанционно реализуются в результате корреспонденции этих прав и обязанностей с субъективными правами и юридическими обязанностями

ции государственного и муниципального имущества : федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Российская газета. 2002. 26 янв. ; Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Там же. 2012. 31 дек. ; Об электронной подписи : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) ; Трудовой кодекс Российской Федерации // Там же. 2001. 31 дек.

[1] Российская газета. 2006. 5 мая.

[2] Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ : приказ Минобрнауки России от 23 авг. 2017 г. № 816. П. 5. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.12.2020).

образовательных организаций. Это зеркальное отражение дополнительных прав и обязанностей образовательных организаций. Например, праву организации по собственному усмотрению идентифицировать личность обучающегося корреспондирует обязанность последнего выполнить данное требование образовательной организации. Или, например, обязанность образовательной организации иметь цифровые образовательные ресурсы порождает право у обучающегося требования выполнения данной обязанности организацией.

В пользу того, что дистанционные образовательные отношения являются в целом цифровыми правоотношениями как по форме, так и по содержанию, свидетельствует и тот факт, что данные правоотношения существуют в рамках цифрового пространства, создаваемого образовательной организацией (ч. 3 ст. 16 ФЗ № 273). Тем не менее, как представляется, полностью цифровыми образовательные отношения, даже при осуществлении исключительно электронного обучения, признать нельзя, так как чаще всего возникновение, изменение и прекращение данных правоотношений происходят традиционными способами. Следовательно, дистанционные правоотношения на основе цифровых технологий – это лишь цифровая форма (как внутренняя, так и внешняя) данного вида правоотношений.

О цифровом характере правоотношений в виде дистанционной работы прямо свидетельствуют новеллы трудового законодательства. Так, согласно ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее: ТК РФ), внесенной Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы»[1] дистанционное трудовое правоотношение в виде взаимодействия между работодателем и работником, связанное с выполнением последним трудовых функций, осуществляется на основе использовании информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет».

Цифровой характер может иметь и момент возникновения дистанционного трудового правоотношения, так как законом предусматривается возможность заключения договора о дистанционной работе путем обмена электронными документами (ст. 312.2 ТК РФ).

Вместе с тем, как и в случае с дистанционными образовательными отношениями, дистанционные трудовые правоотношения в полном объеме нельзя назвать цифровыми, так как и в данном случае это пока лишь цифровая форма правоотношений. Данный вывод обусловлен следующими обстоятельствами: во-первых, помимо цифровой формы заключения трудового договора, обязательна фиксация данного типа правоотношений на бумажном носителе (ч. 2 ст. 312.2 ТК РФ); во-вторых, дистанционная работа цифровой средой не исчерпывается, а цифровая среда выступает формой общения работодателя и работника.

В целом считаем, что цифровыми правоотношениями в буквальном толковании данного термина могут признаваться только те правоотношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. Перечень современных правоотношений, в полном объеме отвечающих признакам цифровых правоотношений, пока невелик. Среди подобных правовых взаимосвязей можно отметить, например, правоотношения по поводу цифровых финансовых активов (ФЗ № 259) и правоотношения по поводу цифровых прав (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), которые существуют в рамках признаваемых законом информационных систем. Большинство правоотношений, возникающих, осуществляемых либо прекращаемых с использованием цифровых технологий, цифровыми пока не являются, а выступают цифровой формой правоотношений.

Судя по тенденциям развития современных цифровых технологий и законодательства, легализующего экстраполяцию цифровых технологических приемов, средств, норм в систему регулирования общественных отношений, количественное проявление цифровой формы и содержания правоотношений будет существенно увеличиваться в ближайшем будущем в корреляционной зависимости от развития цифровых технологий.

Таким образом, следует различать цифровые формы правоотношений, в том числе дистанционных, и собственно цифровые правоотношения.

В связи с данным умозаключением можно предположить, что **цифровые формы правоотношений** – *это предусмотренные законом внутренние и внешние способы выражения, закрепления взаимных субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений по поводу различных объектов с использованием цифровых средств на основе применения электронно-вычислительной аппаратуры для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой, т. е. цифровых технологий.*

В свою очередь, **цифровые правоотношения** *– это разновидность общественных отношений, урегулированных правом и имеющих цифровую форму выражения и цифровое содержание, когда взаимные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений возникают, существуют и прекращаются с использованием цифровых средств в рамках информационных систем, признаваемых законодательством.*

[1] Российская газета. 2020. 11 дек.

Список цитируемых источников

Иоффе 2000 – *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2000. 777 с.

Попондопуло 2019 – *Попондопуло В. Ф.* Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

References

Ioffe, O. S. (2000), *Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu* [Selected works on civil law], Statut, Moscow, Russia.

Popondopulo, V. F. (2019), "Legal forms of digital relations", *Yurist,* no. 6, pp. 29–36.

Информация об авторе

Головкин Роман Борисович,

доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Information about the author

Golovkin Roman B.,

doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 129–134.

For citation

Golovkin, R. B. (2021), "Digital form of legal relations", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 129–134.

УДК 340:94(47).083

А. Е. Епифанов[1,2]
[1]*Волгоградский институт управления–филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация*
[2]*Астраханский государственный университет, Астрахань, Российская Федерация*

A. E. Epifanov[1,2]
[1]*Volgograd Institute of Management–branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation*
[2]*Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation*

Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в 1880–1905 гг.

The organization and activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire from 1880 to 1905

Ключевые слова: Министерр ство внутренних дел; Российская империя; полиция; государственный аппарат; общественный порядок; внутренняя безопасность; борьба с преступностью.

Аннотация. В статье с историко-правовых позиций раскрываются организационные и правовые основы деятельности Министерства внутренних дел Российской империи в 1880–1905 гг. С использованием различных источников автор анализирует эволюцию структуры, основных подразделений и направлений их деятельности в указанный период.

Key words: Ministry of the Intenal Affaires; Russian Empire; police; state apparatus; public order; internal security; fight against crime.

Abstract. The article reveals the organizational and legal foundations of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1880-1905 from a historical and legal standpoint. Using various sources, the author analyzes the evolution of the structure, main divisions and directions of their activities in the specified period.

После реформирования в 1880 г. Министерство внутренних дел (далее: МВД) Российской империи стало играть главную роль в государственном аппарате. Оно объединило в своей структуре самые разные ведомства, которые выполняли основную часть внутригосударственных функций, в результате чего оно стало обладателем решающих полномочий в политической, социальной и экономической сферах.

Определение места и изучение роли МВД в государственном механизме Российской империи, анализ важнейших направлений его деятельности, обобщение форм и методов управления позволяют раскрыть основные тенденции развития российского абсолютизма на рубеже XIX–XX вв., а также причины и условия революционных потрясений, наступивших в 1905 г.

В указанный период преобразования МВД были вызваны системной полицейской реформой 1880 г., а также буржуазно-демократической революцией, начавшейся в 1905 г. Согласно официальной точке зрения, закрепленной Высочайшим манифестом от 29 апреля 1881 г., необходимость «многотрудной работы» в изучаемой сфере определялась в двух основных направлениях. Прежде всего предполагалось искоренить смуту и установить государственный порядок, затем урегулировать и привести в стройную систему результаты предшествующей реформационной деятельности[1]. Как известно, в основу реорганизации МВД легли предложения созданной 12 февраля 1880 г. Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного строя и общественного порядка. Ее глава М. Т. Лорис-Меликов настаивал на необходимости сосредоточения в МВД функций по заведыванию всей общей (наружной) и политической полицией, органами земского и городского самоуправления, печатью с целью формирования твердой власти [Зайончковский 1964, с. 245]. 6 августа 1880 г. комиссия была распущена, а производство внутренних дел по официальной версии возвратилось к прежнему порядку. Однако объявленное при этом «некоторое расширение круга ведения Министерства внутренних дел» в действительности означало его коренные преобразования и превращение в важнейшее звено государственного аппарата.

В силу своей компетенции министр внутренних дел осуществлял нормотворчество, давал разрешение на созыв земских собраний, открытие публичных изданий и был вправе приостанавливать выход любого из них на срок до восьми месяцев, назначал на должности и снимал с них земских исправников и устанавливал пределы некоторых сборов. В рамках своих исключительных полномочий министр был наделен правом отстранения от должности членов Государственного Совета (впоследствии и Государственной думы), сенаторов, министров и иных высокопоставленных чиновников.

Министр внутренних дел не только нес ответственность за обширнейшую сферу государственной жизни, включая ее жизненно важные админи-

[1] Министерство внутренних дел. Исторический очерк: [1802–1902]. Спб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1901. С. 170.

© Епифанов А. Е., 2021

стративно-хозяйственные проявления, но и служил проводником верховной власти монарха, которой он «иерархично был подчинен»[1].

Вспыхнувшие в ряде южных губерний весной 1881 г. еврейские погромы инициировали усиление репрессивных функций МВД[2]. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, изданное в этой связи 14 августа 1881 г., еще больше укрепило его позиции в Российской империи[3].

Согласно данному документу при министре внутренних дел было образовано Особое совещание, что означало наделение его правом внесудебной расправы [Иваневский 2001, с. 68]. Решения Особого совещания выносились (в том числе и заочно) от имени «управляющего Министерством внутренних дел», таким образом, министр внутренних дел обладал исключительным правом их утверждения[4].

Влияние, которое имел министр внутренних дел при назначении возглавлявших управление на местах губернаторов и генерал-губернаторов, служило еще одним показателем его ведущей роли в российском государственном механизме. Губернаторы соединяли в своем лице полномочия органа МВД и одновременно представителя верховной власти на вверенной территории. Таким образом, на территории губернии все учреждения и должностные лица находились в непосредственном подчинении губернатора, а сам он, подобно министру внутренних дел, в пределах своей компетенции имел право самостоятельного доклада императору по вопросам, не терпящим отлагательства. Вне их юрисдикции оставались лишь суд и жандармское управление, контролировавшее в свою очередь губернскую администрацию и непосредственно подчинявшееся министру внутренних дел как шефу корпуса жандармов.

В рамках своих исключительных полномочий как в центре, так и на местах министр внутренних дел был наделен правом влияния на правотворческую деятельность генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, в частности, имел возможность дополнять, изменять или отменять их постановления по вопросам поддержания общественного порядка и обеспечения внутренней безопасности. Благодаря установленному порядку он мог своевременно осуществлять мониторинг положения во всей стране, а также в каждом из подразделений государственного аппарата. С 1883 г. губернаторы обязаны были еженедельно предоставлять министру внутренних дел особые сводки о положении на вверенной территории, событиях общественной жизни, взглядах и деятельности общественных и государственных деятелей, должностных лиц[5].

В качестве органа внутренних дел губернаторы имели возможность оказывать непосредственное влияние на организацию и деятельность земского и городского самоуправления.

Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г.[6] на местах под председательством соответствующих губернаторов образовывались губернские по земским делам присутствия как органы надзора за деятельностью земских учреждений. Помимо прочего, к их компетенции были отнесены обсуждение «правильности и законности» постановлений и распоряжений земских учреждений, корректирование избирательных списков (учитывая замечания губернатора), контроль за «правильностью» выборов, наложение дисциплинарных взысканий на членов уездной управы, а также предание их суду. Губернатор был вправе приостановить исполнение любого решения названного присутствия и направить об этом представление непосредственно министру внутренних дел, который и определял его дальнейшую судьбу, вплоть до постановки перед Сенатом вопроса о его отмене. В аналогичном порядке министром разрешались и жалобы на постановления присутствия со стороны частных лиц и обществ[7].

В результате реформы городского самоуправления в 1892 г. МВД и губернаторы были наделены в городах полномочиями, практически идентичными рассмотренным выше. Названные учреждения, наряду с указанными прерогативами, получили новое наименование губернских по земским и городским делам присутствий. Тем самым органам внутренних дел как правительственным агентам был предоставлен надзор не только за законностью, но и целесообразностью действий городского самоуправления. В частности, с этого времени наиболее важные постановления каждой городской думы подлежали утверждению министром внутренних дел или губернатором. Губернатор получил право приостановки тех постановлений думы, которые он считал «нецелесообразными»,

[1] Свод законов Российской империи. 2-е изд. / под ред. А. А. Добровольского. Спб : Гос. тип., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 236.

[2] Министерство внутренних дел. Исторический очерк: [1802–1902]. С. 170.

[3] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. I. № 350.

[4] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 102. Д. 707. Л. 158–159.

[5] Органы внутренних дел России. В 2 т. Т. 1. М. : Объед. ред. МВД России, 2002. С. 28.

[6] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 10, отд-ние 1. № 6927. С. 495–511.

[7] Министерство внутренних дел. Исторический очерк: [1802–1902]. С. 196.

а министр внутренних дел, в свою очередь, мог настаивать на их отмене или изменении в высших правительственных инстанциях. В отношении мелких уездных городов министр мог отменять или изменять подобные постановления своей властью. В результате рассмотренных преобразований произошла унификация производства органами внутренних дел по делам земств и городов.

Названные преобразования в основе своей имели получившую одобрение императора и положенную в основу реформы местного управления идею Д. А. Толстого о том, что основной недостаток существующего порядка состоит в том, что правительственная власть имеет слишком слабое влияние на осуществление местного управления. Усиление этого влияния было призвано стать главной целью всех преобразований, проводимых в изучаемой сфере. «Начало единства власти» легло при рассматриваемых обстоятельствах в основу управления на местах. При этом все местные учреждения должны были быть правительственными, находящимися в связке с центральной правительственной властью[1].

Особое влияние министра внутренних дел в правительстве распространялось настолько, что по его настоянию и вопреки общему мнению могли приниматься постановления, даже противоречившие действующему законодательству. Именно так было принято постановление, легализовавшее при отсутствии приговора волостного суда, как того требовалось, массовые порки проявивших неповиновение властям крестьян по указанию губернаторов.

В изучаемый период произошли существенные преобразования структуры МВД, призванные обеспечить осуществление его исключительной миссии, а также избавить его от не свойственных ему функций. С 1879 по 1895 г. в составе МВД практически обособленно действовало Главное тюремное управление (далее: ГТУ), в чьем ведомстве находились учреждения, исполнявшие наказания в виде лишения свободы, до тех пор, пока наконец это бремя не было признано излишним для «обширных и многообразных дел» министерства[2]. В общей сложности, помимо ГТУ, в изучаемый период аппарат МВД включал 21 учреждение, компетенция которых отличалась исключительным разнообразием.

25 июня 1882 г. для облегчения «многосложных обязанностей» министра внутренних дел заведывание Отдельным корпусом жандармов высочайшим указом было разделено между ним и его товарищем по делам государственной охраны, названным командиром Отдельного корпуса жандармов. 16 июля того же года последнему были подчинены все чины общей полиции. При этом министр внутренних дел остался шефом жандармов и сохранил за собой главное заведывание всеми частями их корпуса.

Сосредоточивший информацию о противоправительственной деятельности и направленных против нее ответных мерах Департамент полиции был образован 18 февраля 1883 г. путем слияния Департамента государственной полиции (создан в 1880 г.) и судебного отдела МВД, занимавшегося дознаниями о государственных преступлениях. В свою очередь это позволило в значительной степени оптимизировать борьбу с революционными проявлениями и преодолеть царившую разобщенность компетентных органов МВД.

По должности Департамент полиции возглавлял названный товарищ министра по делам государственной охраны. Он руководил деятельностью Особого совещания при МВД по предупреждению и пресечению преступлений, осуществлявшейся обер-полицмейстерами, губернаторами и градоначальниками, а также по гласному надзору. Кроме того, он осуществлял высший надзор за местами заключения государственных преступников. Делопроизводства, входившие в структуру Департамента полиции, находились в постоянном развитии. Основной задачей Первого делопроизводства была работа с личным составом жандармерии, а именно, назначениями, увольнениями и поощрениями. Второе делопроизводство занималось подготовкой ведомственных инструкций; определяло штаты полицейских учреждений; контролировало деятельность местной полиции; регулировало борьбу с коррупцией, развратом, пьянством и нищенством. Секретное Третье делопроизводство вело «особую» переписку директора департамента, ведало надзором за ссыльными и заключенными по политическим делам, занималось оформлением загранпаспортов, предоставляло справки о благонадежности лицам, претендовавшим на госслужбу, открытие частного учебного заведения или издание газеты или журнала [Иваневский 2001, с. 73].

Важнейшим источником неофициальных сведений об антиправительственной деятельности являлась перлюстрация частной корреспонденции. Инструкция о порядке перлюстрации была представлена министром внутренних дел и утверждена императором в 1895 г., благодаря чему она стала осуществляться организовано, регулярно и секретно. Задачей перлюстрации была проверка частной корреспонденции всех без исключе-

[1] Министерство внутренних дел. Исторический очерк: [1802–1902]. С. 173.

[2] Министерство юстиции в первое десятилетие царствования Николая II. 1894–1904. Спб. : Сенат. тип., 1904. С. 57.

ния граждан, в том числе высших сановников, на предмет выявления сведений о государственной измене, общественного мнения по поводу происходящих в государственной жизни событий, а также критики властей. Чиновник, отвечавший за организацию перлюстрации, подчинялся непосредственно министру внутренних дел.

Полицейским надзором и контролем за политическими дознаниями занимались Четвертое и Пятое делопроизводства. Последнее вело список с фотографиями лиц, политически неблагонадежных либо привлекших внимание правительства. Для этого в структуре названного делопроизводства был создан справочный стол. Шестое делопроизводство следило за выпуском и движением взрывчатых веществ, вело делопроизводство в отношении евреев, наблюдало за фабрично-заводским законодательством. Главным же его предназначением стал контроль за вновь введенной монополией царского правительства на производство спиртных напитков. Седьмое делопроизводство контролировало дознания, в основном по политическим делам, после того, как было ликвидировано Четвертое делопроизводство [Мулукаев, Малыгин, Епифанов 2005, с. 62–63].

Все руководители перечисленных департаментов, а также особые чиновники, специально назначенные императором, входили в Совет министра внутренних дел, действовавший при нем совместно с канцелярией и осуществлявший в основном совещательные функции. Помимо названных лиц, Совет включал глав всех неправославных конфессий, действовавших на тот момент в России [Иваневский 2001, с. 52].

Департамент общих дел ведал кадровыми и финансовыми вопросами МВД. Он же руководил изданием находящейся в его составе министерской типографией периодических изданий и вообще всей печатной продукции по вопросам ведения МВД[1].

Департамент общих дел контролировал деятельность органов земского самоуправления, нередко инициировал их роспуск как рассадников либерализма, а также репрессии функционеров[2]. Департамент рассматривал отчеты губернаторов и градоначальников, дела о приеме в российское подданство и лишении его; решал вопросы о сооружении зданий для государственных учреждений, изменениях границ между губерниями; контролировал расследование дел о преступлениях против православной веры, соблюдение уставов некоторых добровольных обществ и др.[3]

Центральный статистический комитет, действовавший в составе МВД с 1858 г., в рассматриваемый период продолжал осуществлять сбор, обработку и реализацию заинтересованными отраслевыми ведомствами статистической информации по всем сферам управления в империи. Он обладал правом истребовать находящиеся в открытом доступе статистические сведения от всех официальных государственных органов. Для определения механизма переписи населения; порядка проведения и видов статистической отчетности, анализа полученных результатов и подготовки их к официальному опубликованию с 1863 г. в составе МВД действовал Статистический совет.

Хозяйственным обеспечением министерства и его структур занимался Хозяйственный департамент. Преобразования земских и городских учреждений вызвало усиление его штатов и личного состава. 6 июня 1894 г. на учрежденные при Хозяйственном департаменте страховой комитет и страховой отдел была возложена функция надзора за страхованием как частным, так и земским[4].

В силу своего исключительного положения как в МВД, так и во всем государственном аппарате Департамент полиции мог выступать с законодательной инициативой в части издания, отмены или изменения законов и иных нормативных актов, касающихся бытовых интересов населения. В целом его компетенция была направлена на обеспечение продовольственной и общественной безопасности в государстве. В силу этого обширный спектр полномочий Хозяйственного департамента был направлен на поддержание урожаев и обеспечение населения продовольствием на должном уровне; обеспечение организации и деятельности разного рода общественных и благотворительных организаций; поддержку городского и земского самоуправления и хозяйства; соблюдение правил состояния в мещанском сословии; легализацию разного рода съездов, сельских хозяев и естествоиспытателей, в частности; легализацию благотворительных лотерей [Шумилов 1991, с. 18]. Главное управление по делам местного хозяйства включало отдел страхования и противопожарных мер. В его компетенцию входили: контроль за соблюдением обязательных постановлений по пожарной части, организация, утверждение штатов городских пожарных команд, создание добровольных пожарных обществ, ведение статистики пожаров, а также решение вопросов о выдаче денежных пособий погорельцам и пострадавшим от стихийных бедствий.

В компетенцию Департамента духовных дел иностранных исповеданий входило рассмотрение дел, относящихся к разного рода вероисповедани-

[1] Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 2. С. 371.

[2] Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. Спб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1913. С. 30.

[3] *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. Т. 1. М. : Соцэскиз, 1960. С. 300.

[4] Министерство внутренних дел. Исторический очерк: [1802–1902]. С. 175.

ям. Учитывая остроту в России еврейского вопроса, в структуру названного Департамента была включена Раввинская комиссия. Подобные структуры были введены также при генерал-губернаторах и губернаторах[1]. Таким образом, МВД играло ведущую роль в урегулировании межнациональных и иноверческих вопросов, что было особенно актуально для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Российская империя.

Под руководством Главного управления по делам печати осуществлялась цензура, составлялись списки запрещенных изданий, контролировались средства массовой информации, типографии и книжная торговля. Оно также обладало прерогативой по привлечению к ответственности лиц, нарушавших цензурные правила[2]. До 1900 г. в России существовала предварительная цензура. МВД было наделено правом составления списков запрещенных отечественных и зарубежных изданий, могло возбуждать судебное преследование лиц, нарушивших цензурные запреты. Кроме того, названное управление следило за сохранением военной и государственной тайны в средствах массовой информации.

Главное управление почт и телеграфов в составе МВД было образовано в 1884 г. из Почтового и Телеграфного департаментов. Благодаря ему в конце XIX в. практически вся территория Российской империи, делившаяся на 30 почтово-телеграфных округов, которые подчинялись названному управлению, была обеспечена регулярной почтовой связью.

Медицинский департамент ведал организацией медико-санитарных мероприятий, производил цензуру медицинских изданий, оценивал открытия в области медицины; осуществлял экспертизу новых медицинских препаратов и приспособлений, после чего вводил их в действие[3]. Кроме того, этот департамент проводил разбирательства в случаях скоропостижной смерти. При расследовании уголовных дел он делал экспертизу применявшихся препаратов. В 1904 г. Медицинский департамент был реорганизован, в результате чего возникло Управление главного врачебного инспектора. Образованный еще в 1822 г. Медицинский совет, по сути, представлял собой высшее врачебное учреждение по части научной, полицейской и судебной деятельности. Все его постановления утверждались непосредственно министром внутренних дел. Являясь высшей инстанцией в сфере народного здравоохранения, Медицинский совет осуществлял важнейшие задачи в сфере обеспечения внутренней безопасности государства. В 1884 г. было положено начало поэтапному обособлению медицинского и ветеринарного управлений, вызванному в основном бурным развитием последнего и потребностью регулирования данного процесса более узкими специалистами. В 1889 г. ветеринарное отделение, подчиненное председателю Ветеринарного комитета, из состава Медицинского департамента было выделено в качестве самостоятельного. 28 мая 1901 г. ветеринарное отделение и Ветеринарный комитет были упразднены. Вместо них были образованы приравненное к департаментам министерства Ветеринарное управление, а также Ветеринарный комитет. К их ведению было отнесено: принятие мер по предупреждению и прекращению эпизоотий среди домашних животных; обобщение достижений ветеринарной науки и их внедрение в отечественную практику; сбор информации и составление отчетов о ветеринарно-санитарном положении в губерниях; утверждение уставов ветеринарных обществ; организация и устройство ветлечебниц, экспертных лабораторий; подготовка и издание разного рода инструкций о порядке и условиях вывоза мяса и скота за границу; обобщение сведений и разработка мероприятий, связанных с сохранением качества мясных продуктов. Помимо пяти постоянных членов Ветеринарного комитета, назначавшихся министром внутренних дел из видных ученых, в качестве консультантов в него входили представители других министерств, практикующие врачи и скотопромышленники.

Технико-строительный комитет МВД был организован в 1865 г. для контроля за техническим состоянием и строительством гражданских сооружений, а также профессиональной подготовкой инженерных сотрудников. При нем создавались временные комиссии из известных архитекторов для рассмотрения планов застройки городов, возведения памятников.

В изучаемый период значительно усиливалось влияние МВД на осуществление местного управления. В этой связи были подвергнуты реорганизации те центральные органы МВД, в ведении которых находились общественные учреждения и крестьянское дело. Так, в связи с введением института земских начальников 10 декабря 1890 г. был увеличен состав Земского отдела МВД. Введенный в 1889 г. институт земских уездных начальников был детищем МВД, его задачей было сохранение господствующих позиций дворянства в государственном аппарате на местах. Названным чинам отводилась ведущая роль в управлении уездами. Назначались они исключительно из потомственных дворян, имевших опыт государственной служ-

[1] Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 2. С. 365–366.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XI. № 41990.

[3] Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 2. С. 369–370.

бы. Подбор, аттестация и подготовка кандидатов из дворян, претендующих на замещение вакансии земского уездного начальника, осуществлялись в Земском отделе МВД, который в неофициальном порядке собирал также негласные сведения о служебных делах и благонадежности указанных чиновников. Его функции были весьма обширными. Помимо дел, связанных с организацией местного самоуправления, хозяйственным устройством и удовлетворением потребностей сельского населения в продовольствии, Земский отдел осуществлял контроль за калмыками и управлял земледельческими коммунами евреев, крестьянскими делам в Царстве Польском. Важной задачей Земского отдела являлась организация государственной помощи крестьянам, пострадавшим от неурожаев. Во избежание критики властей и противоправительственной пропаганды им, вместе с тем, выражалось недоверие активному участию общественности в борьбе с голодом.

12 июня 1900 г. в МВД было образовано самостоятельное Управление по делам о воинской повинности, которое контролировало местные управления по призыву населения к отбыванию воинской, военно-повозочной и конской повинностей; организации подготовки общих мероприятий по государственной мобилизации армии и образованию народного ополчения [Иваневский 2001, с. 102]. В его полномочия также входила разработка соответствующих законодательных проектов[1]. 12 июня 1902 г. для пересмотра законодательства, касающегося вопросов дворянства, обеспечения его политических и экономических преимуществ перед нарождающейся буржуазией, была создана специальная Канцелярия министра по делам дворянства. Ей были поручены поддержание и развитие дворянского земледелия, контроль за проведением выборов и сбор статистических сведений о дворянстве. Канцелярия министра по делам дворянства являлась промежуточным звеном между МВД и Особым совещанием по делам дворянства, созданным по распоряжению Николая II в 1898 г., что также подтверждает важнейшую роль, которую играли органы внутренних дел в государственном аппарате Российской империи. В состав Особого совещания входили как высшие государственные чиновники, так и представители местного дворянства. Оно было влиятельной силой, во многом определявшей внутреннюю политику страны. Из членов Особого совещания рекрутировались кадры на высшие государственные посты [Шинджикашвили 1974, с. 36]. На выделенное в 1896 г. из состава Земского отдела Переселенческое управление вплоть до 1906 г. возлагались все вопросы, связанные с организацией переселения крестьян на новые земли, в том числе определение маршрутов их передвижения и снабжение всеми необходимыми средствами жизнеобеспечения.

В силу своей компетенции МВД включало две категории полиции – безопасности и благосостояния. На полицию безопасности были возложены охрана правопорядка и борьба с преступностью.

Полиция благосостояния занималась вопросами внутреннего управления практически всеми сферами государственного устройства. В частности, министр внутренних дел давал разрешение на созыв органов земского и городского самоуправления, открытие и закрытие периодических изданий, утверждал состав комитетов по строительству казенных сооружений, решал кадровые вопросы земских исправников, определял размеры некоторых сборов и др.[2]

Очевидно, что государственно-правовые преобразования 1880–1905 гг. были продиктованы стремлением царской администрации к централизации, объединению всех ветвей власти в борьбе с революционными проявлениями, принявшими к этому времени крайние формы, вплоть до террора. В результате полицейской реформы 1880 г. МВД заняло господствующее положение в российском государственном аппарате. По сути, оно превратилось в ведущее министерство Российской империи. В его ведении оказались наиболее существенные сферы государственной и общественной жизни, прежде всего защита существующего строя от внутренних угроз.

Список цитируемых источников

Зайончковский 1964 – *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.

Иваневский 2001 – *Иваневский В. Е.* МВД России, 1880 – март 1917 гг.: структура, функции, место в государственном механизме : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 154 с.

Мулукаев, Малыгин, Епифанов 2005 – *Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е.* История отечественных органов внутренних дел. М. : NOTA BENE, 2005. 336 с.

Шинджикашвили 1974 – *Шинджикашвили Д. И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск : Ом. высш. шк. милиции, 1974. 111 с.

Шумилов 1991 – *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М. : Прометей, 1991. 218 с.

[1] Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 2. С. 260.

[2] Органы внутренних дел России. Т. 1. С. 26–27.

References

Ivanevsky, V. T. (2001), Ministry of Internal Affairs of Russia, 1880–March 1917: structure, functions, place in the state mechanism, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Mulukaev, R. S., Maly'gin, A. Ya. and Epifanov, A. E. (2005), *Istoriya otechestvenny'kh organov vnutrennikh del* [History of domestic law enforcement agencies], NOTA BENE, Moscow, Russia.

Shindzhikashvili, D. I. (1974), *Ministerstvo vnutrennikh del tsarskoi Rossii v period imperializma* [Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia during the Period of Imperialism], Omskaya vy'sshaya shkola militsii, Omsk, USSR.

Shumilov, M. M. (1991), *Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50 – nachale 80 gg. XIX veka* [Local government and central government in Russia in the 50s–early 80s of the XIX century], Prometei, Moscow, Russia.

Zaionchkovsky, P. A. (1964), *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880 gg.* [The crisis of the monarchy at the turn of the 1870–1880], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Епифанов Александр Егорович,

доктор юридических наук, профессор, Волгоградский институт управления–филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация; Астраханский государственный университет, Астрахань, Российская Федерация; epifanov-ae@ranepa.ru

Information about the author

Epifanov Aleksandr E.,

doctor of law, professor, Volgograd Institute of Management–branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation, Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation; epifanov-ae@ranepa.ru

Для цитирования

Епифанов А. Е. Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в 1880–1905 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 135–141.

For citation

Epifanov, A. E. (2021), "The organization and activities of the Ministry of Intenal Affairs of the Russian Empire from 1880 to 1905", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 135–141.

УДК 351.74

Д. А. Ерин[1]
И. А. Безносов[2]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *ЧОП «РН-Охрана-Ижевск», Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация*

D. A. Erin[1]
I. A. Beznosov[2]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *ChOP "RN-Okhrana-Izhevsk", Izhevsk, Udmurtia, Russian Federation*

Войска ОГПУ–НКВД СССР на территории ряда районов Ивановской промышленной, Горьковской и Московской областей в период с 1929 по 1941 г.: организация и правовое регулирование деятельности

The troops of the OGPU–NKVD of the USSR on the territory of some districts of the Ivanovo industrial, Gorky and Moscow regions in the period 1929–1941: organization and legal regulation of activities

Ключевые слова: Ивановская, Московская, Горьковская области; войска ОГПУ–НКВД СССР; организация и деятельность; командно-административная система управления; карательная политика; история правоохранительных органов и внутренних войск.

Аннотация. В статье на основе ранее неопубликованных архивных документов раскрывается история развития организационно-правовых форм и некоторых направлений деятельности войск ОГПУ–НКВД СССР в период с 1929 по 1941 г., дислоцировавшихся на территории Ивановской, Московской и Горьковской областей.

Key words: Ivanovo, Moscow, Gorky regions; OGPU–NKVD troops of the USSR; organization and activity; command and administrative management system; punitive policy; history of law enforcement agencies and internal troops.

Abstract. The article, based on previously unpublished archival documents, reveals the evolution and development of organizational and legal forms and some areas of activity of the OGPU–NKVD troops of the USSR in the period 1929–1941, stationed on the territory of the Ivanovo, Moscow and Gorky regions.

В течение последних десятилетий в рамках изучения истории отечественных правоохранительных органов вопросы организации и деятельности войск ОГПУ–НКВД СССР вызывают интерес как в научной среде, так и в обществе. В первую очередь этот интерес обусловлен ролью отечественных правоохранительных органов и внутренних войск в деле построения командно-административной системы в СССР, коллективизации, индустриализации и связанным с этими процессами ужесточением политического режима. Безусловно, период с конца 1920-х по начало 1940-х гг. довольно неоднозначно оценивается в отечественной исторической и историко-правовой литературе, однако в любом случае становление социалистической экономики, Советского государства и общества явилось значимым событием в истории нашей страны. Немаловажную роль в укреплении отечественного государства, его политической и экономической безопасности сыграли органы правопорядка ОГПУ и НКВД СССР, а также их составная часть – войска, которые принимали самое непосредственное участие в борьбе с политическим бандитизмом, защите социалистической собственности, обеспечении нормального функционирования органов советской власти на местах, проведении карательной политики.

Организация и деятельность войск ОГПУ–НКВД в предвоенный период достаточно подробно изучены отечественными исследователями, такими как: Е. В. Ковыршин, С. Н. Рожнов, П. А. Федоров и др. [Ковыршин 2011; Рожнов 2003; Федоров 2005], Особое место занимает объемный труд по истории внутренних войск «История внутренних войск МВД России» [Ножилов и др. 2016]. Однако все работы в силу специфики предмета исследования дают общую картину становления войск ОГПУ–НКВД СССР, тогда как, по нашему мнению, существенный интерес представляет изучение организации и функционирования войск ОГПУ–НКВД СССР в отдельных районах страны, что позволит выявить как общие, так и отдельные особенности деятельности войск применительно ко всему процессу обеспечения внутренней безопасности государства на примере отдельно взятого района страны.

В течение исследуемого периода на территории Владимирской земли дислоцировались подразделения войсковых частей войск конвойной стражи Республики, войск ОГПУ–НКВД СССР (промышленные, по охране железных дорог, конвойные), изучение организации, деятельности правово-

© Ерин Д. А., Безносов И. А., 2021

го регулирования которых представляет определенный научный интерес и позволяет выявить их специфику, что в определенной степени расширит рамки научного познания в сфере становления войск ОГПУ–НКВД СССР.

Говоря о территориальных рамках исследования, необходимо подчеркнуть, что под территорией «Владимирская земля» подразумеваются уезды бывшей Владимирской губернии, вошедшие в состав Ивановской промышленной области на правах районов, когда с 14 января 1929 г. губерния была разделена между Ивановской промышленной областью (большая часть) (в 1930 г. в ее составе были 16 районов бывшей Владимирской губернии – Юрьев-Польский, Александровский, Кольчугинский, Киржачский, Владимирский, Суздальский, Ковровский, Вязниковский, Гороховецкий, Ставровский, Собинский, Судогодский, Селивановский, Гусевской, Меленковский, Переславский); Горьковским краем (областью), куда входил Муромский район, и Московской областью – Петушинский район.

К началу 1929 г., на момент ликвидации Владимирской губернии, на ее территории дислоцировались такие части и подразделения внутреннего предназначения, как 20-я отдельная конвойная рота войск конвойной стражи СССР (далее: ВКС) и 61-й Суздальский дивизион войск ОГПУ. Наличие войсковых подразделений, принадлежащих к различным ведомствам, осуществлявшим правоохранительную деятельность, было следствием относительной демократизации построения системы органов власти в СССР.

Реорганизация правоохранительной системы, начатая в конце 1920-х гг., привела к некоторым изменениям структуры и подчиненности воинских формирований, обеспечивавших внутреннюю безопасность страны. Войска внутреннего назначения включали в себя ВКС, которые являлись самостоятельной структурой, не входившей в состав ОГПУ, и войска пограничной и внутренней охраны ОГПУ СССР. Так, в сентябре 1930 г. конвойная стража была переименована в конвойные войска СССР, а войска переформированы в четыре дивизии и четыре бригады, состоявшие из отдельных конвойных батальонов (далее: окб). Предположительно, в 1929–1930 гг. 20-я конвойная рота ВКС как отдельная часть была расформирована, а личный состав на правах подразделения – 4 роты (дислокация в г. Владимире) – вошел в состав 16-го окб ВКС СССР.

Еще в 1928 г. 61-й Суздальский дивизион войск ОГПУ, выйдя из состава Дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского ОГПУ СССР, стал отдельной частью, а в 1930 г. был переформирован в 3-й отдельный Суздальский дивизион войск ОГПУ, продолжая выполнять задачи по наружной охране Суздальского политизолятора ОГПУ–НКВД СССР (с ноября 1935 г. Суздальская тюрьма особого назначения НКВД СССР).

В 1927 г. руководством СССР совместно с ОГПУ и заинтересованными ведомствами было принято решение передать охрану промышленных предприятий особой важности, а в 1931 г. и объектов железнодорожного и водного транспорта в ведение ОГПУ [Ерин 2014], что повлекло за собой формирование новых частей и соединений, призванных обеспечить надежную защиту предприятий и объектов промышленности и транспорта, имевших стратегическое значение для безопасности Советского государства. Так, согласно постановлению СНК СССР от 25 февраля 1932 г. 466 предприятий, признанных имевшими исключительное значение для обороны Советского государства, должны были охраняться войсками ОГПУ [Некрасов и др. 1996, с. 293].

Однако на территории «владимирских» районов Ивановской промышленной области подобные подразделения стали дислоцироваться значительно позже по мере развертывания войск ОГПУ и необходимости замены военизированных охран наркоматов на войсковую охрану. Правовая регламентация служебной деятельности войск ОГПУ была отражена в Уставе службы внутренних войск, принятом приказом ОГПУ в 1931 г., в котором закреплялись основные направления деятельности войск.

В 1934 г., после упразднения ОГПУ, все воинские формирования, обеспечивавшие внутреннюю безопасность СССР, были сосредоточены в ведении НКВД СССР с соответствующим подчинением Главному управлению пограничной и внутренней охраны (далее: ГУПВО) НКВД СССР. Как отмечалось в методической разработке, утвержденной политотделом ГУПВО НКВД СССР от 1 ноября 1934 г. «Организация и задачи НКВД, задачи пограничной и внутренней охраны», «…внутренняя охрана должна стоять на страже революционного порядка и государственной безопасности и бороться за сохранность общественной социалистической собственности…» [Новожилов и др. 2016, т. 2, с. 290]. Впоследствии войска НКВД были разделены на пограничные, конвойные, воска по охране промышленных предприятий, войска по охране железнодорожных сооружений, внутренние войска, которые подчинялись соответствующим управлениям войск НКВД СССР.

Развертывание политики индустриализации повлекло за собой необходимость обеспечения защиты промышленных предприятий и иных объектов, обеспечивавших безопасность государства, в дополнительной защите, что повлекло за собой формирование частей и подразделений для их непосредственной охраны, в том числе на территории Ивановской промышленной области. Следует обратить внимание на тот факт, что под охрану принимались не все предприятия, а только те, целесообразность охраны

которых определялась необходимостью и была согласована с соответствующими наркоматами. Причем в течение всего периода 1930-х гг. количество предприятий, где устанавливалась войсковая охрана, постоянно менялось, а к концу 1930-х гг. было значительно сокращено, причем инициатором данных сокращений выступал НКВД СССР. Кроме того, на протяжении всего периода деятельность войск ОГПУ–НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности СССР регламентировалась Временным уставом (проект) 1931 г. и инструкциями, принятыми ОГПУ–НКВД СССР совместно с заинтересованными в охране предприятий наркоматами, например Наркоматом тяжелой промышленности, а Устав службы войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности был введен в действие приказом НКВД от 29 января 1940 г.[1]

Одним из первых подразделений, развернутых на территории бывшей Владимирской губернии (в рассматриваемый период Ивановская промышленная область), стало формирование в г. Вязники отдельного взвода, обеспечивавшего охрану электростанции Нижегородской ГРЭС, которая снабжала электроэнергией строительство стратегических объектов промышленности в Нижнем Новгороде. В приказе ОГПУ от 16 февраля 1931 г. №74/38 говорилось: «…включить в перечень охраняемых объектов Нижегородскую ГрЭС (с подстанциями) и сформировать 120-й отдельный дивизион войск ОГПУ (гг. Дзержинск, Молитовский, Сормово, Вязники); в г. Вязники – 8-й отдельный взвод войск ОГПУ для охраны подстанции НиГрЭС»[2]. Однако в связи с реорганизацией войск на основании приказа от 7 мая 1934 г. №21 полномочного представительства ОГПУ Горьковского округа 8-й отдельный взвод по охране промышленности войск ОГПУ был расформирован. В марте 1939 г. на основании приказа «О переформировании частей НКВД по охране предприятий промышленности» был расформирован и 120-й дивизион.

Передача под охрану войск ОГПУ наиболее важных стратегических объектов промышленности [Ерин 2015] была непосредственно связана с необходимостью обеспечения безопасности предприятий, производящих вооружение для РККА. Не случайно вместо 16-го отдельного отряда ВОХР при Инструментальном заводе №2 в г. Коврове для охраны предприятия с 23 декабря 1932 г. по 12 января 1933 г. был сформирован 134-й отдельный дивизион войск ОГПУ СССР[3]. Дивизион был укомплектован военнослужащими 35-го полка, 124-го дивизиона, 6-го отдельного дивизиона и учебного пункта войск ОГПУ со штатной численностью 149 чел.[4] Революционное Красное Знамя от ЦИК СССР было вручено дивизиону 1 мая 1933 г. Вместе с тем приказом НКВД СССР от 4 марта 1934 г. №1071 предписывалось сформировать 134-й дивизион для охраны Ковровского экскаваторного завода[5]. По всей видимости, в данном случае, несмотря на формулировку «сформировать», имеет смысл считать, что этот приказ не устанавливал формирование новой части с одноименным номером, а включал в перечень охраняемых объектов 134-го дивизиона Ковровский экскаваторный завод с одновременным переименованием дивизиона ОГПУ в дивизион внутренней охраны (далее: ВО) НКВД СССР. Это было вполне обоснованным решением, так как производство отечественных экскаваторов, которые широко применялись на большинстве крупнейших строек, многие из которых осуществлялись НКВД, имело стратегическое значение для всей советской экономики и, в конечном итоге, стали на один уровень с производством оборонной продукции.

16 января 1939 г. 134-й отдельный дивизион НКВД (г. Ковров) был расформирован, а личный состав отправлен на укомплектование частей РККА[6]. До начала Великой Отечественной войны больше частей и подразделений войск НКВД по охране промышленных предприятий и сооружений на Владимирской земле не дислоцировалось.

Период начала 1930-х гг. характеризовался усилением карательной политики Советского государства, что привело к значительному увеличению количества осужденных. Кроме того, концентрация большинства правоохранительных органов в ведении НКВД повлекла за собой необходимость реорганизации конвойной службы, что в условиях принятого в стране курса на строительство социализма в отдельно взятой стране в условиях вражеского окружения вполне себя оправдывало. Сосредоточение в одном ведомстве всех структур, обеспечивавших так или иначе исполнение уголовных наказаний, повышало не только эффективность, но и упрощало его организацию.

Конвойные войска передавались в систему НКВД СССР, что повлекло за собой их очередную реорганизацию. По состоянию на август 1934 г., т. е. на момент начала передачи конвойных войск СССР в ведение ГУПВО НКВД СССР, в г. Владимире (ул. III Интернационала, 62) дислоцировалась 4-я рота (83 чел.) 16-го окб конвойных войск 1-й конвойной дивизии. После передачи конвойных войск и включения их в состав войск ВО ГУПВО НКВД СССР, в январе 1935 г. 16-й окб был переформирован в 237-й конвойный полк ВО НКВД СССР (штаб в г. Иванове).

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 68. Л. 91.

[2] Там же. Д. 1. Л. 30.

[3] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1828. Л. 46.

[4] Там же. Л. 1, 22.

[5] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 5. Л. 9.

[6] РГВА. Ф. 39026. Оп.1. Д. 1828. Л. 1.

237-й конвойный полк имел дивизионную структуру, и в его состав, кроме 9-го Ивановского дивизиона ОГПУ, вошли 3-й Суздальский дивизион ОГПУ для обеспечения наружной охраны Суздальской тюрьмы и бывшая 4-я рота 16-го окб (как Владимирский дивизион) для осуществления конвоирования согласно плановым маршрутам. В соответствии с приказами НКВД СССР в 1936 г. на Владимирский дивизион (так в приказе) 237-го конвойного полка была возложена обязанность конвоирования осужденных из Суздальской тюрьмы до ст. Владимир[1], а на основании приказа НКВД СССР от 10 мая 1937 г. № 00242 «О возложении наружной охраны тюрем ГУГБ НКВД СССР на конвойные части» еще и наружная охрана Владимирской тюрьмы ГУГБ.

В 1937 г. на основании приказа НКВД СССР № 00461 237-й конвойный полк был переформирован в 134-й окб (штаб в г. Ярославле). Соответственно Владимирский дивизион полка был переформирован в роту, которая вошла в состав вновь сформированного на основании вышеуказанного приказа 127-го окб (штаб в г. Иванове).

Приказом НКВД СССР от 20 февраля 1937 г. «О передаче тюрем ГУЛАГа 10-му отделу ГУГБ» Особый корпус Владимирской тюрьмы ГУЛАГа был реорганизован в тюрьму ГУГБ для содержания осужденных[2], а на основании приказа НКВД СССР от 31 августа 1937 г. № 00547 «О задачах, возлагаемых на конвойные части (в связи с переформированием конвойных частей)» наружная охрана Владимирской и Суздальской тюрем ГУГБ, а также четыре плановых маршрута конвоирования (Владимир – Псков, Владимир – Рязань, Владимир – Александров, Владимир – Кинешма) была возложена на 127-й окб[3].

После снятия войсковой охраны в целом ряде тюрем на основании приказа от 21 февраля 1938 г. № 0073 наружная охрана тюрем ГУГБ НКВД СССР в г. Владимире и Суздале продолжала осуществляться 127-м окб[4]. Приказом НКВД от 19 августа 1939 г. было в очередной раз закреплено, что тюрьма ГУГБ в г. Владимире охраняется конвойными войсками (127-й окб), причем в перечень объектов, охраняемых 11-й бригадой конвойных войск в 1939 г., входила только Владимирская тюрьма ГУГБ НКВД СССР (караульную службу нес 127-й окб), тогда как Суздальская тюрьма среди охраняемых объектов не упоминалась. По всей видимости, войсковая охрана Суздальской тюрьмы была снята и осуществлялась командой вахтерской охраны тюрьмы.

25 марта 1939 г. на основании приказа НКВД СССР от 8 марта 1939 г. № 00206 была сформирована 11-я бригада конвойных войск НКВД СССР (по штату № 2, штаб в г. Москве, с. Богородское), в состав которой, наряду с 236-м полком, 134-м (по штату № 8), 135 и 147-м отдельными батальонами, вошел 127-й окб конвойных войск НКВД СССР (по штату № 7)[5].

Деятельность конвойных частей регламентировалась Положением о конвойных войсках НКВД СССР от 20 ноября 1939 г., Временной инструкцией о войсковой охране лагерей для военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР, утвержденной 19 ноября 1939 г., Уставом службы конвойных войск от 29 сентября 1939 г. и другими актами[6]. Положение о конвойных войсках закрепляло, что конвойные войска, являлись внутренними войсками и входили в состав вооруженных сил Союза ССР, основной задачей которых, как и всех вооруженных сил, выступали защита социалистического государства рабочих и крестьян, обеспечение неприкосновенности границ и независимости СССР. В рамках общей задачи на конвойные войска согласно их специфике и Положению о конвойных войсках на возлагались: конвоирование осужденных в лагеря, колонии и ссылку эшелонными конвоями, особо опасных государственных преступников в тюрьмы особыми конвоями; подследственных до обменных пунктов плановыми конвоями; подследственных из тюрем на судебные заседания городскими конвоями; наружное окарауливание тюрем по особому перечню НКВД СССР; в военное время конвоирование и охрана лагерей для военнопленных. Причем в Положении о конвойных войсках особо подчеркивалось, что в отдельных случаях конвойные войска могли привлекаться для выполнения специальных заданий для нужд НКВД или государственных учреждений или предприятий, в частности, например для проведения чекистско-войсковых операций по ликвидации бандитизма и внутренних беспорядков в районах расквартирования частей конвойных войск, охране объектов и предприятий особой важности и т. д. Структурно конвойные войска состояли из дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов, фактически повторяя организацию РККА[7].

В сентябре 1940 г. 11-я бригада конвойных войск была переформирована в 14-ю дивизию конвойных войск НКВД СССР, в состав которой вошел 127-й окб. На 14-ю дивизию возлагались конвоирование заключенных по железнодорожным, водным путям, воздушным и автотранспортом, несение караульной службы по охране тюрем и складов НКВД СССР, охрана лагерей военнопленных. Согласно дислокации частей 14-й дивизии конвойных войск НКВД на 1 января 1941 г. 3-я рота 127-го окб НКВД СССР дислоцировалась в г. Владимире (ул. III Ин-

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 9. Л. 78.
[2] Там же. Д. 14. Л. 18, 59.
[3] Там же. Л. 222.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 496. Л. 176.
[5] РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
[6] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 533. Л. 233–250.
[7] РГВА Ф. 40. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–6.

тернационала, 68). После переформирования задачи конвойного батальона продолжали оставаться аналогичными – охрана Владимирской тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, склада НКВД СССР № 68 (приказ НКВД СССР от 29 мая 1939 г.) и плановое конвоирование на ранее установленных маршрутах.

С образованием летом 1940 г. Суздальского спецлагеря НКВД СССР для содержания интернированных чехов возникла необходимость обеспечить войсковую охрану этого объекта, которая была возложена на подразделения 134-го окб. Необходимо отметить, что согласно дислокации конвойных войск на 1 января 1941 г. 2-я рота 134-го окб НКВД дислоцировалась в г. Суздале на территории Покровского монастыря, а с учетом того, что Покровский монастырь расположен напротив Спасо-Евфимиева монастыря, где в указанный период размещался лагерь НКВД, то основной задачей роты была наружная охрана Суздальского лагеря НКВД (бывшая Суздальская тюрьма ГУГБ НКВД СССР), в котором содержались интернированные солдаты и офицеры Чешского легиона Войска Польского.

В результате очередной реорганизации конвойных войск в марте 1941 г. 127-й окб был в качестве линейного батальона включен в состав сформированного 242-го полка конвойных войск НКВД СССР (штаб в г. Горьком) 14-й дивизии конвойных войск НКВД с возложением на полк обязанностей по конвоированию и охране объектов, ранее охраняемых 127-м окб[1]. Конвоирование осужденных плановым маршрутом Москва – Петушки (в исследуемый период Петушинский район входил в состав Московской области) осуществлялось 236-м полком конвойных войск.

К началу лета 1941 г., 242 и 236-й полки конвойных войск, а также 134-й окб вместе с другими частями входили в состав 14-й дивизии конвойных войск НКВД СССР.

Таким образом, после проведенных реорганизаций конвойных войск НКВД СССР к началу Великой Отечественной войны на Владимирской земле дислоцировались подразделения 134-го окб НКВД (2-я рота), охраняющие Суздальский лагерь для военнопленных, подразделение 236-го конвойного полка и рота 242-го полка конвойных войск НКВД, осуществляющие охрану в г. Владимире тюрьмы ГУГБ и конвоирование на плановых маршрутах.

Незначительное количество конвойных частей объяснялось отсутствием на территории объектов, подлежащих охране именно конвойными частями. К числу охраняемых относились только Владимирская тюрьма ГУГБ НКВД СССР, Суздальский политизолятор – Суздальская тюрьма особого назначения ГУГБ НКВД СССР – Суздальский спецлагерь НКВД СССР. Имевшиеся подразделения 236-го полка, 127-го окб, а после его переформирования 242-го полка и 134-го окб конвойных войск НКВД, входившие в состав 14-й конвойной дивизии и осуществлявшие наружную охрану этих объектов и конвоирование в рамках плановых маршрутов, полностью обеспечивали выполнение поставленных задач.

Важнейшей составляющей структуры войск НКВД СССР являлись войска по охране железнодорожных сооружений, которые начали формироваться в 1932 г. как войска ОГПУ, а после создания НКВД СССР в 1934 г. были соответственно переименованы.

На территории бывшей Владимирской губернии (в рассматриваемый период на территориях районов Ивановской промышленной области, Московской и Горьковской областей) проходило несколько железных дорог: Московско-Курская, Московско-Казанская, Северные железные дороги, – которые впоследствии были реорганизованы в железные дороги им. Ф. Э. Дзержинского, Ярославскую, Горьковскую и Казанскую, и имевшие крайне важное стратегическое значение в сфере обеспечения безопасности СССР, так как соединяли промышленные района восточной части СССР с центром. Именно поэтому обеспечение нормального функционирования железнодорожных транспорта и инфраструктуры было возложено на войска ОГПУ–НКВД СССР.

Передача охраны железнодорожных объектов в ведение ОГПУ начала осуществляться на основании совместных приказов ОГПУ и Наркомата путей сообщения (далее: НКПС) СССР 1932 г. путем формирования войсковых частей – железнодорожных частей ОГПУ, позже НКВД СССР из стрелковой охраны НКПС. Исходя из того что через территорию Ивановской промышленной, Горьковской и Московской областей проходили ранее указанные железные дороги, а войсковые части формировались по принципу обслуживания одной частью одну железную дорогу, то на территории ряда районов (бывшей Владимирской губернии) дислоцировались подразделения различных частей ОГПУ–НКВД СССР. Как правило, объектами охраны являлись наиболее важные в стратегическом отношении объекты железнодорожной инфраструктуры – мосты, водокачки, паровозные и вагонные депо и т. д.

Важной дорогой, проходящей через Гусевской, Меленковский (Ивановская промышленная область) и Муромский районы (Горьковская область) от ст. Черусти до ст. Муром являлась Московско-Казанская железная дорога. Для обеспечения ее охраны на базе стрелковой охраны Московско-Казанской железной дороги приказом ОГПУ СССР от 15 октября 1932 г. был сформирован 33-й Московско-Казанский железнодорожный полк войск полномочного представительства ОГПУ Московского округа (шесть дивизионов, полковая школа, бронедивизион) с дислокацией 3-го дивизиона полка

[1] РГВА Ф. 39026. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

на ст. Муром[1]. Одной из задач дивизиона являлась обеспечение охраны железнодорожного моста через р. Оку в районе г. Мурома и объектов Муромского железнодорожного узла, все остальные объекты, находившиеся на участке Чарусти – Муром, ввиду их незначительного стратегического значения войсками ОГПУ в указанный период не охранялись. В этом же году полк был переименован в 16-й Московско-Казанский железнодорожный полк ОГПУ с сохранением дислокации 3-го дивизиона. В 1934 г. после образования НКВД СССР полк получил наименование «74-й Казанский железнодорожный полк ВО НКВД СССР». В результате очередных структурных преобразований войск НКВД СССР в 1939 г. была сформирована 8-я бригада войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений (82 и 74-й полки, 13 и 6-й отдельные батальоны), в состав которой был включен полк, получивший наименование «74-й полк войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений» с дислокацией 1-й роты на ст. Муром, обеспечивавшей охрану железнодорожного моста через р. Оку гарнизоном 5-го типа и с сохранением выполнявшихся ранее задач. В 1940 г. 8-я бригада была переименована в 28-ю бригаду войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений (74-й полк, 20,13 и 6-й отдельные батальоны).

Для обеспечения решения задач по охране и обороне Северных железных дорог был сформирован в 1932 г. 32-й Северный железнодорожный полк войск ОГПУ (четыре дивизиона – 2-й дивизион ст. Ярославль)[2]. В 1933 г. он был переименован в 15-й Северный железнодорожный полк по охране Северных железных дорог (с 1934 г. – 73-й Северный железнодорожный полк ВО НКВД СССР). После образования в 1936 г. Ярославской железной дороги в 1938 г. полк был переформирован в 13-й Ярославский отдельный железнодорожный батальон войск НКВД трех-ротного состава (1 и 2-я роты охраняли Ярославскую, 3-я рота – Северную железные дороги). В 1939 г. батальон был переименован в 13-й отдельный батальон войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и включен в 8-ю бригаду войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений[3], впоследствии переименованную в 28-ю бригаду. Необходимо отметить, что, несмотря на это, в структуре Ярославской железной дороги находились участки, проходившие через Александровский, Киржачский, Суздальский, Кольчугинский и Ковровский районы Ивановской промышленной области, на их территории отсутствовали объекты, охранявшиеся 13-м отдельным батальоном.

Московско-Курская железная дорога, значительный участок которой проходил через «владимирские» районы Ивановской промышленной области от ст. Усад до ст. Гороховец, также являлась одной из стратегических магистралей, связывавших развивавшиеся территории Горьковской области и Урала с центром СССР. Для ее охраны в 1932 г. был сформирован 17-й железнодорожный полк войск ОГПУ СССР, переименованный с образованием НКВД СССР в 1934 г. в 75-й железнодорожный полк ВО НКВД СССР. Полк в указанный период имел дивизионную структуру. По состоянию на февраль 1935 г. гарнизон 5-го дивизиона полка дислоцировался на ст. Владимир.

В 1936 г. из участков Московско-Курской и Северных железных дорог была сформирована Горьковская железная дорога, которая проходила через «владимирские» районы Ивановской промышленной области (Ковровский, Гороховецкий, Вязниковский, Владимирский, Муромский, Гусевской, Меленковский), а также железная дорога им. Ф. Э. Дзержинского, часть которой также проходила через владимирские земли. После этой реорганизации полк продолжал осуществлять охрану на указанных дорогах.

До 1939 г. 75-й полк обеспечивал охрану железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского и был включен в состав 9-й отдельной бригады войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. В июле–августе 1939 г. полк был расформирован, а личный состав передан на формирование 21-го отдельного батальона войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений (штаб в г. Москве), который входил в состав созданной в 1939 г. 9-й отдельной бригады войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, переименованной в 1940 г. в 29-ю бригаду войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. С момента формирования батальона и вплоть до начала Великой Отечественной войны гарнизон 2-й роты (штаб в г. Москве) батальона осуществлял охрану железнодорожного моста через р. Клязьму (100-й км) в районе ст. Усад.

Вместе с тем реорганизации войск НКВД СССР по охране железных дорог и оптимизация системы управления привели к необходимости закрепления охраны одной железной дороги конкретной войсковой частью. В частности, для обеспечения охраны объектов Горьковской железной дороги после переформирования частей НКВД СССР в апреле 1938 г. был создан 6-й отдельный батальон войск НКВД по охране железнодорожных сооружений с дислокацией штаба в г. Горьком, тем самым эта часть дороги изымалась из ведения 75-го полка. Однако объекты Горьковской железной дороги на вышеназванных участках в исследуемый период батальоном не охранялись. 6-й отдельный батальон входил в состав 8-й, а впоследствии 28-й бригады войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений.

[1] РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 430. Л. 2.
[2] Там же. Д. 513. Л. 1 (об.).
[3] Там же. Л. 2 (об.).

Кроме того, необходимо подчеркнуть следующее: несмотря на то, что на исследуемой территории проходило несколько важнейших для СССР железных дорог, с большим количеством мостов, станций и т. д., охрана осуществлялась только двух объектов: железнодорожных мостов через р. Клязьму (100-й км) в районе ст. Усад и через р. Оку в районе г. Мурома, тогда как все остальные объекты железнодорожного транспорта войсками НКВД СССР к началу лета 1941 г. уже не охранялись.

Деятельность войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений регламентировалась соответствующим Уставом службы войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений от 10 июня 1939 г., а также актами, принятыми НКВД СССР по итогам советско-финской войны, в которых был учтен опыт деятельности войск, например Инструкция по борьбе с белофинскими бандами 1940 г., и др.

Спецификой службы войск являлось то, что охрана и оборона осуществлялись гарнизонами, которые подразделялись на пять типов. Причем тип гарнизона войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, определялся не степенью стратегической важности того или иного железнодорожного моста, его географическим положением и т. д., а длиной и количеством военнослужащих, необходимым для обеспечения качественной охраны объекта. Например, гарнизон первого типа (16 чел.) охранял железнодорожные мосты длиной до 75 м, гарнизон второго типа (21 чел.) – до 150 м, гарнизон третьего типа (28 чел.) – до 300 м, гарнизон четвертого типа (36 чел.) – до 600 м, гарнизон пятого типа (50 чел.) – свыше 600 м [Ковыршин 2011, с. 34].

После очередной оптимизации управления войск НКВД СССР с 26 февраля 1941 г. в его структуре были образованы также новые управления, такие: Главное управление погранвойск НКВД СССР; Главное управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности; Управление оперативных войск НКВД СССР; Управление конвойных войск НКВД СССР, – следствием чего стало очередное переименование частей, обеспечивавших охрану железных дорог и промышленности, например, 28-я бригада войск НКВД по охране железнодорожных сооружений была переименована в 28-ю бригаду войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности. По состоянию на 1 июня 1941 г. эта бригада включала в себя: 6, 13 и 20-й отдельные батальоны, 74-й полк по охране железнодорожных сооружений, 1-ю отдельную роту, комендатуру Госбанка (Казань), 90-й отдельный батальон и 183-й полк войск НКВД СССР по охране особо важных объектов промышленности. Таким образом, в составе бригады были объединены все части, осуществлявшие охрану на территории Ивановской промышленной, Горьковской областей, а также Татарской, Чувашской АССР, что значительно повышало эффективность управления.

Строительство мобилизационной экономики потребовало укрепления безопасности объектов как промышленного, так и транспортного характера. Вместе с тем, как показывает практика и внутренний курс руководства НКВД СССР, в предвоенный период с начала 1930-х гг. происходило наращивание и увеличение частей по охране промышленных и железнодорожных объектов, а в конце 30-х гг. XX в. началось сокращение войск НКВД, осуществлявших охрану промышленных объектов и железнодорожных сооружений, что отразилось и на частях, дислоцировавшихся в указанных районах Ивановской промышленной, Московской и Горьковской областей, например, сокращение 134-го батальона войск НКВД СССР по охране Ковровского инструментального завода № 2.

В конечном итоге, к лету 1941 г. на территории «владимирских» районов Ивановской промышленной, Московской и Горьковской областей дислоцировались подразделения 28 и 29-й бригад войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, в частности: гарнизон 2-й роты 21-го отельного батальона 29-й бригады,1-я рота 74-го полка 28-й бригады войск НКВД на ст. Муром; подразделения 14-й дивизии конвойных войск НКВД – рота 134-го отдельного батальона, роты 242 и 236-го полков.

Подводя итог, можно констатировать, что, во-первых, в указанный период происходило дальнейшее совершенствование правового регулирования организации и деятельности войск, обеспечивавших внутреннюю безопасность социалистического государства. По мере усложнения задач регламентировалась их служебная деятельность уставами, инструкциями, которые регулировали порядок организации и служебной деятельности войск НКВД СССР. В частности, применительно к специфике деятельности войск разрабатывались совместные инструкции, отражающие различные аспекты организации службы, взаимодействия подразделений с администрацией охраняемых объектов, с вахтерско-сторожевой охраной, регламентировавшие пропускной режим, инженерно-технические средства охраны, особенности конвойной службы и охраны тюрем, лагерей военнопленных и т. д. Во-вторых, в течение исследуемого периода происходила трансформация системы организации и управления войск ОГПУ–НКВД СССР, что во многом было связано с внутриполитической и экономической обстановкой в стране и мире. На территории «владимирских» районов Ивановской промышленной, Горьковской, Московской областей дислоцировалось достаточное количество подразделений войск

НКВД СССР, которые решали поставленные задачи в соответствии с расположением охраняемых объектов – тюрем, предприятий, железнодорожных объектов согласно дислокации, утвержденной руководством войск НКВД СССР и других наркоматов на основании решений советского правительства.

Список цитируемых источников

Ерин 2014 – *Ерин Д. А.* Деятельность органов и войск ОГПУ по обеспечению охраны промышленных предприятий и государственных сооружений РСФСР (1927–1934 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4(33). С. 173–178.

Ерин 2015 – *Ерин Д. А.* Организация и деятельность войск НКВД СССР по обеспечению охраны промышленных предприятий и государственных сооружений Советского государства в период с 1934 по 1941 г. // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2(35). С. 132–137.

Ковыршин 2011 – *Ковыршин Е. В.* Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования, 1934–1947 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 23 с.

Некрасов и др. 1996 – Органы и войска МВД России: крат. ист. очерк / [В. Ф. Новожилов и др.]. М. : Объед. ред. МВД России, 1996. 22 с.

Новожилов и др. 2016 – История внутренних войск МВД России : в 5 т. М. : На боевом посту, 2016.

Рожнов 2003 – *Рожнов С. Н.* Внутренние войска Отечества. Организационно-правовые основы развития, 1811–1991 гг.: историко-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 511 с.

Федоров 2005 – *Федоров П. А.* Конвойные войска СССР: государственно-правовые основы организации и деятельности (1918–1941 гг.): историко-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 27 с.

References

Erin, D. A. (2014), “Activities of the OGPU bodies and troops to ensure the protection of industrial enterprises and state structures of the RSFSR (1927–1934)”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(33), pp. 173–178.

Erin, D. A. (2015), “Organization and activity of the troops of the NKVD of the USSR to ensure the protection of industrial enterprises and state structures of the Soviet state in the period from 1934 to 1941”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(35), pp. 133–137.

Fedorov, P. A. (2005), “Convoy troops of the USSR: state and legal bases of organization and activity (1918–1941)”, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Kovy’rshin, E. V. (2011), “The troops of the NKVD of the USSR: the evolution of the structure and practice of use, 1934–1947”, Abstract of Ph. D. dissertation, domestic history, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia.

Nekrasov, V. F. et. al (1996), *Organy’ i voiska MVD Rossii* [Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia], Ob”edinennaya redaktsiya MVD Rossii, Moscow, Russia.

Novozhilov, V. Yu. et. al (2016), *Istoriya vnutrennikh voisk MVD Rossii, v 5 t.* [History of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in 5 vol.], Na boevom postu, Moscow, Russia.

Rozhnov, S. N. (2003), “Internal troops of the Fatherland. Organizational and legal foundations of development, 1811–1991”, D. Sc. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ерин Дмитрий Александрович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dmitry-0333@mail.ru

Безносов Игорь Александрович,
ЧОП «РН-Охрана-Ижевск», Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация; Flash_65@mail.ru

Information about the authors

Erin Dmitry A.,
doctor of law, associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; dmitry-0333@mail.ru

Beznosov Igor’ A.,
ChOP “RN-Okhrana-Izhevsk”, Izhevsk, Udmurtia, Russian Federation; Flash_65@mail.ru

Для цитирования

Ерин Д. А., Безносов И. А. Войска ОГПУ–НКВД СССР на территории ряда районов Ивановской промышленной, Горьковской и Московской областей в период с 1929 по 1941 г.: организация и правовое регулирование деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 142–149.

For citation

Erin, D. A. and Beznosov, I. A. (2021), “The troops of the OGPU–NKVD of the USSR on the territory of some districts of the Ivanovo industrial, Gorky and Moscow regions in the period 1929–1941: organization and legal regulation of activities”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 142–149.

УДК 340

О. А. Карцевская[1]
[1]*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

O. A. Kartsevskaya[1]
[1]*National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Соотношение единоличного и коллегиального принципов при осуществлении правосудия в истории России

Correlation of individual and collective principles in the administration of justice in the history of Russia

Ключевые слова: коллегиальность; единоначалие; судья; судебная система; суд присяжных; народный суд; судебная реформа.

Аннотация. В статье исследуется исторический аспект соотношения единоличного и коллегиального принципов в принятии решений отечественными судебными органами. Особое внимание уделяется судебным функциям новгородского веча, новгородским и псковским купеческим корпоративным судам, церковным судам, судам наместников с участием «лучших людей», суду присяжных заседателей, советским народным и товарищеским судам. Выделены и охарактеризованы исторические этапы, в рамках которых преобладал тот или иной принцип вынесения судебного решения. При этом делается вывод, что ни на одном из этапов российской истории ни один из порядков – коллегиальный или единоличный – не был исключительным, они всегда сочетались в разных долях.

Key words: collegiality; unity of command; judge; judicial system; jury; people's court; judicial reform.

Abstract. The article is devoted to the history of implementation of the principle of collegiality in the history of the Russian judicial system. The correlation of individual and collegial in decision-making by domestic judicial bodies is investigated. Special attention is paid to the judicial functions of the Novgorod Veche, Novgorod and Pskov merchant corporate courts, Church courts, courts of governors with the participation of the "best people", the jury, the Soviet people's and friendly courts. The historical stages within which this or that principle of adjudication prevailed are singled out and characterized. At the same time, it is concluded that at any stage of Russian history, none of the orders – collegial or individual-was exceptional, they were always combined in different parts.

Коллегиальность представляет собой принцип управления, при котором решение определенных задач происходит в процессе совещания лиц, имеющих соответствующие полномочия, и суммирования их воль при принятии решения. Коллегиальность – принцип, используемый как при осуществлении государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной), так и в общественных объединениях и коммерческих организациях. В нашем исследовании коллегиальное принятие судебного решения означает, что оно принимается коллегией (группой) судей большинством голосов. Соответственно, принятие судебного решения одним судьей означает единоличное осуществление правосудия.

Учитывая достаточно продолжительный период, избранный для исследования вопроса (начиная с догосударственного общинного устройства славянских племен и заканчивая преобразованиями судебной системы конца XX в.), мы не ставим своей целью в полной мере раскрыть заявленный период. Результат видится в обозначении проблемы, выделении соответствующих исторических периодов и представлении их краткой характеристики применительно к предмету исследования.

В *догосударственный период* развития восточных славян коллегиальность преобладала в разрешении споров между членами рода и иными лицами на этапе родоплеменного развития человеческого общества. Отметим, что такая коллегиальность еще не является собственно судебной, поскольку применительно к этому периоду общественного развития нельзя говорить ни о праве как таковом, ни о судебной власти. Вместе с тем община в процессе своего существования поколение за поколением вырабатывала определенные социальные нормы и сама в лице общего собрания (совета) привлекала нарушителей к ответственности [Толстик 1999, с. 33]. Коллегиальное вынесение судебных решений также было широко развито на этапе военной демократии, однако охватывало лишь серьезные проступки или споры, более мелкие рассматривались единолично князем или назначенными им членами общины.

Единоличное вынесение судебных решений стало более широко применяться *после возникновения*

© Карцевская О. А., 2021

Древнерусского государства. На этапе развития государства в качестве раннефеодальной монархи (X–XII вв.) проступки разбирал непосредственно князь, а также по его поручению –старшие дружинники или представители сельских и городских общин. При этом никто из вершивших суд не был судьей по профессии, осуществление судебной функции рассматривалось как обязанность в рамках администрирования. Единоличность в решении судебных дел предписывалась наследникам княжеского престола в «Поучении» Владимира Мономаха (1053–1125 гг.), где о судье повествуется исключительно в единственном числе: «…так я хвалю Бога и тогда, когда… собираюсь творить суд людям…»[1].

С принятием христианства на Руси начали функционировать церковные суды, правосудие в которых осуществлялось, как правило, одним духовным лицом. Вместе с тем церковь единолично разбиралась в так называемых греховных делах, т. е. в делах о преступном нарушении христианской морали. Дела же, в которых сочетались нарушение моральных норм и деяние, угрожающие общественной безопасности (убийства, поджоги и прочие подобные акты), рассматривались совместным судом. Такой суд состоял из княжеского и церковного судьи. Подобное использование принципа коллегиальности объяснялось необходимостью вынесения в определенных случаях смертных приговоров: церковный судья не мог их вынести единолично, исходя из гуманистических христианских идей, а княжеский представитель в необходимых случаях инициировал такую суровую кару [Исаев 2004, с. 50].

В древних Новгороде и Пскове функционировал институт прямой демократии – вече, – которое изначально осуществляло суд по основной массе дел. Впоследствии, однако, за этим коллективным институтом сохранились только функции высшего суда. Традиции коллегиального рассмотрения спорных дел на севере Руси действовали и в отношении торговых споров. Так, князем Всеволодом Мстиславовичем (ок. 1095/1100–1138 гг.) в документе под названием «Рукописание» был утвержден устав корпорации купцов, объединившихся вокруг церкви Иоанна Предтечи на Опоках, в котором определялся порядок коллегиального разрешения торговых споров: «…с этой целью был учрежден особый суд, состоящий из трех старост от именитых горожан, двух старост – от купцов и тысяцкого – от черных людей» [Ольшанская 2014, с. 96]. В коллегиальном же порядке рассматривались и дела между новгородскими и ганзейскими купцами, когда на основании договора заседал суд из представителей феодальной республики и немецких ольдерманов [Куницын 1843, с. 145].

В *период феодальной раздробленности,* который в России длился приблизительно с XII по XV в., действовали так называемые сместные суды, т. е. суды княжеского наместника. Феодалы в пределах своих земельных владений вершили суд самостоятельно. Удельные князья осуществляли суд в порядке кормления: судебный процесс рассматривался как один из источников обогащения. Очевидно, что в этот период возобладало единоличное осуществление судебной власти. Немаловажной причиной такой популярности единоличного порядка стала его монетизация, чуть ли не открытое позиционирование суда как средства обогащения. В древних Новгороде и Пскове, всегда отличавшихся особыми условиями в период феодальной раздробленности Руси, помимо единоличного суда, существовал также совместный суд князя с посадником. Князь, несмотря на ведущую политическую роль, не мог вершить суд самостоятельно. Заслуживает внимания также новгородский суд высшей инстанции, в котором наместник и посадник делили судебную власть с десятью присяжными. Последние назывались «докладчиками» и представляли новгородские «концы» [Чебулаева 2011, с. 91]. Хозяйственные споры купцов и ремесленников рассматривали корпоративные суды – суды братчины. В русских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского, помимо подавляющего числа судов, в которых судьи выносили решение единолично, действовал избираемый на дворянских и церковных съездах коллегиальный Главный трибунал. Коллегиальные суды действовали также в казачьих областях, в которых общее собрание было высшим судом.

В *Русском (Московском) государстве* утвердились приказы как органы управления и судебные органы, в которых правосудие осуществлялось единолично. Кроме того, уже с конца XV в. были ограничены в правах «кормленщики», т. е. лица, осуществляющие управление и суд и взимающие за это с населения плату – корм. Были устанавлены суммы сборов, которые должны были быть собраны в рамках «кормления» [Назаренко 2019, с. 111]. К тому же в состав суда были введены представители местной знати («лучших людей»). Таким образом, используя принцип коллегиальности великокняжеская власть ограничивала политический вес наместников.

С середины XVI в. систему кормлений заменили земские и губные избы, которые сочетали в себе свойства коллегиальности и выборности[2]. Местные управители, представители царской администрации – наместники и волостители – осуществляли суд с участием выборных от населения,

[1] Поучение Владимира Мономаха // Изборник : сб. произведений лит. Древ. Руси. М. : Худ. лит., 1969. С. 157.

[2] Российское законодательство X–XX в. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. С. 208, 210, 214, 215.

что также увеличивало значение коллегиальности в рассмотрении дел. О необходимости введения таких заседателей («лучших людей») говорится в ст. 38 Судебника 1497 г.[1] По Судебнику 1550 г., наместник и волоститель вершили суд с участием земских старост и целовальников (присяжных заседателей), которые осуществляли контроль применения законов и правовых обычаев. На наш взгляд, укоренение принципа коллегиальности в данном случае объясняется, во-первых, усилением контроля над осуществлением правосудия, пресечением коррупционных проявлений и, во-вторых, получением всесторонней поддержки царской власти на местах от населения, представители которого допускались к осуществлению судебной власти. В допетровский период принцип единоличного вынесения судебных решений усиливался тем, что в руках воевод концентрировались все административные функции, к которым относилось и право осуществления правосудия.

Следующим этапом в соотношении единоличного и коллегиального при осуществлении правосудия в России стал *период абсолютной монархии до судебной реформы 1864 г.* К началу правления Петра I относится введение судей, которые хоть и были поднадзорные, однако не подчинялись местным администраторам непосредственно. Нововведение вызвало ожидаемое недовольство воевод. Исследователем вопроса О. Д. Серовым приводятся курьезные случаи, когда новгородский воевода отказывался предоставлять вновь образованному суду помещение, а, например, комендант Олонца генерал-майор В. И. Генин потребовал от судьи полного себе подчинения [Серов 2009, с. 92]. Коллегиальность в осуществлении правосудия в период правления Петра I проявилась в деятельности Юстиц-коллегии, которая стала судом апелляционной инстанции по всем уголовным и гражданским делам, в том числе по делам помещичьего землевладения. Коллегиальным же судебным институтом был Сенат, осуществлявший функции «высшей апелляционной инстанции» [Ефремова 2008, с. 136].

В 1775 г. Екатериной II была создана система судов, сочетавших коллегиальный и единоличный принципы осуществления правосудия с преобладанием последнего. Во главе системы был Сенат, в губерниях создавались палаты гражданского и уголовного суда, ниже которых были суды двух ступеней: верхний земский и уездный – для дворян, – губернский и выборный магистраты – для купечества, дела государственных крестьян рассматривались в верхней и нижней расправах [Пашин 2011, с. 16–17]. Следует отметить, что в дореформенный период достоинства единоличного и коллегиального порядка рассмотрения дел в судах не раскрывались в должной мере. В этой связи совершенно справедливым представляется замечание М. В. Немытиной о том, что «весь… дореформенный опыт построения судоустройства и отправления судопроизводства в России не давал никаких оснований сомневаться в том, что суды – это всего лишь часть бюрократического аппарата, которая ничем не отличается от других его звеньев» [Немытина 2015, с. 95]. Более того, при рассмотрении дел о преступлениях единоличные суды усиливали и так явный обвинительный уклон, сочетая «несовместимые функции обвинения, защиты и самого суда», что «создавало психологическую невозможность спокойного и беспристрастного правосудия» [Фетищев 2008].

Своеобразно сочетались принципы единоличного и коллегиального вынесения решений в деятельности окружных военных судов. Так, на Кавказе само дело рассматривалось коллегиально комиссиями военного суда, однако командующий войсками, стоявший во главе указанных комиссий, мог единолично применять административные наказания, в частности, высылку за границы вверенного округа. Таким образом, мы можем наблюдать элементы коллегиальности даже в такой жестко регулируемой сфере, как военная юстиция.

Отметим, что на Северном Кавказе еще до судебной реформы 1864 г. практиковался коллегиальный судебный механизм, схожий с судом присяжных заседателей. Речь идет о «народных судах», состоящих из двух кадиев и семи депутатов, которых назначал командующий войсками из наиболее уважаемых местных жителей. Решения по делам, касавшимся норм адата и шариата, принимались большинством голосов членов суда, а затем их утверждал областной командующий войсками [Сотников 2011, с. 266–267]. Похожий институт судебной системы дореволюционной России представлял собой Екатеринодарский горский словесной суд, состоявший из назначавшихся чиновников и членов (кадия и двух депутатов), избиравшихся местным горским населением и затем утверждавшихся областной властью. Решения в указанном суде принимались коллегиально [Карапетян 2006, с. 63]. Областные кавказские народные суды, в которых коллегиальное начало было развито достаточно широко, продолжали свою работу и в пореформенный период: характерно, что в областных и окружных народных судах на Северном Кавказе воинские начальники и начальники округов соответственно возглавляли судебный орган, состоявший из наиболее уважаемых представителей местного населения и кадиев, с правом решающего голоса [Абазов, Картоев 2015, с. 135–136].

[1] Судебники XV–XVI веков / подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина ; коммент. А. И. Копанева [и др.] ; под общ. ред. [и с предисл.] акад. Б. Д. Грекова. М. ; Л. : АН СССР, 1952. С. 15.

Судебная реформа 1864 г., будучи разновидностью реформы юридической [Головкин, Трофимова 2014, с. 172], «не просто улучшила порядок судопроизводства, но содействовала правовому просвещению населения, росту авторитета суда и закона, помогала менять обыденное правосознание» [Попова 2008, с. 342]. Она явилась, по меткому выражению В. А. Полищук, «самым последовательным либеральным преобразованием государственных институтов» [Полищук 2011, с. 60], в значительной мере упростила судебную систему. Сословные дореформенные суды были заменены двумя системами судов – общих и местных. Местные были представлены мировыми судьями, действовавшими единолично, и съездами мировых судей, коллегиально осуществлявшими функции апелляционной инстанции по отношению к мировым судам. Особая значимость мировой юстиции, восходящей в своей идее, по мнению С. В. Лонской, к английским институтам [Лонская 2009, с. 25; Лонская 2012, с. 182], видится С. С. Цыганенко, А. Н. Верещаку и А. Н. Ларионову в том, что «она пришла на смену самого распространенного суда в крепостной России – суда помещика» [Цыганенко, Верещак, Ларионов 2014, с. 141]. Мировые суды, будучи эффективным судебным институтом, действовавшим на основе принципа единоначалия [Смыкалин 2014, с. 42], были к тому же инстанцией, способной работать и в весьма специфических условиях [Галай 2001]. При этом реформа не затронула систему военных, духовных, коммерческих и крестьянских судов, отличавшихся весьма специфическими процедурами судопроизводства.

Одним из серьезных шагов в развитии судебной системы, осуществленных в ходе судебной реформы 1864 г., стало введение суда присяжных. А. А. Демичев, отмечая принципиальную новизну суда присяжных для России, указывает, что «он не имел под собой абсолютно никакой исторической почвы, для его введения не существовало никаких объективных предпосылок» [Демичев 2012, с. 72]. Этот институт, вызывавший критику как справа, так и слева [Илюхин 2012, с. 52–53], сочетал в себе принципы коллегиального (жюри присяжных) и единоличного (профессиональный судья, назначающий наказание) вынесения решений. По справедливому мнению исследователя Р. В. Филиппова, суд присяжных позволял целому комплексу принципов, введенных судебной реформой, взаимопереплетаясь, обеспечивать друг друга: «Только независимый, несменяемый судья мог реально обеспечить процедуру судопроизводства на началах гласности, состязательности, равенства прав и законных интересов подсудимого и обвиняемого, а также права подсудимого на защиту при участии присяжных заседателей. И наоборот, гласность, состязательность сторон, право на защиту более полно и эффективно воплощались в жизнь перед призванными в суд представителями общества, выносившими вердикт о виновности (невиновности) подсудимого при участии независимого, несменяемого судьи в процессе» [Филиппов 2008, с. 465].

Введение коллегиального начала с участием народных заседателей в той или иной форме, будь то «лучшие люди» или присяжные заседатели, часто имело не только профессионально юридический, но и политический смысл. Суды присяжных таким образом становились институтами, через которые население допускалось к осуществлению власти в отсутствии парламентских структур [Немытина 1991, с. 105]. По меткому выражению А. Н. Пичуева, «суд присяжных дореволюционной России считал своей главной целью дать железной непреложности закона общественное осмысление» [Пичуев 2009, с. 101].

Коллегиальность в пореформенном российском суде проявлялась также в институте предания суду, которое осуществлялось коллегией профессиональных судей. При этом в заседание судебной коллегии не допускались ни обвиняемый, ни обвинитель, ни защитник. Исследовавшая вопрос Т. К. Рябинина сделала выводы относительно прогрессивности выделения данной стадии судебного процесса, впоследствии упраздненной: «…решение судом, а не обвинительной властью, вопроса о предании обвиняемого суду; широкие полномочия суда; учреждение этого института как гарантии прав обвиняемого» [Рябинина 2012, с. 256].

Судебная реформа 1864 г. не устранила из судебной системы целый ряд специальных судов, в том числе церковные суды. Ключевым для церковной юстиции было понятие духовной консистории, которое определялось как «присутственное место, через которое под непосредственным начальством епархиального архиерея производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Русской Церкви, именуемом епархией»[1]. Судебные разбирательства, в которых миряне фигурировали по следующим делам: нелегально заключенные браки, расторжение браков, удостоверение фактов брака и рождения в законном браке, – проходили коллегиально назначенными архиереем лицами с последующим утверждением Святейшим Синодом [Дорская 2009, с. 21].

Советский период развития судебной системы начался с решительного изменения существовавших ранее институтов правосудия. Крутым поворотом в развитии отечественной судебной системы стал Декрет СНК РСФСР № 1 о суде[2]. При этом

[1] Устав духовных консисторий : [утв. 9 апр. 1883 г.]. Спб. : Синод. тип., 1903. С. 1.

[2] Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 17.

для принципа коллегиальности в форме присяжных заседателей документ явился пресекающим, несмотря на то, что программа РСДРП изначально имела указание на возможность использования суда присяжных как государственного института: п. 11 устанавливал «право преследовать в обычном порядке всякого чиновника перед судом присяжных»[1]. В кардинально меняющихся политических условиях единоличные судебные органы показали большую устойчивость, вероятно, в силу своей предсказуемости. Новые судебные институты на местном уровне характеризовались чертами, схожими с особенностями упраздненных мировых судов: вместе с постоянным судьей предполагались два очередных заседателя (ст. 2 Декрета № 1 о суде), что означало введение коллегиального элемента, мало что менявшего по сути.

Период с октября 1917 г. по октябрь 1922 г., когда сессией ВЦИК было принято Положение о судоустройстве РСФСР, характеризовался неустойчивостью и даже некоторой пестротой форм осуществления правосудия. Наряду с упомянутыми местными народными судами, представлявшими своеобразный симбиоз мировых судов царской России и временных судов Временного правительства [Верещагин 2017, с. 69] и советами народных судей как кассационной инстанцией создаются временные революционные суды. Данный коллегиальный орган формировался советами народных комиссаров, предусматривал наличие пятнадцати присяжных, делегируемых общественными организациями [Типеров 2013, с. 72].

Каркас советской судебной системы заложила судебная реформа 1922 г. В соответствии с постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР»[2] подавляющее количество дел (например, в 70-х гг. XX в. – более 90 % всех уголовных и гражданских дел) рассматривались на уровне районного (городского) народного суда либо народным судьей единолично, либо в составе судьи и двух народных заседателей. В частности, в его ведении находились практически все уголовные дела, за исключением государственных преступлений, умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, а также хищений государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, ряд других четко оговоренных составов преступлений. Кроме того, в ведении районного (городского) суда находилось большинство рассматриваемых судами административных и гражданских дел. На наш взгляд, городские (районные) народные суды можно отнести к условно единоначальным институтам: формально решение выносилось народным судьей при участии народных заседателей, однако в реальности присутствие представителей населения в значительной мере было атрибутом социалистического государства, провозгласившего политическую гегемонию трудящихся. Всего к 1924 г. выделялось четыре звена судебной системы: народный суд, губернский суд, верховный суд советской республики и высшая судебная инстанция – Верховный Суд СССР. Отметим, что о принципе единоначалия мы можем говорить (и то условно) только на первом уровне судебной системы, все последующие ее ступени зиждились на основе коллегиальности.

Своеобразным советским общественно-государственным институтом в 1961–1990 гг. были товарищеские суды. Нормативную основу деятельности этого коллегиального органа составляло общесоюзное процессуальное законодательство[3] и законодательство союзных республик. Создаваясь на базе домоуправлений, улиц, сельских населенных пунктов, эти органы согласно Положению о товарищеских судах имели целью «содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, развития у них чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести советских людей». Товарищескими судами, как правило, рассматривались дисциплинарные проступки, вытекающие из трудовых правоотношений, мелкие административные дела и даже мелкие имущественные споры между гражданами.

Новая страница в развитии судебной системы России связывается с принятием постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» [Крапчатова 2010, с. 259]. Отметим, однако, что суд присяжных упоминался в советском законодательстве за два года до этого: «В порядке, установленном законодательством союзных республик, по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей)» (ч. 1 ст. 11 Основ законодательства СССР и союзных республик о судоустройстве от 13 ноября 1989 г. № 756-I)[4]. Свое второе название – «расши-

[1] Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на XI съезде партии // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. М. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1983. Т. 1. С. 62.

[2] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69, ст. 902.

[3] Положение о товарищеских судах СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 26, ст. 371; 1963. № 43, ст. 750 ; 1965. № 4, ст. 83 ; 1977. № 12, ст. 254.

[4] URL: https://base.garant.ru/71085804/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/ (дата обращения: 29.10.2019).

ренная коллегия народных заседателей» – суд присяжных получил, по всей видимости, чтобы примирить советскую судебную систему с западным процессуальным институтом [Крапчатова 2010, с. 259]. Вся рассматриваемая ст. 11 Основ законодательства СССР и союзных республик «Состав суда при рассмотрении гражданских и уголовных дел» была посвящена принципу коллегиальности и установила, что, во-первых, все гражданские и уголовные дела по первой инстанции разрешаются судом в составе судьи и народных заседателей, помимо случаев использования коллегии присяжных, о чем говорилось ранее; во-вторых, пересмотр дела в кассационном и надзорном порядке должен был осуществляться коллегией не менее трех профессиональных судей; в-третьих, был установлен кворум для президиума суда не менее половины и для пленума не менее двух третей.

Верховный Совет РСФСР 24 октября 1991 г. постановил считать одним из важнейших направлений судебной реформы «признание права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных в случаях, установленных законом»[1]. В самой концепции судебной реформы уточнялось: «…признать право гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных, если ему грозит наказание в виде лишения свободы на срок свыше 1 года». Цель введения суда присяжных заседателей в концепции была сформулирована следующим образом: «…суд присяжных выступает в качестве средства разрешения нестандартных ситуаций, где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы».

Кроме этого, документ раскрыл некоторые проблемы позднесоветской юстиции и ее коллегиальных институтов, в частности. Так, был отмечен кризис института народных заседателей, которые, по всей видимости, не вписывались в прогрессирующее развитие рынка: «Отмечается стремление руководителей хозрасчетных предприятий, не говоря уже о кооперативах, препятствовать избранию народных заседателей, запрещать уже избранным покидать рабочие места ради участия в судебных процессах. На прошедших в 1990 году выборах избран лишь 81 % от требуемой численности народных заседателей; в Москве, Ленинграде, Башкирской республике, Ивановской, Читинской, Ярославской областях – от 50 до 75 %. Некоторые районные народные суды Москвы уже исчерпывают лимит представителей народа на 1991 год, что может привести к вынужденной приостановке осуществления правосудия». В концепции судебной реформы в отношении народных заседателей чувствуются неприкрытая ирония и сомнение в реальном воплощении в рамках первой инстанции советского суда принципа коллегиальности: «… “покладистая пара” народных заседателей обходится дешевле, тем паче что платить приходится не казне, а предприятиям по их месту работы».

Сочетание коллегиального и единоличного принципов при осуществлении правосудия в истории отечественного судопроизводства дает возможность сделать некоторые выводы, выделить условные этапы развития суда в Российском государстве и дать их краткую характеристику применительно к предмету исследования.

На догосударственном этапе коллегиальный принцип, на наш взгляд, преобладал над единоличным в разрешении споров, однако в это время отсутствует собственно правосудие. В этой связи первым этапом, имеющим государственно-правовой характер, можно считать период развития раннефеодальной монархии в Древнерусском государстве. Данный этап исторического развития характеризуется княжеским единоличным рассмотрением основной массы преступлений и споров, коллегиальность была характерна при решении особо важных церковно-государственных дел. Важно также то, что преобладание единоличного принципа не было непосредственно связано с автократической или республиканской политической традицией, поскольку наблюдалось как в Киеве, так и в Новгороде и Пскове. Период феодальной раздробленности также отличался преобладанием единоличного суда, однако круг субъектов осуществления правосудия расширяется: в него входили, помимо князя, княжеские представители, а также многочисленные феодалы. Подобная тенденция продолжилась и в период Русского (Московского) государства, однако царская власть намеренно вводила элементы коллегиальности в судебные институты, чтобы за счет этого ослабить концентрацию власти в руках наместников. Развитие судебной системы на этапе абсолютизма, вплоть до реформы 1864 г., характеризуется преимущественно единоначалием в осуществлении правосудия в первых инстанциях и коллегиальностью на этапах обжалования, что объяснялось необходимостью более тщательного рассмотрения дел в высших инстанциях и придания пересмотру большего веса, чему способствовало коллективное вынесение решения.

После судебной реформы 1864 г. коллегиальный принцип, не затрагивая основной массы дел, разбираемых в первой инстанции, ярко и системно проявился в институтах съездов мировых судей, предания суду коллегией судей и особенно в институте присяжных заседателей. Коллегиальность в лице

[1] О концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Суда РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 18011. URL: https://base.garant.ru/6318369/#friends (дата обращения: 29.10.2019).

судебных заседателей и съездов судей в отсутствие представительных государственных органов в общественном сознании воспринимается как некий суррогат парламентаризма. Советский период развития судебной системы характеризовался подавляющим преобладанием принципа единоличного осуществления правосудия при декоративном использовании коллегиальных начал в лице народных заседателей. Реальная коллегиальность имела место в вышестоящих судебных инстанциях при рассмотрении особо важных дел и обжаловании решений нижестоящих судов. Формальность института народных заседателей усилила общую тенденцию к демократизации государственно-правовых институтов, нашедшую выражение в возрождении дореволюционного института присяжных заседателей.

Список цитируемых источников

Абазов, Картоев 2015 – *Абазов А. Х., Картоев И. Я.* Терский областной народный суд (1864–1870): из истории интеграции Центрального Кавказа в правовую систему Российской империи // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Нальчик : КБИГИ, 2015. С. 133–140.

Верещагина 2017 – *Верещагина А. В.* Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 61–70.

Галай 2001 – *Галай Ю. Г.* Мировая юстиция на Нижегородской ярмарке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2001. № 1. С. 72–76.

Головкин, Трофимова 2014 – *Головкин Р. Б., Трофимова Н. Н.* Понятие «юридическая реформа» // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1(30). С. 168–172.

Демичев 2012 – *Демичев А. А.* Кризис суда присяжных в России 1878–1889 годов: причины, направления, результаты // Юридическая наука и практика. 2012. № 17. С. 70–74.

Дорская 2009 – *Дорская А. А.* Церковные суды в России: история и современность // Судебная система РФ: вопросы теории, истории и судебная практика / под общ. ред. С. К. Дряхлова. СПб. : Петрополис, 2009. С. 21–24.

Ефремова 2008 – *Ефремова Н. Н.* Реорганизация российской юстиции в эпоху Просвещения // Журнал российского права. 2008. № 3(135). С. 135–138.

Илюхин 2012 – *Илюхин А. В.* Проект судоустройства и судопроизводства с участием присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи: историко-правовой аспект // Юридическая мысль. 2012. № 4(72). С. 52–60.

Исаев 2004 – *Исаев И. А.* История государства и права . 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 797 с.

Карапетян 2006 – *Карапетян Л. А.* Из истории Екатеринодарского горского словесного суда // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 1–2. С. 62–70.

Крапчатова 2010 – *Крапчатова И. Н.* История становления и развития суда присяжных как процессуального института // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1. С. 256–260.

Куницын 1843 – *Куницын А. П.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. Спб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1843. 151 с.

Лонская 2009 – *Лонская С. В.* Мировая юстиция императорской России: идеи и аналоги (XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2009. Вып. 9. С. 25–33.

Лонская 2012 – *Лонская С. В.* Мировая юстиция: гипотеза генезиса // Правоведение. 2012. № 1. С. 178–188.

Назаренко 2018 – *Назаренко Н. В.* Начало формирования антикоррупционного законодательства при Иване Грозном // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Симферополь : Ариал, 2018. С. 111–113.

Немытина 1991 – *Немытина М. В.* Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 101–105.

Немытина 2015 – *Немытина М. В.* Российское самодержавие и судебная реформа 1864 // Государство и право. 2015. № 5. С. 92–98.

Ольшанская 2014 – *Ольшанская Л. В.* История возникновения и развития коммерческих судов в России // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5, № 1(19). С. 96–102.

Пашин 2011 – *Пашин С. А.* Становление правосудия. М. : Р. Валент, 2011. 456 с.

Пичуев 2009 – *Пичуев А. Н.* Окружные суды Ярославской губернии: страницы истории (1866–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 101–104.

Полищук 2011 – *Полищук В. А.* Из истории Екатеринбургского окружного суда // IX Зыряновские чтения. Курган : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2011. С. 60.

Попова 2008 – *Попова А. Д.* Открытость правосудия и его воздействие на развитие общественного сознания (на примере судебных реформ 1864 г. и рубежа XX–XXI вв.) // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 11(67). С. 341–345.

Рябинина 2012 – *Рябинина Т. К.* История развития института предания суду в пореформенной России XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 6(45). С. 252–256.

Серов 2009 – *Серов Д. О.* Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) // Lex Russica. 2009. Т. 68, № 1. С. 83–94.

Смыкалин 2014 – *Смыкалин А. С.* Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX–XXI вв. в России (часть первая) // Алтайский юридический вестник. 2014. № 4(8). С. 40–45.

Сотников 2011 – *Сотников А. А.* Полномочия военного, областного и «народных» судов: история, теория и практика // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 4(23). С. 263–271.

Типеров 2013 – *Типеров А. В.* История становления советского суда в Кыргызстане (1917–1924 гг.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13, № 9. С. 70–75.

Толстик 1999 – *Толстик В. А.* Происхождение государства и права // Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 1999. С. 31–51.

Фетищев 2008 – *Фетищев Д. В.* Развитие судебной системы в России во II половине XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1(6). С. 260–266.

Филиппов 2008 – *Филиппов Р. В.* Формирование суда присяжных в ходе судебной реформы 1864 г.: предпосылки, история, итоги // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 2(58). С. 462–466.

Цыганенко, Верещак, Ларионов 2014 – *Цыганенко С. С., Верещак А. Н., Ларионов А. Н.* Суд присяжных: история и современность // Journal of economic regulation. 2014. Т. 5, № 3. С. 139–148.

Чебулаева 2011 – *Чебулаева А. О.* История становления и развития суда присяжных в России // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2011. № 4. С. 91–92.

References

Abazov, A. Kh. and Kartoev, I. Ya. (2015), "Terek regional people's court (1864–1870): from the history of the Integration of the Central Caucasus into the legal system of the Russian Empire", *Social'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentra'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravleniya i dinamika integratsionny'kh protsessov* [Socio-political and Cultural Space of the Central and North-Western Caucasus in the XVI–early XX Centuries: trends and dynamics of integration processes], KBIGI, Nalchik, Russia, pp. 133–140.

Chebulaeva, A. O. (2011), "The history of the formation and development of the jury trial in Russia", *Vestnik Essentukskogo instituta upravleniya, biznesa i prava,* no. 4, pp. 91–92.

Demichev, A. A. (2012), "The jury trial crisis in Russia in 1878–1889: causes, directions, results", *Yuridicheskaya nauka i praktika,* no. 17, pp. 70–74.

Dorskaya, A. A. (2009), "Church courts in Russia: history and modernity", in Dryakholov, S. K. (ed.), *Sudebnaya sistema RF: voprosy' teorii, istorii i sudebnaya praktika* [The judicial system of the Russian Federation: questions of theory, history and judicial practice], Petropolis, St. Petersburg, Russia, pp. 21–24.

Efremova, N. N. (2008), "Reorganization of the Russian justice system in the age of enlightenment", *Zhurnal rossiiskigo prava,* no. 3(135), pp. 135–138.

Fetishchev, D. V. (2008), "Development of the judicial system in Russia in the second half of the XIX century", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(6), pp. 260–266.

Filippov, R. V. (2008), "Formation of the jury in the course of the judicial reform of 1864: background, history, results", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gosudarstvenny'e nauki",* no. 2, pp. 462–466.

Galai, Yu. G. (2001), "World justice at the Nizhny Novgorod fair", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya "Pravo",* no. 1, pp. 72–76.

Golovkin, R. B. and Trofimova, N. N. (2014), "The concept of "legal reform", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(30), pp. 168–172.

Ilyukhin, A. V. (2012), "Draft judicial system and judicial proceedings with the participation of jurors on State crimes in the Russian Empire: historical and legal aspect", *Yuridicheskaya my'sl',* no. 4, pp. 52–60.

Isaev, I. A. (2004), *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law], Yurist", Moscow, Russia.

Karapetyan, L. A. (2006), "From the history of the Ekaterinodar mountain verbal court", *Golos minuvshego. Kubanskii istoricheskii zhurnal,* no. 1–2, pp. 62–70.

Krapchatova, I. N. (2010), "The history of formation and development of trial by jury as a procedural institute", *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve,* no. 1, pp. 256–260.

Kunitsy'n, A. P. (1843), *Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii* [Historical depiction of ancient legal proceedings in Russia], Tipografiya 2 otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, St. Petersburg, Russian Impire.

Lonskaya, S. V. (2009), "World justice of Imperial Russia: ideas and analogues (XVIII–first half of the XIX century)", *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya "Gumanitarny'e i obshchestvenny'e nauki,* issue 9, pp. 25–33.

Lonskaya, S. V. (2012), "Global justice: a hypothesis of the genesis", *Pravovedenie,* no. 1, pp. 178–188.

Nazarenko, N. V. (2018), "The beginning of the formation of anti-corruption legislation under Ivan the Terrible", *Aktual'ny'e problemy' gumanitarny'kh nauk* [Current problems of the humanities], Arial, Simferopol, pp. 111–113.

Nemy'tina, M. V. (1991), "The post-reform court in Russia: the deformation of the main institutions of the statutes of 1864", *Izvestiya vy'sshy'kh uchebny'kh zavedenii. Pravovedenie,* no. 2, pp. 101–105.

Nemy'tina, M. V. (2015), "Russian autocracy and judicial reform 1864", *Gosudarstvo i pravo,* no. 5, pp. 92–98.

Ol'shanskaya, L. V. (2014), "History of the emergence and development of commercial vessels in Russia", *Izvestiya MGTU "MAMI",* vol. 5, no. 1(19), pp. 96–102.

Pashin, S. A. (2011), *Stanovlenie pravosudiya* [The establishment of justice], R. Valent, Moscow, Russia.

Pichuev, A. N. (2009), "District courts of the Yaroslavl province: pages of history (1866–1917)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 321, pp. 101–104.

Polishchuk, V. A. (2011), "From the history of the Yekaterinburg district court", *IX Zy'ryanovskie chteniya* [IX Zyryanov readings], Izdatel'stvo Kurganckogo gosudarstvennogo universiteta, Kurgan, Russia, p. 60.

Popova, A. D. (2008), "The openness of justice and its impact on the development of public consciousness (on the example of the judicial reforms of 1864 and the turn of the XX–XXI centuries", *Vestnik TGU,* issue 11(67), pp. 341–345.

Ryabinina, T. K. (2012), "History of the institution of trial in post-reform Russia of the XIX century", *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 6(45), pp. 252–256.

Serov, D. O. (2009), "The origin of the system of courts of general jurisdiction in Russia (from the history of the judicial reform of Peter the Great)", *Lex Russica,* vol. 68, no. 1, pp. 83–94.

Smy'kalin, A. S. (2014), "Historical and comparative analysis of judicial systems of the XIX–XXI centuries in Russia (part one)", *Altaiskii yuridicheskii vestnik,* no. 4(8), pp. 40–45.

Sotnikov, A. A. (2011), "Powers of the military, regional and "people's" courts: history, theory and practice", *Servis v Rossii i za rubezhom,* no. 4(23), pp. 263–271.

Tiperov, A. V. (2013), "The history of the formation of the Soviet court in Kyrgyzstan (1917–1924)", *Vestnik Ky'rgy'zsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta,* vol. 13, no. 9, pp. 70–75.

Tolstik, V. A. (1999), "Origin of the state and law", in Babaev, V. K. (ed.), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yurist", Moscow, Russia, pp. 31–51.

Tsy'ganenko, S. S., Vereshchak, A. N. and Larionov, A. N. (2014), "Trial by jury: history and modernity", *Journal of economic regulation,* vol. 5, no. 3, pp. 139–148.

Vereshchagina, A.V. (2017), "Decree No. 1 on the court: the history of preparation and its contents", *Sudebnaya vlast' i ugolovny' i protsess,* no. 3, pp. 61–70.

Информация об авторе

Карцевская Ольга Александровна,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; olgakartsevskaya@yandex.ru

Information about the author

Kartsevskaya Ol'ga A.,

National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; olgakartsevskaya@yandex.ru

Для цитирования

Карцевская О. А. Соотношение единоличного и коллегиального принципов при осуществлении правосудия в истории России // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 150–158.

For citation

Kartsevskaya, O. A. (2021), "Correlation of individual and collective principles in the administration of justice in the history of Russia", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 150–158.

УДК 340.1

А. А. Косых[1]
[1]*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

A. A. Kosy'kh[1]
[1]*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Право искусственного интеллекта в системе права: отрасль права или правовой институт?

The artificial intelligence law in law system: branch of law or law institution?

Ключевые слова: система права; структура права; право искусственного интеллекта; отрасль права; правовой институт.

Аннотация. В статье рассматривается проблема образования новых отраслей права на современном этапе. Автор акцентирует внимание на необходимости проведения фундаментальных и всесторонних исследований системы права. В качестве критериев интеграции новых отраслей права автор предлагает рассмотреть системные признаки, наряду с устоявшимися в теоретико-правовой науке предметом и методом правового регулирования. Делается вывод о том, что право искусственного интеллекта сегодня представляет собой правовой институт в структуре отрасли информационного права.

Key words: system of law; structure of law; artificial intelligence law; branch of law; law institution.

Abstract. The article deals with the problem of the formation of new law branches at the present stage. The author focuses on the need for fundamental and comprehensive research of the law system. As criteria for the integration of new law branches, the author suggests to consider the system features, along with the established subject and method of law regulation in the theoretical and legal science. It is concluded that the artificial intelligence law today is the law institution in the structure of the information law branch.

Актуальность вопроса. В условиях бурно развивающихся общественных отношений стабильность и устойчивость системы права начинают неизбежно уступать такому ее свойству, как динамизм. Динамизм системы права является прямым отражением динамизма права, его способности быть подвижным, целенаправленным, регулировать общественные отношения «идя в ногу со временем». Вместе с тем динамичное развитие системы права может привести к ее дестабилизации в том случае, когда частые изменения затрагивают не только содержание системы права, но и ее структуру. В этом случае система права может оказать негативное влияние и выступить фактором, деструктивно влияющим на способность норм права к упорядочению общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании. Безусловно, качество правового регулирования прямо не зависит от количества выделенных отраслей, подотраслей или институтов права, но в то же время может препятствовать нормальному развитию общественных отношений, создавать ограничения для формирования общественных отношений в новой социальной сфере в виде большого количества принимаемых нормативных правовых актов, подталкивать законодателя к придании еще до конца не сложившимся («сырым») общественным отношениям правовой формы.

Опубликование в начале XXI в. большого количества научных трудов, доказывающих необходимость выделения разнообразных отраслей права: избирательного права [Веденеев, Навальный, 2003], спортивного права [Алексеев, Гостев 2014], биомедицинского права [Мохов 2013], права науки [Кашкин 2018], миграционного права [Савощикова, Кобзарук, Телюх 2018], прокурорского права [Искандаров 2018], кадрового права [Болгова 2016], – свидетельствует о нарушении баланса между динамизмом и стабильностью системы права. Нужно заметить, что это далеко не исчерпывающий перечень «оригинальных» отраслей права. Возможно, причиной появления столь большого количества новых отраслей права выступает результат динамичного развития системы права. Здесь, кстати, уместно было бы привести позицию К. Маркса, который в «Капитале» применил принцип системности в органическом единстве с принципом развития. Однако гораздо чаще появление научного труда, посвященного очередной «отрасли права», связано в большей степени со стремлением авторов усилить научную новизну предлагаемой работы и придать исследуемой проблематике большую актуальность. Подобные предложения в основном лишены всякой научности и обоснованности, сводятся к субъективной констатации существования (или возможного появления) тех или иных общественных отношений, для урегулирования которых неминуемо требуется трансформация существующего нормативного массива в отдельную отрасль права, поскольку в существующие отрасли права данные общественные отношения, как говорится, не вписываются.

Так, Д. А. Левин весьма неубедительно предлагает определить медицинское право как самостоя-

© Косых А. А., 2021

тельную отрасль в системе российского права, поскольку, как отмечает ученый, «данный подход наиболее обоснован и соответствует реалиям сегодняшнего дня» [Левин 2017, с. 50]. В подтверждение своей позиции автор ссылается на точку зрения А. В. Тихомирова, который считает, что, во-первых, «де-факто медицинское право уже существует», во-вторых, «отсутствие медицинского права в качестве *правового института* (курсив наш. – *А. К.*) тормозит развитие практики правоприменения». Налицо абсолютный субъективизм, а также противоречивость в аргументах и путаница в терминах «отрасль права» и «правовой институт».

Или другой пример. А. П. Анисимов в соавторстве с Л. И. Щуковой и В. С. Козловым в качестве аргументов в пользу выделения отрасли воздушного права в системе российского права оперируют сравнительными прилагательными без какого-либо теоретического обоснования или гипотезы, сразу предлагая читателю выводы. Логика данных авторов строится по следующему пути: если количество норм в одном правовом институте больше, чем в другом, – значит, это уже не правовой институт; если число подотраслей в составе отдельной отрасли права больше, чем во всех отраслях российского права, – значит, с этим нельзя соглашаться [Анисимов, Щукова, Козлов 2018]. Кроме того, авторы используют метод аналогии, сравнивая воздушное право «с самостоятельной отраслью международного воздушного права», что, на наш взгляд, также неприменимо к исследованию системы права или отдельных отраслей права в рамках системного анализа. В противном случае в отечественной правовой системе давно должны оформиться и занять свое место такие отрасли, как: договорное право (аналогия – право международных договоров), дипломатическое право, право общественных организаций (аналогия – право международных организаций) и т. д.

Представляется, что выделение той или иной отрасли права должно обосновываться традиционными для теоретико-правовой науки факторами: наличием общественных отношений, требующих урегулирования (предмет правового регулирования), приемами и способами, задействованными в урегулировании данных общественных отношений (метод правового регулирования), и системными признаками, характеризующими отрасль права как самостоятельный элемент системы права.

Вышесказанное в очередной раз обусловливает актуальность представленной темы, подчеркивает необходимость проведения более концептуальных и обоснованных подходов к рассмотрению системы права и ее структурных элементов: отраслей, подотраслей, институтов и правовых норм. В противном случае, как справедливо отмечает Т. Н. Радько споры о наличии или отсутствии той или иной отрасли права «скоро достигнут критической точки, что способно привести к деструктивному результату, т. к. тормозит развитие науки, нивелирует ценность научных дискуссий и ведет к утрате обобщающего значения и практической ценности деления права на отрасли, институты и нормы» [Радько 2020, с. 142].

Система права и структура права. Существующая сегодня неоднозначность в вопросе определения системы права обусловлена, по нашему мнению, многоаспектностью понятия права и различными подходами к вопросу правообразования. Система права рассматривается как:

– объективно существующая внутренняя структура права, включающая нормы права, субинституты права, подотрасли права, отрасли и сферы права (В. В. Лазарев, Е. М. Макеева, Л. А. Морозова, Д. Е. Петров, Т. Н. Радько, М. К. Сулейманов);

– структурированная организация правовых норм, объединенных на основе предмета, метода и принципов правового регулирования в отрасли и институты для эффективного упорядочения общественных отношений (Т. А. Волкогон);

– совокупность правовых норм, а также правосознание и процесс регулирования общественных отношений (О. Е. Рычагова);

– объективно обусловленное разделение законодательства на части (институты, отрасли), связанные между собой (А. В. Сердюков);

– внутреннее строение (содержание), состоящее из правовых элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих (Л. П. Рассказов);

– внутреннее строение (структура) права, отражающее объединение и дифференциацию юридических норм (С. С. Алексеев).

В настоящей статье система права рассматривается в классической интерпретации с позиций нормативного понимания права, поскольку именно такой подход, как представляется, позволяет детально рассмотреть функциональную сторону системы права, проанализировать системные свойства и принципы, объединяющие все элементы, и определить факторы, лежащие в основе выделения и дифференциации элементов системы права. Итак, *система права – это исторически сложившееся, структурно организованное и упорядоченное внутреннее строение права, отражающее единство правовых норм и их дифференциацию в правовые институты, субинституты, подотрасли и отрасли.*

Организованность любой системы определяется не числом связей, а их характером. Связи внутри системы соединяют элементы друг с другом гораздо прочнее, чем любой из них связан с элементами, принадлежащими другой системе. Так, связи между животными одного вида гораз-

до прочнее, чем связи между отдельным представителем данного вида и представителем другого вида. Правовые институты отдельной отрасли (или подотрасли) права связаны между собой более прочно, чем с правовыми институтами другой отрасли права. Это обусловлено однородностью общественных отношений, составляющих предмет данной отрасли права.

С точки зрения теории систем системой следует называть любой набор элементов, выделенных по какому-либо принципу из других элементов окружающего мира. В свою очередь, структура – это любое соотношение элементов или их связей в той или иной системе. Структура выступает неотъемлемым свойством системы и показывает наличие определенных связей (прямых и обратных, устойчивых и неустойчивых, односторонних и многосторонних) между элементами системы. Таким образом, термин «структура» описывает любые формы отношения и взаимодействия элементов внутри системы.

Как верно заметил А. А. Малиновский, «структура – это абстрактный тип связей, независимый от числа и качества элементов. Для каждой конкретной системы она – как бы характеристика определенного "разреза" системы на данный момент времени» [Малиновский 1979, с. 84]. Структура помогает ответить на вопрос, почему качество системы в целом отличается от качества простой суммы ее элементов и описать все свойства, приобретенные системой в результате объединения, интеграции составных ее элементов и их взаимодействия. Именно структура, как справедливо отметил В. Л. Кулапов, «обеспечивает необходимую степень устойчивости, целостности системы, отражает особенность внутренней организации явления, которая проявляется в способах взаимосвязи между составными элементами по поводу достижения общей цели» [Кулапов 2011, с. 315].

Таким образом, можно заключить, что понятия «система права» и «структура права» являются неравнозначными и нетождественными. Они описывают разные стороны одного процесса – процесса функционирования всей совокупности правовых норм. Если «система права» описывает динамичную сторону права, его развитие, изменение, механизм образования и интеграции новых элементов, то «структура права» описывает статическую сторону права, количество составляющих его элементов на данный момент, их иерархию и взаимосвязи.

Право искусственного интеллекта. На современном этапе развития общества цифровизация всех сфер общественных отношений выступает в определенной степени закономерным явлением. Использование различных новейших технологий во много раз упрощает жизнь людей и нередко берет на себя выполнение некогда привычных и повседневных задач. Так, до недавнего времени сложно было представить себе онлайн обучение (как и в целом общение), покупку товаров, оказание услуг, проведение тренингов, конференций, судебных заседаний с использованием подключенного к Интернету компьютера или смартфона. Даже проведение медицинских операций стало возможным без прямого участия лечащего врача с использованием информационных технологий.

Основу современных информационных технологий довольно часто составляют технологии искусственного интеллекта. Искусственный интеллект как новое направление в развитии информационных технологий появился в середине прошлого века и в настоящее время является одним из основных векторов в развитии экономики, социальной сферы, сферы безопасности, духовной и в ряде других сфер. При этом если в обществе возникают новые общественные отношения, государство с помощью права стремится придать им статус правовых отношений, т. е. закрепить в правовых нормах субъективные права и юридические обязанности, а также ответственность за их нарушение. В этом аспекте задача права как универсального инструмента упорядочения общественных отношений состоит не только в урегулировании общественных отношений, создании барьеров и ограничений с целью предотвращения негативных последствий, но и в том, чтобы создать благоприятные предпосылки и условия, стимулирующие интенсивное развитие новых социальных явлений.

И, как мы видим, принятие ряда нормативных правовых актов различного уровня свидетельствует о довольно активной работе законодательных органов в данном направлении. Только за последние два года в России приняты: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года")[1]; Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных"»[2]; распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и

[1] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Российская газета. 2020. 28 апр.

робототехники до 2024 года»[1]; а также утвержден поручением Президента Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту»[2].

Поскольку все перечисленные правовые акты направлены на урегулирование определенной сферы общественных отношений – общественных отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, то справедливо задаться вопросом о месте данных правовых норм в системе отечественного права. Выступают ли данные нормы институтом какой-либо отдельной отрасли права или являются самостоятельной отраслью права? И каковы конкретные критерии выделения существующего нормативного массива в отдельную отрасль права?

Во-первых, нужно определиться с наименованием, и здесь мы разделяем точку зрения Н. В. Мишиной, которая предложила ввести в оборот термин «право искусственного интеллекта» [Мишина 2020]. По убеждению данного автора, этот термин, в отличие от встречающихся «право роботов», «право робототехники» или «робоправо», является более удачным, поскольку наиболее полно с содержательной стороны отражает природу и сущность общественных отношений, составляющих его предмет. Таким образом, *право искусственного интеллекта можно определить как совокупность правовых норм, направленных на урегулирование общественных отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта.*

Во-вторых, встречающийся в теории государства и права подход, связанный с выделением нормативного массива в отдельную отрасль права на основе двух главных критериев – предмета и метода правового регулирования, представляется в определенной степени неполным. Так, любой метод правового регулирования состоит из трех основных способов воздействия на поведение людей: дозволения, запрета и обязывания. Для каждой отрасли права метод правового регулирования (как его не назови!) содержит все указанные способы правового воздействия, но в оптимальном для данной отрасли права соотношении, объективно отвечающем ее потребностям [Тиряевский 2009]. Кроме того, если предположить, что каждая отрасль права обладает своим, присущим только ей методом правового регулирования, то довольно непросто будет найти столько приемов и способов воздействия на общественные отношения и их субъектов (учитывая динамику появления большого количества новых отраслей права).

При этом следует заметить, что первичным фактором в процессе зарождения новой отрасли права выступает именно предмет, т. е. однородные общественные отношения, требующие правового урегулирования (а вовсе не метод!). Возникающие в процессе развития общества новые сферы или области общественных отношений: информационные, космические, экологические, – дифференцируются, как писал А. Б. Венгеров, по своему предмету, в то время как метод регулирования данных отношений может быть выработанным частично, быть заимствованным из другой отрасли права или не иметь четкого содержания [Венгеров 2000, с. 381]. Дискуссионной видится точка зрения профессора А. В. Победкина, считающего, что «наиболее принципиальной характеристикой, определяющей особенности уголовно-процессуального права, является метод уголовно-процессуального регулирования», поскольку предмет выступает весьма подвижным в системе процессуальных отраслей и является «вторичным для самоидентификации отрасли права» [Победкин 2020, с. 68]. Метод правового регулирования может считаться первичным для «самоидентификации» отрасли права. Однако, по нашему мнению, это возможно на этапе, когда определенная сфера общественных отношений преодолела стадию дифференциации, а соответствующий нормативный массив успешно прошел этап интеграции и твердо занял свое место в системе права в качестве отрасли права.

Таким образом, выделение права искусственного интеллекта в самостоятельную отрасль права требует дифференциации однородных общественных отношений в общей массе общественных отношений; интеграции норм, направленных на урегулирование данных отношений, в систему права и выработки приемов и способов, с помощью которых общественные отношения в сфере технологий искусственного интеллекта будут упорядочены.

В-третьих, отрасль права регулирует определенный род общественных отношений, в отличие от правового института, который регламентирует вид общественных отношений [Петров 2004]. Возвращаясь к теории систем, род и вид соотносятся между собой как системы более высокого и более низкого порядка. Если предположить, что право искусственного интеллекта – это самостоятельная отрасль права, то возникает вопрос о наличии правовых институтов, образованных в рамках данной отрасли. В свою очередь, определить правовые институты, составляющие отрасль права искусственного интеллекта, представляется сегодня довольно условным или попросту неверным. Любой предлагаемый институт будет затрагивать сферу общественных отношений других отраслей права.

В этой связи право искусственного интеллекта, по нашему мнению, сегодня нужно признать правовым институтом в рамках отрасли инфор-

[1] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Там же.

мационного права. Информационное право сложилось гораздо раньше, чем право искусственного интеллекта. Помимо основных критериев выделения данной отрасли (предмет, метод, системные признаки), информационное право (и это самое главное!) преодолело стадию расширения объекта правового регулирования. Общественные отношения, регулируемые на стадии принятия первых нормативных правовых актов в сфере информации, существенно расширились и затрагивают практически все сферы жизни общества. Кроме того, помимо принципов и соответствующего нормативного массива, в законодательстве выработан институт юридической ответственности в сфере информации и информационных технологий, что также немаловажно для отрасли права.

Проанализировав паспорт научной специальности 12.00.13 – информационное право, можно привести еще один аргумент в пользу права искусственного интеллекта как института информационного права. Так, направлениями исследования по данной специальности являются: информационная среда и информационные технологии; правовое обеспечение информационной безопасности; информационная правовая культура, – т. е. все те институты, которые в содержательном аспекте могут использовать технологии искусственного интеллекта.

Таким образом, можно заключить, что *право искусственного интеллекта – это институт информационного права, который представляет собой совокупность правовых норм, направленных на урегулирование общественных отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта.*

В заключение приведем слова профессора Б. А. Грушина, который писал: «Наконец, и это самое главное, возникновение одного нового элемента в системе никогда не означает прибавление просто “одного”. Ведь мы имеем дело с органической системой, а не механическим конгломератом. И в таких условиях возникновение нового элемента всегда ведет к возникновению, по крайней мере, нескольких новых составляющих и, сверх того, сопровождается более или менее серьезным функциональным преобразованием массы составляющих системы вообще» [Грушин 1961, с. 64]. Данную позицию без преувеличения надо признать аксиомой при проведении системных исследований как в отношении государственно-правовых, так и в отношении иных предметов и явлений общественной жизни.

Список цитируемых источников

Алексеев, Гостев 2014 – *Алексеев С. В., Гостев Р. Г.* Спортивное право как новая отрасль права, область юридической науки и учебная дисциплина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». 2014. № 3. С. 25–28.

Анисимов, Щукова, Козлов 2018 – *Анисимов А. П., Щукова Л. И., Козлов В. С.* Воздушное право как отрасль права: вопросы теории // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3(44). С. 262–266.

Болгова 2016 – *Болгова Е. И.* К вопросу о необходимости выделения кадрового права в отдельную отрасль права // Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика. Воронеж : ВЭПИ, 2016. С. 168–171.

Веденеев, Навальный 2003 – *Веденеев Ю. А., Навальный С. В.* Избирательное право: роль и место в системе права России // Вестник КрасГАУ. 2003. № 2. С. 176–188.

Венгеров 2000 – *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М. : Юриспруденция, 2000. 621 с.

Грушин 1961 – *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М. : Высш. шк., 1961. 216 с.

Искандаров 2018 – *Искандаров З. Х.* Прокурорское право как отрасль права: предмет и метод его регулирования // Государствоведение и права человека. 2018. № 2(10). С. 62–67.

Кашкин 2018 – *Кашкин С. Ю.* Становление права науки как новой комплексной отрасли права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5(45). С. 16–27.

Кулапов 2011 – *Кулапов В. Л.* Теория государства и права. Саратов : СГЮА, 2011. 486 с.

Левин 2017 – *Левин Д. А.* Медицинское право как отрасль права // Кластеры. Исследования и разработки. 2017. Т. 3, № 2(7). С. 47–52.

Малиновский 1979 – *Малиновский А. А.* Основные понятия и определения теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М. : Наука, 1979. С. 78–90.

Мишина 2020 – *Мишина Н. В.* Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. 2020. № 3-5(72). С. 62–65.

Мохов 2013 – *Мохов А. А.* Биомедицинское право как отрасль права // Вопросы правоведения. 2013. № 5(21). С. 119–140.

Петров 2004 – *Петров Д. Е.* Отрасль права / под ред. М. И. Байтина. Саратов : СГАП, 2004. 192 с.

Победкин 2020 – *Победкин А. В.* Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4. С. 66–77.

Радько 2020 – Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2020. 256 с.

Савощикова, Кобзарук, Телюх 2018 – *Савощикова Е. В., Кобзарук С. В., Телюх И. В.* Миграционное право как самостоятельная отрасль российского права // Интернаука. 2018. № 3(37). С. 35–36.

Тиряевский 2009 – *Тиряевский С. А.* Система методов правового регулирования в юридической практике современного Российского государства : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 225 с.

References

Alekseev, S. V. and Gostev, R. G. (2014), "Sports law as a new branch of law, a field of legal science and an academic discipline", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Problemy' vy'sshego obrazovaniya",* no. 3, pp. 25–28.

Anisimov, A. P., Shchukova, L. I., Kozlov, V. S. (2018), "Air law as a branch of law: questions of theory", Biznes. *Obrazovanie. Pravo,* no. 3(44), pp. 262–266.

Bolgova, E. I. (2016), "On the question of the need to separate personnel law into a separate branch of law", *Pravovoe regulirovanie sovremennogo obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika* [Legal regulation of modern society: theory, methodology, practice], VEPI, Voronezh, Russia.

Grushin, B. A. (1961), *Ocherki logiki istoricheskogo issledovaniya* [Essays on the logic of historical research], Vy'sshaya shkola, Moscow, Russia.

Iskandarov, Z. Kh. (2018), "Prosecutor's law as a branch of law: the subject and method of its regulation", *Gosudarstvovedenie i prava cheloveka,* no. 2(10), pp. 62–67.

Kashkin, S. Yu. (2018), "Formation of the law of science as a new complex branch of law", *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA),* no. 5(45), pp. 16–27.

Kulapov, V. L. (2011), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], SGYuA, Saratov, Russia.

Levin, D. A. (2017), "Medical law as a branch of law", *Klastery'. Issledovaniya i razrabotki,* vol. 3, no. 2(7), pp. 47–52.

Malinovsky, A. A. (1979), "Basic concepts and definitions of systems theory", *Sistemny'e issledovaniya. Metodologicheskie problemy'. Ezhegodnik* [System research. Methodological problems. Yearbook], Nauka, Moscow, Russia, pp. 78–90.

Mishina, N. V. (2020), "Artificial intelligence law as a new sphere of legal regulation or a new branch of law", *Evraziiskii soyuz ucheny'kh,* no. 3-5(72), pp. 62–65.

Mokhov, A. A. (2013), "Biomedical law as a branch of law", *Voprosy' pravovedeniya,* no. 5(21), pp. 119–140.

Petrov, D. E. (2004), *Otrasl' prava* [Branch of law], SGAP, Saratov, Russia.

Pobedkin, A. V. (2020), "Criteria for the legality of the application of analogy in criminal proceedings", *Trudy' Akademii upravleniya MVD Rossii,* no. 4, pp. 66–77.

Rad'ko, T. N. (2020), *Sistema prava: istoriya, sovremennost', perspektivy'* [System of law: history, modernity, prospects], Prospekt, Moscow, Russia.

Savoshchikova, E. V., Kobzaruk, S. V. and Telyukh, I. V. (2018), "Migration law as an independent branch of Russian law", *Internauka,* no. 3(37), pp. 35–36.

Tiryaevsky, S. A. (2009), The system of methods of legal regulation in the legal practice of the modern Russian State, Ph. D. Thesis, theory and history of law and the state, history of the doctrines on law and the state, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Vedeneev, Yu. A. and Naval'ny'i, S. V. (2003), "Electoral law: the role and place in the Russian legal system", *Vestnik KrasGAU,* no. 2, pp. 176–188.

Vengerov, A. B. (2000), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Косых Алексей Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; lexovip36@mail.ru

Information about the author

Kosy'kh Aleksei A.,

PhD (law), associate professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation; lexovip36@mail.ru

Для цитирования

Косых А. А. Право искусственного интеллекта в системе права: отрасль права или правовой институт? // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 159–164.

For citation

Kosy'kh, A. A. (2021), "The artificial intelligence law in law system: branch of law or law institution?", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 159–164.

УДК 340.13

В. В. Мамчун[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
V. V. Mamchun[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Некоторые аспекты содержания понятия технико-юридического средства

Some aspects of the content of the concept of technical and legal means

Ключевые слова: юридическая деятельность; правотворчество; толкование и применение права; юридическая техника; правовое средство; технико-юридическое средство; техническое средство; технико-юридический прием; идеальные и материальные объекты; правовая модель.

Аннотация. В статье обращается внимание на неопределенность в понятийно-категориальном аппарате теории юридической техники, связанную с содержанием понятия технико-юридического средства; рассматриваются дискуссионные вопросы понятия технико-юридического средства; анализируются его характерные черты.

Key words: legal activity; lawmaking, interpretation and application of law; legal technique; legal remedy; technical and legal means; technical means; technical and legal method; ideal and material objects; legal model.

Abstract. The article draws attention to the ambiguity in the conceptual and categorical apparatus of the theory of legal technology, related to the content of the concept of technical and legal means. Discussion issues of the concept of technical and legal means are considered. Its characteristic features are analyzed.

Совершенствование юридической техники является необходимым условием обеспечения качества нормативно-правовой регламентации общественных отношений и создания правопорядка, отвечающего подлинным потребностям общества. Решение этой задачи, в свою очередь, невозможно без устранения неопределенности в понятийно-категориальном аппарате теории юридической техники, возникающей в силу размытости понятий и терминологической путаницы, характеризующей, в частности, состояние описания элементного состава юридической техники и прежде всего одного из ключевых ее элементов – технико-юридических средств. Отмеченная неопределенность проявляется в том, что в одних случаях необходимость их разграничения с приемами не признается имеющей принципиального значения [Давыдова 2009, с. 111; Зацепина 2017], в других – под технико-юридическими средствами понимаются также технические средства, используемые в процессе деятельности правотворческих и правоприменительных органов [Кашанина 2011, с. 87; Швед 2020], а в третьих – не разграничиваются технико-юридические средства и иные правовые средства [Болдырев 2010], а также технико-юридические приемы, интерпретируемые одновременно как средства и результаты их использования [Зацепина 2017]. Отсутствует однозначное видение перечня технико-юридических средств – у различных авторов одни и те же явления идентифицируются одновременно и как средства, и как приемы юридической техники [Болдырев 2016, с. 42–45; Юков 1979, с. 47]. В некоторых интерпретациях технико-юридические средства, а именно, юридические конструкции, презумпции и фикции относятся к общесоциальным средствам, к тому же выполняющим роль средств регулирования общественных отношений [Пронина 2017, с. 60].

Характеризуя степень научной разработанности проблематики средств юридической техники, следует отметить, что вопросы об элементном составе, в том числе и о технико-юридических средствах, отнюдь не обделены исследовательским вниманием. Проблематика юридической техники находится в центре внимания ученых-юристов. Она широко освещается и в других научных изданиях, а авторы публикаций представляют практически все регионы нашей страны. В Нижнем Новгороде по инициативе и под многолетним председательством профессора В. М. Баранова с 1999 г. проводятся ежегодные научно-практические конференции международного уровня, результатом которых являются тематические сборники и ежегодник «Юридическая техника». Не будет преувеличением утверждение о том, что вопросы юридической техники сегодня являются одним из трендов современной юридической науки[1].

[1] В этой связи весьма показательно, что в одной только научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU содержится 6 165 публикаций, в которых используется термин «технико-юридическое средство».

© Мамчун В. В., 2021

В то же время анализ указанных и иных публикаций не позволяет сделать вывод об исчерпанности вопроса о составе юридической техники в целом и ее средствах, в частности, а также об отсутствии необходимости дальнейшей научной разработки понятия технико-юридического средства.

Как правило, термин «технико-юридическое средство» («средство юридической техники»)[1] используется при анализе конкретных правовых явлений, в числе которых как сами технико-юридические средства (юридические конструкции, презумпции и др.), так и иные правовые явления (правотворчество, ограничения, принципы права и пр.). Вместе с тем само понятие технико-юридического средства при этом не подвергается исследованию, а его содержание не раскрывается, что, как уже отмечалось выше, не исключает интерпретации его и в качестве приемов, а также синонимического использования терминов «технико-юридическое средство» и «технико-юридический прием», которое в данном случае трудно признать обоснованным.

Относительно непосредственного исследования средств юридической техники надо отметить, что они, как правило, анализируются при изучении состава юридической техники в научных статьях [Болдырев 2014; Вопленко 2007; Гордиенко, Давыдова 2012; Костюнина 2017; Маршакова 2007; Миронов 2009; Швед 2019; Швед 2020], монографиях [Давыдова 2009, с. 110–111] и учебных изданиях [Баранов 2021, с. 45–46; Давыдова 2018 с. 62–69; Кашанина 2011, с. 38, 87]. При этом в работах, посвященных общим вопросам юридической техники, а также ее элементному составу, они в основном рассматриваются фрагментарно, а в учебниках им порой отводится несколько абзацев, в лучшем случае – 1–1,5 страницы. Публикации же, непосредственно посвященные средствам юридической техники, немногочисленны [Герасимова, Страхова 2015, с. 2; Караваева 2015, с. 129–131; Пронина 2017, с. 58–63; Швед 2015, с. 2; Швед 2020 и др.].

Разность методологических подходов, влекущая существенные разногласия в интерпретациях понятия, не становится предметом специального анализа. Все это в конечном итоге и приводит к неопределенности в системе понятий и категорий, которыми оперируют исследователи технико-юридической проблематики, порождает методологические и дидактические риски в научно-исследовательской и образовательной деятельности и позволяет констатировать неудовлетворительность состояния научной разработанности понятия технико-юридического средства.

С учетом этого целью настоящей работы избрано снижение степени неопределенности в понятийно-категориальном аппарате теории юридической техники, а ее предметом – порождающие эту неопределенность дискуссионные вопросы содержания понятия технико-юридического средства.

Формирование представления о явлении, раскрытие содержания его понятия невозможны без учета генетических аспектов как явления, так и отражающего его понятия. В самом первом приближении средство юридической техники – это то, с помощью чего создается и реализуется право, причем право именно как юридическое явление. Поскольку исторически и логически право и используемая при этом техника возникают одновременно, то техника в праве выступает как его внутренняя структура и форма внешнего выражения [Муромцев 2000, с. 24], его технико-юридическое, конструктивное содержание [Алексеев 1982, с. 300].

Рассматривая средство юридической техники под таким углом зрения, его истоки можно обнаружить даже в древнем праве. Так, при анализе законов Хаммурапи можно выявить не только различные виды талиона и коррелирующие им конструкции состава преступлений. Вместе с тем возможность ретроспективного применения современных технико-юридических средств не позволяет говорить о наличиии их аналогов у создателей этих законов, что, впрочем, не дает возможности и отрицать использование ими технико-юридических средств и приемов вообще. Несмотря на наличие технической, конструктивной стороны, древнее право при этом было неразвитым в технико-юридическом отношении, а юридическая техника, используемая его создателями, находилась в примитивном, зачаточном состоянии. Не будучи предметом теоретического осмысления профессиональным правосознанием (в силу отсутствия такового в рассматриваемый период), она представляла собой в значительной степени интуитивное использование ранее накопленного опыта правового регулирования. Применение термина «юридическая техника» по отношению к праву на ранних стадиях его развития возможно лишь с известной долей условности [Муромцев 2000, с. 24], что вполне справедливо и по отношению к тем явлениями, которые сегодня можно идентифицировать как средства. О технико-юридических средствах как специализированных инструментах в современном понимании

[1] Являясь сторонником жесткой терминологической определенности, мы тем не менее полагаем, что в ряде случаев имеются исключения, допускающие синонимичность терминов, когда это обосновано и оправдано, вполне относимо к использованию рассматриваемых терминов, обозначающих одно понятие и имеющих одно онтологическое основание. Логика в данном случае следующая: если техника является юридической и в качестве элемента она включает средства, то, следовательно, эти средства являются одновременно и техническими (в том специальном смысле, который вкладывается в понятие юридической техники), и юридическими. Отсюда синонимия видится не только вполне возможной, но и желательной, так как позволяет избежать повторов и однообразия при изложении текста научной работы.

можно говорить лишь при условии прежде всего их восприятия в качестве таковых профессиональным правосознанием и использования в юридической практике, а также доктринального осмысления и объективирования его результатов.

Показательно, что технически совершенная в прикладном отношении римская юриспруденция (применительно к конкретным историческим условиям), успешно оперируя такими правовыми средствами, как договоры, иски, создание которых невозможно без осмысления, обобщения юридической практики и юридического конструирования, используя аксиомы, фикции, разрабатывая юридическую терминологию и пр., не занималась теоретическим осмыслением как позитивного права, так и используемой в процессах его создания, толкования и реализации техники. В то же время в работах римских юристов, не дошедших до нас в оригинале, но известных по «Институциям» Гая и «Дигестам» Юстиниана, мы не обнаруживаем не только систематизированного описания состава юридической техники, но даже упоминания о конкретных технико-юридических средствах и приемах или указания на техническое качество тех или иных правовых явлений. Спецификой деятельности римских юристов является то, что основной их задачей было комментирование норм, их толкование применительно к конкретным казусам. Нельзя отрицать тот факт, что римские юристы создали предпосылки для разработки теории юридической техники [Болдырев 2018], хотя при этом одновременно не следует преувеличивать степень разработанности ими юридической техники, особенно в аспекте доктринального осмысления инструментов формирования технической, конструктивной стороны права.

Теоретическое технико-юридическое наследие римского права сводится главным образом к максимам, выступающим в качестве результатов концентрированного обобщения юридической практики, своего рода сгустков юридического опыта, фиксирующих основные закономерности юридической практики, которые в более поздних правовых системах трансформировались в правовые аксиомы, презумпции, принципы права.

Начало теоретического осмысления феномена юридической техники традиционно связывается с именем Р. фон Иеринга. Его называют основателем современной юридической техники, что едва ли верно. Как полагает Н. Н. Тарасов, Р. фон Иеринг в качестве техники фактически интерпретировал догму права, и это, по его словам, «другая техника, базирующаяся на правилах аристотелевской аподиктики, выросшая на категориальной оппозиции античной философии техне (искусство) – фьюзис (природа), введенной для различения “естественного” и “искусственного” и, строго говоря, не может считаться собственно юридической» [Тарасов 2007, с. 10]. Вместе с тем именно Р. фон Иеринг ввел в научный оборот термин «юридическая техника» и предпринял попытку «технического» осмысления права, дав импульс дальнейшему развитию теории юридической техники. В этой связи необходимо указать на то, что собственно проблема средств юридической техники им не затрагивалась. Р. фон Иеринг оперировал терминами «технические операции»[1], которые он одновременно именует «основными приемами юридической техники»[2], называя в их числе: юридический анализ (алфавит права)[3], логическую концентрацию[4] и юридическую конструкцию[5]. При анализе текста работы можно обнаружить упоминание о тех явлениях, которые сегодня могут быть идентифицированы именно как средства юридической техники, например о юридической терминологии[6], хотя при этом она ни терминологически, ни по смыслу не выделяется в отдельную категорию элементов состава юридической техники, которые сегодня рассматриваются в качестве технико-юридических средств. Слово «средство» он использовал лишь по отношению к упрощению права[7].

Для правильного понимания значения технико-юридической концепции Р. фон Иеринга важно учитывать, что его работа «Юридическая техника» (на это обстоятельство обращает внимание переводчик Ф. С. Шендорф) представляет собой введение к технике римского права. Материалом, на основе которого им проводится «технический» анализ права, является не современное ему буржуазное право, несравненно более совершенное в технико-юридическом отношении, а именно, древнее римское право.

Взгляды Р. фон Иеринга оказали влияние на формирование методологических позиций ряда зарубежных авторов, часто цитируемых в отечественной юридической литературе, в том числе и в исследованиях технико-юридической направленности. Так, Р. Лукич, находясь под методологическим влиянием Р. фон Иеринга, использует слово «техника» в значении эффективного действия, в котором она, по его мнению, ближе всего стоит к понятию метода [Лукич 1981, с. 205]. Соответственно, юридическая техника предстает как система методов создания и применения права. При этом он оперирует понятием средства юридической техники, рассматривая в этом качестве понятия [Лукич 1981, с. 273], разновидностью которых выступают

[1] *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. Спб. : [б. и.], 1905. С. 29, 31.

[2] Там же, с. 33.

[3] Там же, с. 33–56.

[4] Там же, с. 57–63.

[5] Там же, с. 64.

[6] Там же, с. 30.

[7] Там же, с. 28.

правовые конструкции. Конструкция им понимается как способ создания общего понятия на основе обобщения конкретных [Лукич 1981, с. 276]. В одном ряду с конструкциями рассматриваются правовые принципы и институты, язык права, правовые отношения и правовые действия [Лукич 1981, с. 278–281], что приводит к фактическому отождествлению технического и догматического, и не позволяет выявить специфику средств как правовых явлений именно технического порядка.

Понятие технико-юридического средства как самостоятельного правового явления, не отождествляемого с элементами правовой формы, в отечественной теории права вводится в научный оборот в связи с исследованием механизма правового регулирования. Средства юридической техники упоминаются здесь наряду с ее приемами в качестве инструментов, призванных обеспечить совершенство правовых актов [Алексеев 1966, с. 125–126], хотя при этом понятие технико-юридического средства не раскрывается. В более поздних работах С. С. Алексеев характеризует их подробнее, хотя и не предлагает развернутой дефиниции. В частности, он указывает на то, что средство, как и прием, предстает явлением нематериального, «технического» порядка, что они выступают в качестве внешних инструментов, и их значение по отношению к содержанию права служебное [Алексеев 2010, с. 527]. Средства, как полагает С. С. Алексеев, составляют субстрат юридической техники, ее субстанциональную основу [Алексеев 1982, с. 271].

Обобщая сказанное С. С. Алексеевым в отношении технико-юридических средств, можно выделить следующие их характерные черты: во-первых, нематериальный, технический характер [Алексеев 1982, с. 268], во-вторых, выраженность в правилах (нормах), в соответствии с которыми они используются [Алексеев 1982, с. 269], и, в-третьих, способность внешне материализоваться на уровне совершенства правовых актов [Алексеев 1982, с. 270]. Данным автором указывается также, что средства и приемы выражены в определенных идеологических явлениях и категориях [Алексеев 1982, с. 268]. Это позволяет сформировать некоторое общее представление о средствах юридической техники, но в то же время не вносит полной ясности в вопрос о том, что именно представляют эти нематериальные явления. Определенным ориентиром для ответа на него служат характеристики конкретных технико-юридических средств, рассматриваемых С. С. Алексеевым. В отношении средств юридического выражения воли законодателя он указывает, что «это нематериальные формы, при помощи которых возможно строить право», «типовые схемы, которые позволяют отливать из воли законодателя юридические нормы» [Алексеев 1982, с. 274]. Характеризуя средства словесно-документального изложения содержания нормативного акта, к числу которых им отнесены текст документа, его реквизиты и структурное построение, он определяет их как «формы, позволяющие закреплять, фиксировать надлежащим образом выраженную волю законодателя» [Алексеев 1982, с. 277].

В современной правовой литературе понимание средств юридической техники достаточно неоднозначно и плюралистично. Ряд авторов в вопросе о технико-юридических средствах демонстрируют их понимание, в основе своей солидарное с позицией С. С. Алексеева. Так, А. Н. Миронов рассматривает средства юридической техники как «юридические приспособления, необходимые при выработке текста правового акта» [Миронов 2009, с. 104]. М. Л. Давыдова под средствами (приемами) юридической техники понимает «специфические инструменты профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей» [Давыдова 2009, с. 111]. С ней солидаризуется и Е. В. Ильина [Ильина 2017, с. 121]. В подобном ключе средства юридической техники интерпретируются Н. Р. Герасимовой и Е. Страховой как «инструменты юридического выражения и внешнего изложения воли законодателя, составления документов и ведения иной работы» [Герасимова, Страхова 2015].

В составе технико-юридических средств этими исследователями упоминаются: юридическая терминология, юридические тексты, нормативное построение, системное построение, отраслевая типизация, юридическая конструкция, аксиомы, презумпции, примечания, оговорки, приложения и др. Характерными их чертами выступает идеальная, логическая природа, инструментальный характер, наличие правовой специфики, включенность в состав правотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности.

Иное понимание средств юридической техники представлено в случаях разграничения материальных и нематериальных компонентов юридической деятельности. По мнению Т. В. Кашаниной, средства составляют материальную ее часть, выступая материальными предметами, объектами, с которыми в процессе проведения юридической работы производятся манипуляции для достижения поставленной цели, в то время как приемы – это действия, способные повторяться при осуществлении чего-либо. В качестве средств рассматриваются периодические издания, средства множительной техники, карточки, вклейки, книги, журналы, компьютеры, фотоаппараты и др. [Кашанина 2011, с. 87].

На сходных методологических позициях стоят и те авторы, которые допускают одновременное включение в состав средств юридической техники явлений и материального, и нематериального по-

рядка [Карташов 2007, с. 16; Радаева 2011, с. 13–14; Швед 2020, с. 101–102]. Суть этого понимания выражает определение – «инструменты юридического выражения и внешнего изложения правовых норм, а также материальные или технические объекты, при помощи которых осуществляется подготовка проектов нормативных актов, последующее принятие (издание) нормативных правовых актов, их изменение или отмена» [Швед 2019, с. 128].

Сторонники «материального» понимания включают в состав средств юридической техники достаточно широкий круг явлений: языки, понятия, определения, суждения, буквы, знаки препинания, оглавления, термины, общенаучные категории и законы, разнообразные социальные нормы, технические средства (приборы и инструменты) компьютеры и программное обеспечение, наряду со специально-юридическими понятиями, определениями, терминами, научными категориями и законами, предписаниями, включая нормы [Карташов 2007, с. 18], кибернетические устройства, чернила и бумагу [Радаева 2011, с. 13–14], программно-технологические средства: средства компьютерных телекоммуникаций, сайты сети «Интернет», государственные информационные ресурсы и системы [Швед 2020, с. 101–102].

С такой чрезвычайно широкой трактовкой средства трудно согласиться. Во-первых, признание технического характера явления и факт его использования в юридической деятельности не выступают основанием для автоматического причисления к технико-юридическим средством. Субъекты юридической деятельности действительно используют различные технические средства. Однако при этом возникает вполне обоснованный вопрос: насколько правомерно относить их к юридическим явлениям – к технике юридической? Можно ли говорить о том, что печатная машина в типографии в момент печати изданий, в которых публикуются тексты нормативных правовых актов, приобретает особые «юридические» свойства, а затем изменяет их при печати художественных романов? В чем «юридическая» специфика компьютера, на экране которого отображается текст нормативного правового акта из системы «КонсультантПлюс» или «Российской газеты», в которой печатается текст принятых законов? Ответы на эти вопросы очевидны и не нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной аргументации.

Во-вторых, нужно разграничивать различные аспекты юридической деятельности. Она включает в себя и материальные компоненты, однако по основным чертам своей сущности, в отличие, например, от производственной, является деятельностью интеллектуально-волевой. Основное ее содержание составляют интеллектуальные действия и операции, результаты которых фиксируются, объективируются в материальной форме. Именно при совершении указанных действий и операций и используется юридическая техника, в том числе и ее средства, в то время как ее материальная, внешне выраженная сторона связана с использованием материальных средств, включая и технику.

Технико-юридические средства – это инструменты прежде всего создания права. Право есть система идеальных образований – норм-моделей возможного, должного и запрещенного поведения субъектов права, которая создается в процессе мыслительных действий и операций, предполагающих использование соответствующих средств – явлений нематериального, идеологического порядка, на что, собственно, и указывает С. С. Алексеев [Алексеев 1982, с. 268]. Будучи созданным при помощи нематериальных средств, реализуется право через идеальное явление – правосознание, выступающее единственным каналом действия права (подчеркнем, что без посредства каких-либо материальных явлений, инструментов и пр.). Создать нематериальное посредством материальных объектов невозможно так же, как невозможно истолковать правовую норму при помощи компьютера, Интернета или справочно-информационной системы. Последние помогают в хранении, поиске информации, имеющей значение для создания и реализации права, однако и создание, и толкование, и применение правовых норм протекает в правосознании в процессах юридического познания и моделирования, результатом которых выступают правовые акты.

О материальном, хотя и с существенными оговорками, можно говорить по отношению к внешней форме правовых актов, однако использование материального для объективации правового волеизъявления не делает ни само право, ни выражающие его акты материальными. Материальны бумага и печатные знаки, но не сам правовой акт. Материален документ как носитель информации о праве, но при этом необходимо учитывать, что под документом понимается не только материальное средство переноса информации, а прежде всего логическая организация (внутренняя и внешняя) норм, составляющих содержание нормативного правового акта. В противном случае при признании правового акта материальным объектом следовало бы признавать и то, что он влияет на поведение человека как материальный объект.

Таким образом, следует признать, что различные технические и электронные устройства, другие материальные явления, которые применяются в деятельности правотворческих и правоприменительных органов, лишены юридической специфики, позволяющей отнести их к средствам именно юридической техники. В этом качестве нужно рассматривать явления нематериального, идеологического порядка, используемые при совершении интел-

лектуальных действий и операций, составляющих содержание юридической деятельности. На это обстоятельство специально обращается внимание при характеристике элементов состава юридической техники [Алексеев 1982, с. 268; Юков 1979, с. 48].

Кроме отмеченных выше технических средств, к средствам юридической техники предлагается относить нематериальные явления, также используемые в процессах правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности, так называемые общесоциальные средства [Давыдова 2009, с. 114, 118; Карташов 2007, с. 18], которые, по словам В. Н. Карташова, «обстоятельно изучаются в рамках соответствующих наук (логики, философии, социологии, лингвистики, экономики, этики, математики, статистики, информатики и др.)» [Карташов 2007, с. 18].

Признавая факты использования в процессах правового мышления при генерировании правовых решений форм и законов формальной логики, законов и категорий логики диалектической, результатов других отраслей науки, применения при их выражении и объективации частей речи, языковых единиц и пр. и соглашаясь с возможностью их понимания в качестве средств, тем не менее отметим отсутствие оснований для их признания средствами технико-юридическими, или средствами юридической техники. Само по себе их вовлечение в сферу юридической деятельности так же, как и в случае с техническими и кибернетическими устройствами, не придает им какой-либо юридической специфики и не делает их специализированными инструментами конструирования, толкования и применения права. На это, к слову, указывают и сторонники их включения в состав средств юридической техники [Давыдова 2009, с.118]. Подобные аргументы можно высказать и в отношении методов научного познания, используемых в правотворчестве при изучении будущего предмета правового регулирования или в правоприменении при анализе фактических обстоятельств дела, при конструировании логических норм законодателем и правоприменителем и т. д. Они используются во вненаучных целях в процессах юридического познания наряду с общенаучными понятиями и категориями. Соглашаясь с тем, что они «незаменимы в качестве идеальной и материальной основы деятельности юриста» [Давыдова 2009, с. 315], тем не менее считаем, что придание им статуса технико-юридических средств не является обязательным условием для их использования в качестве компонентов правотворческих, интерпретационных и правоприменительных технологий и не создает препятствий для этого.

Существенной проблемой, характеризующей состояние понятийно-категориального аппарата теории юридической техники, является неопределенность содержания и объема понятий «средство» и «прием», которыми оперируют различные авторы. Если сторонниками «материальной» интерпретации средств юридической техники эти явления четко разграничиваются [Кашанина 2011, с. 87–89], то в случае включения в число технико-юридических средств материальных и идеальных явлений единства нет, и нередко эти понятия используются как синонимичные. Так, М. К. Юков определяет юридическую технику как «совокупность технических приемов, которая при этом, – по его мнению, – есть система технических средств и операций» [Юков 1979, с. 46]. К числу же технических средств он относит «все способы, при помощи которых в нормах права отражаются общественные отношения» [Юков 1979, с. 47]. Очевидно, что при таком подходе стирается грань между средством и операцией, средством и способом, способом и приемом. Вследствие этого нет и ясности в вопросе о том, что есть средство, что способ, а что прием юридической техники, и в каком соотношении они находятся.

Попытки решить проблему соотношения средств и приемов юридической техники в теории права предпринимались не раз. Так, А. С. Логиновым была высказана идея о том, что «категории “средство” и “способ” соответствуют не определенным правовым явлениям, событиям, процессам, а их положению по отношению друг к другу, а также целям и результатам правоприменительной деятельности» [Логинов 2011, с. 15]. Иначе говоря, констатируется отсутствие различий между средством и приемом, из чего следует, что в зависимости от ситуации одно и то же явление может менять свое качество, поочередно становясь то объектом (средства), то действием (приемом).

Высказывалось также мнение о том, что хотя различие между технико-юридическими средствами и приемами имеется, однако является недостаточно существенным, так как приемы при более широком взгляде предстают как средства. Отсюда делается вывод о предпочтительности использования термина «средство» по отношению к широкому кругу элементов юридической техники [Давыдова 2018, с. 64].

С подобной постановкой вопроса трудно согласиться, поскольку «средство» и «прием» не просто слова, а термины, функционирующие в определенной логико-языковой системе и используемые для обозначения соответствующих явлений, обладающих различными свойствами, которые к тому же применительно к сфере юридической техники действуют в достаточно узком смысловом диапазоне. Эти понятия отражают явления, обладающие собственной идентичностью и разными свойствами. Различается и их функциональное назначение.

С точки зрения родовых характеристик технико-юридическое средство выступает в качестве право-

вой (юридической) модели. «Модельный» характер технико-юридических средств отмечается многими исследователями при характеристике конкретных средств юридической техники, например, отраслевой типизации [Алексеев 1982, с. 276], юридических конструкций [Баранов 2021, с. 290; Давыдова 2009, с. 152–156; Доценко 2000, с. 317; Черданцев 2012, с. 230–231], правовых символов [Никитин 2000, с. 446], юридической терминологической системы [Баранов 2021, с. 184] и др.

Правовая модель – это модель соответствующего правового явления. Таковыми, в частности, выступают: субъективное право и юридическая обязанность, правовая норма, нормативный правовой и правоприменительный акт, правовые режимы, юридические конструкции, концепции проектов нормативных правовых актов и др. Одни из них используются непосредственно в процессе правового регулирования, другие – в процессах, его обеспечивающих: в правотворчестве, правоинтерпретации и правоприменении. С учетом этого следует различать нормативные модели, которые выступают в правовом регулировании в качестве правовых средств, и технические, используемые в обеспечении процесса правового регулирования.

Правовые средства – те правовые явления (инструменты) и деяния (технологии), с помощью которых, по словам А. В. Малько, удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей [Малько 1999, с. 6–7]. Строго говоря, правовыми средствами можно считать только те правовые явления, с помощью которых оказывается непосредственное регулятивное юридическое воздействие на общественные отношения. Эти модели мер и способов воздействия на поведение людей (мера принуждения, правовой стимул), должного состояния общественных отношений (логическая норма) или их элементов (норма-предписание), действий субъектов (субъективное право и юридическая обязанность, правонарушение), правового положения субъектов права (правовой статус) и др.

Технические модели выступают специализированными инструментами, с помощью которых прежде всего законодатель оперирует правовыми средствами, создавая из первичного нормативного материала (запрет, дозволения и позитивные обязывания) более сложные нормативные образования (статутные права и юридические обязанности), конструирует правовые нормы, используя последние в качестве «строительного материала» для создания системы права. «Технико-юридические средства, – как правильно отмечает Г. Р. Мурсалимов, – в своей основе относятся к средствам-инструментам и представляют собой различные юридические установления, формирующие правовые инструменты, направленные на удовлетворение интересов субъектов права» [Мурсалимов 2007, с. 6].

Технические модели, как и нормативные, с определенными оговорками хотя и могут именоваться правовыми средствами, но непосредственно влиять на общественные отношения, на поведение людей не способны. Ни юридический термин, ни юридическая конструкция, ни правовая аксиома не способны порождать какие-либо юридические последствия в отличие от, например, запрета или позитивного обязывания, закрепленного в норме.

Отнесение технико-юридических средств к числу технических, вспомогательных инструментов, обеспечивающих правовое регулирование, наряду с технико-юридическими приемами, указывает на их общую природу и позволяет рассматривать их как явления одного вида. Вместе с тем для разграничения этих явлений необходимо установление их оригинальных, т. е. присущих только средству или только приему, самобытных черт.

И средство, и прием юридической техники являются моделью связей и отношений между элементами содержания права, способов его внутренней организации и внешнего выражения, связей и отношений, возникающих в процессе правового регулирования. Сами связи могут быть как статическими, устойчивыми (например, связь между элементами логической нормы), так и динамическими – связи между типовыми действиями по оперированию статическими моделями (приемы изложения ее элементов – абстрактный и казуистический), отсюда – возможность разграничения технических моделей на статические и динамические. Технико-юридическое средство – это статическая модель организации и выражения нормативного материала, в то время как прием – динамическая. Средство – модель типовая, она не просто обеспечивает оптимальную организацию нормативного материала, а придает этой организации устойчивость, стабильность связей. Благодаря этому возникает возможность использовать эту модель в роли своего рода шаблона, готовой формы при «строительстве» норм, правовых актов и системы права.

Технико-юридический прием – модель образа действий. Моделируемым объектом здесь выступают динамические связи, обеспечивающие оптимальное и рациональное использование определенных средств для организации нормативного материала в процессах создания, толкования и реализации правовых норм, или, говоря иначе, технические операции. Такое понимание соотношения средства и приема согласуется с реальной ролью технических средств и приемов в процессах обеспечения правового регулирования.

Учитывая изложенное выше, есть основания считать, что технико-юридическое средство:

– это правовое явление, генетически, функционально и структурно связанное с позитивным правом. Оно возникает и развивается одновременно с ним, функционирует в сфере права, будучи востребовано в процессах его создания, толкования и применения, и находит отражение в его содержании, внутренней и внешней формах;

– специализированный инструмент, используемый для создания правовых средств и оперирования ими. От иных правовых инструментов (правовых средств) оно отличается служебной, вспомогательной ролью в правовом регулировании, обеспечивая его процесс;

– явление идеологической, нематериальной природы, что предопределяет форму его существования, в виде правовых понятий и категорий в профессиональном и доктринальном правосознании;

– инструмент, применение которого осуществляется в процессах правового мышления в рамках действий и операций, составляющих содержание соответствующей разновидности юридической деятельности;

– модель, фиксирующая статические связи между элементами содержания права, образующая устойчивые типовые формы организации нормативного материала, в отличие от технико-юридических приемов – моделей динамических, фиксирующих связи между действиями субъектов, связанные с оперированием соответствующими технико-юридическими средствами.

В заключение отметим, что далеко не все проблемные вопросы, связанные с понятием технико-юридического средства, получили освещение в настоящей статье в ее силу ограниченности. За ее пределами остались, в частности, вопросы об объеме понятия, о видах явлений, его составляющих, о соотношении с иными элементами состава юридической техники и др. Надеемся, что высказанные в работе мысли выступят стимулом для дальнейшей дискуссии не только по вопросу о содержании понятия технико-юридического средства, но и привлекут внимание к иным нерешенным вопросам состава юридической техники.

Список цитируемых источников

Алексеев 1966 – *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.

Алексеев 1982 – *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.

Алексеев 2010 – *Алексеев С. С.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М. : Статут, 2010. 781 с.

Баранов 2021 – Юридическая техника / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. 648 с.

Болдырев 2010 – *Болдырев С. Н.* Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности // Общество и право. 2010. № 5(32). С. 18–21.

Болдырев 2014 – *Болдырев С. Н.* Категориальный анализ средств, правил и методов юридической техники // Философия права. 2014. № 2(63). С. 11–15.

Болдырев 2016 – *Болдырев С. Н.* Преамбула и идея законопроекта как средство и прием юридической техники // Современные гуманитарные исследования. 2016. № 1(68). С. 42–45.

Болдырев 2018 – *Болдырев С. Н.* Становление юридической техники в римском праве как предпосылка юридического образования // Аграрное и земельное право. 2018. № 1(157). С. 39–44.

Вопленко 2007 – *Вопленко Н. Н.* Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. 2007. Вып. 9. С. 5–22.

Герасимова, Страхова 2015 – *Герасимова Н. Р., Страхова Е.* Средства и приемы юридической техники // Мир науки и образования. 2015. № 3(3). С. 2.

Гордиенко, Давыдова 2012 – *Гордиенко П. Ю., Давыдова М. Л.* Процедурные средства учетного типа в юридической технике правосистематизационной практики: проблема сущности и функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2(17). С. 29–40.

Давыдова 2009 – *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

Давыдова 2018 – *Давыдова М. Л.* Юридическая техника. Общая часть. М. : Проспект, 2018. 232 с.

Доценко 2000 – *Доценко Т. А.* Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : [б. и.], 2000. С. 316–322.

Зацепина 2017 – *Зацепина О. Е.* Соотношение правовых презумпций и иных средств юридической техники // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 226–233.

Ильина 2017 – *Ильина Е. В.* К вопросу о необходимости правовой регламентации применения приемов и средств юридической техники // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика. Брянск : БГУ им. И. Г. Петровского, 2017. С. 119–124.

Караваева 2015 – *Караваева В. А.* Примечание в уголовном законе: средство или прием законодательной техники? // Борьба с преступностью: теория и практика. В 2 ч. Ч. 1. Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 129–131.

Карташов 2007 – *Карташов В. Н.* Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.

Кашанина 2011 – *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.

Костюнина 2017 – *Костюнина О. В.* Конструирование элементного состава юридической техники // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. 2017. Т. 1, № 1(42). С. 3–6.

Логинов 2011 – *Логинов А. С.* Правоприменительная техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2011. 36 с.

Лукич 1981 – *Лукич Р.* Методология права. М. : Прогресс, 1981. 304 с.

Малько 1999 – *Малько А. В.* Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2(225). С. 4–16.

Маршакова 2007 – *Маршакова Н. Н.* Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 52–59.

Миронов 2009 – *Миронов А. Н.* Юридическая техника нормативных правовых актов // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3(12). С. 101–104.

Муромцев 2000 – *Муромцев Г. И.* Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : [б. и.], 2000. С. 23–37.

Мурсалимов 2007 – *Мурсалимов Г. Р.* Методология понимания технико-юридических средств преодоления правоприменительных ошибок // История государства и права. 2007. № 16. С. 5–6.

Никитин 2000 – *Никитин А. В.* Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : [б. и.], 2000. С. 440–450.

Пронина 2017 – *Пронина М. П.* Средства юридической техники в уголовном законодательстве // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 58–63.

Радаева 2011 – *Радаева С. В.* Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.

Тарасов 2007 – *Тарасов Н. Н.* Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 7–11.

Черданцев 2012 – *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 320 с.

Швед 2015 – *Швед Е. Н.* Средства и приемы юридической техники: проблемы определения и разграничения // Право.by. 2015. № 1(33). С. 35–41.

Швед 2019 – *Швед Е. Н.* Понятие средств правотворческой техники // Правовая культура в современном обществе. Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2019. С. 125–129.

Швед 2020 – *Швед Е. Н.* Типология средств и приемов правотворческой техники // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 3(42). С. 97–108.

Юков 1979 – *Юков М. К.* Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5. С. 45–49.

References

Alekseev, S. S. (1966), *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotscialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Alekseev, S. S. (1982), *Obshchaya theoria prava, v 2 t., t. 2* [General theory of law, in 2 vol., vol. 2], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Alekseev, S. S. (2010), *Sobranie sochinenii, v 10 t., t 3* [Collected Works, in 10 vol., vol. 3], Statut, Moscow, Russia.

Baranov, V. M. (ed.) (2021), *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], Prospekt, Moscow, Russia.

Boldy'rev, S. N. (2010), "Guarantees as technical and legal means of ensuring the rights and freedoms of the individual", *Obshchestvo i pravo,* no. 5(32), pp. 18–21.

Boldy'rev, S. N. (2014), "Categorical analysis of means, rules and methods of legal technique", *Filosofiya prava,* no. 2(63), pp. 11–15.

Boldy'rev, S. N. (2016), "Preamble and idea of the draft law as a means and method of legal technique", *Sovremenny'e gumanitarny'e issledovaniya,* no. 1(68), pp. 42–45.

Boldy'rev, S. N. (2018), "Formation of legal technology in Roman law as a prerequisite for legal education", *Agrarnoe i zemel'noe pravo,* no. 1(157), pp. 39–44.

Cherdantsev, A. F. (2012), *Logiko-yazy'kovy'e fenomeny' v yurisprudentsii* [Logico-linguistic phenomena in jurisprudence], Norma, Infra-M, Moscow, Russia.

Davy'dova, M. L. (2009), *Yuridicheskaya tekhnika: problemy' teorii i metodologii* [Legal technique: problems of theory and methodology], VolGU, Volgograd, Russia.

Davy'dova, M. L. (2018), *Yuridicheskaya tekhnika. Obshchaya chast'* [Legal technique. General part], Prospekt, Moscow, Russia.

Dotsenko, T. A. (2000), "The essence of legal constructions", in Baranov, V. M. (ed.), *Problemy' yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technique], N. Novgorod, Russia, pp. 316–322.

Gerasimova, N. R. and Strakhova, E. (2015), "Tools and techniques of legal technology", *Mir nauki i obrazovaniya,* no. 3(3), p. 2.

Gordienko, P. Yu. and Davy'dova, M. L. (2012), "Procedural means of accounting type in the legal technique of legal systematization practice: the problem of essence and functions", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya,* no. 2(17), pp. 29–40.

Il'ina, E. V. (2017), "On the question of the need for legal regulation of the use of techniques and means of legal technology", *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami i pravovy'e issledovaniya: teoriya, metodologiya i praktika* [Management of socio-economic systems and legal research: theory, methodology and practice], BGU imeni I. G. Petrovskogo, Bryansk, Russia, pp. 119–124.

Karavaeva, V. A. (2015), "Note in the criminal law: a means or a method of legislative technique?", *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika, v 2 ch., ch. 1* [Fighting crime: theory and practice, in 2 parts, part 1], Mogilevskii institut MVD Respubliki Belarus', Mogilev, Belarus', pp. 129–131.

Kartashov, V. N. (2007), "Legal technology or legal technique? Some methodological aspects of the study", *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 1, pp. 16–24.

Kashanina, T. V. (2011), *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Kostyunina, O. V. (2017), "Designing the element composition of legal equipment", *Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii im M. M. Speranskogo,* vol. 1, no. 1(42), pp. 3–6.

Loginov, A. S. (2011), Law enforcement technology, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, N. Novgorod, Russia.

Lukich, R. (1981), *Metodologiya prava* [Methodology of law], Progress, Moscow, Russia.

Mal'ko, A.V. (1999), "Legal means as a general theoretical problem", *Pravovedenie,* no. 2(225), pp. 4–16.

Marshakova, N. N. (2007), "Legal technique: concept, types, means, basic functions and meaning", *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 1, pp. 52–59.

Mironov, A. N. (2009), "Legal technique of normative legal acts", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(12), pp. 101–104.

Muromtsev, G. I. (2000), "Legal technology: some aspects of the content of the concept", in Baranov, V. M. (ed.), *Problemy' yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technique], s. n., N. Novgorod, Russia, pp. 23–37.

Mursalimov, G. R. (2007), "Methodology of understanding technical and legal means of overcoming law enforcement errors", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 16, pp. 5–6.

Nikitin, A. V. (2000), "Legal symbol as a technique of legal technique", in Baranov, V. M. (ed.), *Problemy' yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technique], s. n., N. Novgorod, Russia, pp. 440–450.

Pronina, M. P. (2017), "Means of legal technology in criminal legislation", *Obshchestvo i pravo,* no. 1(59), pp. 58–63.

Radaeva, S. V. (2011), Legal technique as a condition for improving the efficiency of justice, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Shved, E. N. (2015), "Means and techniques of legal technique: problems of definition and differentiation", *Pravo.by,* no. 1(33), pp. 35–41.

Shved, E. N. (2019), "The concept of means of law-making technology", *Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve* [Legal culture in modern society], Mogilevskii institut MVD Respubliki Belarus', Mogilev, Belarus', pp. 125–129.

Shved, E. N. (2020), "Typology of means and techniques of law-making techniques", *Vestnik Voronezskogo gosudarstennogo universiteta. Seriya "Pravo",* no. 3(42), pp. 97–108.

Tarasov, N. N. (2007), "Legal technique in the structure of jurisprudence (methodological problems of research)", *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 1, pp. 7–11.

Voplenko, N. N. (2007), "Interpretive technique: concept and content", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta,* vol. 9, pp. 5–22.

Yukov, M. K. (1979), "The place of legal technology in law-making", *Pravovedenie,* no. 5, pp. 45–49.

Zatsepina, O. E. (2017), "The ratio of legal presumptions and other means of legal technology", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 424, pp. 226–233.

Информация об авторе

Мамчун Владимир Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; vladimir_mamchun@mail.ru

Information about the author

Mamchun Vladimir V.,

PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; vladimir_mamchun@mail.ru

Для цитирования

Мамчун В. В. Некоторые аспекты содержания понятия технико-юридического средства // Вестник Владимирского юридического института. 2021. №1(58). С. 165–174.

For citation

Mamchun, V. V. (2021), "Some aspects of the content of the concept of technical and legal means", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 165–174.

УДК 340:004

И. Л. Петрова[1]
О. С. Кулакова[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

I. L. Petrova[1]
O. S. Kulakova[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Трансформация юридического языка в свете цифровизации права

Legal language transformation in the light of digitalization of law

Ключевые слова: право; язык; цифровизация; коммуникативная трансформация; имплементация иностранных терминов; право интеллектуальной собственности; судебная практика; контент; правовое регулирование; правовой режим цифровых материалов.

Аннотация. В статье анализируется влияние инновационных технологий, в частности цифровизации, на юридический дискурс. Рассматриваются позитивные и негативные аспекты имплементации иностранных слов в тексты юридических актов. Так, право интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации испытывает на себе значительное влияние процесса имплементации иностранных терминов. Различные формы авторских произведений, инновационные технологии, товарные знаки и иные средства индивидуализации, создаваемые в цифровом пространстве и существующие в нем, часто подпадают под действие положений федерального законодательства. Это, в свою очередь, создает реальные предпосылки для модернизации нормативных правовых актов, целью которой будет закрепление правового режима подобных цифровых материалов. В статье предлагается авторская дефиниция понятия «цифровизация».

Key words: law; language; digitalization; communicative transformation; implementation of foreign terms; intellectual property law; jurisprudence; content; legal regulation; legal regime of digital materials.

Abstract. The article analyzes the impact of innovative technologies, in particular, digitalization, on legal discourse. The positive and negative aspects of the implementation of foreign words in the texts of legal acts are considered. Intellectual property, for example, is strongly influenced by the implementation of foreign terms in the context of digital transformation. The various forms of copyright, innovative technologies, trademarks and other means of individualization created in and out of the digital space are often subject to federal law. This, in turn, creates real preconditions for the modernization of regulations aimed at consolidating the right-wing regime of such digital materials. The author's definition of the concept "digitalization".

В настоящее время невозможно не заметить влияния цифровой трансформации на современного человека. Развитие инновационных технологий затрагивает все сферы общественной жизни, ускоряя и оптимизируя некогда рутинные процессы. Активная цифровизация экономической сферы, государственного управления и «необходимость обеспечения этих процессов правовым регулированием обусловили целесообразность цифровизации и самого права» [Головкин, Амосова 2019, с. 164].

Сегодня термин «цифровизация», став известным и широко используемым, так и не получил официального нормативного закрепления. Анализ научной литературы в области филологии и права [Волкова, Плотников, Рукинов 2019; Головкин, Амосова 2019; Хабриева, Черногор 2018] позволили авторам вывести свое определение данного понятия: под цифровизацией следует понимать этап общественного развития, при котором происходит качественный технологический скачок, позволяющий осуществить внедрение инноваций в производство, сбор, накопление и использование информационных данных в целях повышения эффективности человеческого труда, снижения степени затратности ресурсов, а также изменение форм межличностных коммуникаций от непосредственного взаимодействия индивидов к опосредованным контактам в сети «Интернет». Такая трансформация ускоряет глобализационные процессы, стирает государственные границы и языковые барьеры и, как следствие, повышает уровень качества жизни всех людей.

Создание инновационных продуктов происходит во всем мире благодаря труду людей, проживающих в разных странах. Появление новой технологии обусловливает возникновение ее названия, выражаемого, как правило, на языке разработчика или автора. Осуществление сделок в отношении инновационных продуктов на транснациональных экономических рынках приводит к их распространению в разных странах. Международное обращение технологий приводит к повсеместной имплементации иностранной терминологии в национальные языки конкретных стран. Характерными общеупотребительными термина-

© Петрова И. Л., Кулакова О. С., 2021

ми в этом плане являются такие слова, как «смартфон (smartphone)», «лэптоп (laptop)» или «гаджет (gadget)», каждое из которых имеет устоявшуюся аналогию в русском языке.

Заимствование иностранных терминов имеет следствием как положительный, так и отрицательный эффект в общественной жизни конкретного государства. Так, позитивной стороной, на взгляд авторов, является то, что восприятие единиц зарубежной лексики обогащает национальный язык, повышает степень коммуникативной интеграции носителей различных культур.

Однако справедливой является и позиция ученых-филологов в отношении того, что заимствование иностранной терминологии приводит к возникновению множества языковых проблем, выражаемых, как правило, в снижении уровня грамотности речи [Волков 2020; Туранин 2009; Ястребова, Пономаренко 2020]. Так, возвращаясь к слову «laptop», отметим, что на письме оно обозначается в двух формах – «лэптоп» и «лаптоп»[1], и это приводит к «неоднородности» в употреблении, к разночтению, к орфографическим ошибкам.

Восприятие иностранных терминов оказывает влияние на общественное сознание, меняет культуру речи и привычки людей. Такая коммуникативная трансформация в большей степени затрагивает сферу юриспруденции и филологии, поэтому выступает актуальным предметом юридико-лингвистических исследований.

Сегодня язык и право как две взаимообусловленные, взаимодействующие нормативные системы, регулирующие отношения людей (являясь «формами общественного сознания и одновременно социальными регуляторами… они находятся в отношениях взаимовлияния, взаимокоррекции и взаимообогащения» [Петрова 2019, с. 6]), в значительной степени испытывают на себе влияние цифровой модернизации. Это обусловлено тем, что введение инноваций в экономику, в механизм государственного управления или в систему общественных коммуникаций требует поиска его правовой регламентации. В свою очередь, язык, являясь «единственным материалом, первоэлементом для создания правовых категорий» [Ушаков 2008, с. 15], выступает в качестве универсального средства выражения и закрепления воли законодателя и участников правореализационной деятельности.

Имплементация иностранных слов в дискурс нормативных правовых и иных юридически значимых актов, несомненно, сопряжена с появлением проблем для субъектов соблюдения, исполнения, использования и применения норм права. Явными негативными аспектами терминологического заимствования в общесоциальном контексте выступают снижение уровня грамотности носителей языка и потеря самобытности национальной культуры. При этом процесс имплементации иноязычных наименований в юридический дискурс порождает более реальные, более осязаемые, с точки зрения субъектов реализации права, проблемы.

Нельзя забывать о том, что язык юриспруденции находит свое отражение не только в текстах нормативных правовых актов, но и в иных документах, которые либо носят индивидуальный характер (решения компетентных органов по конкретному делу), либо фиксируют какие-либо факты (договоры), т. е. в целом являются «средством оформления знаковой информации, которая характеризует смысл и содержание правовых норм, фиксирует юридические факты, субъективные права и юридические обязанности, выражает индивидуальные правовые решения и т. д.» [Уздимаева 2020, с. 119]. Если субъекты правотворчества при формулировании юридических норм стремятся подобрать заимствованному слову национальный аналог или вводят новый официальный термин, создавая его легальную дефиницию, то участники процессов правореализации крайне редко используют обдуманный подход при составлении юридических документов. Последнее, как правило, часто становится основанием возникновения спорных ситуаций, оказывающих в целом негативный эффект на личность, общество и государство.

Например, право интеллектуальной собственности, динамично развивающаяся сегодня подотрасль гражданского права, в условиях цифровой трансформации испытывает на себе значительное влияние процесса имплементации иностранных терминов. Сегодня во всем мире происходит возникновение новых объектов права интеллектуальной собственности, изменение их традиционных форм.

Так, социальные сети в настоящее время стали выступать трансляторами различных материалов, создаваемых в процессе творческой деятельности конкретного человека и признаваемых объектами авторского права. Целевое назначение интернет-платформ за последние годы значительно изменилось: сегодня социальные сети не только создают условия дистанционной межличностной коммуникации, но и выступают в качестве рыночных площадок, позволяющих реализовывать различные товары, работы и услуги. В связи с этим авторское, информационное наполнение пользовательских страниц выступает в качестве «обороноспособных» объектов гражданского права.

[1] *Егорова Т. В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М. : Аделант, 2014. С. 372.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что авторские материалы, размещаемые в сети «Интернет», часто выступают в качестве служебного задания, создаваемого сотрудником организации в связи с выполнением трудовых обязанностей, или предметом договора по оказанию рекламных (маркетинговых) услуг[1]. При формулировании положений гражданско-правовых сделок контрагентами или составлении пунктов технического задания работодателем для его работника подобные информационные объекты получают различные наименования, заимствованные из иноязычной лексики.

В общем смысле, независимо от формы создания и способа трансляции, такие материалы принято называть словом «контент». Оно является англицизмом, т. е. заимствованной из английского языка единицей, адаптированной к лексике другой коммуникативной культуры, сложной замкнутой системы [Брейтер 1997; Ващенко 2017]. Слово «content» в переводе на русский язык означает «содержание». Исходя из анализа научной литературы под имплементированным словом «контент» следует понимать различные (как правило, авторские) материалы в форме текстов, изображений, аудио- и видеозаписей, размещенные на публичных площадках в информационном пространстве, доступные для пользования широких масс населения на коммерческой и некоммерческой основе [Павленко 2017].

Сейчас в результате размещения контента в социальных сетях или интернет-ресурсах средств массовой информации происходит выработка нескольких форм публикаций, наименования которых также восприняты без какой-либо трансформации носителями русского языка. Такими терминами являются, например, «сторис (stories)», «пост (post)», «твит (twit)» и др.

Несмотря на отсутствие легальных законодательных дефиниций данных понятий, подобные материалы подпадают под правовое регулирование норм Гражданского, Трудового, Уголовного кодексов Российской Федерации, Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, федеральных законов от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2], от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[3], Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»[4] и др.

Так, анализ судебной практики позволяет о говорить о том, что контент, созданный в процессе творческой интеллектуальной деятельности людей, как правило, признается объектом авторского права[5]. В настоящее время положения ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации содержат далеко не исчерпывающий перечень охраняемых правовым режимом произведений. В связи с этим создатели данных продуктов творческой деятельности могут пользоваться правомочиями авторов, в частности: заключать лицензионные договоры, являться получателями гонораров и др.

Однако отсутствие правовой регламентации подобных объектов создает риск возникновения конфликтных ситуаций в отношениях между заинтересованными сторонами, в связи с чем тексты юридических соглашений, которые оперируют иностранными терминами, становятся предметами рассмотрения компетентных, как правило, судебных органов. В ходе разрешения юридического дела создаются индивидуальные правовые акты, отражающие содержание всей доказательственной и иной документации по конкретному спору. Таким образом, происходит имплементация иностранных единиц языка в юридическую лексику публичных органов власти.

Различные формы авторских произведений, инновационные технологии, товарные знаки и иные средства индивидуализации, создаваемые в цифровом пространстве и существующие в нем, часто подпадают под действие положений федерального законодательства, однако реальное признание за ними объектов права зависит от результатов рассмотрения спорного дела компетентным органом. В связи с этим существуют реальные

[1] По результатам рассмотрения апелляционной жалобы (регистрационный номер 13АП-28177/2020) АО «Таурас-Феникс» на решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.08.2020 г. по делу № А56-6937/2020 (судья Киселева А. О.) : постановление Тринадцатого арбитр. апелляц. суда от 12 нояб. 2020 г. № 1283/2020-340327 // РосПровосудие : [сайт]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/02406e2f-c9d5-4f12-bdc9-247c453843f4/dfcebcdd-f60f-4e4a-9220-fdb3e20f67a4/A56-6937-2020__20201117.pdf?isAddStamp=True ; По результатам рассмотрения апелляционной жалобы Общества с ограниченной ответственностью «Иннова» на решение Арбитражного суда г. Москвы от 4 сентября 2020 г. по делу № А40-91403/20 : постановление Девятого арбитр. апелляц. суда от 16 нояб. 2020 г. № 895/2020-260331(2) // Там же. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/3db5a75f-f554-43aa-a498-9b1e253f3174/a34621b9-55fb-447e-b0aa-14a709ad2e28/A40-91403-2020__20201116.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2021).

[2] Российская газета. 2006. 29 июля.

[3] Там же. 15 марта.

[4] Там же. 1992. 8 февр.

[5] По результатам рассмотрения апелляционной жалобы (регистрационный номер 13АП-28177/2020) АО «Таурас-Феникс» на решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.08.2020 г. по делу № А56-6937/2020 (судья Киселева А. О.) : постановление Тринадцатого арбитр. апелляц. суда от 12 нояб. 2020 г. № 1283/2020-340327.

предпосылки модернизации нормативных правовых актов, целью которой будет закрепление правового режима подобных цифровых материалов.

Правила юридической техники в отношении языка нормативных правовых актов требуют от субъектов правотворчества осуществлять формирование текстов источников права таким образом, чтобы каждый человек мог усвоить их содержание. С точки зрения А. С. Пиголкина, закон должен быть ясным, понятным, информативным, доступным, простым [Пиголкин 1990]. В свою очередь, С. В. Солоухина и В. В. Мамчун добавляют также еще один важный принцип – адекватность, т. е. требование устранения понятийной неопределенности [Солоухина, Мамчун 2008].

На наш взгляд, в современных условиях языковая трансформация – это неизбежный глобализационный процесс, затрагивающий все сферы жизни общества. Имплементация иностранных терминов в юридическую лексику должна осуществляться с учетом всех требований юридической техники, не вступая в противоречие с положениями статей Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»[1]. Включение субъектами правотворчества в тексты нормативных правовых актов заимствованных единиц коммуникативной системы необходимо производить только после проведения качественной лингвистической экспертизы. С авторской точки зрения, детальный анализ содержания проектов законов и подзаконных актов, соотнесение предлагаемого нормативного материала с правилами современного русского языка и требованиями юридической техники позволят минимизировать риски возникновения дефектов в правовом регулировании и избежать снижения уровня грамотности (и культуры в целом) людей.

Список цитируемых источников

Брейтер 1997 – *Брейтер М. А.* Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток : Диалог-МГУ, 1997. 156 с.

Ващенко 2017 – *Ващенко Ю. С.* Вокабуляр отдельных англо-американских заимствований (англицизмов) в законодательных текстах // Вестник ВУиТ. 2017. № 1. С. 46–53.

Волков 2020 – *Волков В. В.* «Цифровая экономика»: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 135–139.

Волкова, Плотников, Рукинов 2019 – *Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В.* Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 38–49.

Головкин, Амосова 2019 – *Головкин Р. Б., Амосова О. С.* «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 163–166.

Павленко 2017 – *Павленко Т. С.* Понятие «контент»: типология, виды и технология получения дидактического контента в образовательном процессе // Известия ВГПУ. 2017. № 10(123). С. 31–35.

Петрова 2019 – *Петрова И. Л.* Лингвоюридический анализ текста. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. 86 с.

Пиголкин 1990 – Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 192 с.

Солоухина, Мамчун 2008 – *Солоухина С. В., Мамчун В. В.* Терминологическая адекватность как основное требование к юридическому лексикону // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1(6). С. 221–226.

Туранин 2009 – *Туранин В. Ю.* Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы // Современное право. 2009. № 4. С. 14–17.

Уздимаева 2020 – *Уздимаева Н. И.* Понятие, особенности и значение юридических документов // Контентус. 2020. № 4. С. 118–127.

Ушаков 2008 – *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М. : РАП, 2008. 318 с.

Хабриева, Черногор 2018 – *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Ястребова, Пономаренко 2020 – *Ястребова О. И., Пономаренко В. А.* Юридическая лингвистика как арена международного сотрудничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 208–211.

References

Breiter, M. A. (1997), *Anglitsizmy' v russkom yazy'ke: istoriy'a i perspektivy'* [Anglicisms in the Russian language: history and prospects], Dialog-MGU, Vladivostok, Russia.

Golovkin, R. B. and Amosova, O. S. (2019), "Digital rights" and "digital law" in the mechanism of digitalization of the economy and governance, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(51), pp. 163–166.

[1] Российская газета. 2005. 7 июня.

Khabrieva, T. Ya. and Chernogor, N. N. (2018), "Law in the context of digital reality", *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 1, pp. 85–102.

Pavlenko, T. S. (2017), "The concept of "content": typology, types and technology of obtaining didactic content in the educational process", *Izvestiya VGPU,* no. 10, pp. 32–35.

Petrova, I. L. (2019), *Lingvoyuridicheskii analiz teksta* [Linguistic and legal text analysis], Izdatel'stvo VlGU, Vladimir, Russia.

Pigolkin, A. S. (ed.), (1990), *Yazy'k zakona* [Language of the law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Soloukhina, S. V. and Mamchun, V. V. (2008), "Terminological adequacy as the main requirement for the legal lexicon", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(6), pp. 221–226.

Turanin, V. Yu. (2009), "The use of borrowed terminology in the texts of modern Russian laws: opportunities and limits", *Sovremennoe pravo,* no. 4, pp. 14–17.

Ushakov, A. A. (2008), *Ocherki sovetskoi zakonodatel'noi stilistiki. Pravo i yazy'k* [Essays of the Soviet legislative style. Right and language], RAP, Moscow, Russia.

Uzdimaeva, N. I. (2020), "The concept, features and meaning of legal documents", *Contentus,* no. 4, pp. 118–127.

Vashchenko, Yu. S. (2017), "Vocabulary of individual Anglo-American loanwords (anglicisms) in legislative texts", *Vestnik VUiT,* no. 1, pp. 46–53.

Volkov, V. V. (2020), "Digital economy: linguistic and linguistic aspects", *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki,* no.7, pp. 135–139.

Volkova, A. A., Plotnikov, V. A. and Rukinov, M. V. (2019), "Digital economy: the essence of the phenomenon, problems and risks of formation and development", *Upravlencheskoe konsul'tirovanie,* no. 4, pp. 38–49.

Yastrebova, O. I. and Ponomarenko, V. A. (2020), "Legal linguistics as an arena of international cooperation", *Gumanitarny'e, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvenny'e nauki,* no. 2, pp. 208–211.

Информация об авторах

Петрова Ирина Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; i-l-petrova@mail.ru

Кулакова Ольга Сергеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; okulakova19@mail.ru

Information about the authors

Petrova Irina L.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; i-l-petrova@mail.ru

Kulakova Ol'ga S.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; okulakova19@mail.ru

Для цитирования

Петрова И. Л., Кулакова О. С. Трансформация юридического языка в свете цифровизации права // Вестник Владимирского юридического института. 2021. №1(58). С. 175–179.

For citation

Petrova, I. L. and Kulakova, O. S. (2021), "Legal language transformation in the light of digitalization of law", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 175–179.

УДК 347:94(47)

А. В. Петров[1]
[1]*Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский институт), Челябинск, Российская Федерация*

A. V. Petrov[1]
[1]*South Ural State University (research institute), Chelyabinsk, Russian Federation*

Правовые основы становления института судебных приставов по реформе 1864 г.

Legal basis for the formation of the institution of bailiffs on judicial reform of 1864

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г.; исполнительное производство; институт судебных приставов; правовой статус судебных приставов; Учреждение судебных установлений; Устав гражданского судопроизводства; система исполнения судебных решений.

Аннотация. Статья посвящена вопросам образования института судебных приставов в Российской империи в ходе проведения реформы 1864 г. Автором проведен краткий анализ положений судебных уставов, регулирующих правовой статус судебных приставов, порядок их принятия на службу, ее прохождения, особенности привлечения к дисциплинарной ответственности. Описаны основные правила исполнения судебных решений, предусмотренные Уставом гражданского судопроизводства. В статье раскрыты проблемы, с которыми сталкивались правоохранительные органы в процессе применения положений судебных уставов 1864 г. об исполнительном производстве.

Key words: the judicial reform of 1864; execution proceedings; institution of bailiffs; legal status of bailiffs; The judicial institutions regulations; The Charter of Civil Procedure; the system of execution of court decisions.

Abstract. The article is devoted to the formation of the institution of bailiffs in the Russian Empire during the judicial reform of 1864. The author analyzed the provisions of the judicial statutes of 1864, which regulated the legal status of bailiffs, the procedure for accepting bailiffs for service, the passage of public service by bailiffs, and the peculiarities of bringing bailiffs to disciplinary responsibility. The article describes the basic rules for the execution of court decisions provided for in the Charter of Civil Procedure. The article reveals the main problems that arose in the application of the provisions of the judicial statutes of 1864 on the execution of court decisions.

Надлежащее исполнение судебных решений является важным условием функционирования любой судебной системы. Степень эффективности реализации судебных актов – существенный показатель того, насколько государство способно обеспечить соблюдение правовых норм и защиту гражданских свобод. При отсутствии действенного правового механизма «воплощения в жизнь» судебных решений все фундаментальные принципы права остаются лишь декларациями. В связи с изложенным вопрос о повышении эффективности системы исполнения судебных решений всегда имел особое значение. Достаточно большое внимание уделяется данному вопросу и в Российской Федерации.

Признав неэффективным действовавший в Российской Федерации в период с 1991 по 1997 г. порядок исполнения судебных решений, государственная власть инициировала принятие федеральных законов от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»[1] и № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве»[2]. Указанные законы изменили систему исполнительного производства и послужили основанием для создания не зависимой от суда службы судебных приставов. В 2000 г. на основании распоряжения Президента Российской Федерации была создана рабочая группа по совершенствованию законодательства о судебной системе, рассматривавшая вопрос о необходимости принятия Исполнительного кодекса[3]. В 2007 г. созданная по распоряжению министра юстиции Российской Федерации межведомственная группа продолжила работу над Исполнительным кодексом, положения которого, как предполагалось, должны окончательно определить место и роль службы судебных приставов в общей системе правосудия [Голубев 2011, с. 3]. С 2008 г. действует новый Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[4]. В начале 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5], которым регулируются отношения, связанные с поступлением на службу в органы Федеральной службы судебных приставов, ее прохождением и

[1] Российская газета. 1997. 5 авг.

[2] Там же.

© Петров А. В., 2021

[3] О составе рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе : распоряжение Президента Рос. Федерации от 28 нояб. 2000 г. № 534-РП // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 49, ст. 4815.

[4] Российская газета. 2007. 6 окт.

[5] Там же. 2019. 4 окт.

прекращением, а также с определением правового положения (статуса) судебного пристава.

Реформирование российского законодательства, регулирующего исполнение судебных решений, невозможно без учета историко-правового опыта, полученного в период реализации судебной реформы 1864 г., когда институт судебных приставов проходил процесс своего становления.

Правовую основу создания и деятельности института судебных приставов в Российской империи по реформе 1864 г. составляли Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства, утвержденные императором 20 ноября 1864 г. Согласно положениям Учреждения судебных установлений (далее: УСУ)[1] судебная система состояла из следующих звеньев: мировой суд, съезд мировых судей, окружной суд, судебная палата, кассационные департаменты Правительствующего Сената. Судебные приставы не входили в число должностных лиц судебного ведомства, а относились к категории лиц, состоящих при судебных местах, наравне с нотариусами, присяжными и частными поверенными, переводчиками, кандидатами на судебные должности и работниками канцелярии (ст. 11 УСУ). Они состояли при Правительствующем Сената, судебной палате и окружных судах. Предполагалось наличие судебных приставов при съездах мировых судей для обеспечения исполнения решений мировой юстиции, однако вопрос о создании штатных единиц приставов разрешался самими съездами, а с 1906 г. – также земскими собраниями. В соответствии с Уставом торгового судопроизводства особые судебные приставы состояли при коммерческих судах [Голубев 2011, с. 98].

Число судебных приставов, состоящих при общих судебных местах, определялось штатным расписанием судебного ведомства, а состоящих при съезде мировых судей – самими съездами, а с 1906 г. – земскими собраниями и городскими думами. В случае недостатка судебных приставов их обязанности могли быть возложены на полицейские органы (ст. 63, 310 УСУ).

Устанавливались законодательные ограничения для поступления на службу судебным приставом. Не допускались к занятию должности лица, не достигшие возраста 21 года, не являвшиеся русскими подданными, привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности, отстраненные от должности по приговору суда, исключенные из духовных учреждений, дворянских собраний и обществ, банкроты и лица, находившиеся под опекою за расточительство, а также назначенные или избранные государственные служащие и те, кому по решению суда запрещалось представлять интересы других лиц.

Судебные приставы, состоящие при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Правительствующего Сената, назначались председателями указанных судебных мест, а состоящие при съездах мировых судей – председателями съездов. Перед вступлением в должность судебный пристав оплачивал в кассу ведомства залог, за счет которого мог покрываться ущерб, причиненный действиями должностного лица. Приступая к исполнению обязанностей, судебные приставы давали присягу в присутствии священника на общем собрании отделений ведомства, после принесения которой им выдавались свидетельство о поступлении на должность, особый отличительный знак для ношения при исполнении обязанностей, а также специальная печать. Устанавливался испытательный срок – один год с момента начала исполнения обязанностей, по истечении которого пристав утверждался в должности председателем судебного места, о чем делалась публикация в местной печати (ст. 62, 300–304, 308, 309 УСУ).

Судебный пристав был обязан проживать в местности, входящей в юрисдикцию судебного ведомства, при котором он состоял. Место жительства пристава определялось председателем соответствующего судебного ведомства и могло быть изменено только им. Приставу запрещалось самовольно изменять место жительства под угрозой отстранения от должности (ст. 305–307 УСУ).

В отношении судебного пристава велся формулярный список, в котором указывались его личные данные (имя, возраст, чин, вероисповедание, семейное положение); дата, место и социальное положение при рождении; уровень образования с названием учебного заведения и временем его окончания; имущественное состояние, занимаемая должность и размер получаемого денежного содержания; участие в военных действиях; привлечение к дисциплинарной или уголовной ответственности, увольнения в отпуск, пребывание в отставке. Данный список составлялся после каждого официального назначения, в нем также отмечались все предыдущие места работы (послужной список), повышение и понижение в должности, присвоение чинов, званий и государственных наград. При переходе чиновника в другое ведомство данный список выдавался ему вместе с аттестатом окружного суда, подтверждающим прохождение службы, и характеристикой [Абрамовский, Юнусов 2013, с. 123].

Законодателем для судебного пристава был определен 8-й класс Табеля о рангах, присваиваемый в общем порядке чинопроизводства. В соответствии с должностью устанавливался размер оклада, вклю-

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Часть третья. Спб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867.

чавший жалованье, а также суточные и квартирные деньги. Судебные приставы получали 600 руб. годового денежного обеспечения, а также премию за совершенные исполнительные действия, размер которой определялся на основании шестого приложения к УСУ. Размер оклада судебных приставов, состоящих при съездах мировых судей, определялся по решению земских собраний и городских дум.

Существовал определенный порядок выплаты денежных средств. Казначейство перечисляло в судебное ведомство денежные средства, составлявшие фонд оплаты труда, в связи с чем выписывался специальный талон за подписью уполномоченного лица и печатью суда. Выплата производилась через кассу судебного места на основании требовательной ведомости. В ней указывались денежная сумма, подлежащая выдаче, а также установленные законом вычеты (на оплату долгов, пенсию и т. д.). Получение денежных средств удостоверялось подписью судебного пристава. Жалованье и суточные деньги выдавались ежемесячно, а квартирные – три раза в год. Для своевременного начисления денежного содержания председатель судебного ведомства сообщал в кассу о приеме, переводе, замещении или увольнении пристава. При переводе касса суда производила полный расчет чиновника и информировала другое судебное место о размере выплаченных денежных средств [Абрамовский, Юнусов 2013, с. 126].

За ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, в том числе за промедление при доставлении документов, нарушение порядка ведения производства, превышение власти, судебный пристав мог быть подвергнут дисциплинарному взысканию или привлечен к уголовной ответственности в порядке, установленном законом. Председатель судебного ведомства, при котором состоял пристав, имел право единоличным решением вынести замечание, выговор или подвергнуть аресту. Кроме того, для судебных приставов были предусмотрены отдельные виды дисциплинарной ответственности: удержание части вознаграждения, полагавшегося им за исполнительные действия, а также денежное взыскание. Вопрос о применении данных видов ответственности решался в общем порядке дисциплинарного производства. Убытки, причиненные частным лицам незаконными действиями судебного пристава, взыскивались по решению суда из залога, внесенного им, независимо от того, был ли он привлечен к дисциплинарной или уголовной ответственности (ст. 328–331 УСУ).

На судебных приставов возлагались обязанности по вручению лицам, участвующим в гражданских или уголовных делах, повесток и иных документов, а также исполнение судебных решений. Закон указывал, что пристав также обязан выполнять иные поручения председателя судебного места, однако перечень таких поручений не ограничивался. Судебному приставу запрещалось осуществлять исполнение процессуальных действий в отношении своих родственников.

Порядок исполнения судебных решений по гражданским делам регулировался положениями Устава гражданского судопроизводства (далее: УГС)[1]. Согласно процессуальному законодательству решение судебного органа исполнялось только после вступления в юридическую силу, т. е. по истечении срока для подачи апелляционной жалобы либо пересмотра решения съездом мировых судей или судебной палатой. Однако предусматривалось исключение из данного правила. Предварительное исполнение допускалось по просьбе сторон в следующих случаях: если решение выносилось на основании договора, неоспариваемого сторонами, уже исполненного или зарегистрированного установленным порядком; если решением налагалось обязанность на арендатора освободить занимаемое помещение или вернуть арендуемое имущество; если решением присуждалось возвратить имущество собственнику из незаконное владение; если по спору о личном найме было решено обязать нанимателя отпустить работника, а также в иных случаях, когда задержка исполнения решения могла повлечь значительный ущерб для стороны, в пользу которой вынесено (ст. 737 УГС). Кроме того, решения по искам до 30 руб., выносимые мировыми судьями, вступали в юридическую силу с момента оглашения и не подлежали апелляционному обжалованию (ст. 156, 162 УГС).

Исполнительный лист выдавался в единственном экземпляре судебным органом по просьбе стороны, в пользу которой состоялось вынесение решения. После получения исполнительного листа заинтересованная сторона обращалась к председателю судебного места с просьбой назначить пристава. Подлинник исполнительного листа передавался приставу председателем суда, однако мог быть направлен приставу и заинтересованной стороной.

Процессуальным законодательством устанавливались следующие способы исполнения судебных решений: передача недвижимого имущества лицу, которому оно присуждено; обращение взыскания на недвижимое имущество; обращение взыскания на движимое имущество. Кроме того, по судебным решениям об исполнении обязательств в натуре (выполнении работ, совершении определенных действий) после истечения установленного срока для исполнения, заинтересованная сторона могла обратиться в суд с прось-

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Часть первая. Спб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866.

бой разрешить совершить требуемые действия самостоятельно, возложив понесенные затраты на противоположную сторону (ст. 933, 934 УГС). Выбор способа взыскания принадлежал лицу, получившему исполнительный лист. Приступая к исполнению решения суда указанным взыскателем способом, судебный пристав сообщал об этом председателю судебного места и направлял должнику повестку. Указанная повестка должна была содержать указание на решение, подлежащее исполнению, сведения о взыскателе и предупреждение должника о том, что в случае неисполнения решения в добровольном порядке, будет осуществляться принудительное взыскание одним из предусмотренных законом способов.

УГС детально регламентировал порядок обращения взыскания на движимое и недвижимое имущество. Обращение взыскание начиналось с ареста и описи имущества, затем производилась его оценка, после этого имущество продавалось путем проведения торгов. Были установлены особые правила обращения взыскания на ценные бумаги, имущество должника, находившееся во владении третьего лица, денежные средства должника в государственных учреждениях или кредитных организациях, а также на заработную плату должника.

Представляет научный интерес предусмотренная УГС возможность лишения личной свободы должника. Личное задержание должника осуществлялось на основании судебного определения, выносимого по ходатайству взыскателя. По общему правилу, суд постановлял к лишению свободы в том случае, когда сумма долга составляла более 100 руб., должник уклонялся от ее оплаты и не мог указать способ исполнения судебного решения. Не могли быть лишены свободы следующие лица:

– несовершеннолетние;

– лица старше 70 лет;

– беременные женщины и женщины с полугодовалым ребенком;

– родители, в случае если малолетние дети, находящиеся на их иждивении, могли остаться без средств к существованию;

– священнослужители (ст. 1223–1225, 1227 УГС).

В определении суда о личном задержании указывался срок лишения свободы, который определялся законодательным порядком и зависел от суммы долга. Например, при размере задолженности, не превышающей 2 000 руб. должник лишался свободы на 6 мес., а при долге свыше 100 000 руб – на 5 лет. Определение суда о личном задержании могло быть обжаловано в апелляционном порядке в двухнедельный срок. В период лишения свободы должника закон запрещал осуществлять взыскание иными способами. Одновременно с определением суда о личном задержании взыскателю выдавался особый исполнительный лист, подлежащий направлению судебному приставу в общем порядке. На основании указанного документа судебный пристав производил арест должника и препровождал его к месту отбывания лишения свободы. Содержание должника в местах лишения свободы осуществлялось за счет взыскателя. В силу указанного правила перед арестом должника взыскатель был обязан внести в государственную кассу денежные средства на содержание должника (кормовые деньги) за месяц вперед (ст. 1234, 1236–1239, 1254 УГС).

Должник подлежал освобождению из мест лишения свободы после истечения срока, указанного в определении суда о личном задержании, а также в следующих случаях:

– погашение долга и понесенных взыскателем издержек в полном объеме;

– прощение долга со стороны взыскателя;

– принятие третьим лицом поручительства за должника с согласия взыскателя;

– достижение должником 70-летнего возраста;

– отсутствие денежных средств на содержание должника, предоставляемых взыскателем.

При наступлении указанных обстоятельств освобождение должника осуществлялось начальником (смотрителем) соответствующего места. Освобождение должника по истечении срока лишения свободы, указанного в определении суда, осуществлялось смотрителем собственным решением. В случае погашения и прощения долга, а также поручительства за должника третьего лица, освобождение производилось по ходатайству взыскателя. В случае достижения должником возраста 70 лет, освобождение проходило на основании определения, вынесенного председателем окружного суда.

В случае невнесения взыскателем кормовых денег, смотритель направлял ему соответствующее предупреждение, если по истечении двух недель денежные средства не оплачивались, смотритель собственным решением освобождал должника. В последнем случае должник также освобождался от уплаты задолженности, на основании которой он был подвергнут задержанию. В данной ситуации законодатель исходил из того, что, не оплачивая кормовые деньги, взыскатель тем самым по умолчании признает задолженность безнадежной. Должник, освобожденный из места лишения свободы в предусмотренном законом порядке, не мог быть подвергнут повторному аресту (ст. 1256–1264 УГС).

Положения судебных уставов 1864 г., регламентировавшие правовой статус и порядок работы судебного пристава, считались одними из лучших в Европе. Законодатель постарался учесть немецкий и французский опыт функционирования системы исполнения судебных решений. Подробная регла-

ментация деятельности судебного пристава и в целом исполнительного производства была направлена на обеспечение эффективного исполнения судебных актов, получение взыскателем присужденного имущества в максимально короткие сроки, исключение злоупотреблений и самоуправств.

Однако положения судебных уставов с трудом адаптировались на территории Российской империи. Их применение на практике вызывало известные затруднения и не позволяло достигнуть поставленные законодателем цели. В первую очередь следует отметить, что судебная реформа не была проведена одновременно на всей территории Российской империи. В соответствии с Положением о введении судебных уставов от 20 ноября 1864 года от 19 октября 1865 г.[1] к 1866 г. полагалось создание новых судебных учреждений только в Московской и Санкт-Петербургской губерниях. На оставшейся территории Российской империи реформа должна была проводиться в течение четырех последующих лет, с учетом полученного опыта реализации уставов. В каждом регионе реформа проводилась на основании индивидуального проекта, который должен был учитывать местные географические, социально-экономические и национальные особенности и включать те отклонения от общих правил судоустройства и производства, которые были ими обусловлены. В результате утвержденного порядка проведение судебной реформы затянулось более чем на 30 лет. Окружные суды на Южном Урале были учреждены только в 1892 г., в Астрахани и Сибирских губерниях – в 1896 г., в Туркестане и степных областях – в 1898 г. [Краковский 2014]. До момента введения судебных уставов в губерниях действовали прежние судебные установления, исполнение судебных решений осуществлялось по старым правилам. Такая ситуация порождала юридические коллизии, неразбериху, создавала трудности в деятельности судебных приставов и условия для разного рода злоупотреблений.

Существенные проблемы вызывало отсутствие законодательно определенного перечня функций судебного пристава. Судебные уставы не содержали полного перечня обязанностей пристава по обеспечению деятельности правосудия и не ограничивали поручения, даваемые приставам со стороны председателей судебных мест. В результате, кроме исполнения обязанностей, прямо предусмотренных процессуальным законодательством, судебные приставы присутствовали в судебных заседаниях для обеспечения общественного порядка в зале и выполнения указаний председательствующего судьи, обеспечивали задержание нарушителей. Кроме того, судебные приставы принимали участие в «охранительном производстве», т. е. особых делах, связанных с осуществлением судами функций содействия гражданскому обороту (регистрация сделок, охрана прав лиц, ограниченных в дееспособности, установление юридических фактов и правоотношений, дела о наследовании). Исполнение дополнительных обязанностей негативным образом сказывалось на осуществлении приставами функции по исполнению судебных решений. Отсутствие законодательных ограничений при даче приставу поручений со стороны председателя судебного места ставило пристава в заведомо зависимое положение [Голубев 2011, с. 106].

Особой проблемой становилось отсутствие четких законодательных требований к уровню образования судебного пристава. По положениям судебных уставов, на указанную должность назначались лица, обладающие соответствующими нравственными качествами и способные к исполнению принимаемых обязанностей. Порядок оценки способностей кандидатов на должности судебных приставов определялся каждым судебным учреждением самостоятельно и описывался в Особом наказе. В Москве и Санкт-Петербурге для кандидатов в судебные приставы предусматривался специальный экзамен. В регионах проверка знаний не проводилась, председатели судебных мест ограничивались рассмотрением документов об образовании и опыте работы.

Невысоким считалось жалованье судебного пристава. Годовое жалованье первоначально составляло 600 руб., в процессе реализации судебной реформы указанный размер был увеличен лишь один раз до 800 руб. В научных кругах и публичной печати неоднократно поднимался вопрос о повышении государственного содержания судебных приставов и уравнения их жалованья с оплатой труда мирового судьи, получавшего 2 200 руб. в год [Магомедов 2004, с. 81].

Невысокий уровень оплаты, необходимость внесения залога, разъездной характер работы со временем привели к тому, что должность судебного пристава стала непрестижной, необходимые кадры подбирались с большим трудом. В такой ситуации отсутствие образовательного ценза привело к тому, что судебными приставами назначались лица, не имевшие юридических знаний. Современники реформы отмечали, что на должности судебного пристава назначаются лица, не имевшие юридических познаний, опыта работы в судебном ведомстве [Мордухай-Болтовский 2016, с. 3]. Ревизия судебных мест, проведенная в 1895 г., показала, что из 1 407 судебных приставов только 27 лиц имели высшее образования, остальные служащие (1 380 чел.) – среднее либо домашнее образование [Голубев 2011, с. 112].

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XL, № 42587.

Выявившиеся проблемы стали поводом для многочисленных попыток пересмотра законодательства, регулировавшего правовой статус судебного пристава и порядок исполнительного производства. В период с 1892 по 1894 г. в Министерстве юстиции работала специальная комиссия по пересмотру положений судебных уставов. Четвертый отдел комиссии занимался пересмотром положений УГС. Большинство предложений, сформированных отделом, касались исполнительного производства и правового статуса судебных приставов. В частности, было предложено установить наличие у кандидата на должность судебного пристава среднего образования и предусмотреть сдачу испытательных экзаменов перед вступлением в должность; освободить судебного пристава от дежурства в судебных заседаниях и разноса повесток; усилить роль суда в исполнительном производстве, обеспечить его содействие при осуществлении действий по исполнению судебных решений. Несмотря на положительные отзывы и высокую оценку предложений со стороны министра юстиции Н. В. Муравьева, проект не был принят [Магомедов 2004].

Подводя итог исследованию, следует отметить, что исполнительное производство как отдельная стадия гражданского и в некоторых случаях уголовного процесса вызывает более всего вопросов и замечаний. Однако именно эффективность системы исполнения судебных решений является одной из основных составляющих формирования в обществе уважительного отношения к закону и авторитета судебной власти.

Современная российская система исполнения судебных актов находится в состоянии реформирования, задачами которого являются: повышение результативности исполнительного производства; сокращение сроков взыскания задолженности, исключение коррупции и произвола; обеспечение законности в деятельности судебного пристава. Такие же задачи стояли и перед составителями судебных уставов 1864 г. Во исполнение поставленных задач было разработано процессуальное законодательство, считавшееся передовым в Европе. Однако практика применения процессуальных норм выявила ряд серьезных проблем, не позволивших в полной мере решить поставленные задачи. Поняв и осознав возникшие проблемы, Министерство юстиции Российской империи попыталось их исправить, однако сложившаяся политическая обстановка не позволила это сделать.

Российскому законодателю необходимо учесть не только положительные стороны системы исполнительного производства Российской империи, но и допущенные ошибки и просчеты. Проблемы, стоящие перед современными реформаторами (непрестижность профессии судебного пристава, невысокий уровень правовой грамотности личного состава, недостаточность предусмотренных законом мер воздействия на должника, большой объем бюрократической работы), во многом созвучны с проблемами, выявленными в процессе реализации уставов 1864 г. Однако если в Российской империи причины объективного и субъективного характера не позволили провести полноценную «работу над ошибками», то у современного законодателя такая возможность есть.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на вопросы повышения престижности должности судебного пристава, улучшения материальной составляющей его работы, повышения уровня юридической грамотности, освобождения пристава от несвойственных обязанностей, расширения полномочий в сфере исполнительного производства.

Список цитируемых источников

Абрамовский, Юнусов 2013 – *Абрамовский А. А., Юнусов А. М.* Окружные суды Южного Урала 1864–1917 гг. М. : Юрлитинформ, 2013. 272 с.

Голубев 2011 – *Голубев В. М.* Институт судебных приставов в России: историко-правовое исследование. М. : Щит-М, 2011. 272 с.

Краковский 2014 – *Краковский К. П.* Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 года) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18–27.

Магомедов 2004 – *Магомедов Б. М.* Судебные приставы средневековой Руси и императорской России: историко-правовой анализ. Саратов : СГАП, 2004. 144 с.

Мордухай-Болтовский 2016 – *Мордухай-Болтовский В. П.* Заметки для руководства судебных приставов в их служебной деятельности. М. : ЛЕНАНД, 2016. 168 с.

References

Abramovsky, A. A. and Yunusov, A. M. (2013), *Okruzhny'e sudy' Yuzhnogo Urala 1864–1917 gg.* [District courts of the Southern Urals 1864–1917], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Golubev, V. M. (2011), *Institut sudebny`kh pristavov v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie* [Institute of bailiffs in Russia: historical and legal research], Shchit-M, Moscow, Russia.

Krakovsky, K. P. (2014), "Judicial reform in Russia (dedicated to the 150th anniversary of the judicial reform of 1864)", *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik,* no. 4, pp. 18–27.

Magomedov, B. M. (2004), *Sudebny'e pristavy' srednevekovoi Rusi i imperatorskoi Rossii: istoriko-pravovoi analiz* [Bailiffs of Medieval Russia and Imperial Russia: historical and legal analysis], SGAP, Saratov, Russian.

Mordukhai-Boltovsky, V. P. (2016), *Zametki dlya rukovodstva sudebny'kh pristavov v ikh sluzhebnoi deyatel'nosti* [Notes for the guidance of bailiffs in their official activities], LENAND, Moscow, Russian.

Информация об авторе

Петров Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский институт), Челябинск, Российская Федерация; petrovav@susu.ru

Information about the author

Petrov Aleksandr V.,
doctor of law, professor, South Ural State University (research institute), Chelyabinsk, Russian Federation; petrovav@susu.ru

Для цитирования

Петров А. В. Правовые основы становления института судебных приставов по реформе 1864 г. // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 180–186.

For citation

Petrov, A. V. (2021), "Legal basis for the formation of the institution of bailiffs on judicial reform of 1864", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 180–186.

УДК 347.6

М. А. Симонова[1]
Т. Н. Турко[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
M. A. Simonova[1]
T. A. Turko[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Проблема правового регулирования однополых отношений и легализации однополых браков в России и мире

The problem of legal regulation of same-sex relationships and the legalization of gay marriage in Russia and the world

Ключевые слова: брак; гетеросексуальность; гомосексуализм; однополые отношения; однополые браки; правовое регулирование.

Аннотация. В современном мире крайне актуальными являются вопросы, связанные с правовым регулированием брачно-семейных отношений, в том числе нетрадиционного союза людей одного пола. Однако не во всех государствах подобные брачно-семейные отношения легализованы. В данной статье авторы рассматривают понятие брачно-семейных отношений, гомосексуальные отношения, а также анализируют правовое регулирование семейных отношений, в том числе однополых, в странах Европы, Азии, Российской Федерации, а также регламентацию однополых отношений в рамках различных конфессий. Кроме того, сформулированы предложения по совершенствованию действующего российского законодательства в данном вопросе.

Key words: marriage; heterosexuality; homosexuality; same-sex relationships; same-sex marriages; legal regulation.

Abstract. In the modern world, issues related to the legal regulation of marriage and family relations, including not the traditional union of a man and a woman, but marriages between people of the same sex, are of great relevance. However, not all States have legalized such marriage and family relations. In this article, the authors will consider the concept of marriage and family relations, homosexual relations, as well as analyze the legal regulation of family relations, including same-sex relations, in Europe, Asia, and the Russian Federation, as well as analyze the regulation of same-sex relations within various religious denominations. In addition, proposals will be formulated to the current Russian legislation.

На современном этапе весьма актуален вопрос, связанный с правовым регулированием брачно-семейных отношений, которые возникают не только между мужчиной и женщиной, но и между людьми с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Исторически во всех цивилизациях браком признавался союз между представителями разных полов, осуществлялось правовое регулирование семейной жизни мужчины и женщины. Такая форма отношений столетиями являлась единственно приемлемой и обеспечивала продолжение существования конкретного государства и всего человечества. Брачно-семейные отношения возникают между людьми при заключении брака. Семейный кодекс Российской Федерации (далее: СК РФ) не содержит прямого определения понятия брака, однако использует его в контексте союза лиц противоположного пола. Еще со времен советского законодательства под браком понимают свободный и добровольный равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных в законе, направленный на создание семьи и порождающий у них взаимные супружеские права и обязанности[1]. В данном понятии особое внимание уделяется тому, что брак – это союз мужчины и женщины, так как он служит для продолжения человеческого рода, деторождения, воспроизводства населения, а значит, и для продолжения существования любого государства. Однако с развитием общества, научно-технического прогресса и провозглашения идеи равноправия широкое распространение начинает приобретать такое явление, как однополые отношения, результатом которых нередко становится однополый брак. Людей, вступающих в однополые отношения, принято называть гомосексуалистами. Эти лица чувствует эмоциональное и сексуальное влечение к представителям того же пола.

Гетеросексуальностью называется разновидность сексуальной ориентации, когда человек испытывает страсть к представителям противоположного пола[2]. Такой вид сексуальной ориентации является наиболее распространенным во всем мире, в том числе и потому, что он является един-

© Симонова М. А., Турко Т. Н., 2021

[1] Семейный кодекс Российской Федерации. Ст. 12 // Российская газета. 1996. 27 янв.

[2] *Кордуэлл М.* Психология. А–Я : словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. : Гранд : Фаир-пресс, 2000. С. 38.

ственным способом воспроизведения потомства. Для большинства религий, государств и населения планеты в целом гетеросексуальность является нормой, а вот ее альтернативные формы – отклонением от нормы. Так, в православном христианстве гомосексуальные отношения охарактеризованы Иоанном Златоустом так: «Какой ни назови грех, ни один не будет равен этому беззаконию»[1]. То есть гомосексуализм считается смертным грехом с точки зрения Русской православной церкви.

Позиция исламской религии, равно как и позиция христианской религии, относительно гомосексуализма крайне негативна. В мусульманском вероучении гомосексуальные отношения являются харамом, т. е. считаются запрещенными. Основанием для этого послужила кораническая притча о народе Лута (Содом и Гоморра), а также слова пророка Мухаммеда о наказании в виде смертной казни за подобные отношения[2].

В отличие от православного христианства и ислама, в буддизме отношение к гомосексуализму несколько иное. Известно, что в буддизме различают только два образа жизни, к которому относят жизнь монаха и жизнь мирянина. По традиции все буддийские монахи живут жизнью безбрачия – отрекаются от любых сексуальных контактов. Миряне же в своей жизни должны придерживаться «пяти священных заповедей», и в одной из таких заповедей указано, что человек должен воздерживаться от распущенности и дурного поведения. Под дурным поведением в данном вероучении понимаются действия, направленные на принудительный половой контакт, домогательство, вовлечение в сексуальные отношения малолетних, а также супружеские измены[3]. Соответственно, в буддизме отношение к гомосексуализму нейтральное, он не разрешен, но и прямо не запрещен, что и отличает его от православного христианства и ислама, в нормах которых данные отношения четко регламентированы, а точнее, запрещены.

Хотя большая часть существующих конфессий жестко запрещают гомосексуальные отношения, религиозными запретами не удалось искоренить данное явление, с течением времени гомосексуализм приобрел латентный характер, но не исчез, а скорее, наоборот.

В период античности однополые отношения были распространены среди всех сословий, но наибольшее распространение данное явление приобрело среди военнослужащих. В военных походах участвовали преимущественно мужчины, и на этом фоне развивался гомосексуализм, так как длительность такого похода могла составлять от нескольких месяцев до несколько лет. Так, существует древнегреческий миф о войске, состоящем из воинов-гомосексуалистов, создателем которого является аристократ Горгид. Идея создания такого воинского формирования заключается в том, что воины, сплоченные не только дружескими связями, но и любовью, будут сражаться более мужественно и отважно, для того чтобы в глазах своего партнера проявить себя наилучшим образом, а если один из возлюбленных пострадает, тогда любящий его воин начнет сражаться с большей яростью и отвагой, дабы отомстить своему врагу [Athenaeus Naucratis 1854, с. 898].

Правовое регулирование однополых отношений в Российском государстве осуществлялось путем запрета и наложения санкций: в законодательстве первое упоминание о гомосексуализме было закреплено в Стоглаве 1551 г., ему была посвящена гл. 33 сборника[4]. Под содомским грехом в данном правовом акте понимался различный противоестественный половой контакт, за который предусматривалось наказание в виде покаяния и исправления, в противном случае следовало отлучение от святынь (запрет на вход в церковь и принесение пожертвований).

Во времена Российской империи в Воинском уставе 1716 г. содержались предусмотренные уголовным законодательством санкции за гомосексуализм: за добровольный однополый контакт применялось телесное наказание, в случае применения насилия – смертная казнь либо вечная ссылка на галеры. Позже, в 1720 г., Морской устав предусматривал аналогичные санкции [Клейн 2002, с. 83–84].

Судить о том, что в эпоху Возрождения существовали гомосексуальные отношения можно, исходя из сатирической литературы. Например, в книге итальянского писателя Джованни Боккаччо «Декамерон» середины XIV в. присутствует такое описание папского двора в Риме: «… все они вообще прискорбно грешат сладострастием не только в его естественном виде, но и в виде содомии, не стесняясь ни укорами совести, ни стыдом, почему для получения милостей влияние куртизанок и мальчиков было не малой силой»[5]. Данные строки являются доказательством того, что, несмотря на религиозный запрет гомосексуализма в католицизме, данный феномен не исчез, а являлся популярным в итальянском обществе, хотя правовая регламентация подобных отношений отсутствовала.

[1] Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Том 10. Книга первая. Беседы на 1-е послание к Коринфянам. Спб. : Репринет, 1904. Беседа 18.

[2] *Али-заде, А. А.* Исламский энциклопедический словарь. М. : Ансар, 2007. С. 459.

[3] *Mettanando Bhikkhu.* Religion and same-sex marriage // The Bangkok Post. 2005. July 13.

[4] О содомском грехе // Стоглав. Спб. : Д. Е. Кожанчиков, 1863. С. 109–110.

[5] *Боккаччо Дж.* Декамерон. СПб.: Азбука, 2016. С. 38.

По сравнению с Италией, в Англии однополые отношения подвергались правовому регулированию путем установления запрета. Так, английский драматург Николас Юдол, уличенный в любовной связи со своим учеником Томасом Чейни, был приговорен к году тюрьмы на основании Статута 1534 г.[1]

В Восточной Азии гомосексуальные отношения и их правовая регламентация развивались иным образом, что можно проследить на примере такого государства, как Япония. Однополые отношения между взрослым мужчиной и юношей являлись традиционными, их принято называть «сюдо». Подобные отношения пользовались большим уважением и поощрялись у сословия самураев. Считалось, что женская любовь «размягчает» мужчину, и поэтому японцы утверждали, что однополые отношение благотворно влияют на юношей, уча их достоинству, честности, чувству прекрасного [Iwata 1989].

В Китае императоры династии Лю, правящие в Западной Хань, имели многих возлюбленных. Об этом свидетельствуют записи Ван Гулика: «Три первых императора – Гао-цзу, Хуэй-ди и Вэнь-ди были, несомненно, бисексуалами: помимо регулярных сношений с бесчисленными дамами из гарема, у всех троих были связи с молодыми людьми» [Ван Гулик 2004, С. 36].

Таким образом, на основе указанных исторических фактов можно заключить, что в странах Европы правовое регулирование однополых отношений выражалось в форме запрета и предусматривало определенные санкции. Однако на практике подобные отношения воспринимались весьма нейтрально, не считались отклонением, но и не являлись нормой, и во многих случаях при привлечении к наказанию учитывались «смягчающие обстоятельства»: заслуги человека перед государством, его должностное положение, а также то, к какому социальному слою он принадлежит.

В странах Азии однополые отношения между представителями мужского пола являются традицией, а значит, их правовая регламентация выражается в форме дозволения, никакого запрета и наказания подобные отношения не влекут.

Первоначально Российское государство не рассматривало гомосексуализм как феномен, требующий правового регулирования и законодательной регламентации, но с расширением взаимоотношений России и Европы отечественные государственные органы стали перенимать зарубежный опыт в законодательстве, что выразилось, в частности, в установлении санкций за однополые отношения.

В современном обществе большую популярность получило такое правовое явление, как однополые браки, под которым следует понимать заключенный с соблюдением определенных правил добровольный и равноправный союз между людьми одного пола, другими словами, это союз между людьми с гомосексуальной ориентацией.

Сегодня правовое регулирование однополых браков весьма неоднозначно и зависит от законодательства конкретного государства. Первой страной, легализовавшей однополые браки, стали Нидерланды в 2001 г. При этом такие союзы наделены равным объемом субъективных прав с разнополыми парами во всех аспектах семейной жизни, в том числе регламентирована возможность усыновления детей. Вслед за Нидерландами в 27 странах мира законодательством были разрешены однополые браки, это – Франция, Великобритания, Австралия, США, Норвегия, Бельгия, Ирландия, Германия, Тайвань и др.

Как мы видим, большинство стран, осуществляющих правовое регулирование однополых союзов в форме дозволения, являются европейскими странами. В странах Передней, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии правовая регламентация однополых браков осуществляется в другом ключе.

Например, в Брунее и Иране за однополые отношения предусмотрены уголовная ответственность и наложение санкции в виде смертной казни, в Мьянме и Пакистане государством также устанавливается уголовная ответственность, но в виде пожизненного лишения свободы, а вот в Китае и Северной Корее правовое регулирование однополых отношений и однополых браков весьма неоднозначно: однополые отношения разрешены, но при этом устанавливается запрет на однополые браки. Единственной страной в Азии, осуществляющей правовое регулирование однополых браков в форме дозволения, является Тайвань, правовые же системы Армении и Израиля признают однополый союз, но только тот, который заключен на территории иностранного государства.

На протяжении многих лет между Российской Федерацией и европейскими организациями по защите прав ЛГБТ-сообществ ведутся дискуссии о том, действительно ли в российском законодательстве существуют нормативные правовые акты дискриминационного характера по отношению к людям нетрадиционной сексуальной ориентации.

Как мы отмечали выше, в Российской империи гомосексуальные отношения между мужчинами считались преступными и предусматривали привлечение к юридической ответственности, и только после «сексуальной революции», наступившей вслед за Октябрьской революцией, были сняты официальные правовые запреты и ограничения на однополые отношения.

[1] Гомосексуальность в эпоху Возрождения. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/874365#cite_note-fat-42 (дата обращения: 12.12.2020).

В 1999 г. Российская Федерация внедрила в практику здравоохранения на всей территории страны МКБ-10 (10-й пересмотр Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем), тем самым депатологизировав гомосексуализм[1].

В 2001 г. в России был принят закон, который запрещал гомосексуалистам быть донорами крови, включив их в перечень абсолютных противопоказаний к донорству[2]. Однако в апреле 2007 г. ЛГБТ-активисты обратились к Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации с требованием исключить из перечня абсолютных противопоказаний к донорству крови гомосексуальных мужчин, назвав его дискриминационным, после чего приказом Минздравсоцразвития России от 16 апреля 2008 г. № 175н данный запрет был отменен[3].

Таким образом, в России уже 20 лет гомосексуализм юридически не является отклонением от нормы и не находится под прямым правовым запретом.

Являясь членом Совета Европы, Российская Федерация подписала ряд международных правовых актов, гарантирующих равенство прав всех людей. Однако в 2012 г. на 9-й конференции министров по делам молодежи государств – членов Совета Европы произошел скандал, так как Россия наложила вето на принятие совместной декларации по борьбе с дискриминацией ЛГБТ-сообществ, объяснив свою позицию тем, что в этом нет необходимости, так как в российском законодательстве и обществе отсутствуют основания для их дискриминации[4]. После произошедшего международные организации по правам человека и защите прав ЛГБТ-людей начали обвинять Россию в том, что она не защищает и не будет защищать права сексуальных меньшинств.

В современном российском законодательстве отсутствуют нормативные правовые акты, прямо устанавливающие запрет или дискриминацию однополых отношений, так как в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации закреплено: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Однако несмотря на данную норму, в уголовно-исполнительном законодательстве все же присутствует ряд положений, связанных с ограничением прав осужденных, вступающих в однополый контакт. Так, в ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) закреплено, что мужеложство и лесбиянство, а значит, гомосексуальные контакты являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях[5].

Соответственно, возникает вопрос о противоречии двух законодательных актов. Данная коллизия объясняется тем, что у осужденных имеется ряд ограничений их субъективных прав в связи с наложением юридической ответственности за нарушение существующего уголовного законодательства, именно поэтому на основании ст. 11 УИК РФ они обязаны подчиняться правилам, установленным в исправительном учреждении.

Помимо этого, существует ряд законодательных актов, устанавливающих запрет на распространение информации об однополых отношениях и однополых браках, а также пропаганду подобных отношений среди несовершеннолетних. Исходя из этого, можно предположить, что Россия априори считает однополые отношения и однополые браки не нормой и настроена на развитие и правовую поддержку традиционных семейных ценностей. Подтверждением того являются следующие обстоятельства.

28 апреля 2009 г. были внесены поправки в Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» с целью предупреждения причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию, в частности, предусматривались меры по недопущению нахождения детей, не достигших 18-летнего возраста, на объектах, которые предназначены для реализации товаров только сексуального характера[6].

В 2013 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, а также дополняющий Кодекс Российской Федерации об административ-

[1] О внесении изменений в приказ Минздрава России от 27.05.97 № 170 : приказ Минздрава России от 12 янв. 1998 г. № 3. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdrava-rf-ot-12011998-n-3/ (дата обращения: 12.12.2020).

[2] Об утверждении порядка медицинского обследования донора крови и ее компонентов : приказ Минздрава России от 14 сент. 2001 г. № 364 // Российская газета. 2001. 13 дек. (утратил силу).

[3] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[4] Annual review of the human rights situation of lesbian, gay, bisexual, trans and intersex people in Europe. Brussel : ILGA-Europe, 2013. P. 183–191.

[5] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 1997. 16 янв.

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» : федер. закон от 28 апр. 2009 г. № 71-ФЗ // Российская газета. 2009. 30 апр.

ных правонарушениях ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»[1]. В соответствии с этой статьей пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившаяся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующий вывод: в Российской Федерации действует общедозволительный тип правового регулирования – «разрешено все, что прямо не запрещено законом», отечественные нормативные правовые акты не содержат прямого запрета на однополые отношения, исключением является УИК РФ, в рамках которого устанавливается подобное правовое ограничение, но направлено оно на определенную часть населения – осужденных к лишению свободы. Кроме того, ряд законодательных актов предусматривает запрет на пропаганду, информирование, формирование искаженного привлекательного представления об однополых отношениях у несовершеннолетних, что обусловлено предупреждением возможного причинения вреда их здоровью, нравственному, физическому и психическому развитию.

Говоря о правовой регламентации однополых браков в России, можно сказать, что подобные браки находятся вне закона, они не легализованы и не заключаются в органах загс, подтверждением чего являются ч. 3 ст. 1 СК РФ, указывающая на такой принцип семьи, как добровольность брачного союза мужчины и женщины, а также ст. 12 СК РФ, согласно которой условием вступления в брак является взаимное добровольное согласие мужчины и женщины.

Однополые пары живут в фактическом браке, который не признается законами Российской Федерации, таким парам запрещено усыновлять ребенка, брать детей под опеку, отсутствует государственная социальная поддержка, доступная традиционным семьям, имущественные права подобной пары не урегулированы гражданским законодательством России, отсутствует возможность обращения за репродуктивной помощью или законного использования услуг суррогатной матери, а также недоступны некоторые неимущественные права, например возможность взять фамилию супруга или решить вопрос захоронения супруга.

После Второй мировой войны в Российской Федерации наступил демографический кризис, который имеет место уже на протяжении многих десятилетий, а для выхода из него необходимо увеличение рождаемости, чего не может быть в результате однополых контактов. В связи с этим вследствие конституционной реформы 2020 г. в п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации было внесено положение о «защите института брака как союза мужчины и женщины». Из-за внесения данного положения в Основной закон страны люди с нетрадиционной ориентацией выступили с протестом по поводу дискриминации их прав. В одном из интервью Президент Российской Федерации В. В. Путин объяснил причину принятия таких мер: «У нас люди, которые выступили инициаторами этих законов, и которые принимали этот закон (я, кстати, не был инициатором этого закона), исходили из того, что однополые браки не производят детей. А Россия переживает непростые времена с точки зрения демографии. И мы заинтересованы в том, чтобы семьи были полноценные, чтобы детей было больше. Это далеко не самое главное во всей системе мер, направленных на поддержку демографических процессов. Но я думаю, что авторы этого закона исходили, прежде всего, из необходимости решать проблемы демографического характера и далеки были от идеи кого-то ущемлять в правах»[2].

В поддержку указанных изменений в Конституции Российской Федерации выступает и упомянутая нами ранее формулировка условий брачных отношений, имеющаяся в ч. 1 ст. 12 СК РФ, тем самым фактически устанавливается запрет на однополые браки. Гомосексуальные партнеры не признаются семьей, их отношения не имеют семейно-правовых последствий.

Подводя итог, можно заключить, что с развитием общества, информационных технологий, правовой просвещенности людей проблема гомосексуализма остается актуальной: на законных основаниях или фактически, но однополые браки создаются. На протяжении многих столетий данный феномен не изжил себя, а наоборот, приобретает все большую популярность, но вместе с этим он привносит ряд про-

[1] О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей : федер. закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ // Российская газета. 2013. 24 июля.

[2] Жесты доброй воли. Владимир Путин о самых горячих темах накануне G 20 // Комсомольская правда. 2013. 5 сент.

блем, создавая угрозу социально-демографическому равновесию, культурному уровню граждан, национальному и правовому балансу. Наиболее серьезной из них является депопуляция населения, демографический кризис, результатом которого может быть исчезновение государств и народов. Кроме того, учитывая традиционный российский менталитет, возможность узаконивания однополых отношений может негативно повлиять на морально-психологический аспект, особенно в среде подрастающего поколения, вызвать нездоровый интерес и как результат всплеск однополых отношений и однополых браков в ущерб репродуктивной функции.

Мы считаем, что в современных российских реалиях, несмотря на распространенность однополых браков и их легализацию в ряде зарубежных государств, а также попытки популяризации их, афиширование и тем более правовая формализация однополых отношений не могут быть предусмотрены ни официальным законодательством, ни менталитетом российских граждан. Более того, мы предлагаем ужесточить наказание за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, а также дополнить ст. 14 СК РФ еще одним обстоятельством, препятствующим вступлению в брак, – негетеросексуальная ориентация партнеров. Подобные превентивные меры, с нашей точки зрения, уменьшат распространенность и «привлекательность» гомосексуализма среди молодежи и помогут сохранить и увеличить количество традиционных гетеросексуальных союзов.

Список цитируемых источников

Ван Гулик 2004 – *Ван Гулик Р.* Сексуальная жизнь в Древнем Китае. СПб. : Азбука-классика : Петербург. Востоковедение, 2004. 541 с.

Клейн 2002 – *Клейн Л. С.* Другая сторона светила. Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие. СПб. : Фолио-Пресс, 2002. 653 с.

Athenaeus Naucratis 1854 – Athenaeus Naucratis. The deipnosophists, or, Banquet of the learned of Athenaeus. In 3 vol. / Ed. by C. D. Yong. London : Henry G. Bong, York street, Covent Garden, 1854. Vol. III. 898 p.

Iwata 1989 – *Iwata Ju.* The love of the samurai: A thousand years of Japanese homosexuality. London : GMP, 1989. 158 p.

References

Van Gulik, R. (2004), *Seksual'naya zhizn' v Drevnem Kitae* [Sexual life in Ancient China], Azbuka-klassika, Peterburg. Vostokavedenie, St. Petersburg, Russia.

Klein, L. S. (2002), *Drugaya storona svetila. Neoby'chnaya lyubov' vy'dayushchikhsya lyudei. Rossiiskoe sozvezdie* [The other side of the sun. Unusual love of outstanding people. The Russian constellation], Folio Press, Moscow, Russia.

Athenaeus Naucratis (1854), *The deipnosophists, or, Banquet of the learned of Athenaeus,* in 3 vol., vol. III, Henry G. Bong, Yorkstreet, Covent Garden, London, UK.

Iwata, Ju. (1989), *The love of the samurai: a thousand years of Japanese homosexuality,* GMP, London, UK.

Информация об авторах

Симонова Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; m.a.voronkova@mail.ru

Турко Татьяна Николаевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tatiana.turko886@mail.ru

Information about the authors

Simonova Marina A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; m.a.voronkova@mail.ru

Turko Tat'yana N.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tatiana.turko886@mail.ru

Для цитирования

Симонова М. А., Турко Т. Н. Проблема правового регулирования однополых отношений и легализации однополых браков в России и мире // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 187–192.

For citation

Simonova, M. A. and Turko, T. N. (2021), "The problem of legal regulation of same-sex relationships and the legalization of gay marriage in Russia and the world", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 187–192.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 341.3

С. С. Новиков[1,2]
Д. С. Новиков[3]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[3] *Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

S. S. Novikov[1,2]
D. S. Novikov[3]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[3] *St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, St. Petersburg, Russian Federation*

Сетевые и сетецентрические войны: понятие и перспективы (политико-правовой аспект)

Network and network-centric wars: concept and prospects (political and legal aspect)

Ключевые слова: сетевая война; сетецентрическая война; безопасность; информационные сети; угроза; социальные сети; США; Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные понятия сетевой и сетецентрической войн на основе анализа российских и зарубежных источников. Аргументированно доказано, что данная новая технология представляет угрозу для многих государств и исходит из целей США как государства, имеющего везде свои национальные интересы.

Key words: network war; network-centric war; security; information networks; threat; social networks; USA; Russia.

Abstract. The article examines the little-studied concepts of network and network-centric wars based on the analysis of Russian and foreign sources. It has been argued that this new technology poses a threat to many states and proceeds from the goals of the United States, as a state with its national interests everywhere.

Кому-то может показаться, что термин «сетевые войны» понятие абстрактное, но сегодня оно уже имеет вполне реальные очертания.

Первым международно-правовым актом, закрепившим нормы международного гуманитарного права, где был употреблен термин «война», является Гаагская конвенция 1907 г., в которой говорится о применении норм права «на случай войны». Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 г. также используется термин «война». 27 августа 1928 г. в Париже был заключен Договор об отказе от войны в качестве национальной политики (Пакт Бриана – Келлога) с осуждением войны.

Во второй половине XX в. и особенно в начале XXI в. на смену классическим видам вооруженных конфликтов пришли новые формы противостояния государств, и по отношению к ним также используется термин «война». Речь идет о дипломатических, психологических, гибридных, экономических, энергетических и, конечно же, информационных войнах. С точки зрения международно-правового подхода к вооруженным конфликтам эти войны отношения не имеют, хотя и реально затрагивают аспекты безопасности государства. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть сетевые и сетецентрические войны в широком понимании – как части информационной войны.

Сетевые войны – это новейшие технологии, созданные военным ведомством США и их союзников по блоку НАТО. Данные технологии позволяют одержать победу над неприятелем в любом конфликте, не вторгаясь на чужую территорию и не используя реальные вооруженные силы. Сетевые войны ведутся как бы в невидимой сфере – огромном информационно-медийном пространстве, а результат может быть достигнут превентивно, предваряя классические боевые действия. Это скрытная, закулисная война. Главная цель сетевой войны – достижение абсолютного доминирования над государством, его населением, всеми государственными, политическими и общественными институтами, а главное, над ментальным кодом отдельного государства или этноса. Важной составляющей является попытка избежать прямой военной операции, а если без прямого вмешательства не обойтись, то здесь мы уже имеем дело с сетецентрической войной, где вооруженное противостояние происходит преимущественно с использованием новейших информационных технологий.

Пик сетевой войны – это максимальное доминирование в различных социальных и информационных сетях. Здесь уже можно говорить о психологи-

© Новиков С. С., Новиков Д. С., 2021

ческих методах завоевания общества. Речь идет о создании преобладающего влияния своего контента (своего мировоззрения) на телевидении, в печатных изданиях, через некоммерческие организации (в основном имеющие иностранное финансирование – инагентов), внедрение в общественные и политические организации агентов своего влияния. Важно добиться безальтернативного, безоговорочного отказа общества от предыдущего государственного, общественного и экономического устройства и заставить его «поверить» в неизбежность прихода новой навязанной модели. Ангажированные и экзальтированные некоммерческие организации будут преподносить эти новшества как реальную победу демократии, проведение радикальных политических изменений – как борьбу добра и зла. Когда общество дойдет до состояния одобрения чужих предначертаний и будет мыслить, как ему предложено, то в данном случае можно говорить, что государство и общество потерпели поражение, и они могут быть поглощены чуждым миропониманием, приветствовать чуждые ценности.

Важнейший момент сетевой войны – это трансформация общественного мнения, регулирование социальных процессов и протестов, отказ от сопротивления изменениям, а в идеале – активное взаимодействие различных страт общества в преобразовательном процессе.

Локомотивом этих общественных изменений в основном являются США. После 2016 г. на политическую сцену вышло новое понятие «глубинное государство». По сути, это результат формирования неправительственных (можно назвать «внеправительственных») сетевых связей ультралиберального характера в самом американском обществе. Все это реально проявилось во время президентских выборов в США и подсчета голосов в ноябре 2020 г. При комбинировании технологических моделей с управлением социальными сетями формируется определенный контекст, и планы становятся реальностью. Таким образом, достигается контроль над заданной территорией (государством, нацией, народностью, регионом или субрегионом, областью национальных интересов США, которые простираются по всему миру), при этом используются общественные группы данной территории, включенные в процессы социальных и идеологических трансформаций и как максимум активно помогающие проводить их или как минимум не отвергающие перемены.

Инсайдерский коллапс государства за счет использования глубинной энергии социума – главные инструменты и механизмы сетевой войны.

Сетевая война, или война шестого поколения, – технология достижения победы в ситуации, когда противник даже не был в состоянии использовать свое оружие (включая ядерное) для защиты от агрессии. Война ведется настолько скрытно, а победа настолько безоговорочна, что никакое, даже самое современное, оружие и военная техника не имеют в ней реального применения. Свержение власти режимов, «цветные революции», контроль над территорией, установление военных баз и изменение общественного сознания – только часть результатов сетевых операций, проводимых до события, во время события и после момента, когда происходит само ключевое событие. Сетевые войны ведутся не только против неприятелей, но и против союзников и нейтральных сил, формируя поведение и первых, и вторых, и третьих (необходимо вспомнить прослушивание телефонных разговоров и SMS-переписки европейских лидеров разведкой США). Так победа в войне достигается еще до ее начала.

Сегодня центром разработки сетевых стратегий является Министерство обороны США, главным заказчиком выступает правительство США, объектами нападения стали все страны мира и в первую очередь главные геополитические противники США – Россия и Китай. Идет битва за власть над миром, и ставки крайне высоки.

Известный американский геополитик Збигнев Бжезинский (еще в 1999 г.) ясно определил цели США: это «необходимость закрепить собственное господствующее положение» через «дополнительное историческое преимущество использования в своих интересах вновь созданной сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств. Эта сеть, сотканная многонациональными корпорациями, неправительственными организациями (многие из которых являются транснациональными по характеру) и научными сообществами и получившая еще большее развитие благодаря системе Интернет, уже создает неофициальную мировую систему, в своей основе благоприятную для более упорядоченного и всеохватывающего сотрудничества в глобальных масштабах». Все это «надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [Бжезинский 1999, с. 254].

Какова же история появления сетевых войн?

После завершения разгрома фашизма мир был разделен на сферы влияния между двумя центрами силы – СССР и США. На основании «Длинной телеграммы» (Tet Long Telegram), этого практически геополитического манифеста, советника посольства США в СССР, будущего «архитектора холодной войны» Джорджа Фроста Кеннана, отправленной из Москвы 22 февраля 1946 г. в Вашингтон, уже 5 марта того же года бывший бри-

танский премьер Уинстон Черчилль в присутствии американского президента Гарри Трумэна произнес речь в Вестминстерском колледже в г. Фултоне (США). В ней центральное место занимали попытка создания «железного щита» как защитной меры от влияния СССР и констатация создания двухполюсного мирового сообщества. 12 марта 1947 г. была провозглашена «Доктрина Трумэна» (*Truman Doctrine*), цель которой – ограждение Греции и Турции от коммунистического влияния в обмен на экономическую поддержку. Уже 4 апреля 1949 г. был основан блок НАТО. В ответ страны Восточной Европы и СССР 15 мая 1955 г. основали Организацию Варшавского договора. Это в определенном смысле заморозило на время геополитическое соперничество в Европе.

Ядерное равновесие, установленное в конце 1940-х гг., позволило говорить о стратегии ядерного сдерживания, так как конфликт двух блоков с использованием ядерного оружия могло привести к ядерной катастрофе и практическому концу истории цивилизации и человечества.

В 1954 г. британский военный историк и теоретик сэр Бэзил Лиддел Гарт опубликовал свою книгу «Стратегия непрямых действий» (Strategy: the indirect approach) [Гарт 2017], в которой объяснил, что в условиях невозможности решения блокового конфликта путем лобового военного столкновения борьба должна вестись другими, более тонкими, средствами, с использованием «непрямого подхода». Это обстоятельство стало началом разработки и развития новых теорий и стратегий ведения будущих войн, основываясь на косвенных подходах.

США создали «мозговые тресты», или «фабрики идей», призванные создавать и разрабатывать новые психологические, ментальные и информационные концепции ведения войн. Одним из таких «мозговых трестов» является корпорация RAND[1], давшая жизнь понятию «сетевая война».

Развитие технологии и появление новых видов электронной коммуникации, особенно Интернета, открыли дорогу разработке новых видов военных стратегий. Конечно, по большей части эти исследования абсолютно недоступны, поэтому при рассмотрении новых доктрин сетевой и сетецентрической войн мы вынуждены в основном использовать общедоступные, в основном российские источники. Особый интерес представляют работы Л. В. Савина, главного редактора аналитического центра «Геополитика.Ру» при кафедре социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Савин 2011; Савин 2013; Савин 2014; Савин 2015; Савин 2016; Савин 2017].

Термин «сетевая война» (англ. netwar) появился в 1993 г. Его предложили сотрудники RAND Дэвид Ронфельдт и Джон Аркилла [Arquilla, Ronfeldt 1996; Arquilla, Ronfeldt 1997; Arquilla, Ronfeldt 1999; Arquilla, Ronfeldt 2001]; он связан с глобальным распространением новых типов коммуникации, включая Интернет, что подрывало монополию держав в области контроля над информацией. Концепция сетевой войны меньше знакома общественности, нежели концепция сетецентрической войны. Кроме того, в опубликованных материалах по концепции сетевой войны в большинстве случаев говорится о том, что сами авторы называют «темным лицом сетевой войны», в то время как о «светлом лице» есть мало общедоступных источников. «У государств имеется целый диапазон вероятных стратегий для того, чтобы иметь дело с сетевыми негосударственными акторами. То, какие стратегии избираются, может иметь значение в зависимости от того, какое лицо сетевой войны преобладает – темное или светлое. Если это темное лицо – с его террористами, преступниками и опасными этнонационалистами, то Соединенные Штаты и их союзники должны противостоять ему. Но в определенное время и в особых местах, социальная сетевая война может служить дополнением правительственной стратегии <…> Такой подход является многообещающим для США, хотя мы и ранее практиковали такой метод, но без формального анализа. Другими словами, это можно назвать термином “ноополитика”. Фактически это регулярная работа правозащитников и других неправительственных организаций, по эффективности превосходившая деятельность американских чиновников и стратегов <…> Наконец, государства могут активно обхаживать и лелеять благоприятных негосударственных акторов и их сети, поощряя их рост, увеличивая их потенциал и координируя с ними свою работу» [Arquilla, Ronfeldt 2001, p. 350–354].

Сетевая война – это в целом методика, стратегия и тактика информационно-коммуникативных воздействий на все общественные институты, которая, используя гражданские средства (такие, как соцсети), добивается военных целей – завоевание отдельной территории или отдельного государства.

Модель сетецентрической войны (net-centric warfare) публично представлена в 1998 г. (хотя работа над ней велась с 1993 г.) военным сообществом США (вице-адмиралом Артуром Себровски и экспертом Джоном Гарстка [Cebrowski, Garstka 1998]). Эта модель была взята за основу модернизации вооруженных сил США и связана с переходом общества на новый тип экономики: от платформо-центрической к сетецентрической модели.

[1] RAND (Research and Development, «Исследование и Разработка») – стратегический исследовательский центр США. Образован в 1948 г.

Первооткрывателем этого направления стал военный специалист Пентагона Джон Уорден, занимавшийся планированием длительных кампаний. Им был разработан новый систематический подход к военным операциям, который он назвал «Операции на базе эффектов – ОБЭ» (effect-based operations). Концепция ОБЭ базируется на моделировании современного государства-нации, которое состоит из пяти концентрических колец. Центральное кольцо – это руководство государством, оно окружено и защищено четырьмя другими. Второе кольцо – производство (производственная инфраструктура, энергетический комплекс). Третье кольцо – коммуникации (автобаны, дороги, ЛЭП, железнодорожный, морской и авиационный транспорт). Четвертое кольцо – население. Последнее внешнее кольцо – вооруженные силы.

По мнению Мануэля Кастельса, ведущего теоретика по сетевым проблемам, «сети свое могущество осуществляют, влияя на человеческий ум, прежде всего (но не только) с помощью мультимедийных сетей массовой коммуникации. То есть коммуникационные сети – важнейшие источники производства могущества» [Кастельс 2016, с. 342].

Отметим, что сетевая и сетецентрическая войны – понятия неоднозначные. В широком смысле под ними можно понимать любое негативное информационное воздействие на противника. Этим противником может быть и государство. Такое противостояние может быть между любыми субъектами – как частными, так и публичными. Ранее такое воздействие носило наименование пропаганды или идеологической войны, но с появлением Интернета и широкого применения электронных средств коммуникации круг участников такого воздействия, а также разнообразие его видов и форм резко увеличились. Это воздействие может быть направлено и против системы обороноспособности, закрытой информации, банковско-финансовой системы, систем навигации, т. е. против объектов, составляющих национальную безопасность государства. Определенно, ограничение такого воздействия и введение ответственности за него являются объектом правового регулирования, в том числе международно-правового. Российская Федерация не может себя чувствовать защищенной от угроз и проявлений сетевых и сетецентрических войн. Мы живем во взаимозависимом и взаимосвязанном мире, в котором мировые тренды военных и гражданских технологий оказывают заметное влияние на государства.

Список цитируемых источников

Гарт 2017 – *Гарт Б. Л.* Стратегия непрямых действий. М. : АСТ, 2017. 512 с.

Кастельс 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 564 с.

Савин 2011 – *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. 130 с.

Савин 2013 – *Савин Л. В.* Бесконтактные и сетевые войны // Кислород. 2013. URL: http://o2journal.ru/politika/p-stati/121-beskontaktnye-i-setevye-vojny.html (дата обращения: 15.02.2021).

Савин 2014 – *Савин Л. В.* Сетевые угрозы национальной и международной безопасности: стратегия, тактика, гибридные акторы и технологии // Экологические стратегии. 2014. № 2. С. 82–89.

Савин 2015 – *Савин Л. В.* Сетецентричные войны – от концепции к спецоперациям // Геополитика. 2015. № 4.

Савин 2016 – *Савин Л. В.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. М. [и др.] : Питер, 2016. 349 с.

Савин 2017 – *Савин Л. В.* Коучинг война. М. : Евразийское движение, 2017. 242 с.

Arquilla, Ronfeldt 1996 – *Arquilla J., Ronfeldt D. F.* The advent of netwar. Santa Monica : RAND, 1996. 127 p.

Arquilla, Ronfeldt 1997 – *Arquilla J., Ronfeldt D. F.* In Athena's camp: preparing for conflict in the information age. Santa Monica : RAND, 1997. 525 p.

Arquilla, Ronfeldt 1999 – *Arquilla J., Ronfeldt D. F.* The emergence of noopolitik: toward an American information strategy. Santa Monica : RAND, 1999. 102 p.

Arquilla, Ronfeldt 2001 – *Arquilla J., Ronfeldt D. F.* Networks and netwars: future of terror, crime and militancy. Santa Monica : RAND, 2001. 380 p.

Cebrowski, Garstka 1998 – *Cebrowski A. K., Garstka J. J.* Network-centric warfare: its origin and future // Proceedings Magazine. 1998. № 1. P. 28–35.

Бжезинский 1999 – *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М. : Междунар. отношения, 1999. 256 с.

References

Arquilla, J. and Ronfeldt, D. F. (1996), *The advent of netwar,* RAND, Santa Monica, USA, CA.

Arquilla, J. and Ronfeldt, D. F. (1997), *In Athena's camp: preparing for conflict in the information age,* RAND, Santa Monica, USA, CA.

Arquilla, J. and Ronfeldt, D. F. (1999), *The emergence of noopolitik: toward an American information strategy,* RAND, Santa Monica, USA, CA.

Arquilla, J. and Ronfeldt, D. F. (2001), *Networks and netwars: future of terror, crime and militancy,* RAND, Santa Monica, USA, CA.

Bzhezinsky, Z. (1999), *Velikaya shakhmatnaya doska* [The great chessboard], Mezhdunarodny'e otnosheniya, Moscow, Russia.

Cebrowski, A. K. and Garstka, J. J. (1998), "Network-centric warfare: its origin and future", *Proceedings Magazine,* no. 1, pp. 28–35.

Gart, B. L. (2017), *Strategiya nepryamy'kh deistvii* [Indirect action strategy], AST, Moscow, Russia.

Kastel's, M. (2016), *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication], Izdatel'skii dom Vy'sshei shkoly' ekonomiki, Moscow, Russia.

Savin, L. V. (2011), *Setetsentrichnaya i setevaya voina. Vvedenie v kontseptsiyu* [Network-centric and network warfare. Introduction to the concept], Evraziiskoe dvizhenie, Moscow, Russia.

Savin, L. V. (2013), "Contactless and network wars", *Kislorod,* available at: http://o2journal.ru/politika/p-stati/121-beskontaktnye-i-setevye-vojny.html (Accessed 15 Febr. 2021).

Savin, L. V. (2014), "Network threats to national and international security: strategy, tactics, hybrid actors and technologies", *Ekologicheskie strategii,* no. 2, pp. 82–89.

Savin, L. V. (2015), "Network-centric wars-from concept to special operations", *Geopolitika*, no. 4.

Savin, L. V. (2016), *Novy'e sposoby' vedeniya voiny': kak Amerika stroit imperiyu* [New ways of waging war: how America builds an empire], Piter, Moscow et al., Russia.

Savin, L. V. (2017), *Kouching voina* [Coaching war], Evraziiskoe dvizhenie, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Новиков Сергей Степанович,
доктор исторических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; novikov-sergey@bk.ru

Новиков Дмитрий Сергеевич,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; diman.rg42@yandex.ru

Information about the authors

Novikov Sergei S.,
doctor of history, associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; novikov-sergey@bk.ru

Novikov Dmitry S.,
PhD (law), St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, St. Petersburg, Russian Federation; diman.rg42@yandex.ru

Для цитирования

Новиков С. С., Новиков Д. С. Сетевые и сетецентрические войны: понятие и перспективы (политико-правовой аспект) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 194–198.

For citation

Novikov, S. S. and Novikov, D. S. (2021), "Network and network-centric wars: concept and prospects (political and legal aspect)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(58), pp. 194–198.

Краткие правила опубликования статей

Журнал **«Вестник Владимирского юридического института»** включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основ ной текст; список цитируемых источников (подробные правила оформления статей см. на сайте: http:// www.vui.fsin.gov.ru/periodicheskie-izdaniya/vestnik-instituta/).

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и список цитируемых источников должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал), которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

<table>
<tr><td>Получатель (ОКТМО 17701001)
ИНН 3329012372 КПП 332901001
УФК по Владимирской области
(ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)</td><td>Сч. №</td><td>40101810800000010002</td></tr>
<tr><td>Банк получателя
Отделение Владимир</td><td>БИК</td><td>041708001</td></tr>
<tr><td colspan="3">Назначение платежа (КБК):
32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник</td></tr>
</table>

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется (п. 1), подписывается автором публикации
и высылается в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО_____, паспорт ___ ___ _____

выдан _____
(кем, когда)

должность

_____

ученая степень, ученое звание _____

почтовый адрес _____

тел. _____, e-mail _____

2. Дубин Олег Борисович. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.
(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».
(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты.
(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Занесение и хранение персональных данных автора публикации в ПК, их размещение на интернет-сайте института, в Российском индексе научного цитирования и тиражирование.
(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Настоящее согласие действует со дня его подписания до дня отзыва в письменной форме.
(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных осуществляется путем письменного уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати (дата выхода из печати указывается на 4-й полосе обложки журнала).
(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____/_____/ «____» _____ 20____г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____/ *Дубин О.Б.* / «____»_____20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».